

ВЫПУСК **КОНАН**™

КОНАН, ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ

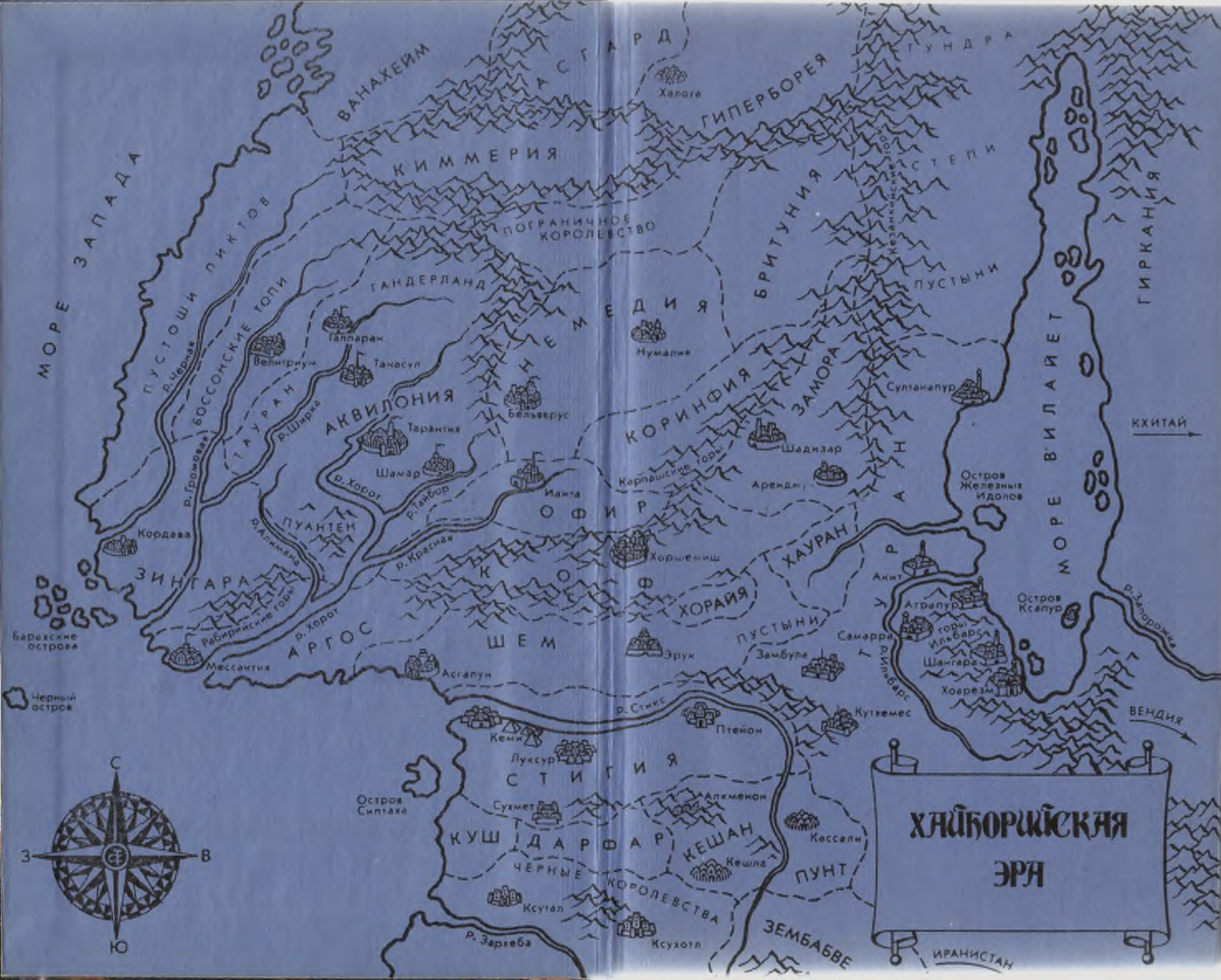

25

ЮБИЛЕЙНЫЙ
ТОМ

Северо-Запад®

КОНАН,
ВАРВАР
ИЗ КИММЕРИИ

Санкт-Петербург

"ТРОЛЬ"

1996

Конан, варвар из Киммерии: Повести и рассказы. —
СПб., «Тролль», 1996 — 448 с.

ISBN 5-87365-034-9

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части в
любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки
нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке

© К.Стайл, 1996
© А.Алексеев, 1996
© Н.Баулина, 1996
© Т.Старшинова, 1996
© В.Карчевский, 1996
© А.Федоренко, графика, 1996
© «Тролль», составление и подготовка текста
© «Северо-Запад», серийное оформление
обложки и форзада

Дорогие друзья!

Вы держите в руках юбилейный, двадцать пятый том «Саги
о Конане». Первые книги этой серии вышли в начале 1993
года. И вот уже больше трех лет отважный северянин с вами!

Половина пути пройдена и, судя по вашим многочисленным
письмам, пройдена достойно.

Вы не перестаете сопереживать славным деяниям Великого
Киммерийца — а значит приключения Конана по-прежнему не
оставляют вас равнодушными!

Наша редакция приложит все усилия, чтобы не снижать
планку: мы обещали вам поведать о жизни непобедимого вар-
вара «от колыбели до могилы» и выполним свое обещание! Вы
прочтете все романы, написанные когда-либо о жизни повели-
теля Аквилонии, и не только те, что уже опубликованы за ру-
бежом, но и те, что еще только будут написаны! Так что «Сага
о Конане» закончится не раньше, чем когда последний автор
напишет последнюю страницу о жизни киммерийца и летопись
будет завершена...

Но вряд ли это когда-нибудь произойдет!

Книги о Конане выходят на Западе уже более полувека, и
читательский интерес к ним не ослабевает. Мы надеемся, что
и в нашей стране почитатели Конана не отстанут от своих
единомышленников в Норвегии и Японии, США и Великобрита-
нии, Польше и Венесуэле.

Читатели часто сетуют, что не могут достать того или ино-
го тома «Саги»! Идя навстречу вашим пожеланиям, мы, наряду
с «большой серией», начинаем выпускать «малую серию» —
книги в мягких обложках (pocket-books) в том же оформлении,
что и их «старшие братья», где переиздадим наиболее редкие
произведения о киммерийце.

Кроме того, мы продолжим публиковать справочные мате-
риалы «конанианы». Причем постараемся снабдить их иллюст-
рациями, сделать еще более увлекательными и наглядными.

В настоящий том, помимо рассказов о Конане, мы включи-
ли «Пиктский цикл» Роберта Говарда, примыкающий к хайбо-
рийским летописям, а также стихи создателя Конана, которые,
как нам представляется, демонстрируют неожиданную грань
неординарной натуры «отца героической фэнтези».

Завершает том небольшое эссе Гленна Лорда, усилиям кото-
рого читатели всего мира обязаны знакомством с основной
частью творческого наследия Роберта Говарда.

Желаем вам приятного чтения!

Коллектив редакции

«САГА О КОНАНЕ»

вышли следующие тома:

1. Конан и четыре стихии.
2. Конан и боги тьмы.
3. Конан и меч колдуна.
4. Конан бросает вызов.
5. Конан и повелители пещер.
6. Конан и песня снегов.
7. Конан и Небесная Секира.
8. Конан на Дороге Королей.
9. Конан принимает бой.
10. Конан и карусель богов.
11. Конан и дар Митры.
12. Конан и Ночные Клинки.
13. Конан и грот Дайомы.
14. Конан и Зеркало Грядущего.
15. Конан и Время Жалящих Стрел.
16. Конан и бич Нергала.
19. Конан и город плененных душ.
20. Конан и Источник Судеб.
21. Конан и Сердце Аримана.
22. Конан и Багровое Око.
23. Конан и призраки прошлого.
24. Конан и воинство мрака.
25. Конан, варвар из Киммерии.

Готовятся к изданию:

26. Конан и Рыжий Ястреб.
27. Конана и месть Бела.

Скоро выйдут заключительные тома
тетралогии
«Скрижаль изгоев»:

17. Конан и псы войны.
18. Конан и талисман зла.

ДОЧЬ КУЗНЕЦА

1

Н а северо-западе суровой северной страны Киммерии неприступной громадой возвышалась гора Бен Морг, которую киммерийцы называли также Горой Крома, ибо веровали, что их грозный бог-воин обитает на ее вершине. Место это было для них священным, и поэтому возле самого подножия Бен Морга издавна хоронили прославленных вождей многочисленных варварских племен. Киммерийцы, потомки великих атлантов, были варварами, не имели письменности, и никто из них уже не помнил своих корней: тысячелетняя история их народа, хранимая лишь в памяти старейшин, передаваясь из уст в уста, превратилась в свод красивых и благородных легенд.

Одна из таких легенд гласила, что Стоячий Камень, возведенный в самой середине Поля Вождей, появился тут в несказанно далекие времена, когда Имир, Ледяной Гигант, бог извечных врагов киммерийцев — ваниров, попытался поработить Киммерию. Суровый Кром, который редко заботился о своих воинственных детях, тогда расшвырнул, оторвал от горы кусок черной скалы и швырнул в Имира. Скала глубоко вонзилась в землю и осталась там навсегда. С тех самых давних пор киммерийцы приходили к этому святилищу, чтобы приносить жертвы своему гневному богу.

Вот и ныне возле Стоячего Камня собрались лучшие воины племени канахов, чтобы напоить Крома горячей

кровью огромного белого козла с длинными витыми рогами. Вождь племени, Канах Канах, занес над животным остро отточенный нож и, обратив взор на вершину Бен Морга, воскликнул:

— Великий Кром! Прими нашу жертву! С этим сердцем мы отдаем тебе наши сердца! Этой кровью мы посвящаем тебе нашу кровь!

С этими словами он одним ударом рассек грудь козла, вырвал из его груди сердце и бросил его к подножию обломка черной скалы. Камень покрылся множеством красных брызг, а дымящаяся кровь, которая густым потоком хлынула из глубокой раны, мгновенно впиталась в землю.

— Жертва принята! — провозгласил вождь, и воздух огласился торжествующими криками могучих воинов племени.

Вечером того же дня в небольшом селении, приютившемся на опушке глухого леса в предгорьях северной Киммерии, гудел грандиозный пир. Да и как было не праздновать, когда храбрые воины не только сумели отбить стремительное нападение ваниров, но и погнали грязных псов до порога их собственного дома, сожгли маленькое приграничное селение и вернулись с богатой добычей! Вернулись все!

Столы вынесли из домов, и каждый хозяин не поскупился на угощение. Жареные на кострах козьи туши, огромные котлы с мясной похлебкой, свежие румяные лепешки, выдержанный мед лесных пчел — от снели ломились столы. Все были пьяны и счастливы. Обычно молчаливые, сегодня крепкие киммерийские мужчины говорили много и охотно, рассказывая женщинам, старикам, детишкам, да и друг другу о славной битве, жар которой еще не остыл в их крови. Могучие кулаки с грохотом опускались на отскобленные добела столы, и деревянные миски с едой и ковши, наполненные хмельным питьем, высоко подпрыгивали под восторженный гул благодарных слушателей.

Среди молодых воинов выделялся один, не сказавший за время пира ни слова. Его, конечно, тоже радовала

победа, и он, как и все, внес в разгром ваниров свою лепту. Об этом говорили и свежие раны на плечах и руках, и помятая вражьи клинками кольчуга, и холодный блеск горевших от общего возбуждения ярко-синих глаз. Но у него была своя причина печалиться.

Когда-то давно, когда он был еще мальчишкой, в схватке с врагом во время такого же набега северных соседей погиб его отец, сильный мужественный воин и прекрасный кузнец, ремесло которого, казалось, благословили и сам великий Кром, и все Светлые Боги. Не было в округе умельца, равного ему. Хороший кузнец — мастер на все руки. Он ведал все тайны ремесла: и руду умел добывать, и как железо из нее извлечь знал, и как закаливать металл, и как сделать из него нож, наконец — для стрелы, топор, гвоздь, а самое главное — настоящий боевой меч. Изготовленные им доспехи, мечи и ножи честно служили воинам-канахам до сих пор. Но ничто не может жить вечно, даже металл, а выковать новое оружие теперь было некому.

Рано погиб кузнец, не успев ничему толком обучить своего единственного сына. Кузнечное дело передавалось только по наследству, вот и жило теперь селение без мастера, а кузница уже многие годы стояла остывшая и заброшенная. Молодой воин часто приходил к ней, и ему казалось, что он слышал голоса предков, мучительно терзавшие его душу. Он все не мог забыть, как совсем еще малым мальчишкой бегал в кузницу, где дружно и весело работали дед, которого до самой смерти не покидала могучая сила, да отец, тогда молодой и жизнерадостный.

В горне ярко горело сильное пламя и светился раскаленный металл. У массивной наковальни, как божественные исполины, стояли дед — мастер — с малым молотом в руках, и отец — подмастерье — с большим молотом. Сначала это удивляло мальчика: ему казалось, что главному мастеру к руке огромная кувалда лучше ладится. Но позже, посмотревшись на кузнецов, он все понял: малый молот, словно играя, пробегал по поковке и показывал, где и как по ней надо ударить, чтобы

получилась задуманная вещь, большой же молот, словно все понимая сам, послушно проходил по следу малого, как бы подчиняясь его воле.

Смотреть, как работают дед и отец, было самым любимым занятием для мальчугана. Высокие, статные, сильные, в длинных кожаных передниках, через высокие лбы — тонкие ремешки, чтобы густые черные волосы не лезли в глаза, руки в кожаных рукавицах легко управляют с тяжелыми молотами, которые, с гулким грохотом опускаясь на наковальню, выбивают множество ярких веселых звездочек — такими запомнил их мальчик на всю жизнь. Именно такие, черные от копоти и окалины, мокрые от пота, но счастливые от собственной радостной усталости, являлись они ему, уже взрослому и прославленному воину, в его беспокойных снах, словно вопрошая, неужто перевелись в их роду умельцы и навсегда умолкла слава мастеров.

— Ниун, дружище, — прервал его тягостные раздумья высокий мужчина средних лет, лицо которого было испещрено шрамами. — Что задумался? Давай выпьем. Если бы ты не снес рыжую башку тому вонючему псу, не сидеть бы мне рядом с тобой. Вот это был удар! — воскликнул он, повернувшись к окружающим. — В жизни не видел такого! А уж я-то, поверьте, пустил немало крови этим отродьям Нергала!

Ниун улыбнулся, явно польщенный словами бывалого воина, и, подняв ковш, сделал большой глоток.

— Так-то лучше, — оживился его собеседник. — Поверь, ты хороший воин, а с годами станешь великим. Тебя ждет слава. И богатство.

— Все мы воины. А вот кузнеца среди нас нет, — снова нахмурился Ниун. — Кто делает нам новое оружие? А щиты? Кольчуги? — Он помолчал и решительно закончил, стукнув кулаком по столу. — Я буду кузнецом, как отец.

— Опять ты за свое! Кто возьмется тебя учить? Во всей округе — ни одного бездетного мастера. Ты хоть знаешь, как руду искать? А работать молотом? То-то. Сам не справишься.

Ниун поморщился, словно у него вдруг заныли все полученные в сегодняшнем бою раны. Горькие слова больно отозвались в его сердце. Все справедливо. Он, конечно, дневал и ночевал в кузнице, но ничего так и не изучил основательно, сам, своими руками, даже кривого гвоздика не выковал. Молодой воин задумался, стараясь вспомнить, что успел узнать от отца.

Руду добывали на обширном болоте, затерянном в дремучих темных лесах. Черная с красными примесями она лежала под корнями чахлах болотных деревьев. Да и не только по виду, но и по весу умел определить руду опытный мастер: взвесив на руке по горсти разной земли, он безошибочно говорил, есть ли в ней железо, ибо земля с металлом была гораздо тяжелее.

Накопав достаточное количество железной земли, ее прожигали на костре, чтобы удалить все лишнее, золу толкли и просеивали, пока не оставался лишь черный порошок, в котором и содержалось железо. Чтобы из порошка выварить металл, строили специальные печи, которые ставили на самой окраине селения, желательно возле реки или ручья. Именно поэтому кузнецы всегда селились особняком — и вода рядом, и грохот не беспокоит соседей, да и огонь, если вдруг что с печью случится, не затронет их дома. Хороший мастер всегда о людях думал.

Печи эти сооружали из камней, соединенных смесью песка и глины. Снизу, чтобы поступал воздух, подводили глиняные трубки, к которым примыкали мехи из выдубленной кожи. Печь загружали отборным древесным углем и порошком из железной руды, добавляли песок и мытую в воде золу. И только потом разжигали огонь, произносили нараспев заклинание и начинали варить — плавить — металл.

Это было великим мастерством, граничившим с магией, и лишь с годами, учась у отцов и дедов, можно было овладеть им, научиться ремеслу так, чтобы руки сами знали, что делают. Поспешишь — получишь хрупкий, жесткий металл, который превратится под молотом в грудку осколков. Чересчур помедлишь — вовсе не выйдет

железа, спечешь порошок в никчемные куски. А главное — в печь нельзя заглянуть, потрогать металл: готов ли? Это тайна великая, и лишь опытному мастеру доступна она.

Помнил Ниун и разговор отца с дедом о закалке поковок, да по малолетству тогда, к сожалению, не все из него понял, а теперь и спросить не у кого. Поковки калили по-разному: в проточной и стоячей воде, в топленом жиру лесных вебрей или даже в их тушах, а иногда и в жиру козьем. Но не то было главным, в чем калить, а то, какие слова при этом наговаривал кузнец. И для каждого дела — свое заклинание: и когда держали железо в огне, и когда вынимали его, и когда калили. А ведь не только сами слова важны. Потропишься, скажешь их слишком быстро — и пропала работа, ломким окажется клинок, пропадет воин с таким никудышним оружием. Но и медлить сверх меры нельзя: растянешь слова — и будет изгибаться меч, как полоса ткани, ни рубить, ни колоть им нельзя...

Кто же согласится обучать всему этому чужака? Нет, только плоти от плоти, крови от крови своей можно доверить такую тайну. И лишь если обидели Боги, не дали сына, мог мастер подыскать себе преемника на стороне. Но и тогда он должен был признать пришлого сыном, взять его в семью. А кому это надо? Кузнецы — народ крепкий, сильный и, как правило, детьми не обиженный. У всех есть сыновья под стать отцам — мускулистые, широкоплечие, статные. Они-то и наследуют дело.

Ниун снова тяжело вздохнул, и это не ускользнуло от его наблюдательного собеседника.

— Оставь, не печалься. Что поделаешь, раз так решили Боги? Видно, не молот тебе суждено держать в руках, а меч. Двадцать пятую зиму вот-вот тебе встречать. Не поздно ли начинать чему-то учиться?

— Не поздно. Откуда тебе знать, что решили Боги? Прадед мой был кузнецом, дед, отец. И я им стану.

— У всех наших соседей есть сыновья. Никто тебя не возьмет.

— Киммерия велика. Даже если мне придется обойти ее всю, я все равно добьюсь своего!

Молодой варвар даже не подозревал, насколько был прав, говоря о том, что его страна велика. Просто ему, не видевшему на своем коротком веку почти ничего, кроме потоков крови, как врагов, так и друзей, да собственного селения с его спокойной и размеренной жизнью, время от времени нарушаемой вражескими набегами, весь мир казался огромным. И прекрасным. В его сильном молодом теле горячим ключом была жизнь, руки не боялись никакой работы, а разум был открыт для новых знаний. Но знал он пока очень и очень мало. Выросший на самом севере Киммерии, он даже толком не видел собственной родины, ибо никогда еще не покидал своих гор.

Большая, красивая, полудикая страна напоминала гигантскую чашу, сотворенную руками Богов. Стенки ее — горы, окружавшие Киммерию со всех сторон, словно заботливые руки, а дно — прекрасная долина, заснеженная долгой зимой и расцветавшая всеми возможными и невозможными красками стремительной весной и коротким, но всегда жарким летом. Правда, Боги, создавая эту страну, поскупились на краски, и большую часть года здесь преобладали цвета серые — величественные каменные глыбы и низкие тяжелые тучи, зеленые — хвойные деревья и бурые — непроходимые топи. И только с приходом тепла словно невидимая рука проводила по всей этой картине мягкой кистью, окуная ее то в киноварь, то в охра, то в индиго.

Зима подходила к концу, и Ниун решил не ждать первых весенних дней, а отправляться в путь прямо на завтра. Идти по снегу, покрытому довольно прочным настом, было гораздо легче, чем по вязкой чавкающей жиже, в которую превращались лесные тропы, когда лето ненадолго вступало в свои права в северной стране.

Молодой варвар привык обходиться малым, и поэтому, едва рассвело, быстро собрал дорожный мешок, положив в него только самое необходимое, взял большой охотничий нож, меч, лук со стрелами, надел штаны и куртку из тщательно выделанного козьего меха, сапоги из толстой, но мягкой кожи и, в последний раз окинув взглядом свой опустевший дом, тронулся в путь.

Ниун шел быстро, не оглядываясь, и старался не думать о покинутом селении. Он уговаривал себя, что его поиски обязательно увенчаются успехом, что рано или поздно он вернется домой настоящим мастером, что снова заиграет огонь в кузнице на берегу ручья, весело зазвенит молот, бьющий по наковальне. Эти мысли придавали ему сил, и узкая тропа в глухом лесу, уводившая его все дальше и дальше от прошлой жизни, казалась ему широкой дорогой, в конце которой путника ждала его заветная мечта.

2

Через два дня пути лес начал редеть, и зоркие глаза киммерийца разглядели вдали низкие крыши домов, стоявших на окраине деревни. Он прибавил шагу, и вскоре чуткие ноздри уловили запах кипящей мясной похлебки — дома были совсем рядом.

Киммерийцев, как тех, кто обитал в горах, так и жителей равнины, трудно было назвать гостеприимными. Суровая жизнь приучила их встречать чужаков настороженно, но к своим соплеменникам они относились с неким подобием дружелюбия, и поэтому взгляд женщины, вышедшей на порог ближайшего дома, хоть и был пронзительно пристальным, но не выражал враждебности.

— Кто ты? — прямо спросила она. — Что ты здесь ищешь?

— Ниун. Мое селение лежит в двух днях пути к северу. Ищу кузнеца. Где его дом?

Женщина кивнула, видимо, удовлетворенная ответом, и молча указала на противоположный край деревни. Похоже, и здесь люди не отличались разговорчивостью. Ниун поспешил в указанном направлении, и вскоре до его ушей донесся знакомый перестук молотов. Сердце молодого воина учащенно забилося, и он приготовился вести нелегкий разговор с мастером. Однако долго им беседовать не пришлось. Кузнец, высокий и очень крепкий, как и все, кто избрал для себя это ремесло, выйдя на порог, смерил Ниуна изучающим взглядом и сурово спросил:

— Зачем ты пришел? У тебя есть ко мне дело?

Мастер чем-то напомнил Ниуну погибшего отца, и он, неожиданно для себя смутившись, ответил:

— Я Ниун. Моя деревня осталась без кузнеца много лет назад. Я его единственный сын. Отец не успел обучить меня ремеслу, но голос предков повелевает мне найти учителя и продолжить их дело. Вот я и отправился в путь.

Кузнец посмотрел на широкие плечи Ниуна и могучие руки, покрытые шрамами, на выдавшее виды оружие и сказал:

— Ты воин.

— Воинов у нашего племени много, а вот кузнеца нет. Отец погиб слишком рано.

— Я не возьму тебя. У меня трое сыновей, и мое дело находится в надежных руках. Но могу тебе дать совет. Через три дома отсюда живет мастер Отнар. Зайди к нему. Может, вы сумеете с ним договориться.

С этими словами кузнец повернулся к Ниуну спиной и, пригнув голову, чтобы не удариться о притолоку, вошел в кузницу. Посчитав разговор оконченным, он спешил вернуться к работе.

Слова кузнеца удивили Ниуна. Мастер Отнар? У них в деревне два кузнеца? Но почему тогда второй живет в самой середине селения? Или он уже стар, не имеет ни сыновей, ни учеников, и поэтому его кузница остыла? Впрочем, что толку задавать вопросы самому себе. Надо найти Отнара и все узнать у него.

Дом мастера Отнара он нашел быстро. Тот был явно выше и просторнее соседских, вокруг располагались еще какие-то постройки, но они не имели никакого отношения к кузнице, и Ниун решил немного понаблюдать со стороны, прежде чем начать разговор с мастером. Вскоре из дома вышел пожилой мужчина маленького роста, щуплый и чуть сутулый, невзрачный. Единственное, что в его лице бросалось в глаза, — это тяжелая, заметно выступавшая вперед челюсть. Взглянув на нее, Ниун понял, что Отнар принадлежит к племени мурыхов. Не зря его соплеменники посмеивались: «Хорошие женщины у мурыхов и на охоте

полезные — любого зверя своей челюстью напугают». Узкие плечи и тонкие руки старика никак не подходили кузнецу, даже бывшему. Отнар и не был кузнецом, но мастером его называли не зря. Он выделывал меха, и во всей округе в этом ремесле не знал себе равных.

Маленький человечек подошел к бревенчатому настилу, внимательным взглядом окинул груды лежавших на нем свежесделанных шкур, взял одну из них и осторожно запустил узловатые пальцы в густой мех, чтобы проверить, достаточно ли он мягок и плотен, затем встряхнул так, что ворс пошел волнами, и подул, пристально всматриваясь в подшерсток. Похоже, такой осмотр не удовлетворил его, и он, поднеся шкурку ко рту, прикусил мездру зубами: опытный мастер мог легко определить плотность меха и качество выделки по вкусу. Затем он понюхал мех и, кажется, остался доволен: ни малейшего запаха тления, а значит, мездра очищена хорошо, и шкурка послужит долго.

Умение выделывать мех, как и многие другие ремесла, передавалось в Киммерии от отца к сыну. Но, видимо, Отнар разгневал великого Крома, и жена мастера несколько лет подряд исправно рожала дочерей. А теперь ей уже поздно думать о новых детях, и, похоже, скоро селение останется без умелого меховщика, а его жителям придется идти на поклон к соседям, поневоле соглашаясь на вовсе не выгодный для себя обмен: хорошая шкура стоила дорого. Конечно, у Отнара были ученики — дети из многодетных соседских семейств, но он доверял им лишь отдельные операции, а обучить главным заклинаниям и всему делу в целом ему было некогда.

Помрачнев от тяжелых дум, стареющий мастер отправился проверить, как работают подмастерья. Проходя мимо длинных деревянных корыт, где в дождевой воде с солью отмачивали свежеснятые шкуры, Отнар ненадолго задержался, чтобы потрепать по щеке одного из подмастерьев и погладить по голове другого. Работа здесь была очень тяжелой, соль разъедала кожу, и мастер искренне жалел мальчишек. «Надо менять их местами с мезд-

ровщиками, хоть ненадолго, а то совсем без рук останутся», — подумал он и двинулся дальше.

В довольно просторном помещении стояли узкие деревянные скамьи с укрепленными на них скобами. Верхом на скамьях сидели мездровщики и медленными осторожными движениями водили по скобам шкурками, сдирая с них жир и не срезанные кусочки мяса и сухожилий. Эта работа требовала пристального внимания. Шкурку обязательно надо было брать левой рукой за середину, а правой — за заднюю лапу, чтобы мездрить ее против ворса. Если подмастерье ошибался, шкурка оказывалась безнадежно испорченной. Посмотрев, как работают мальчишки, и пробормотав только ему ведомое заклинание, помогавшее в работе, Отнар поспешил в противоположный конец помещения, где в глубоких почти квадратных корытах квасили очищенные подмастерьями меха.

Для закваски требовалась особая смесь, и мастер никому не открывал ее секрета. Отнар опустил руку в корыто, достал пригоршню закваски, лизнул ее и выплеснул обратно. «Светлые Боги, — мысленно взмолился он, — пошлите мне сына! Маленького, розовощекого, или взрослого, сильного. Пусть не кровного! Я назову его сыном и передам ему дело всей моей жизни!»

Выйдя на улицу, мастер огляделся по сторонам и собрался было пойти домой, как заметил смотревшего в его сторону молодого красавца-воина. «Кром великий! Митра всемогущий! Неужто вы наконец-то откликнулись на мои мольбы?» — мелькнуло в голове у изумленного меховщика, и он, дрожа от волнения, поспешил навстречу гостю.

— Откуда ты, сын мой? — вскричал Отнар. — Ты пришел ко мне? Входи скорее в мой дом!

Ниун удивился такому радушному приему, но вида не подал и ступил на порог.

— Жена! — возбужденно крикнул меховщик. — Собирай на стол! У нас гости! — Затем, повернувшись к молодому человеку, сказал: — Присаживайся. Расскажи мне о себе.

— Я Ниун. Пришел с севера. Хотел, чтобы кузнец взял меня в ученики, а он послал меня к тебе.

— И правильно сделал! — воскликнул Отнар, вскакивая со скамьи. — У него трое сыновей, все красавцы и силачи, один к одному. А у меня, — тут мастер тяжело вздохнул, и глаза его подернулись печалью, — у меня пять дочерей... Кому я передам дело?

— Мне? — Только сейчас Ниун сообразил, почему хозяин так приветливо встретил его.

— Конечно же! Я назову тебя сыном и обучу всему, что знаю сам. Это дело прибыльное, хозяйство у меня крепкое, ты не будешь знать нужды.

— Но я вовсе не собирался становиться меховщиком. Мои предки были кузнецами, и я хочу продолжить их дело. Они постоянно зывают ко мне!

— погоди, не спеши с решением. Поживи у меня, осмотришься, подумай. — Отнар на мгновение замолчал и вдруг встревоженно улыбнулся. — У тебя есть семья? Жена, дети?

— Нет, я один.

Старик облегченно вздохнул.

— Я покажу тебе своих дочерей. Поверь, ты нигде не найдешь более милых, добрых и работающих девушек. Хотя я и богат, но никогда не баловал их сверх меры. Они прекрасно умеют вести хозяйство, прясть нитки из шерсти, ткать полотно, готовить, шить... Из любой из них получится прекрасная жена.

Не дав гостю опомниться, Отнар громко позвал:

— Девочки! Пойдите сюда! Познакомьтесь с нашим гостем!

В комнату, робко потупив глаза, медленно вступили одна за другой пять миловидных девушек, очень похожих друг на друга. Видимо, их мать принадлежала к другому племени, и, по счастью, дочери не унаследовали черты отца. На розовых пухлых щечках играли веселые ямочки, губы, яркие и влажные, манили и обещали сладкие поцелуи, руки, трепетно перебиравшие грубую ткань юбок, подрагивали, не то от волнения, не то от врожденной ипривости, что мешала им долго стоять на месте.

— Дочери твои прекрасны, но... — начал было гость, однако хозяин перебил его.

— Я уже говорил: не торопись с решением. Поживи у меня. Ты шел долго, устал, наверное, в дороге. Вот и отдохни.

Киммерийский обычай позволял по-разному выбирать себе жену. Можно было просто заплатить выкуп отцу приглянувшейся девушки, можно было отработать за нее какой-то срок, который назначал отец прелестницы, можно было выкрасть невесту, причем ее согласие ничего не значило, а можно было и провести с ней ночь под кровлей ее собственного дома, и тогда долг чести обязывал назвать ее прилюдно своей женой.

Старый меховщик надеялся, что горячая кровь гостя взпырает, и кто-нибудь из его очаровательных дочерей разделит с ним ложе, и тогда северянин войдет в его семью на законных основаниях, и дело не пропадет, переданное в родные руки. Это, конечно, нельзя было назвать честным по отношению к молодому воину, но Отнар уже и не надеялся вымолить милости у Богов, и его можно было и понять, и простить.

Ниун не догадывался, какие мысли бродят в голове у радушного хозяина и, зная, что наутро все равно продолжит свои трудные поиски, согласился остаться в доме меховщика на ночь, проклиная себя за уступчивость.

Гостя устроили в отдельной комнате, приготовив ему пышное ложе, устланное самыми лучшими шкурами, какие только нашлись в доме, а уж Отнар знал в этом толк. Ниун и правда устал, и лишь стоило ему коснуться щекой мягкого, шелковистого меха, как он провалился в пустоту. Сон его оказался крепким и не принес столь долго мучивших Ниуна сновидений.

Тихий шорох разбудил молодого воина, и он, резко поднявшись, сел на своем великолепном ложе. В окно светила полная луна, освещавшая комнату достаточно ярко, чтобы разглядеть, что на пороге стоит одна из дочерей хозяина, едва прикрытая полосой какой-то тонкой ткани. Чудесные черные волосы, распущенные по

округлым плечам, источали тонкий, едва уловимый аромат.

— Зачем ты пришла? — изумленным шепотом спросил Ниун.

— Ты пленил меня, воин. Я полюбила тебя с первого взгляда, — ответила девушка, смущенно опустив ресницы. — Можно я поговорю с тобой? Только поговорю и уйду. — В ее дрожавшем голосе было столько мольбы, что Ниун не мог ответить ей отказом.

— Присаживайся... Но что скажет твой отец, если застанет тебя в комнате у мужчины?

— Все так крепко спят, что никто ни о чем даже не догадается.

Юная прелестница кривила душой: она прекрасно знала, что отец, затаив дыхание, стоит за дверью и ждет удобного момента, чтобы войти и благословить молодых на долгую совместную жизнь.

— Ты так хорош, воин, — сказала девушка, садясь на край ложа. — Ты, наверное, видел так много... Расскажи мне о себе.

Ниун начал рассказывать о своем северном крае, о том, как любил и почитал отца, как горько оплакивал его раннюю гибель, как поклялся отомстить ненавистным рыжим псам за смерть отца, как верно выполнял свою клятву, обильно проливая кровь врагов, но в середине рассказа вдруг осекся и замолчал, почувствовав, что восторженная слушательница прижимается к нему все сильнее и сильнее, что ее нежная белая рука касается его плеча, груди, живота, скользит ниже... Язык северянина прилип к гортани, кровь ударила в голову, он готов уже был прижать к себе теплую и податливую ночную гостью, как неожиданно скрипнула половица, и он понял, что за дверью кто-то стоит. Возбуждение, охватившее его, мгновенно схлынуло, и Ниун оттолкнул от себя соблазнительницу.

— Нет! — вскричал он. — Я человек чести, а жениться на тебе вовсе не собираюсь. Уходи. Девушке не место на ложе мужчины.

Дочь меховщика всхлипнула, вскочила на ноги и бегом

бросилась из комнаты. Ниун вдруг понял, какую ловушку приготовил для него хитрый Отнар, и, не дожидаясь утра, оделся, взял свой дорожный мешок и решительным шагом ступил за порог дома, где чуть не попался в ловко расставленные сети.

3

До рассвета было еще далеко, но Ниун спешил покинуть селение, где его пытались так коварно обмануть. На чистом небе ярко светила полная луна, и ее света вполне хватало опытному воину и охотнику, чтобы не сбиться с дороги. Он решительно ступил в густой лес, постоял немного, прислушиваясь к ночным шорохам и, не уловив никакой опасности, зашагал по направлению к югу.

Весна в этом году не спешила в Киммерию, и под ногами путника тихо похрустывал наст. Снег уже начал подтаивать днем под лучами теплого солнца, но ночью, когда становилось заметно холоднее, снова подмерзал, покрываясь тонкой, непрочной корочкой. Идти было легко, и постепенно злость и досада, выгнавшие Ниуна из теплого дома, начали утихать. Он криво усмехнулся, вспомнив, как неожиданно скрипнула половица, и вдруг расхохотался, представив маленького сутулого меховщика, который, отвесив тяжелую челюсть, подслушивал под дверью в надежде, что неожиданный гость наутро станет долгожданным родственником. Отсмеявшись, киммериец покачал головой и дал себе слово впредь быть осторожнее с очаровательными девушками, которые без стеснения заходят ночью в комнату к молодому мужчине. Так недолго и свободу потерять!

Нет, Ниун вовсе не собирался прожить всю жизнь бобылем, но, помня, какими нежными взглядами порой обменивались его родители, мечтал встретить такую женщину, которая заставит гулко забиться его горячее сердце. Он искренне верил, что, когда увидит ее, внутренний голос подскажет ему: *Она!* За свою еще не очень долгую жизнь варвар видел разных девушек: и милых простушек,

и замечательных красавиц, и тихих, безропотных, и гордых, своенравных. Все они были по-своему хороши, но ни одна не пробудила его внутренний голос, на который он так полагался. Однако Ниун не отчаивался, он был уверен, что его единственная где-то совсем недалеко, и рано или поздно их встреча состоится. У них будет дружная семья и обязательно много ребятишек — и сыновей, и дочек. Он обучит своих мальчиков всем тайнам дедовского ремесла, ибо сам непременно станет замечательным, знаменитым на всю округу кузнецом. Дочери будут помогать его жене хлопотать по хозяйству, готовить еду, шить одежду, прясть козью шерсть, ткать из нее полотно...

Ниун так размышлял, что даже не заметил, что ночь тихо подошла к концу и солнце поднялось над лесом, возвестив о начале нового дня. Киммериец замер, внимательно посмотрел по сторонам и прислушался. Совсем недалеко впереди висела узкая полоска тумана, которую колыхал прохладный утренний ветерок, а до ушей путника донесся еле уловимый плеск воды. Где-то там, куда он направлялся, была река, а возле нее, вполне возможно, расположилось какое-нибудь поселение. Прибавив шагу, он очутился на берегу неширокой, но очень быстрой лесной речки, совсем свободной ото льда. В пределах видимости не было ни одного дома, и путник решительно двинулся вдоль воды, не сомневаясь, что уже к вечеру ему посчастливится встретить людей. Ожидания не обманули его, и после короткого привала, во время которого Ниун слегка утолил голод подсохшей лепешкой и куском вяленого мяса (как жаль, что он не взял у меховщика никакой еды!), он довольно скоро увидел крыши деревянных домов и дым, поднимающийся над ними.

На окраине деревни, возле самой воды, на большой дубовой колоде сидел уже немолодой, но еще вполне крепкий мужчина и сосредоточенно долбил ее заточенным железным брусом. Увидев путника, мужчина оторвался от своего занятия и приветливо улыбнулся:

— Откуда ты? Как тебя зовут?

— Ниун. Иду с севера. Хочу отыскать кузнеца, который согласился бы взять меня в ученики.

— Что ты, что ты! — замахал руками его собеседник. — У нашего кузнеца шесть сыновей. Его младшие, они примерно твоего возраста, даже подумывают, не подыскать ли им другое занятие. А может, ты пойдешь в ученики ко мне?

— Чем ты занимаешься?

— Я делаю лодки, — ответил мастер. — Меня зовут Вокнан. Сам понимаешь, живя возле реки, без лодок не обойтись. Да только вот семьи у меня нет. Жена уж две зимы как отправилась на Серые Равнины. Был сын, но уж не припомню когда погиб на охоте. Медведи у нас тут огромные, злобные... — Вокнан задумался, взгрустнув о своих родных, но быстро взял себя в руки и снова улыбнулся гостю: — Да что ж мы стоим тут? Заходи ко мне в дом. А то я все один и один, поговорить даже не с кем. Соседи, правда, заглядывают, но с новым человеком побеседовать куда интереснее. Заодно и хозяйство мое посмотришь. Может, надумаешь остаться.

Успокоенный тем, что у Вокнана нет семьи, а значит, никакие соблазнительные ручки не будут посягать на его свободу, Ниун кивнул и отправился вслед за мастером. С первого взгляда становилось ясно, что старик и правда уже давно один. Его дом одновременно служил ему и жильем, и мастерской. В углу просторной комнаты стояло широкое ложе, возле него — стол с накрытой деревянной миской, — видимо, еда, — и короткая широкая лавка. Все остальное пространство занимали инструменты. Здесь были и топоры, и широкие ножи с тупыми концами, и такие же бруски, как тот, которым Вокнан работал на берегу, и тяжелые деревянные молотки. Посредине стоял большой точильный камень, а возле него лежало несколько точильных брусков.

— Лодку, справную лодку, сделать совсем непросто, — пояснил Вокнан гостю. — Надо отыскать хорошее дерево, крепкое и ровное, и обязательно попросить Духов Леса, чтобы они разрешили его взять, а то лодка быстро сгниет. Но это только начало. Поваленное дерево должно высохнуть. Сохнет оно долго, и я в это время вырезаю для будущей лодки весла. На это обычно уходит зима. Весной

я начинаю обрабатывать колоду. Сначала нужно придать ей подходящую форму. Это дело непростое и требует много времени. Хорошо, если успею до холодов. А если нет, придется снова ждать тепла. И тогда начинается самое главное и самое трудное — наступает пора долбить колоду, чтобы из нее получилась настоящая лодка, легкая, прочная, с тонкими бортами. Приходится снимать дерево очень маленькими кусочками или тоненькими слоями, чтобы не повредить, не испортить дерево. А когда все сделано, предстоит еще обратиться к Духам Воды, чтобы они позволили лодке плавать. Не договоришься с ними — считай, зря трудился...

Мастер, казалось, мог говорить о своем ремесле дни и ночи напролет. Гость вежливо слушал его, но взгляд Ниуна рассеянно блуждал по бревенчатым стенам, по законченному потолку, все чаще останавливаясь на закрытой миске. Он устал и уже хотел есть, а хозяин, забыв обо всем на свете, все говорил и говорил, рассказывая, как любит ходить по лесу в поисках подходящего дерева, почему не всякая древесина годится для его дела, как надо затачивать долото (вот как, оказывается, назывался тот брусок в его руках), как правильно выпрезать молоток, необходимый для работы... Вдруг Вокнан резко замолчал, а затем, ударив себя ладонью по лбу, воскликнул:

— Совсем я заболтался! Да ты садись, вон лавка. Я сейчас покормлю тебя. Я недавно закончил лодку, и мне принесли и мяса, и рыбы, а соседка испекла свежих лепешек. Замечательно они у нее получаются. Перекусим, а ты мне расскажешь о себе.

Ниун кивнул, обрадованный, бросил на пол свой дорожный мешок, который, пока хозяин разглагольствовал, держал в руках, и тяжело опустился на деревянную скамью. Хозяин не обманул, и вскоре на столе появилась всевозможная снедь. Ниун, с удовольствием пережевывая свежайшую рыбу, запеченную на углях, поведал Вокнану свою историю. Тот сочувственно кивал, не перебивая, а когда гость замолчал, спросил:

— Может, все-таки останешься у меня? Мое ремесло ничуть не хуже кузнечного дела.

— Не хуже. Но зов предков не заглушишь просто так, потому что он надоел. Им нельзя отказывать. Я не могу прекратить свои поиски.

— Жаль. Очень жаль. Не буду тебя уговаривать. Но поживи у меня хотя бы пару дней. Тебе отдых, а мне радость.

Киммерийцу было жаль этого замечательного старика, и он согласился побыть немного в доме лодочника.

К вечеру того же дня, прослышав о чужаке, остановившемся у Вокнана, к старому мастеру зашли двое младших сыновей местного кузнеца. Увидев их, Ниун решил, что зрение изменило ему, настолько эти статные, мускулистые юноши походили друг на друга: одинаковый рост, одной ширины могучие плечи, черные волосы, ослепительно голубые глаза. Высокие лбы и длинные носы братьев говорили о том, что в их жилах текла кровь туногов и райдов. Эти племена всегда жили по соседству, и мужчины райдов нередко заглядывались на женщин туногов. Даже голоса поздних гостей были похожими. И имена.

— Рулан и Релан.

Лодочник был неправ, утверждая, что они одного возраста с Ниуном. Юноши пережили вряд ли более восемнадцати зим и совсем немного успели повидать на своем веку. Они очень боялись показаться северянину желторотыми юнцами, и потому, пока он рассказывал всякие истории о жизни своей деревни, о битвах с ванирами и охоте на диких зверей, оба сурово хмурили брови, с важным видом кивали и изредка вставляли короткие замечания, казавшиеся им многозначительными. Несмотря на все их старания Ниун время от времени поглядывал на них с отеческой снисходительностью. Услышав, что он скоро отправится дальше, на поиски кузнеца, который возьмет его в учение, юноши попросились с ним. Ниун задумался, а потом осторожно, не желая обидеть юношей, сказал:

— Я не знаю, что меня ждет в пути. Будет он легким

или опасным — то ведомо лишь Богам. Как я могу брать попутчиков, если едва знаком с ними?

— Испытай нас! — вскричал Рулан и сам устыдился своей горячности.

— Как?

— В наших лесах, совсем неподалеку, за рекой обитает свирепый медведь. От его клыков погибли уже несколько человек, — пояснил Релан. — Ты опытный охотник, в нашем селении таких нет. Давай отправимся все вместе к его берлоге. И нас в деле испытаешь, и всем поможешь, если сумеем завалить кровожадную тварь.

— Пожалуй, можно бы попробовать. Но у меня с собой лишь меч да лук со стрелами. А на медведя нужны рогатины и копыя.

— О чем ты говоришь! — тут же отозвался Рулан. — У отца есть рогатины, а наконечники для копий никто не делает лучше него. Он с удовольствием даст нам все необходимое.

На том и порешили. Договорившись, что завтра же и отправятся на охоту, Ниун и братья-близнецы попрощались. Рулан и Релан пошли разговаривать с отцом, а варвар начал устраиваться на ночлег.

Утро выдалось ясным и слегка морозным, но холодный воздух не обжигал легкие, а лишь приятно бодрил охотников. Они быстро переправились на другой берег на прекрасной легкой лодке, которой было очень просто управлять, и вступили в глухой лес, заваленный буреломом. Старые толстые, уже подгнившие стволы густо переплетались с тонкими, хрупкими, совсем сухими ветками более молодых деревьев и кустарника. Порой завалы были столь велики, как будто Лесные Духи сложили здесь для себя поленницу. Однако бурелом оказался вполне преодолим, и вскоре охотники вышли на узкую тропку, вылящую между поваленными деревьями. Когда-то сильный ветер выдернул их из земли вместе с корнями, и они подняли огромные пласты земли, словно выстроили высокую бугристую стену. На первый взгляд стена выглядела сплошной, но когда Ниун проследил за рукой Ру-

лана, то увидел, что в одном месте земля осыпалась и образовала довольно обширный пролом.

Пробравшись через этот лаз, Ниун увидел высокий сугроб, а на нем — темное пятно, пожелтевшее от смрадного дыхания зверя.

— Надо его спутнуть, — шепотом пояснил он братьям.

Оба согласно кивнули, а затем Релан предложил:

— Мы встанем здесь, а ты зайди с другой стороны и постарайся проткнуть сугроб копьём. Медведь выскочит прямо на нас, тут-то мы с ним и разделаемся.

— Справитесь? — с сомнением посмотрел на юношей Ниун.

— Если нет, то на что мы вообще годимся? — резонно ответил Релан.

Братья о чем-то посоветовались между собой и приготовили рогатину, чтобы достойно встретить хищника: «рога» — к сугробу, а противоположный конец — поглубже в снег. Рулан держал рогатину, чтобы она не опрокинулась в самый неподходящий момент, а Релан взял тяжелое копыё с длинным и острым металлическим наконечником. Оба замерли.

Ниун обогнул сугроб, примерился и изо всех сил воткнул длинное копыё в рыхлый снег. Ожиданию, казалось, не будет конца, но вот из-под снега донеслось глухое рычание разбуженного зверя, быстро перераставшее в дикий свирепый рев. Сугроб заходил ходуном, и Ниун понял, что ему пора присоединяться к братьям. Кто знает, как поведут себя эти юнцы, оказавшись один на один со злобным голодным медведем?

Вдруг снег начал быстро осыпаться, и прямо над головой варвара показалась оскаленная медвежья морда. С желтых клыков длиной не менее пальца крупными хлопьями падала пена, стекавшая по бледно-розовому языку. Охотник замахнулся, но зверь, испугавшись спросонья, отпрянул.

Неожиданно оттуда, где стояли Рулан и Релан, донесся пронзительный крик. Сжимая в кулаке тяжелое оружие, Ниун ринулся к братьям. Открывшаяся картина ужаснула его: на истоптанном окровавленном снегу выделялась

косматая бурая туша, отчаянно молотившая лапами, а из-под нее торчали ноги Рулана. Побледневший от страха или от ярости — кто разберет? — Релан изо всех сил вонзал в хищника копые, вытаскивал его и снова вознал. Медведь, похоже, не замечал ничего, кроме своей жертвы.

Ниун в два прыжка очутился возле зверя и, повинувшись природному чутью, нанес один-единственный резкий удар. Медведь рванулся назад, и древко копыя с громким треском переломилось. Зверь изумленно посмотрел на обломок и, совсем как человек, ухватился за него лапами. Постояв в оцепенении, он вдруг рухнул навзничь. Ниун бросился к нему, выхватывая на ходу большой охотничий нож, и, подбежав к поверженному медведю, одним быстрым движением перерезал тому глотку. Кровь хлынула на снег, хищник последний раз дернулся и затих.

Релан хлопотал возле брата, вытирая ему лицо пригоршнями чистого снега. Рулан вдруг открыл глаза, слабо улыбнулся и спросил:

— Добили гадину?

— Добили, добили, — успокоил его Ниун. — Лежи спокойно. Сейчас сделаем носилки и доставим тебя домой. Ничего страшного. Скоро встанешь на ноги.

— Так ты возьмешь нас с собой?

— Молчи, тебе надо беречь силы.

— Возьмешь?

— Вот упрямец! Возьму.

Рулан удовлетворенно вздохнул и мгновенно погрузился в глубокий сон.

4

Ниун никогда не нарушал данного слова. Недаром говорили: «Киммериец никогда не сделает то, что ему приказывают, но всегда выполнит то, что обещал». И не его вина, что он не смог выполнить до конца обещание, данное Рулану. Раны юноши оказались, хоть и не опасными для жизни, но все же достаточно серьезными, чтобы тот еще долго не мог покинуть дом. Лекарь, который, по счастью, жил неподалеку, осмотрел его и заявил, что

выздоровление будет долгим и вряд ли Рулан сможет ходить на большие расстояния прежде, чем листва на деревьях сменит цвет с зеленого на желтый и начнет падать на землю.

Так долго Ниун ждать не мог, и поэтому тронулся в путь, взяв с собой лишь одного из братьев, Релана. Идти вдвоем оказалось намного легче и веселее, и за два дня путники продвинулись довольно далеко на юг. Чем дальше они шли, тем сильнее чувствовалось приближение весны. Пару раз Ниун с Реланом попали под сильнейший дождь, который почти смыл остатки снега, еще серевшие под корнями деревьев с развесистыми кронами и в густых низких кустарниках, словно слизнул их длинным влажным языком. На открывшейся черной земле начали пробиваться первые робкие цветы, мхи, умытые живительной влагой, заиграли радостной зеленью, все чаще и чаще слышалось щебетание птиц, которые принялись вить гнезда, почки на лиственных деревьях набухли, и в лесу запахло свежестью и теплом.

Еще один день подошел к концу, и путники, увидев могучий дуб, корни которого высоко поднялись из земли и образовали некое подобие пещеры, решили остановиться тут и заночевать. Разожгли невысокий костер, развязали дорожные мешки и вынули снедь. Припасов оказалось не так уж и много, и Релан, тщательно пережевывая спинку вяленой рыбы, задумчиво проговорил:

— Сейчас бы кусок свежего, слегка обжаренного на костре мяса...

— Почему бы и нет? — живо откликнулся его спутник. — Ты видел неподалеку олений помет? На рассвете можем выследить того, кто его оставил, и поедим вволю, и с собой возьмем.

На том и порешили. Ночная мгла еще не успела полностью рассеяться, как путники были уже на ногах, готовые выйти на охоту. Оба уже имели достаточный опыт, и им не надо было объяснять, что и как делать. Пристально вглядываясь во влажную лесную почву, они довольно быстро обнаружили свежие следы животного, однако Ниун, покачивая головой, сказал:

— Видишь, копыто широкое, тупое. Это самка. Ни один уважающий себя охотник не тронет ее весной. Ей надо растить детей. Но где-то недалеко должен быть и самец. Поищем.

След самца обнаружился скоро, и охотники, затаив дыхание, ступая почти неслышно, двинулись за лесным красавцем.

— Смотри, — шепотом остановил Ниуна Релан. — Ветка сломана. И еще покачивается. Олень был здесь совсем недавно.

Ниун нагнулся, сорвал кусочек совершенно сухого мха, подбросил его в воздух и проследил, куда он полетит. Затем удовлетворенно кивнул:

— Ветер дует в нашу сторону, значит, зверь не может нас учуять. Приготовь стрелы. Он должен быть где-то совсем близко. — Неожиданно впереди раздался громкий треск, который начал быстро удаляться.

— Отродья Нергала! Пьяные псы! — сквозь зубы выругался Ниун и, повернувшись к своему спутнику, пояснил: — Похоже, кто-то еще решил поохотиться на нашего оленя, но только спугнул его. Придется пока забыть о куске свежего мяса.

— Давай пойдем к этому горе-охотнику. Таких олухов надо наказывать, — разгорячился Релан.

— Не спеши. Мы о нем знаем, а он о нас нет. Лучше сначала присмотреться. Может быть, там и не охотник вовсе.

Оба замолчали, прислушиваясь к лесным голосам. Стояла тишина. Даже птицы перестали петь, и это насторожило Ниуна: кто-то их потревожил, и они затаились. Значит, надо быть осторожными.

— Сейчас вернемся к месту нашей стоянки, — сказал он своему спутнику. — Соберем вещи, а потом постараемся выяснить, кто это бродит по лесу, как хозяин. Похоже, селений поблизости нет, и вряд ли это охотники зашли так далеко.

— Ты слишком недоверчив.

— В чужом месте ничего не бывает слишком, а уж осторожность и вовсе никогда не вредит. Не обижайся,

но ты еще молод и, наверное, не знаешь, что такое ванирские набеги.

— Я слышал о них, но к нам эти собаки еще ни разу не попадали.

— Тебе повезло. А мне приходилось с ними сталкиваться. И не раз. Рыжие шакалы лишили меня и отца, и матери.

— Твоя мать тоже погибла?

— Нет, они украли ее, когда я был совсем мальчишкой. Тогда из нашего селения пропали несколько самых красивых женщин. Эти ледяные крысы часто охотятся на наших женщин, и время от времени уходят с богатой добычей.

Ниун надолго замолчал, вновь переживая события того ужасного дня. Было ласковое летнее утро, и ничто не предвещало беды. Ваниры налетели неожиданно, словно свалились с гор, как лавина или как камнепад. Их было так много, что, казалось, все мужчины Ванахейма пошли в поход на маленькое киммерийское селение. Они не грабили. Они несли с собой смерть. Много хороших воинов полегло тогда, но и стариков и детей не пощадили кровожадные враги. Только женщин не трогали они. Захватчики ловили несчастных на бегу, взваливали на плечи, как мешки, и тут же молниеносно исчезали. Их прикрывали сильные и беспощадные воины. Никто даже не успел толком понять, что происходит, как набег закончился. Никогда еще киммерийцы не переживали такого сокрушительного поражения. Даже старейшины не могли припомнить случая, когда племя не успело бы послать соседям Окровавленное Копье.

Этот древний обычай знаком каждому киммерийцу чуть ли не с рождения. Если племя нуждается в помощи, вождь созывает другие племена, направляя к ним гонцов с копьями, вымазанными кровью. Если бой уже идет, то копье окунают в кровь врага, если же просто угроза слишком серьезная, то кровь жертвуют воины племени, посылающего зов. Так или иначе, но на этот зов откликаются все, забыв даже о внутренних распрях. Против

собранный Окровавленным Копьем войска за всю историю Киммерии еще не устоял ни один враг.

Ниун сжал кулаки так, что хрустнули суставы. Он любил мать. Она была гордая, сильная, смелая, умела обращаться с мечом и кинжалом, но в то же время походила на доверчивого ребенка. В ее голосе, походке, жестах сквозило столько нежности, ласки, изящества, что порой она выглядела совершенно беспомощной, ее хотелось укрыть, защитить, окружить заботой. Что с ней теперь? Ниун нисколько не сомневался, что она ни за что не согласилась бы разделить ложе с немилым ей человеком, она скорее отправилась бы на Серые Равнины, прихватив с собой, если бы только смогла, и насильника. Но она была лучшей в селении мастерицей. Ни у кого не получалось таких тонких и ровных нитей, никто не умел ткать такого легкого и прочного полотна. Так что, скорее всего, ей сохранили жизнь, но, видимо, она вынуждена работать на жестокого хозяина и тихо умирает, тоскуя о навсегда потерянных для нее родных краях и близких людях.

О, как ненавидел он своих врагов! И если только они снова отважились опоганить киммерийскую землю своими грязными ногами, они пожалеют о том дне, когда появились на свет.

5

Собрав вещи и тщательно уничтожив все следы костра, Релан и Ниун, ступая бесшумно, словно тени или Духи Леса, отправились на поиски тех, кто спугнул их охотничью добычу. Дойдя до того места, где они повернули обратно, путники затаились и прислушались. Ни одного постороннего звука, лишь ветер шелестел ветвями деревьев, да снова щебетали умолкнувшие было птицы. Стараясь наступать на кочки, покрытые плотным мхом, или на выглядывавшие из земли корни деревьев, чтобы не оставлять следов, киммерийцы очень медленно двинулись дальше. Вдруг Ниун остановился и тихонько тронул за рукав Релана: слева виднелось кострище, над которым

еще курился легкий дымок. Небольшая полянка была густо усеяна всевозможными следами, и варвары, опустившись на четвереньки, принялись читать оставленное им «послание».

— Смотри, — шепнул Релан, указывая на раскинувшийся неподалеку кустарник.

От поляны к кустам шли четкие цепочки отпечатков, которые надежно сохранила мокрая от недавнего дождя земля. Маленькие ножки, оставившие одну из цепочек, похоже, очень спешили: передняя часть следа была явно глубже. За ними гнался обладатель огромных широких ступней. Возле кустов он, видимо, нагнал жертву: вся земля там была истоптана. Затем следы вернулись к костру, возле которого сидели еще не менее пяти-шести человек. Ниун внимательно осмотрел поляну и в низких кустиках вереска нашел длинную изящную серьгу, сделанную из тончайших медных нитей, которые сплетались в тонкий замысловатый узор. Таких великолепных украшений ему еще никогда не приходилось видеть. Он молча протянул ладонь с лежащей на ней находкой Релану. Тот изумленно вскрикнул, но быстро зажал себе рот рукой, а затем шепотом сказал:

— Я видел однажды такую блестящую работу. Эти украшения делают мастера из селения, лежащего далеко на юге, у самого подножия гор. Они, правда, иногда торгуют своими изделиями, но очень редко. Как эта серьга могла попасть сюда?

— Боюсь, что кому-то опять приглянулись наши женщины. Видишь, здесь не только мужские следы. И одна из пленниц пыталась скрыться. Если бы они просто шли куда-то вместе, никто не стал бы убегать.

— Но почему они забрались так далеко? Ты ведь говорил, что женщин воруют в основном ваниры. А если это так, то на их пути лежала не одна деревня.

— Вот это нам с тобой и предстоит выяснить. Не оставим ведь мы беспомощных женщин в руках у вонючих шакалов!

Ниун был очень близок к истине. Они с Реланом наткнулись на следы остатков ванирской шайки, которая,

возомнив, что никто не может сравниться с ними в силе и ловкости, двинулась на промысел в Аквилонию. Но там с них быстро сбили спесь, и почти все разбойники бесславно полегли на чужой земле. Остались лишь четверо, которые еле-еле смогли унести ноги.

Разозленные неудачей, они выкрали в трех разных селениях девушек. Невелика, конечно, добыча, но в открытую ваниры не рискнули напасть, а потихоньку сумели справиться только с тремя беззащитными созданиями. Правда, киммерийских женщин трудно было назвать беззащитными, но совладать каждая с четырьмя могучими мужчинами уж никак не могла.

«Добыча» оказалась с характером, и похитители торопились поскорее привести свои жертвы в Ванахейм, чтобы выручить за них хоть что-нибудь, что оправдало бы неудачный поход, ибо вернуться домой совсем с пустыми руками они не могли. Такого позора их соплеменники никогда бы им не простили. Именно торопливостью объяснялось то, что они шли по киммерийским лесам почти не таясь.

Выследить похитителей оказалось совсем несложно, и скоро Ниун с Реланом услышали, как хрустят сучья под ногами неосторожных врагов. Оба замерли на мгновение, затем тихо достали кинжалы и начали неслышно подкрадываться к обнаглевшим мерзавцам. Спрятавшись за старым деревом, ствол которого могли обхватить лишь двое взрослых мужчин, Ниун тихонько выглянул. По лесной тропе, нисколько не скрываясь, шли четыре ванирских воина и три плененные ими девушки. Два разбойника возглавляли процессию, еще двое замыкали ее.

Впереди шагал невысокий, крепко сбитый мужчина с квадратным лицом. Его светло-серые глаза смотрели только вперед, тонкие губы были плотно сжаты, в огромной, словно кувалда, ладони он держал большой охотничий нож. Рядом с ним мелкими шажками трусил довольно щуплый человечек с редкими светло-рыжими, почти розовыми волосами, острым носом и безвольно скошенным подбородком. Однако его легкие движения выдавали лов-

кость и гибкость, а потертые ножны, висевшие на боку, говорили о том, что мечом этот человек пользовался нередко и, пожалуй, был даже более опасным противником, чем его тяжелый и неповоротливый спутник.

На девушек Ниун сначала даже не взглянул: его гораздо сильнее интересовали те, с кем ему с минуты на минуту придется вступить в бой. Справиться с идущими сзади, скорее всего, будет достаточно просто. Незнакомые с лесом, они то и дело спотыкались, шипя сквозь зубы проклятия, и, похоже, их больше интересовали пленницы, чем собственная безопасность. Однако они были воинами, и их бледные лица украшали многочисленные шрамы, но, хоть оба и оглядывались все время по сторонам, ни один не заметил преследователей, что, конечно, было на руку киммерийцам.

Ниун жестом подозвал Релана и, когда тот мгновенно очутился рядом, шепнул:

— Ты когда-нибудь метал ножи?

Релан пожал плечами:

— Приходилось, но не могу похвастаться особой меткостью. Правда, у этих тварей широкие спины, и вряд ли я промахнусь.

Ниун нахмурился:

— Плохо. Но выбора у нас нет. Одновременно со всеми мы вряд ли справимся. Да и пленницы будут в опасности, если драка затянется. Сделаем так. Подкрадемся поближе, и по моему сигналу метнем кинжалы. Если сумеем сразу поразить двоих, с оставшимися сложностей не будет.

Они прибавили шаг, все также не производя ни малейшего шороха, и, когда до ваниров оставалось расстояние, немного меньшее полета стрелы, Ниун дал знак приготовиться. Потом он кивнул, прицелился и бросил нож. Тот мягко вошел в спину одного из разбойников и прочно застрял между лопатками. Не успев даже вскрикнуть, высокий мужчина с могучими плечами ткнулся лицом в серый ноздреватый снег.

Релану повезло меньше. Как он и опасался, метким

его бросок назвать оказалось трудно. Его кинжал, описав в воздухе дугу, коснулся пояса ванира, распорол куртку, прочертил на теле красную полосу и со стуком упал на толстый корень, о который раненый тут же споткнулся.

Идущие впереди воины резко обернулись, хватаясь за рукоятки мечей, и увидели, как из ближайших зарослей на них выскочили два разъяренных киммерийца. Глаза нападавших горели, а из широко раскрытых ртов несли боевой клич, от которого кровь леденела в жилах.

Девушки бросились в сторону. Раненый быстро поднялся на ноги и тоже выхватил меч. Началась драка.

Релан, не переставая кричать, кинулся на раненого, их клинки скрестились, зазвенев и высекая искры. Противник оказался опытным воином и успел нанести юному варвару несколько ран, прежде чем тот, изловчившись, отсек ваниру кисть правой руки. Ванир попытался было левой рукой достать прикрепленный к поясу кинжал, но не успел: клинок Релана пронзил его грудь. Дикая, всепоглощающая радость захлестнула его: в Киммерии юноша мог считаться мужчиной лишь после того, как обагрил свое оружие кровью врага. И наконец-то долгожданный миг настал!

Обернувшись к оставшимся, юноша замер на мгновение, залюбовавшись тем, как красиво ведет бой Ниун. Он, казалось, летал, возникая в самых неожиданных для противника местах, ловко и отбивал, и наносил удары, и оба ванира, столкнувшись с таким замечательным воинским искусством, выглядели слегка озадаченными. Однако это нисколько не мешало им отчаянно защищаться и даже время от времени нападать, поэтому любоваться боем Релану было некогда. Он поспешил на помощь.

Щуплый человечек оказался и правда опытным воином. Он легко ушел от выпада Ниуна и так же ловко увернулся от занесенного над ним меча Релана, а затем мгновенно переключился на нового противника. Он двигался, как ураган, и его клинок то и дело касался то руки киммерийца, то бока, то щеки, не причиняя тому,

однако, почти никакого вреда, словно ванир хотел позаваться, а не уничтожить врага.

— Давай, давай, — вдруг усмехнулся остроносый, — попрыгай. Ты шустрый малый. Тебя с удовольствием купят в Ванахейме.

Так вот в чем было дело! Он просто не сомневался в своей победе и хотел сохранить будущего раба целым и невредимым. Хуже рабства ни один киммериец не мог себе представить ничего, он скорее согласился бы на вечное скитание по Серым Равнинам, чем на железный ошейник. Релан почувствовал, как гнев горячей сильной волной поднимается в его душе, и, издав душераздирающий вопль, опустил свой меч на голову наглеца. Тот, похоже, не ожидал от юнца такой прыти и не успел увернуться. Голова с треском раскололась, и в лицо Релану брызнули мозги. Смахнув со лба и с глаз кровавое месиво, юноша обернулся к Ниуну.

Поединок киммерийца с коренастым ваниром продолжался, но было ясно, что ванир проигрывает. Вот он несколько раз оступился; вот сделал неточный выпад, и его меч содрал кору с дерева, даже не задев Ниуна, вот он не успел отвести удар, и на его щеке, обильно кровоточа, раскрылась глубокая рана. Наконец он ошибся в последний раз, и голова с изумленно распахнутыми светло-серыми глазами отлетела в заросли вереска. Грузное тело сделало шаг вперед, словно намеревалось ее поймать, и тяжело повалилось в мох.

Бой был закончен. Победители переглянулись, вытерли окровавленные клинки и одновременно убрали их в ножны. Не успели они опомниться, как из кустов, громко визжа, плача и смеясь одновременно, выскочили три девушки и повисли на шеях своих освободителей.

— Кто вы?

— Вас послали Светлые Боги!

— Мы уже ни на что не надеялись!

— Но мы пытались бежать!

— Вы блестящие воины!

Казалось, все три девушки говорят разом.

— Замолчите! — рявкнул Ниун, у которого голова уже пошла кругом от этих криков.

Девушки испуганно затихли.

— Замолчите, — уже спокойно повторил киммериец. — Кто-нибудь может вразумительно объяснить, кто вы и как эти дохлые псы, — он пнул ногой обезглавленный труп, — поймали вас?

Он внимательно взглянул на застывших в молчании девушек, и вдруг почувствовал, как сердце его подступило к горлу, а внутренний голос, на который он так долго надеялся, закричал, завопил, заорал: *Она! Она! Она!*

6

Ниун с Реланом быстро развязали веревки, которые образовывали на ногах пленниц петли. Пока Ниун расжигал костер, Релан наломал сухих веток, усадил на них девушек и достал из дорожного мешка остатки припасов. Поев и немного отдохнув, девушки начали потихоньку приходить в себя. Все они были молоды — шестнадцать-семнадцать зим, не больше — и потому умели быстро забывать горести и лишения. Радость от вновь обретенной свободы скоро заслонила все другие чувства, и они защебетали, словно птички, порхающие с ветки на ветку.

Первой заговорила высокая черноволосая красавица. В ее ярко-синих, как у большинства киммериек, глазах испуг и отчуждение давно сменились весельем, лукавством и даже кокетством.

— Меня зовут Ланга. Мое селение находится всего в двух днях пути отсюда, и эти гнусные твари поймали меня последней. Я пошла в лес за хворостом, но, видимо, ушла слишком далеко, и поэтому моих криков никто не услышал. Я сопротивлялась, как могла, но разве слабая девушка может вырваться из рук бывшего воина? — При этих словах Ланга игриво взглянула на Ниуна, но он лишь серьезно кивнул, и она продолжила: — У моих родителей нет детей, кроме меня, и я надеялась, что они бросятся в погоню, но этого почему-то не произошло. Мой

отец — лучший в округе плотник. Никто не умеет так работать с деревом, как он. Проводите меня домой — и вас ждет щедрая награда.

— Конечно, мы отведем тебя, — ответил Ниун. — Но вовсе не из-за награды.

— А я Санта, — заговорила вторая девушка.

На ее нежных щеках играл яркий румянец, а пушистые ресницы вздрагивали, когда она поднимала глаза на Релана. Похоже, юноша очень понравился ей, да и он не остался равнодушным, что не ускользнуло от наблюдательного Ниуна.

— Я живу немного дальше. На самом краю нашей деревни есть замечательный ручей, вода в котором всегда очень холодная и чистая. Я отправилась за водой, но не успела даже набрать ее, как из зарослей выскочил тот громила, которого ты, — обернулась она к Релану, — так ловко поразил. Он схватил меня, зажал рот своей огромной ручищей, и я не смогла даже позвать на помощь. Я живу одна. Мои родители давно мертвы: отец погиб на охоте, когда я была совсем маленькой, а мать умерла прошлой зимой. Меня никто не ждет, но и мне хотелось бы вернуться домой. Куда же мне еще идти?

При этих словах Релан подался вперед, словно хотел что-то сказать, но вдруг передумал, густо покраснел и отвел глаза.

— А ты? — обернулся Ниун к третьей девушке.

Он старался не смотреть на нее, чтобы не выдать волнения, которое душило его, словно жесткая петля. Девушку нельзя было назвать красавицей, как Лангу, но невыразимое очарование, исходившее от нее, словно божественное сияние, вызывало дрожь в руках опытного воина. Длинные волосы цвета старой меди волнами струились по плечам, как воды спокойной реки, серые с едва уловимым оттенком зелени глаза смотрели прямо и открыто, яркие губы казались чуть приоткрытыми. Она не отрываясь глядела на Ниуна, словно когда-то давно уже встречала его и теперь пыталась вспомнить, где и когда.

— У меня редкое имя — Маев. Я живу далеко на юге, у подножия гор. Наше селение большое и богатое.

Если ваш путь лежит в те края, не могли бы вы меня проводить?

Ниун сумел только кивнуть в ответ, ибо голос вдруг отказал ему. Наступила недолгая тишина, которую нарушила Ланга.

— А кто вы, доблестные воины? Каких Богов мы должны благодарить за то, что вы так вовремя оказались на нашем пути? Страшно подумать, какая участь ожидала нас, если бы не вы.

— Меня зовут Релан, — отозвался юноша. — Здесь неподалеку протекает река, на берегу которой стоит мое селение. Я младший сын кузнеца. У меня еще пять братьев. Вряд ли отец будет обучать меня своему ремеслу — эта честь достанется старшим. Вот я и отправился в путь, чтобы как-то изменить свою жизнь. Но теперь я подумаю, не вернуться ли домой? У нас есть прекрасный мастер-лодочник, Вокнан. Его сын погиб, и нет теперь у него преемника. Он с радостью усыновит меня и передаст свое умение. Может, не стоит бежать от своей судьбы?

Сказав это, Релан выразительно посмотрел на Санту. Она смутилась и отвела глаза, но, похоже, правильно поняла слова юноши и была согласна с ним.

Ниун откашлялся и начал рассказывать о себе:

— Мать дала мне имя Ниун. Живу на самом севере, тоже у гор. Когда-то давно в нашем селении случилась большая беда: во время набега ваниров погиб наш кузнец, и селение осталось без мастера. Он был моим отцом, но я не успел перенять его дело. Теперь брожу от деревни к деревни, пытаюсь найти мастера, который взял бы меня в ученики. Мне все равно, куда идти, и, конечно же, я провожу вас. Если вы отправитесь одни, кто знает, какая беда еще может с вами приключиться?

Ланга жила ближе всех, и никто не возражал, что сначала нужно отвести домой ее. Однако два дня — это тоже не самый короткий путь, а от съестных припасов совсем ничего не осталось, да и организовать ночлег для двух привыкших к лесам мужчин — это совсем не то, что удобно устроить девушек, никогда прежде не покидавших своих домов.

Забот у Ниуна с Реланом прибавилось, но такие хлопоты не тяготили киммерийцев, а, наоборот, вносили приятное разнообразие в их путешествие. Наскоро собрав пожитки, все отправились в дорогу, намереваясь к вечеру присмотреть место поудобнее и устроить привал.

— Жаль, что мы упустили оленя, — шепнул Релан Ниуну. — Чем будем кормить девушек?

— В лесу полно зверья. Можно отыскать след другого оленя или поохотиться на кабана.

Вдруг прямо из-под ног юноши выскочил пушистый белый комок и мгновенно скрылся в ближайших кустах.

— Заяц! — воскликнул Релан. — Ты когда-нибудь пробовал его мясо?

— Мы почти никогда не охотимся на них. Разве что из-за шкур. Но он вот-вот начнет линять, и мех у него сейчас плохой.

— А нам и не нужен мех. Наловим зайцев, и у нас будет прекрасный ужин.

— Чего проще? Стрел у нас полно, — воодушевился Ниун.

— Мы никогда не охотились на зайцев со стрелами.

— Но ты же сам сказал, что нам не нужен мех. Я хорошо стреляю из лука.

— Как хочешь. Попробуй, — пожав плечами, согласился Релан.

— Ты води девушек строго на юг, а я отправлюсь за добычей. Потом нагоню вас.

Довольно скоро Ниун понял, что зря не прислушался к словам Релана. Зайцев в этих лесах оказалось полным-полно, они то и дело мелькали в густых кустарниках, но близко подойти к ним не удавалось, так как в перепутанных ветвях невозможно было как следует натянуть тетиву, а пущенные издали стрелы отскакивали от кустов, не причиняя белым пушистым зверькам никакого вреда. Вконец измучавшись, Ниун умудрился-таки пристрелить трех зайцев, но при этом потерял столько времени, что его хватило бы на хорошо подготовленную облаву на кабана.

Когда Ниун догнал своих спутников, те уже, облюбовав

место для привала, начали устраиваться на ночлег. Релан хлопотал возле костра, а девушки, с неожиданной ловкостью орудовавшие ножами, нарубили еловых лап и сооружали из них некое подобие лежанок. Все слегка притомились, и поэтому появление Ниуна с добычей было встречено восторженными восклицаниями: голод давал о себе знать.

Маев бросила на Ниуна мимолетный взгляд, улыбнулась кончиками губ и тут же отвернулась. То ли резкий поворот головы, то ли внезапный порыв ветра были тому причиной, но тяжелая каштановая прядь колыхнулась и открыла маленькое розовое ушко, в котором покачивалась серьга. Точно такая же, как и найденная Ниуном на лесной поляне. «Так это она пыталась бежать! — догадался он. — И не сказала об этом ни слова. Удивительная девушка!» Он бросил тушки кроликов на землю, поднял свой дорожный мешок, порылся в нем и достал серьгу.

— Возьми, — протянул он девушке открытую ладонь, на которой лежало потерянное ею украшение.

Маев удивленно посмотрела на протянутую руку, затем медленно провела кончиками пальцев по мочке своего уха и улыбнулась:

— Где ты ее нашел?

— В лесу. Она помогла нам отыскать вас.

— Спасибо, — непонятно за что поблагодарила девушка, то ли еще раз за спасение, то ли за найденную сережку, и взяла ее с ладони Ниуна.

Как только кончики тонких пальцев коснулись его загрубевшей руки, молодому воину показалось, что сверкнула молния и поразила его в голову. В глазах потемнело, и лишь вспышки ярких искр освещали мглу, на мгновение накрывшую его. Когда он вновь обрел способность видеть, Маев уже снова хлопотала у сооружаемой ею лежанки, почему-то стараясь не оглядываться.

Чтобы как-то опомниться от нахлынувших на него чувств, Ниун занялся разделкой зайцев. К нему присоединился Релан, который уже закончил возиться с костром.

— Ну как тебе охота со стрелами? — ехидно поинтересовался юноша.

— Ты, пожалуй, был прав. Их надо ловить иначе, — честно признался Ниун. — А как это делаете вы?

— Мы? Очень просто. Находим место, где больше всего следов, собираем тонкий хворост или режем подходящие ветви и плетем из них изгородь. В ней проделываем несколько отверстий, а к ним прикрепляем петли на длинных палках, слегка закрепленных на изгороди. Как только зверек сует в петлю голову, палка соскакивает, поднимается и затягивает веревку.

— И правда просто. Если завтра нам не попадетсЯ другой добычи, наловим зайцев твоим способом.

За разговорами они быстро освежали тушки, отыскивали несколько подходящих палочек и зажарили нежное свежее мясо, держа его над костром и время от времени переворачивая. Пока мужчины занимались приготовлением еды, девушки закончили лежанки и подошли к костру. Первой приблизилась Ланга. Она села возле Ниуна, касаясь его плечом и упругим бедром. Киммериец слегка отодвинулся, девушка лукаво взглянула на него и спросила:

— Вы тоже будете спать ночью? Или кто-то из вас останется охранять наш сон?

— Можете не беспокоиться, — тут же отозвался Релан. — Мы позаботимся о вашей безопасности.

Ланга звонко рассмеялась и снова придвинулась к Ниуну. Но тот сосредоточенно смотрел в костер, словно ничего важнее поджарившегося мяса для него не существовало, затем понюхал прожаренную тушку, потрогал румяную корочку, вырезал ножом самый аппетитный кусок и протянул его Маев. Та смущенно кивнула и молча начала есть. Время от времени ресницы ее вздрагивали, как будто ей очень хотелось посмотреть на своего спасителя, но она отчаянно боролась с этим желанием. Ниун тоже старался не поднимать на нее глаза, ибо опасался, что все поймут, какие страсти бушуют в его душе. Быстро разделавшись с едой, все начали устраиваться на ночлег.

Ниун вызвался охранять покой спящих и, когда девушки и Релан наконец-то улеглись, устроился поудобнее у костра и глубоко задумался.

Весь следующий день путники упорно продвигались на юг. Девушки оказались сильными и выносливыми, и никто из них не жаловался на усталость. Только Ланга, стараясь держаться поближе к Ниуну, то и дело спотыкалась, делала вид, что падает, и норовила ухватиться за его руку. Он молча помогал ей подняться, но ни разу даже не улыбнулся в ответ на ее звонкий заливиистый смех, которым она сопровождала свои «падения», пеняя на свою неуклюжесть. Она всячески старалась обратить на себя его внимание, но Ниун лишь сосредоточенно смотрел то под ноги, то вперед, словно хотел увидеть там что-то и никак не мог разглядеть. В конце концов поведение Ланги возмутило Санту, и она прошипела красавице на ухо:

— Ни стыда у тебя, ни совести! Разве ты не видишь, что нисколько не интересуешь его? Нельзя же так открыто приставать к мужчине, тем более если он к тебе равнодушен.

— Он вообще, по-моему, ко всему равнодушен. Чурбан бесчувственный! — фыркнула Ланга и тут же снова рассмеялась. — Вот Релан — совсем другое дело.

— Оставь Релана в покое, — сурово ответила Санта.

— Вижу, вижу, он явно приглянулся тебе. Да и ты ему, кажется, тоже. Не понимаю, почему он ничего такого еще не сказал тебе?

— А что он должен был сказать?

— Ну, хотя бы... Ну, что ты ему нравишься, а может, еще что-нибудь.

— А тебе что за дело? — вспыхнула Санта.

Девушки так увлеклись перепалкой, что не заметили, как заговорили громко, и опомнились только тогда, когда поняли, что все остановились и смотрят на них. Санта мгновенно покраснела до корней волос, а Ланга лишь опять рассмеялась. Релан пристально взглянул на обеих и вдруг во всеуслышанье заявил:

— Чем обсуждать что-то шепотом, лучше давайте поговорим открыто. Да, мне очень нравится Санта. Даже

не просто нравится. И если она не против, я бы хотел жениться на ней.

Санта охнула и бросилась ему на шею. Слов было уже не надо, и счастливый юноша крепко прижал к груди свою избранницу.

— Мы вернемся в мое селение, — немного погодя проговорил он, — как только проводим Лангу. А Ниун и один сможет довести Маев до ее дома.

При этих словах Ниун и Маев посмотрели друг на друга, и Ниун снова почувствовал, как быстро забилося его сердце, как вспотели ладони, дыхание остановилось, а в ушах опять зазвенел так долго молчавший внутренний голос: Она! Она! Щеки Маев расцвели ярким румянцем, ресницы дрогнули и опустились, а ярко-розовый язычок быстро пробежал по вдруг пересохшим губам. Девушка глубоко вздохнула, но неожиданно сухо сказала:

— Пора идти дальше. Уже вечер близится. Либо мы успеем дойти до селения Ланги, либо скоро надо будет устраиваться на ночлег. В любом случае нельзя терять время.

Релан¹ вопросительно взглянул на Лангу:

— Далеко ли еще до твоего дома?

— Не очень, — вдруг посерьезнев, — ответила она. — Но до темноты мы вряд ли успеем дойти. Лучше провести еще одну ночь в лесу.

На том и порешили. Ближе к вечеру Релан отправился ловить зайцев, Ниун занялся костром, а девушки снова, правда, уже намного быстрее, приготовили лежанки из еловых лап. Юноша оказался более удачливым охотником, и каждому путнику на сей раз досталось по целому зайцу. Когда все наелись и собрались укладываться спать, Санта неожиданно заявила:

— Что-то совсем спать не хочется. Может, мы с Маев посидим у костра, поболтаем немного, а если услышим или увидим что-нибудь подозрительное, разбудим мужчин.

Мужчины, конечно же, пытались возражать, но разве можно переспорить женщину, если она уже что-то для себя решила? Когда все заснули, Санта, смущаясь, заговорила:

— Ты извини меня, Маев, может, я зря начинаю этот разговор, но мне кажется, что Ниун приглянулся тебе.

Маев молча кивнула.

— Так почему ты даже не смотришь в его сторону?

— Он ведет себя как-то странно, — ответила девушка, поворошив веткой угли костра. — Все время молчит, отворачивается, отводит глаза. Может, у него уже есть семья?

— Что ты! — всплеснула руками Санта. — Он бы сразу сказал об этом. Я думаю, он очень честный человек. Просто, по-моему, ты тоже небезразлична ему, но он почему-то старается это скрыть.

— Вот именно. Не буду же я, как Ланга, вешаться ему на шею.

— Про Лангу лучше вообще не говорить. Она ведет себя, как... Я даже не знаю, как кто.

— Не надо ее осуждать. Она красивая девушка, немного избалованная и не привыкла ни в чем себе отказывать. Понравился ей парень, вот она и хочет заполучить его всеми правдами и неправдами. Ее можно понять. Вон он какой. Сильный, красивый, смелый. Я еще никогда не встречала таких мужчин.

— Мой Релан тоже сильный и красивый, — с оттенком обиды в голосе сказала Санта.

— Конечно. Вы, думаю, будете очень счастливы. Он хороший.

Девушки обнялись, прижались друг к другу и долго-долго шептались о чем-то, забыв, что вокруг ночь, что лес полон опасностей, что совсем недавно их жизни висели на волоске. Они были так молоды, так отчаянно влюблены, жизнь, которую еще предстояло прожить, казалась им светлой и радостной, полной тепла и счастья. Да и кто думает иначе в семнадцать лет?

Еще один человек не спал в эту ночь. Лежа на спине с закинутыми за голову руками и глядя в безоблачное звездное небо, Ниун думал о Маев. Санта была не совсем права, говоря, что Маев небезразлична ему. Какое там небезразлична! Он любил ее со всей горячностью молодого сердца, он с восторгом отдал бы за нее жизнь. Он мечтал

провести рукой по ее шелковистым волосам и почувствовать, как мягкие пряди текут между пальцами, словно освежающая вода. Ему хотелось коснуться губами ее ресниц, тонкой бархатной кожи, манящих ярких губ. Ему казалось, что он захлебнется от счастья, если она позволит обнять себя. И в то же время хотелось плакать, орать, вопить от отчаянья.

Ведь если он женится, то придется заглушить в себе голос предков, не дававший ему покоя ни днем, ни ночью. Придется нарушить клятву, данную и себе, и односельчанам, обмануть их. Он еще ни разу не нарушал своего слова, не мог сделать этого и сейчас. Но как быть, если он не может жить клятвопреступником, но и без Маев тоже жить не может? Он молил Светлых Богов, обращался к суровому Крому с просьбой подсказать выход, но Боги молчали, а он мучился, страдал и сосредоточенно пытался найти выход. Пытался найти и не находил. Вконец измучившись, но так ничего и не придумав, Ниун крепко заснул.

К середине следующего дня лесная тропа вывела путников прямо к лесному озеру, на противоположном берегу которого раскинулось большое селение. Озеро поражало дивной красотой. Густой лес подступал прямо к воде, и самые крупные деревья склонялись над ней, словно любовались своим отражением. То и дело слышались всплески — это играла рыба, видимо, водившаяся тут в изобилии. В ровной, спокойной водной глади отражалось голубое небо с медленно проплывавшими по нему облаками.

— Вон мой дом, — радостно воскликнула Ланга и, тут же погрузившись, добавила: — Быстро дошли.

Они обогнули озеро и вступили в деревню. Ниун в изумлении оглядывался по сторонам: таких необыкновенных домов ему еще не приходилось видеть. Под одной крышей стояли и жилая часть строения, и сарай, и помещения для скота. Но не это было самым удивительным. Переднюю часть всех домов густо покрывали украшения, вырезанные из деревянных планок. Где-то их было побольше, где-то совсем немного, но все селение выглядело так, словно принарядилось на праздник.

Заметив, как ее спутники рассматривают деревянное кружево, Ланга гордо заявила:

— Я ведь говорила вам, что мой отец — необычный плотник. Таких мастеров вы больше нигде не найдете. Идем скорее.

На пороге самого большого и наиболее причудливо украшенного дома возник высокий немолодой мужчина и, прикрыв от солнца глаза ладонью, пристально посмотрел на приближавшихся путников. Вдруг он охнул, схватился за сердце и бросился с крыльца им навстречу.

— Доченька! — полувыкрикнул, полувыдохнул он и прижал Лангу к своей широкой груди.

Потом он отодвинул девушку на расстояние вытянутых рук, сквозь слезы, выступившие на глазах, посмотрел на родное лицо и снова прижал дочь к себе. Наконец, с трудом придя в себя, плотник обернулся к спутникам дочери.

— Отец, — сказала Ланга. — Эти два воина спасли меня от разбойников.

Мужчина решительно шагнул к ним и молча крепко обнял сначала Ниуна, а затем Релана. Как и все киммерийцы, он был немногословным.

— Заходите в дом. Вы будете самыми желанными гостями. Всегда.

Внутри жилище плотника почти не отличалось от домов, которые обычно строили в Киммерии. Боги не баловали эту страну теплом, и поэтому пороги мастера делали высокими, а двери — низкими и тяжелыми, чтобы внутрь проникало как можно меньше холодного воздуха. Углы большой комнаты были скругленными, чтобы не промерзали, да и мыть такие стены гораздо легче (мыть стены приходилось довольно часто, ибо от печки, топившейся по-черному, на них густо садилась копоть).

Комната была одна, просторная, почти квадратная, она разделялась на отдельные закутки печью, где готовили еду, большими окованными сундуками, на которых спали женщины, лавками и мощными балками, поддерживавшими закопченный потолок. В дальнем правом углу

стоял большой стол. Возле печи сутилась невысокая, ладная и уже тоже немолодая женщина. Когда гости вошли в дом, она повернула к ним посеревшее от невыразимого горя лицо, вскрикнула и медленно опустилась на лавку, словно все силы разом покинули ее.

— Матушка! — бросилась к ней Ланга и, опустившись перед матерью на колени, ткнулась носом в подол ее юбки.

— Жена! Накрывай на стол. Не видишь, что ли, гости у нас, — преувеличенно строго распорядился плотник, стараясь за суровостью скрыть душившее его волнение.

Остаток дня прошел в нескончаемом празднестве. Гости непрерывно ели и пили, рассказывали о своих приключениях сначала родителям Ланги, потом многочисленным соседям, которые, прослышав о возвращении девушки, все заходили и заходили в дом плотника. Его любили и уважали, и поэтому все дружно радовались его счастью.

В самый разгар пиршества плотник подсел к Ниуну и, строго глядя на него выпчетшими, а некогда, видимо, ярко-голубыми глазами, сказал:

— Вижу, ты приглянулся моей дочери. Вон она глаз с тебя не сводит. Оставайся. Поработаешь у меня, как положено, а там и женой ее объявишь. Я для нее ничего не пожалею.

Ниун покачал головой:

— У тебя очень красивая дочь. Но я должен идти дальше. Мои предки были кузнецами. И мне долг велит перенять их дело. Не уговаривай. Я уже все для себя решил.

Плотник тяжело вздохнул и положил широкую ладонь на руку Ниуна:

— Что ж, как ни жаль мне, неволить не буду. Но знай: я твой должник. Ты всегда самый желанный гость в моем доме.

Он поднял красивую резную чашу, одним глотком осушил ее и повернулся к гостям:

— Пора и честь знать. Люди устали с дороги. А завтра им снова в путь. Пусть отдыхают.

Ясным тихим утром Ниун, Релан, Санта и Маев покинули гостеприимное селение. Их дорожные мешки были наполнены всевозможными припасами, приготовленными умелыми добрыми руками матери Ланги. Она тоже понимала, какие чувства переполняют дочь, но накопленная с годами житейская мудрость не позволила женщине вмешиваться. Она лишь обняла путников на прощание и сказала:

— Пусть Светлые Боги сопровождают вас в пути. А мы всегда будем рады, если вы решите навестить вас.

Ланга в этот день проснулась на рассвете и вышла проводить гостей до берега озера. По покрасневшим глазам девушки даже не очень наблюдательный человек мог понять, что ночь она провела беспокойную, но, стараясь не выдать своего волнения, Ланга лишь проговорила:

— Доброго вам пути, — и, помолчав, обернулась к Ниуну и добавила: — Твоя избранница будет самой счастливой женщиной на свете. Ты настоящий мужчина.

Затем она резко повернулась и быстро пошла к дому, расправив плечи и высоко неся гордую голову.

Какое-то время все молчали, пока тишину не нарушил Релан:

— Ниун, мы с Сантой решили не идти в ее деревню. Родных у нее нет, никто ее не ждет, добра она нажить не успела, так что забирать из дома нечего. Мы отправимся прямо ко мне. А ты, как я уже говорил, и один сможешь проводить Маев.

— Правильно решили, — отозвался Ниун. — Санта и так натерпелась всякого, пусть поскорее окажется среди родных. Будьте счастливы. И пусть у вас будет много детей, здоровых, румяных, веселых.

Маев шагнула к подруге, обняла ее и даже слегка всплакнула.

— Не знаю, — сказала она, — увидимся ли мы еще когда-нибудь, но я всегда тебя буду помнить.

Наговорив друг другу еще много хороших и ничего не значивших при прощании слов, путники разделились:

двое отправились на север, а двое — на юг. Когда Релан с Сантой скрылись из виду, Ниун спросил у Маев:

— Далеко ли до твоего дома?

— Если поторопимся, к концу третьего дня дойдем.

Ниуну очень не хотелось торопиться, он бы так шел и шел с любимой девушкой, не считая дни, не измеряя расстояния. Видеть ее, чувствовать легкое дыхание, изредка как бы случайно касаться тонкой руки — это значило для него жить. Но, будь прокляты все демоны вместе взятые, не мог он жениться на ней, не мог предать память отца и отказаться от своей мечты! Как только он отведет девушку домой, он снова возобновит поиски и рано или поздно добьется своего. Но как ему жить дальше без этих серых глаз? В душе Ниуна бушевала буря, мешавшая ему говорить, и он шел молча, тяжело ступая по влажной земле, сминая пробивавшуюся к солнцу траву, не замечая ни синего неба, ни легкого ветерка, даже слегка согнувшись под тяжестью своих невеселых дум.

Маев тоже молчала, но не потому, что боялась нарушить размышления своего спутника. Ей тоже было о чем подумать. С первого взгляда на Ниуна она поняла, что именно его ждала всю свою еще недолгую жизнь, что это он являлся ей в беспокойных девичьих снах, что за ним она согласилась бы пойти на край света. Но он не звал с собой, а гордость не позволяла ей задавать вопросы. И еще у нее была одна тайна, которую Маев боялась выдать. Сказав, что она единственная дочь своего отца, девушка умолчала о том, что ее отец — именно тот мастер, который так нужен Ниуну, кузнец. Он с удовольствием взял бы в ученики мужа дочери и передал бы ему дело. Но напроситься в жены, стать желанной только из-за ремесла отца — от одной мысли об этом Маев начинала бить дрожь отвращения. Она никогда не станет торговать собой, даже если потом всю жизнь ей придется провести, страдая от того, что рядом нет единственного человека, за которого она согласилась бы умереть.

Так и шли они рядом, молчавшие каждый о своем, и ни один не догадывался, что стоит лишь выговориться, снять тяжесть с души — и беда отступит, боль утихнет, станет легко дышать и жизнь снова покажется прекрас-

ной. Но ни Ниун, ни Маев ни за что не согласились бы поступиться гордостью и честью.

— Ты не устала? — заговорил наконец Ниун, когда день уже начал близиться к концу. — Не пора ли подумать о привале?

Девушка была сильной и могла бы еще идти и идти, но ей очень хотелось оттянуть возвращение домой, и поэтому она с готовностью заявила:

— О, я с удовольствием отдохнула бы.

Потом они долго сидели у костра, задумчиво глядя, как пляшет огонь, и стараясь не смотреть друг на друга.

...Как ты прекрасна, любимая. Я отдал бы жизнь за то, чтобы обнять тебя, уткнуться лицом в твои пушистые волосы, вдыхать их запах. Как мы могли бы быть счастливы с тобой. Ты будила бы меня по утрам, нежно прикасаясь губами к щеке. Я защищал бы тебя от всего мира. У нас были бы красивые и добрые дети. Как ты прекрасна, чудесная. Я носил бы тебя на руках. Как недоступна ты, мечта моя...

...Какие у тебя сильные руки, любимый. Я, наверное, всю жизнь провела бы в твоих объятиях. Как мне хочется коснуться тебя, прижаться к твоей широкой груди и захлебнуться от восторга и счастья. А какие бы у нас были дети! Как близко — стоит лишь протянуть руку, как далеко, как непоправимо далеко ты от меня, жизнь моя и беда моя...

Они отводили друг от друга глаза, а в душе каждого кричало, смеялось, пело и плакало великое чувство, на котором строится жизнь, без которого человек не может зваться человеком. Потом они лежали по разные стороны костра, глядя в звездное небо, и делали вид, что спят, но сон, который мог бы принести хоть недолгое облегчение, не шел к ним.

Встав на рассвете, они тронулись в путь, медленно передвигая ноги, ставшие вдруг невероятно тяжелыми, ибо каждый шаг приближал их расставание, после которого жизнь для обоих потеряет всякий смысл. Они обменивались лишь короткими, ничего не значившими фразами, когда это было необходимо, каждый раз опасаясь, чтобы вдруг дрогнувший голос выдаст их.

Когда рядом шли спутники, и Ниуну, и Маев, было гораздо легче прятать свои чувства, и сейчас оба догадывались, что происходит в их душах, но упорно молчали, готовые расстаться с жизнью, но не поступиться гордостью.

Вечер наступил неожиданно быстро, и они снова оставались на ночлег. Костер уже едва тлел, и пора было укладываться спать, тем более что бессонная ночь напоминала о себе и глаза путников слипались. Неожиданно затрещали кусты и из окружающей тьмы выскочил зверь размером с крупную собаку и зарычал, ощерив белые клыки. Его немигающие глаза горели красным светом, шерсть на загривке стояла дыбом. Отбившийся от стаи волк, видимо, не сумел найти добычу, и теперь голод привел его прямо к людям. Хищник боялся огня, но и бороться с мучившим его голодом, похоже, больше уже не мог.

Ниун резко вскочил на ноги и крепко сжал в кулаке рукоятку большого охотничьего ножа. О том, что меч остался лежать возле дорожного мешка, он даже не успел пожалеть. Зверь, издав утробное рычание, прыгнул, но это был его последний прыжок: с силой выбросив вперед руку, Ниун¹ вонзил острое лезвие в мохнатый живот, и из глубокой раны на землю вывалились дымящиеся внутренности. Глаза хищника подернулись пленкой, язык свесился из раскрытой пасти, лапы дернулись, и зверь тут же испустил дух.

— Он мог убить тебя! — не думая о гордости, девушка повисла на шее Ниуна.

Он отшвырнул прочь мертвого волка, даже не выдернув нож, и крепко прижал Маев к груди, забыв на мгновение обо всем на свете. Жаркая волна накрыла Ниуна с головой, затуманив рассудок. Но железная воля тут же отрезвила его и, рывком оторвав девушку от себя, Ниун срывающимся голосом проговорил:

— Не бойся. Волк мертв. Других нет. Пора спать.

С трудом удержав готовые пролиться слезы, Маев отвернулась, легла на еловые лапы, приготовленные заранее, подтянула колени к подбородку и затихла: не то заснула, не то просто постаралась скрыть обиду.

Ниун еще долго сидел у костра и сосредоточенно ду-

мал, думал, думал... Наконец и его сморил сон. Сны, посетившие его в ту ночь, были короткими и мучительными. То ему виделось, как они с Маев катаются на лодке, сделанной старым Вокнаном, то вдруг девушка исчезала, когда он собирался поцеловать ее, то Маев склонялась над колыбелью, вырезанной из дерева умелыми руками отца Ланги, то Ниун смотрел вдаль и видел, как Маев уходит от него все дальше и дальше.

Первая мысль, посетившая Ниуна утром, была о том, что сегодня — последний день их общего пути. Скоро Маев окажется дома, а ему вновь придется идти, но уже одному. «И не надо будет больше надеяться, что внутренний голос позовет меня. Он уже все сказал. Вот оно, счастье, свернулось калачиком совсем рядом. Протяни руку — дотронься. Больше такой возможности не будет. Сегодня я попрощаюсь с ней. Лучше бы мне никогда не встречать ее, не узнал бы, что душа может так болеть».

Тяжело вздохнув, Ниун разбудил девушку:

— Вставай, Маев. Уже утро. Пора в дорогу.

Девушка вскочила, словно давно не спала и только ждала этих слов, чтобы отправиться в путь. Она торопливо, чуть нервными движениями, поправила волосы, быстро проглотила кусочек успевшей зачерстветь лепешки, запила скудный завтрак водой и сказала:

— Я готова. Идем.

Как и говорила Маев, к вечеру лес неожиданно наступил и вдали показались крыши домов. Откуда-то издалека, с самой окраины доносился веселый перестук кузнечных молотов. Ниун обязательно зашел бы в селение, чтобы поговорить с кузнецом. Но он боялся, что никогда уже не сможет расстаться с девушкой, если не попрощается с ней сейчас, пока у него еще хватало сил повернуться и уйти. Словно угадав его мысли, Маев тихо проговорила:

— Вот я и дома. Не провожай меня дальше. Я дойду одна.

У Ниуна вдруг перехватило горло, и он не смог произнести ни слова, а только кивнул. Надо было уходить, но он не мог заставить себя сделать ни шагу. Ноги словно приросли к земле, сердце то рвалось из груди, то вдруг

проваливалось куда-то, руки дрожали, во рту пересохло. «Я больше никогда не увижу тебя, любимая. Зачем мне жизнь, если в ней не будет тебя? Скажи хоть слово, хоть взглядом намекни, и я останусь.» Но Маев молчала и лишь смотрела себе под ноги, как будто стояла на краю обрыва и боялась упасть. «Неужели ты сейчас уйдешь, любимый? Уйдешь навсегда. Как жить мне дальше? И зачем жить?»

Неожиданно Маев резко повернулась к Ниуну и выдохнула:

— Знаешь, я не хотела говорить...

Она оборвала себя на полуслове и долго молчала, но по ее лицу было видно, что в душе девушки идет жесточайшая борьба. И все-таки гордость победила.

— Я всегда буду помнить тебя. Ты спас мне жизнь. Прощай.

— Прощай, Маев. Я тоже не забуду тебя.

Ниун повернулся спиной и почти бегом ринулся в лесную чащу, с трудом пересиливая желание обернуться. Он шел, не разбирая дороги. Ветви хлестали его по лицу, по которому впервые в жизни катились обжигающие слезы, несколько раз падал, не заметив высокого корня или цепкой травы, тут же поднимался и опять бежал, пытаясь скрыться от самого себя. Вдруг он встал как вкопанный. «Прости меня отец. Видно, напрасно ты напоминал мне о долге. Я не могу жить без этой девушки. Зачем мне ремесло кузнеца на Серых Равнинах? Прости меня».

И словно камень свалился с его души, слезы высохли, а ноги сами понесли обратно, туда, где, он не сомневался, ждала его Маев. Он не помнил, как добежал до лесной опушки, как входил в селение, и лишь впервые за долгое время заулыбался светло и счастливо, когда увидел, что издалека, с самой окраины, ему навстречу бежит, спотыкаясь, единственная на свете женщина.

...Пройдет время, и у них родится сын, которого назовут Конаном.

БЛАГОРОДНЫЙ УЗНИК

Как было издавна заведено в шемитском городе Эруке, в обычный час на улице Магов закрывались лавки, в которых вершили свои таинственные деяния предначертатели судеб. Ясновидящие и гадалщики, колдуны и астрологи прибирали свой скarb: хрустальные сферы с аккуратностью, чтоб не разбились, оборачивались мягкими тканями; гасился огонь в магических лампадах, в колеблющемся свете которых провиделось грядущее; волшебные знаки стирались с каменных плит, а магические снадобья и бальзамы прятались в ларцы и шкатулки.

Когда астролог Разес, уроженец Коринфии, уже был готов закрыть свое заведение, к нему пожаловал еще один припозднившийся посетитель. В дверях его лавки появился одетый в богатую хламиду шемит, голову коего украшала затейливо скрученная шелковая повязка.

— Подожди, уважаемый, — обратился он к хозяину, — я пришел, дабы еще раз выслушать твои предсказания. Как только правитель узнал, что ты собираешься переселиться в Хорайю, он послал меня, желая не упустить последней возможности насладиться твоей мудростью.

Разес, не особенно довольный, про себя попенял Нергалу на этот поздний визит, однако он умел хорошо скрывать свои истинные чувства. Астролог, осанистый, плотного сложения мужчина, встретил посетителя, любезно улыбаясь.

— Я рад посланцу правителя, достойнейший Датхан, невзирая на столь поздний час. Чем я могу помочь?

— Правитель желает знать, что в ближайшем времени ждет соседние державы и каковы судьбы их повелителей. О чем тебе поведали звезды?

— Плата серебром, как обычно? — осведомился практичный Разес.

— Разумеется! Повелитель Эрука весьма ценит твои предсказания. И он весьма сожалеет, что ты покидаешь нас.

— Увы, благорасположение великого правителя ко мне не столь велико, чтобы отворотить местных завистников. Эрукийские маги не признают в чужеземце равного и всячески мне препятствуют. Разве в таких условиях можно заниматься столь тонким и требующим постоянной сосредоточенности делом, как предсказания будущего? Да ладно, чего уж там — все решено! Завтра на рассвете я отбываю в Хорайю, — вздохнул Разес.

— Твое решение окончательно?

— Да. Тем более, что там мне предлагают гораздо больше, чем я мог бы заработать в вашем городе.

— Ну, что ж, дело твое. Однако учти, что Хорайя после войн Ё Натохком сейчас далеко не так богата, как прежде. Так говорят все, кто там побывал, — недовольно произнес Датхан.

Разес, будто не слыша последнего высказывания гостя, предложил:

— Присаживайся, почтенный! Поглядим, что предсказывают звезды.

На стол, за который он пригласил сесть Датхана, астролог поставил диковинный ларец, внутри которого находился механизм из медных шестеренок. Наружные стенки ларца были покрыты окружностями и астрологическими знаками, цифрами и надписями, а также символами созвездий. Из одной боковины этого хитроумного устройства торчала серебряная рукоятка. Установив необходимое положение кругов, Разес сделал с ее помощью несколько оборотов — шестеренки завертелись, замелькали цифры и символы, и, наконец, когда механизм остановился, в прорезях замерших кругов астролог мог увидеть понятные только ему сочетания. Он запрокинул

голову и воздел руки, несколько мгновений пребывая в задумчивости, а затем начал вещать:

— Восходит темная звезда Нергала — значит, грядут большие изменения в судьбах людей и мира. Знаки небес гласят, что она встанет рядом со светлой звездой Митры — и потому Хорайя первой окажется под колесом перемен. Но еще одно видение предстает передо мной: я вижу трех властителей — прошлого, настоящего и будущего. Вернее, властительницу и двух владык-мужчин... Она — плененная сетью или связанная паутиной — прекрасна, как утренная заря, и взывает о помощи. Один из владык молод и знатен; он — в плену за каменной стеной, которую тщетно пытается разрушить голыми руками. Последний же — храбрый, могучий и отважный воин. Он спешит на помощь к властительнице и разрывает паутину.

И еще мне дано видеть облака, озаренные мерцающим светом луны. С облаков колдуньи наблюдают, как тени утопших восстают из болотной трясины, и как Великий Червь буравит земную твердь, и глядят на величественные склепы, где покоятся короли. Воистину странные видения! Разес покачал головой, словно избавляясь от наваждения.

— Ты можешь передать правителю, что Коф и Хорайя на пороге больших перемен. Это все. Теперь прости — я должен остаться один. Путь неблизок, и мне предстоит тщательно подготовиться к нему. Пусть светила благоволят тебе, Датхан. Прощай!

* * *

Прекрасен королевский дворец Хорайи! Великолепен карпашский мрамор полов, радуют глаз голубые, покрытые затейливой резьбой своды, всеми красками радуги сияют на стенах ковры. Гулким эхом отдавались в этих прекрасных каменных залах звон шпор и топот тяжелых кованых сапог Конана, варвара из Киммерии. Решительным шагом он направлялся к покоям принцессы Ясмелы.

Принцесса, сестра короля Коссуса, в его отсутствии правила государством, исполняя обязанности регента.

Войдя в покои владычицы, киммериец позвал ее служанку. Из-за портьеры выглянула стройная темноглазая женщина.

— Мне нужно видеть твою госпожу, Ватесса!

— Но это невозможно, воевода! — отозвалась служанка. — У принцессы назначен прием посланника из Шумира, и сейчас она готовится к нему. Не думаю, чтобы у нее нашлось время...

— Клянусь копытом Нергала, если принцесса находит время принимать послов из всех этих ничтожных городишек, то и для меня время должно найтись! Уже целая луна минула с тех пор, как мы виделись в последний раз. Неужели свидание с шумирским конокрадом столь важно, что госпожа Ясмела не сможет уделить мне несколько мгновений?

— Что-то произошло, воевода? Беспорядки в войсках?

— Нет, слава Митре, в войске все как обычно: сетуют на малую плату и слишком медленное производство в чинах. Как всегда, в мирные дни... Те же, кто не желал служить под командой киммерийского варвара, почти все погибли в бою под Шамлой. Вот и все, малышка, если тебе так уж хотелось узнать о делах в войске. Но я здесь вовсе не для этого. Клянусь Кромом, если я не увижу твою госпожу...

— Увидишь, — раздался из-за портьеры знакомый нежный голос. — Впусти воеводу Конана, Ватесса. Он прав: посланник может подождать.

Киммериец вошел в комнату. Служанки суетились вокруг принцессы, наводя последний блеск и лоск, дабы владычица предстала перед посланцем Шумира во всем великолепии королевских нарядов. На черных, как вороново крыло, волосах Ясмелы была закреплена диадема, слепившая глаза блеском ярких самоцветов. Принцесса сидела у столика, а служанка последними легкими мазками краски подчеркивала прекрасные очертания ее губ.

Ясмела повернулась к варвару и жестом удалила слуганок.

— Нет, мой милый! Не время! — запротестовала принцесса, отступив на шаг от Конана, который пожелал заключить ее в свои объятия. — Мое парадное облачение! Моя прическа! Ты все испортишь!

— Великий Кром! Ты гораздо больше нравишься мне без этой парадной мишуры, да и вообще без одежд. Придет ли, наконец, время, когда я смогу по-настоящему обнять тебя?

— Любимый, сколь бы ни было жарким мое чувство к тебе, я не могу отдаться ему полностью и всецело. Тогда, в разрушенном храме, я потеряла голову и стала твоей, ни о чем не думая. Но повторить то безумство в стенах дворца было бы неразумно. Не обижайся, но я предупреждала, что принцесса не может распоряжаться собой подобно обычной женщине — ведь у меня есть долг перед Хорайей и моим народом. И есть враги! Враги, подобно стае хищников, только и ждут момента, чтобы наброситься на меня, если я совершу хоть одну ошибку. И я не в состоянии представить, что произойдет, если появятся слухи... слухи о том, что мы с тобой... ты понимаешь... Или сплетни, что будто бы я жду от тебя ребенка... Это может стоить мне трона! И еще одно... Поверь, к вечеру меня охватывает такое утомление от всех этих державных обязанностей, что мне просто не до любовных ласк.

— Не верю! Не верю, что нельзя чего-нибудь придумать! В конце концов, есть верховный жрец богини Иштар — пусть он объявит свое решение, что мы отныне единая плоть и кровь, и тогда все будет в порядке. В полном порядке!

— Любимый, обычаи нашей страны не позволяют особам королевской крови вступать в браки с чужестранцами, — печально промолвила Ясмела. — Клянусь, я приложила бы все усилия, чтобы как-то обойти сей запрет, но пока брат мой находится в плену и я должна

исполнять обязанности регента, соединиться нам невозможно.

— Так дело только за этим? Если король Коссус будет освобожден из офирского плена, то все будет, как мы хотим? Выходит, вся эта державная чушь, которой ты сейчас занята, не позволяет нам соединиться? А коль я вытащу Коссуса из темницы, то он возьмет дела по управлению государством на свой горб, верно?

— Разумеется! — согласилась принцесса. — Он выполнял бы свой королевский долг, а я бы освободилась. Впрочем, я не уверена, что он разрешил бы нам сочетаться браком, — она печально нахмурилась и сцепила тонкие пальцы. — Хотя, конечно, уговорить его я бы попыталась.

— Почему же до сих пор королевство не заплатило выкуп Морантесу, офирскому королю?

— Дело в том, что выкуп был уже собран, но король Офира поднял цену. Казна же наша оскудела после войны с Натокком, и таких денег у нас теперь нет. Если бы мы могли найти мага, который обладал силой, позволяющей освободить моего брата из пленения! Иначе, опасаясь, Морантес может продать Коссуса правителю Кофа... Прости, мой милый, наше время истекло, и мы должны сейчас расстаться. Точность всегда считалась первейшим долгом и достоинством нашего королевского дома, и я не хочу нарушать этот обычай. Прощай, любимый!

Служанки, сбежавшиеся на мелодичный звон серебряного колокольчика, вновь окружили Ясмелу, чтобы нанести последние штрихи на ее великолепный парадный наряд. Конану ничего не оставалось, как покинуть королевские покои. Однако уходя, он на мгновение остановился и обернулся к принцессе:

— После нашей беседы мне пришла в голову одна занятная мысль...

— Какая же, мой воевода? — нетерпеливо перебила его Ясмела.

— Принцесса узнает об этом тогда, когда у нее снова будет для меня время. А сейчас принцесса сильно занята, и я должен откланяться.

Канцлер Хорайи Таурус, отбросив с высокого морщинистого лба седую прядь, уставился на сидевшего перед ним Конана, главнокомандующего королевскими войсками. Наконец, прервав недолгое молчание, он произнес:

— Ты спрашиваешь, что случится, если король Коссус умрет? Отвечу: будет избран его преемник. Прямых наследников Коссус не оставил, так что сам понимаешь... Принцесса Ясмела пользуется в стране великим уважением — даже, я бы сказал, любовью. Соберется совет старейшин и знати, и нет сомнений, что они выберут преемником сестру правителя.

— А если принцесса не согласится?

— Тогда будет коронован ее дядя Бардес, ближайший родственник Ясмелы... — Таурус внимательно посмотрел на киммерийца и добавил: — Конан, выслушай меня: я хочу, чтоб ты понял и разделил наши заботы... а ежели в чем-то заблуждаешься по неведению, оставил глупые мысли. Давай поговорим без обид: у меня нет желания ни унижить тебя, ни оскорбить, но у нас в Хорайе заведено так, чтобы правитель был из своих. Наши кланы не потерпят, чтобы корона досталась чужеземцу, сколь бы хорошо она ни смотрелась на его голове...

— Спасибо за честный ответ, Таурус, — буркнул Конан. — Но есть и другая сторона дела: что будет, если на трон Хорайи усядется безвольный и глупый человек?

— Пусть лучше короной владеет угодный всем глупец, чем пара умников, правление которых расколет страну напополам, — ответил канцлер. — Но ведь мы встретились не для того, чтоб обсуждать, кому достанется престол Хорайи. Ты говорил, что хочешь кое-что предложить мне?

— Да, у меня появилась одна мысль... Предположим, мне удастся проникнуть в Офир и освободить Коссуса. Будет ли это выгодно вашему государству?

Сколь ни был умудрен опытом старый канцлер, но услышав слова киммерийца, он не смог сдержать возгласа изумления.

— Непостижимо! Я уже второй раз слышу об этом!

На днях подобное предсказание сделал один астролог. По его словам, звезды расположены так, что задуманное тобой завершится успешно. Обычно я не обращаю особого внимания на рассказы колдунов, но услышать то же самое от тебя!.. Теперь я начинаю верить, что в речах астролога что-то есть...

— Кто этот предсказатель? — перебил канцлера Конан.

— Его зовут Разес. Он родом из Коринфии, а к нам приехал из Эрука.

— Не знаю такого, — покачал головой киммериец. — На эту мысль меня навело одно словечко, оброненное в разговоре принцессой Ясмелой.

Таурус был наслышан об отношениях принцессы и варвара, но старался не замечать этих слухов. Одна лишь мысль о браке между Ясмелой и грубияном-наемником была неприятна старому канцлеру, но он понимал: если в первую очередь думать не о собственных своих симпатиях, а о судьбе государства, то имеет смысл взглянуть на обстоятельства по-иному. Конан являлся реальной силой, и поэтому канцлер, царедворец опытный и искушенный, немного подумал и начал так:

— Увы! Выкупить короля мы не сможем, ибо суммы, которую требует Морантес, нам не собрать. Страбонус предлагает Офиру заключить союз, и тогда Коссус неизбежно окажется в руках кофийцев. Нет никаких сомнений, что под пыткой он отречется от трона в пользу Страбонуса. Мы, конечно, будем сражаться с Кофом за свою свободу, но, думаю, Страбонуса нам не одолеть. Так что какой бы безумной авантюрой не выглядело твое предложение, нам придется рискнуть и принять его — хоть я и считаю, что шансов на успех у тебя нет никаких. Однако следует приниматься за дело не медля, чтобы не упустить время. Иначе будет поздно.

— Ты считаешь, нам не выстоять против Кофа? Ведь войско Натохка мы победили, — заметил Конан.

— Это совсем другое дело, воевода. Конечно, благодаря тебе, мы разгромили сброд Натохка, но против многочисленной, отлично вооруженной и опытной армии мы будем

бессильны. К тому же, у Страбонуса много союзников: — печально покачал головой канцлер.

— Ну, хорошо... Ладно! Если моя, как ты говоришь, авантюра удастся и король будет на свободе, что буду иметь я?

— Ты добьешься исполнения своих желаний, — Таурус позволил себе улыбнуться. — Король будет заниматься государственными делами, а принцесса, избавившись от долга правления страной, сможет уделять тебе гораздо больше внимания. Ведь ты хочешь именно этого?

— Допустим, — ответил Конан. В голосе его явственно звучали угрожающие нотки.

— Я вовсе не хотел тебя обидеть, воевода... да, кстати, мне кажется, что в этом нет ничего плохого. Но — поправь меня, если я ошибаюсь, — ведь одной любви тебе будет мало?

— А как ты думал? Любовью сыт не будешь, и за те деньги, что вы мне платите, признания ваших нобилей не добьешься. Тут нужно целое состояние... — Конан, будто подсчитывая, нахмурил брови. — Скажем, половина той суммы, что первоначально назначил за выкуп короля Морантес.

Таурус задумался. Если б перед ним сидел другой человек, канцлер непременно бы поторговался, но с этим дикарем-киммерийцем следовало обходиться с крайней осторожностью. Никто не знал, как он отреагирует на торг: презрительно усмехнется и выйдет из кабинета, или, разгневавшись, вообще покинет Хорайю. А здесь он просто необходим. Особенно сейчас!

— Я согласен, — наконец сказал канцлер. — Лучше уж заплатить тебе, чем отдавать деньги Морантесу — так, по крайней мере, они останутся в королевстве. А теперь... Теперь я велю послать за астрологом Разесом, и мы вместе наметим план действий.

* * *

Войдя в просторный зал, Конан увидел не только Ясмелу и Тауруса, но еще одного человека, которого раньше он не встречал, — среднего возраста, в приличной

одежде из тонкого сукна; на лице его застыло какое-то сонное выражение. Киммериец также прибыл не один: за ним мелкими шажками плелся тщедушный и грязный человек, облаченный в лохмотья, которые трудно было назвать одеждой.

— Мое почтение, принцесса, — поклонился Конан. — Приветствую тебя, канцлер, и тебя, незнакомец.

— Разрешите представить тебе Разеса Лимнейского, знаменитого предсказателя, — привстал Таурус. Смущенно кашлянув, он спросил: — А что за господина ты привел с собой, воевода?

Конан довольно усмехнулся.

— Сегодня ночью, когда все приличные люди уже видели третий сон, я встретился с ним в одной на редкость занюханной таверне. И не господин это вовсе! Зовите его Фронт, и я должен сказать, что во всем вашем королевстве вряд ли сыщешь более усердного и упрямого вора.

Фронт отвесил собравшимся низкий поклон, однако с лица Тауруса не исчезла брезгливая мина.

— Очень хорошо, что ты поймал вора, — обратился он к варвару. — Но сюда-то ты его зачем притащил?

Однако смутить Конана было не так-то легко.

— Я сам когда-то был вором, и не из последних, а значит, хорошо понимаю, что к чему в этом деле. Для нашей задумки будет нужен искусник по вскрытию замков. Вот я и посоветовался кое с кем, и пришел к мнению, что лучше, чем Фронт, этого никто не сделает. Самому мне не справиться — слишком уж пальцы у меня огрубели...

— Н-да, — без особого энтузиазма протянул Таурус, выслушав эту речь. — Интересные у тебя приятели, воевода! И что же, ты собираешься довериться в столь важном предприятии человеку... как бы поточнее сказать... такой сомнительной профессии?

— Видишь ли, у Фронта есть серьезные причины участвовать в нашем деле, — усмехнулся Конан и подтолкнул вора в бок. — Излагай, парень!

Воришка вновь поклонился.

— Высокочитимая госпожа и почтеннейшие господа, — начал он, и Таурус почти машинально отметил, что в его речи слышится офирский акцент. — Я, может, не столь благородных кровей, однако имею свои понятия о чести. Мой отец был родом из Офира, и звали его Гермием. У меня есть счеты к владыке Морантесу, ибо на совести его смерть моего отца. Дело было так. Когда Морантес стал королем, ему пришла в голову мысль выстроить новый дворец, прекраснее и больше прежнего. Ну, Морантес приказал королевскому архитектору — а им был мой отец — устроить там потайной ход и вывести его за городские стены, чтобы в случае каких-то неприятностей обезопасить свою драгоценную особу. Мало ли что может произойти: бунт, война и всякое такое... словом, бывает, что королю нужно тайком покинуть дворец. Итак, ход сделали, а после окончания стройки всех, знавших о том подземном коридоре, умертвили, чтобы скрыть секрет. Отца, правда, Морантес пожалел: он всего-навсего отрезал ему язык и выколол глаза. Но старик мой после того не прожил и месяца. А перед смертью он сумел вслепую нарисовать мне план тоннеля, и теперь я без труда могу провести во дворец кого угодно. Поскольку же коридор ведет прямоком в тюремный подвал, то, сами понимаете, у нас есть все шансы спасти короля Хорайи.

— Что же уважаемый... господин вор хочет за сию услугу? — спросил канцлер.

— Я хочу отомстить за отца, и это сейчас самое главное, — ответил Фронтон. — Правда, если мне положат пенсией, какой дают отставным солдатам, да простят мои мелкие грешки перед Хорайей... Возражать я бы не стал, почтеннейшие господа.

— Считаю, что ты все получишь, — сказал Таурус и перевел взгляд на Конана.

Тот, в свою очередь, обратился к астрологу:

— В чем состоит твое участие в этой затее, уважаемый?

— Я, воевода, — отозвался предсказатель, — могу рассчитать наилучшее время для этой твоей затеи. Посмотри-ка сюда, на мой механизм, — он протянул Конану

ларчик с какими-то шестеренками внутри и странными знаками на стенках. — Это устройство может высчитывать благоприятное время по положению звезд.

В подтверждение своих слов астролог покрутил ручку машинки и, посмотрев на появившиеся в окошечках символы, объявил:

— Все обстоит как нельзя лучше! Отправляться в путь нам следует завтра — это самое лучшее время в ближайшие два месяца.

— Всю свою жизнь я обходился без этой магической ерунды, — нахмутив брови, буркнул Конан, — и как-то мне сомнительно, что пришло время обратиться к ее помощи сейчас...

— Я не маг, а всего лишь астролог, — с важностью ответил Разес, как будто не заметив недоверчивых слов варвара, — но кое-какие полезные вещи делать умею. Ну, а кроме того я в совершенстве овладел кофийским языком, а поскольку в Офир нам предстоит идти именно через Коф...

— Ты ничего не мог придумать лучше, уважаемый? — ехидно осведомился киммериец. — Надо же, идти через Коф! Прямехонько в лапы Страбонуса! Разумеется, мы пойдем через Шем, потом — через Аргос, и дальше, у южных рубежей Аквилонии, выйдем к Офиру.

— Путешествие не из коротких, — сказал до этого молчаливый и внимательно слушавший спорящих канцлер. — Ты сам понимаешь, воевода, что нам следует действовать быстро, а предложенный тобой путь долог и опасен — не менее опасен, чем через Коф.

Конан пытался возражать, но Ясмела поддержала Тауруса, и варвару ничего не оставалось, как согласиться и на предложенный астрологом путь, и на его участие в экспедиции. Однако, когда канцлер завел речь о прислуге, устройстве лагеря для ночлега, и прочих подобных тупостях, киммериец не выдержал и грохнул кулаком по столу:

— О чем ты говоришь, Таурус? Какой лагерь, какая прислуга?! Можно подумать, мне никогда не приходилось

ночевать под открытым небом! Да и Фронто, как мне кажется, тоже не похож на неженку. Ну, а если кого-то такие условия не устраивают... — киммериец выразительно посмотрел на астролога, — он может сидеть дома, в Хорайе! Нам совершенно не нужны лишние глаза, уши и языки: меньше народу — больше уверенности, что никто не сболтнет лишнего...

— Но, воевода, — изумленно воскликнул Таурус, — кто же будет прислуживать тебе, точить оружие, чистить сапоги и коня!..

— Чушь! — не дослушал его речей Конан. — Эка невидаль, обиходить самого себя и лошадей! Всю свою жизнь я привык обходиться без прислуги, и вообще — чем меньше недоумков участвует в деле, тем лучше. Без слуг мы будем двигаться быстрее и с большей безопасностью.

— Что ж, может быть, ты и прав, — вздохнул убитый астролог. — Но хоть дрова-то рубить ты меня, надеюсь, не заставишь?..

— Ладно, — усмехнулся киммериец, — не заставляю! А теперь, — он повернулся к Таурусу, — прикажи, чтоб Фронто беспрепятственно выпустили из дворца, не то твои стражи вмиг навесят на него кандалы.

— А ты, мошенник, — продолжал варвар, повернувшись к вору и кидая ему монету, которую Фронто ловким движением схватил на лету и мгновенно спрятал за щеку, — купи себе что-нибудь из одежды. Шиковать особо не стоит, но чтоб таких лохмотьев на тебе не было! Встретимся вечером, у воинских казарм.

После этого Конан попросил у принцессы разрешения проводить ее до покоев, и, когда они подошли к двери ее комнаты, сказал:

— Я иду к тебе сегодня ночью, моя милая. Как знать, может, эта ночь окажется для нас последней.

— Это риск, ужасный риск... Но ты прекрасно знаешь, что у меня нет сил отказаться, — прошептала, потупившись, Ясмела. — Приходи перед сменой стражи, искуситель! Служанок я отошлю...

* * *

Разный люд попадает на дорогах: то пеший торговец из Заморы, то погонщики-шемииты с караваном верблюдов, то хорайский нобиль в удобном возке, который мчит пара коней, то бедный селянин, в тележку коего запряжен тощий ишак. А потому, не привлекая особого внимания, тройка всадников и мул с поклажей добрались до обрывистых скал северной части Кофийского плато. То, что издали выглядело монолитным склоном, вблизи оказалось множеством скал, рассеченных трещинами и ущельями. К вечеру, следуя узкой тропой, змеившейся по каньону, путники поднялись на плато.

Там, куда ни кинь взгляд, тянулась бескрайняя равнина, только с одной стороны линию горизонта нарушал черный дымный столб, а под ним, на склонах горного хребта, играли яркие отблески. Это бушевала огненная лава в кратере вулкана Крош.

Когда путники подъехали к самому краю плато, их остановил разъезд всадников в гривастых кофийских шлемах. Это была пограничная стража.

— Я думаю, что смогу все уладить, воевода Конан, — негромко предупредил Разес, и, с крахтеньем спешившись, направился в сторону десятника.

Издали было не разобрать, что втолковывал астролог командиру отряда, поскольку объяснялся он на кофийском диалекте и говорил очень быстро. Но своей цели он добился: мрачный до того десятник внезапно оскалил рот в широкой ухмылке и крикнул что-то своим солдатам, указывая рукой на Фронто и Конана.

— Пропустить! — приказал он, давась от хохота.

— Чем ты так развеселил этого недоноска? — поинтересовался Конан, отъехав на приличное расстояние от пограничного поста.

— Ничего особенного, — скромно улыбнулся астролог. — Я просто сказал ему, будто мы знаем, что в западном Шеме война, а сами мы едем в Асгалун...

— Так что же тут смешного? — не понял киммериец.

— Видишь ли, еще я упомянул, — продолжил Разес, — что у моего сына, — тут он указал на Фронто, —

наблюдается определенная слабость в одной из существенных частей тела, и по этому случаю мы направляемся в храм богини Деркетю. Может быть, принесенные ей богатые жертвы помогут моему несчастному отпрыску исцелиться и занять собственного наследника.

Фронтю шутка коринфийца совершенно не понравилась, зато Конан просто-таки зашелся от хохота:

— Ну это же надо придумать такое, старый ты хрыч! — повторял он между приступами овладевшего им смеха.

* * *

Путь в Офир был неблизкий. Остались позади степи, на которых под охраной всадников кочевали несметные стада, промелькнули взгорья центральной части Кофа, и реки, поившие водой соленое озеро, чьи берега были окаймлены колючками — так, что пейзаж напоминал пустыню. Прошла почти целая луна, прежде чем путешественники добрались до более плодородных и благодатных мест.

Во время пути Конан внимательно присматривался к своим спутникам. Фронтю был ему отличным помощником в делах, ловким и сообразительным, зато Разесу не стоило ничего поручать — он брался за любую работу крайне неохотно, да и то только тогда, когда киммериец прямо указывал ему, что и как сделать. Когда же его все-таки заставляли потрудиться, все валялось у астролога из рук, и через некоторое время Конан пришел к выводу, что проще все делать самому. Но человеком Разес был веселым и общительным, развлекал спутников предсказаниями по звездам и многочисленными рассказами, почерпнутыми из древних мифов. Однако Конана все время мучило какое-то чувство, что доверять коринфийцу нельзя. Астролог своими повадками напоминал ему змею, скользкую, проворную и хитрую, которую невозможно ухватить руками; даже на простые вопросы от него никогда не удавалось получить прямого и ясного ответа.

С Фронто тоже было не все в порядке. Навязчивое

желание отомстить королю Морантесу не давало ему покоя.

— Как только боги позволят мне, непременно зарежу этого шакала Морантеса! А потом будь что будет — пусть хоть заживо сварят, мне все равно!

— Так не годится, — пытался образумить воришку Конан. — Я знаю — сам бывал в таком положении! — как человек может мечтать о мести. Но отмщение делается по-настоящему сладким, когда ты остаешься в живых, иначе оно и медяка ломаного не стоит. К тому же не забывай, для чего мы сюда забрались — чтобы освободить Коссуса. Вот когда выполним это дело, тогда твори, что захочешь, ищи Морантеса и расправляйся с ним каким угодно способом. В общем, наслаждайся местью сколько твоей душе угодно.

Фронтю с покорностью выслушивал сентенции киммерийца, однако бормотать про месть врагам и угрозы этому мерзавцу Морантесу не переставал.

Добравшись до столицы Кофа, путники остановились и разбили лагерь на лесной опушке, недалеко от городских стен. Посмотрев на запад, где находился Хоршемиш, Разес взял свой кожаный мешок с поклажей, вытащил из него астрологический механизм и погрузился в работу. Он крутил рукоятку машинки, задумчиво поднимал взор к небесам, опять крутил, что-то тщательно вычисляя и записывая. Своим спутникам он признался, что пытается выведать, что их ждет в кофийской столице. Через некоторое время Разес объявил, что в Хоршемиш лучше не заходить, так как там их ждут серьезные неприятности.

— Предлагаю обойти город. Я неплохо знаю окрестности, и времени мы потеряем немного. Кроме того... — он немного помолчал и озабоченно продолжил: — Кроме того, я чувствую, что рядом с нами таится какая-то опасность.

— Что еще за опасность? — насторожился Конан.

— Не знаю точно, — прикоснулся к механизму астролога, — но так говорят звезды. Надо быть особенно внимательными.

Он аккуратно убрал машинку в мешок и вынул оттуда веревку.

— Хотите фокус? Один из моих давних приятелей научил, маг из Заморы. Ну-ка, поймай!

С этими словами Разес бросил киммерийцу конец веревки, Конан ловко схватил ее, но тут же отшвырнул, помянув недобрым словом Нергала, и еще парочку темных богов: веревка, вылетев из рук астролога, обернулась живой змеей. Однако стоило ей коснуться земли, как она снова превратилась в кусок обыкновенной веревки.

— В следующий раз, когда захочешь пошутить, хорошенько подумай! — взорвался варвар, схватившись за рукоятку меча. — Угробить ты что ли меня захотел, коринфийский гiena?!

— Ты совершенно зря беспокоился, воевода, такие змеи не ядовиты. Кроме того, это был обман зрения: веревка оставалась веревкой, а змея — иллюзия, фантом, и ничего больше. Я ведь предупреждал — это будет фокус, — Разес с самодовольной улыбкой поднял с земли веревку.

— Поблагодари богов, что твоя голова осталась на плечах, — огрызнулся Конан, успокаиваясь. — По-моему, змея — она так змеей и останется.

Фронт, бывший свидетелем этой сцены, не мог сдерживать ехидного смеха:

— Наконец-то я увидел, чего боится славный воевода Конан!

— Сидел бы уж лучше, мститель! — беззлобно отпарировал варвар. — Вот доберемся в Ианту, там и поглядим, кто из нас пугливый, а кто не очень.

Разес упрятал веревку и спокойно предупредил своих спутников:

— Кстати, в мой мешок вам лучше не заглядывать. Мало ли что может случиться... Вот, например, — он порылся в мешке и вытащил небольшую медную шкатулочку, на стенках которой были выгравированы какие-то рисунки. — Вот, глядите: вроде бы обыкновенный ларец...

Разес убрал шкатулку, но продолжить свой рассказ не успел.

— Ни с места! — раздался над путниками хриплый

голос, принадлежащий, судя по выговору, уроженцу Кофа. — Только дернетесь — и дюжина моих лучников не промахнется!

В кустах, окружавших лагерь, наметилось какое-то движение, и из темноты вышел тощий человек с черной повязкой на глазу. Вероятно, платье его когда-то смотрелось изысканным и богатым, однако сейчас эти обноски не стоили и ломаного медяка.

Незнакомец подошел к костру и обернулся в сторону леса:

— Можете выходить, парни! И дайте им полюбоваться на ваши стрелы!

Главарь несколько преувеличил численность своей шайки: в ней было всего семь разбойников, но и их хватало, чтоб держать трех путников под прицелом. Конану такой оборот дела совсем не нравился.

— Ты кто таков? — рякнул он.

— Да так, никто, — ответил незнакомец. — Собираю, знаешь ли, дань с тех, кто изъявит желание попользоваться этим прелестным зеленым лесочком.

Если бы Конан был один, он, не медля ни мгновения, бросился бы на бандитов. Кольчуга под плащом служила ему хорошей защитой, но спутники его, находившиеся под нацеленными луками, погибли бы наверняка. Поэтому киммериец не предпринял никаких действий, но, на всякий случай, подобрал под себя ноги, приготовился к прыжку, если придется драться.

— Ну-ка, ну-ка, поглядим, что у вас тут... — предводитель, довольно ухмыляясь в предчувствии богатой добычи, запустил руку в кожаный мешок Разеса и вытащил шкатулку, которую только что демонстрировал своим спутникам астролог. — О, совсем неплохо! Что же мы имеем внутри? Камешки? Самоцветы? Или, может, золотишко? Да нет, по весу маловато... Откроем...

— Не делай этого, — предупредил разбойника Разес.

— Заткнись, — нехорошо улыбаясь, ответил главарь шайки. Не обращая внимания на слова астролога, он открыл ларчик. — Ха... Да он же пустой... Ох!.. Там что-то дымится!..

Внезапно разбойник вскрикнул и отшвырнул шкатулку, словно она была ядовитой змеей. Облако белесоватого дыма, отсвечивающего в мерцающем пламени костра, разрослось, раздалось ввысь и вширь, и, словно саваном, окутало несчастного. Главарь тщетно пытался отбиться от неведомой силы; он хлопал руками по груди, как будто пытался погасить охвативший его невидимый глаз огонь — и, наконец, упал наземь и с громкими воплями принялся кататься по траве. Медная коробочка, которую отбросил бандит, извергла один за другим еще два дымных облака, и они, словно стайки рыбешек в воде, затанцевали над травой, увеличиваясь в размерах и с каждым мгновением изменяя свои очертания. Одна из этих струящихся дымных теней поглотила второго разбойника, и он тоже, издавая жуткие вопли, повалился в траву.

Бандиты, не расставаясь с оружием, пытались бороться с носившимися в воздухе тенями, но стрелы пронзали дым, и только; справиться с этими облаками стрелой и ножом было нельзя. Напуганные до смерти разбойники с криками ужаса и отчаянными ругательствами бросились в лес, подальше от неведомой силы, душившей их сотоварищей.

Астролог все это время был недвижим, как истукан, лишь губы его шептали какие-то заклятья.

Когда мучения охваченных облаками дыма бандитов закончились и их скрюченные тела неподвижно застыли в траве, Разес взял шкатулку в руки и нараспев произнес несколько фраз на непонятном Конану наречии. Дымные тени съезжились и, повинаясь словам кофийца, вернулись на свое место, в медную коробочку.

— Я его предупреждал, — неприятно усмехаясь, заметил астролог, — так что он вряд ли может обижаться на меня. — Посмотрев на лежащие в траве тела, он поправился: — Правильней будет сказать, что меня не попрекнешь случившимся...

— Я вижу, что ты гораздо искуснее в магии, чем хотел представить, — бросил Конан. — Что это было?

— Обычные духи, ничего более... Эту шкатулку я вы-

играл как-то в Стигии у колдуна по имени Луксур. Тогда звезды предсказали мне, что я окажусь в прибыли.

— Так ты еще и шулер к тому же! — не сдержался киммериец.

— С волками жить — по волчьей выть, — осклабился Разес. — Этот Луксур пытался колдовством воздействовать на кости... Ну, и теперь в моем подчинении есть заколдованные духи. Однако повинуются они мне только в сумерках и во мраке, ибо света дневного переносить совсем не могут.

— Да, — задумчиво взирая на пламя, сказал Конан, — я тоже немало побросал костей... Столько золота выиграл и проиграл, что тебя можно засыпать! Однако, хвала пресветлому Митре, с колдунами играть не приходилось. — Он покачал головой и заметил: — Твои духи, пожирающие людей, спасли наше имущество, а скорее всего, и жизни. Но должен сказать, что я и без них бы обошелся. Отвлекли меня твои байки, иначе услышал бы я шаги бандитов, и не сидел под их стрелами, как ягненок, приготовленный к закланию. Ну, да ладно... Отдыхайте! Первым постом на страже я.

* * *

На следующее утро путники, следуя за Разесом, обошли Хоршемиш; дальше их путь лежал по главной дороге, ведущей в Офир.

Конана уже некоторое время мучило смутное беспокойство; что-то ему не нравилось в их путешествии. Киммериец не испытывал страха перед грядущими опасностями, не боялся он оказаться в плену у Морантеса и не страшился пыток — жизнь закалила Конана, и ему не раз приходилось сидеть за решеткой. Мужества и терпения ему тоже было не занимать. Он не боялся даже самой смерти; ведь на нее перестаешь обращать внимание, когда она подстерегает на каждом шагу.

Дело заключалось в чем-то другом. Вроде бы все шло гладко: никто путников не останавливал, все дозоры пропускали их благодаря байкам и соленым шуточкам Разеса, не было за ними никакой погони, и до сих пор не

встретились им враждебные маги и колдуны... Так не бывает!

Наконец Конана осенило. В этом же все и дело! Он привык к тяготам и лишениям, он все время ожидал опасности, а ее-то и не было! Вот это и является причиной его беспокойства.

Впереди показались стены Ианты. Умытые летним дождем, блестели черепичные крыши и башни древней прекрасной столицы Офира; солнце, глаз Митры, Подателя Жизни, уходя на покой, освещало длинными вечерними лучами богатые купола храмов.

— У нас две возможности, — сказал Фронтон. — Либо идем по мосту к главным воротам, либо к броду. Он примерно в тысяче шагов вверх по реке.

— А где начало подземного хода? — спросил Конан.

— На том берегу, — ответил Фронтон.

— Тогда лучше отправиться к броду, — решил киммериец.

Астролог, до сих пор пребывавший в молчании, осведомился, обернувшись к Фронто:

— К полуночи мы доберемся до тоннеля?

— Разумеется. Это же недалеко.

Разес ничего больше не сказал, лишь кивнул в знак согласия.

* * *

Они остановили своих коней в рощице, находившейся не дальше полета стрелы от городских стен и башен Ианты. Сквозь ветви деревьев был виден ущербный круг луны, своим пепельным сиянием заливавший купол небес, на фоне которого четко вырисовывались крепостные парапеты. Конан вытащил из седельной сумки заранее приготовленные факелы и скомандовал:

— Разес, ты присматривай за лошадьми, а мы с Фронто пойдем в тоннель.

— Но, воевода, — не согласился астролог, — ведь наши лошади стреножены! Куда им деться? Зато мои волшебные приспособления могут выручить нас. Нет, я должен идти в Ианту вместе с вами!

— Не думаю, что в твоём возрасте и с таким... хм-мм... брюхом ты будешь нам полезен, — возразил киммериец. — Вдруг не протиснешься в подземный ход?

— Видишь ли, звезды говорят, что скоро тебе понадобится моя помощь. К тому же я куда более ловок, чем это кажется на первый взгляд, — не отступал Разес.

— Пожалуй, он прав, воевода, — заметил Фронтон. — Колдун нам не мешает.

— Ладно, уговорили, — согласился Конан. — Только учти, почтеннейший Разес, что двигаться нам придется быстро и ждать тебя я не стану. Ну, а если — не приведи Митра! — тебя схватит стража, отвлекаться мне будет недосуг. Так что заботу о собственной шкуре бери на себя.

— От судьбы не уйдешь, я готов к этому, — спокойно ответил кофиец.

Надо сказать, что после случая с бандитами Конан куда внимательнее, чем раньше, прислушивался к словам астролога, хоть вся его натура почему-то этому противилась. Но Разес уже не раз удачно предсказывал погоду и выбирал безопасные места для ночевки. Мелочи, конечно, но они тоже несколько поколебали недоверие киммерийца.

— Ну, двинемся мы, наконец, или нет?! — Фронтон не мог скрыть своего нетерпения. — Мне кажется, я не дожусь, когда мой кинжал защекочет брюхо Морантесу!

— Смотри у меня! — рявкнул на него Конан. — Мы сюда не для удовольствий залезли, так что не забывай про дело!

Втроем они направились к городской стене, причем раздосадованный воришка что-то недовольно бормотал себе под нос. Они уже почти достигли зарослей кустарника, как вдруг лунный свет озарил шлем дозорного, который медленно прокаживался вдоль городской стены. Путники застыли на месте и не шевелились до тех пор, пока стражник не исчез из виду.

В густых зарослях кустов Фронтон нашел небольшую прогалину, поросшую лишь мелкой чахлой травой. Он ощупал землю и, обнаружив бронзовое кольцо, вделанное

в крышку люка, попытался ее приподнять, но его силенок явно не хватало.

— Воевода, — обратился к киммерийцу Фронто, — может, ты попробуешь?

Конан напряг мускулы, вздохнул и потянул кольцо. Раздался шорох рвущегося дерна, и крышка люка медленно поползла вверх, открывая уходящие в глубину ступени. Их полированный камень мерцал в неярком свете луны.

— Мой отец — мастер своего дела! — с гордостью произнес Фронто. — Любой человек может пройти здесь, не сгибаясь. Даже ты, мой воевода!

Киммериец спустился на несколько ступеней и достал из-за пояса трут и кремь. Но попытка зажечь факел не удалась: трут, видимо, отсырел во время недавнего дождя.

— Проклятье! — выругался Конан. — Дайте-ка что-нибудь посуше.

— Разреши попробовать мне, — сказал Разес.

Вытащив из мешка небольшой металлический стержень, астролог воткнул его заостренный конец в просмоленные тряпки, намотанные на факел, и прошептал заклинание. Стержень вдруг раскалился, будто в кузнечной печи: из красного стал желтым, потом белым, и тряпки начали обугливаться, а затем ярко вспыхнули. Стержень перестал светиться, и Разес упрятал его в свой мешок.

— Фронто! — приказал, пытаясь не выказать своего удивления, Конан. — Закрой за нами люк! Да потише, отродье Нергала! Ты мне всю стражу перебудишь!

— Рука соскользнула, — виновато сказал Фронто. — Я пойду вперед, мне хорошо ведома дорога. — Он с паучей ловкостью соскользнул вниз по лестнице. — Давай факел!

Не издавая ни звука, они двинулись вперед по темному мрачному тоннелю. Пол здесь был вымощен грубо обтесанными каменными плитами, но звуки шагов были почти не слышны, поскольку мох и лишайник, выросшие за долгие годы, словно ковром покрывали весь пол. Неверный свет факела метался по стенам и потолку, сложенным

из толстых бревен и брусев. Иногда мелькали красным блеском глаза крыс, шныряющих под ногами. Путники приумолкли; мрачная атмосфера, царившая в подземелье, как будто давила на плечи тяжелым грузом. Конан настороженно озирался, внимая всем шорохам и звукам, внимательно оглядывал стены, на которых тени от колеблющегося огня рисовались контурами громадных летучих мышей. Запах застоявшегося за много лет воздуха был тяжелым и неприятным.

— Сколько нам еще идти? — спросил наконец киммериец. — Мы тащимся так долго, что должны вылезти с противоположной стороны городских стен!

— Нет, мы не добрались еще и до центра Ианты, — ответил воришка. — Дворец построен там, где раньше была цитадель, в самой середине города.

Вдруг над их головами раздался какой-то грохот, отразившийся от стен тоннеля похожим на раскат грома эхом.

— Что это? — вздрогнул Разес.

— Всего-навсего волы тянут телегу по улице Иштар, — усмехнулся Фронто. — А гремят колеса возка.

Через некоторое время подземный ход закончился лестницей, ступени которой поднимались к люку — такому же, как в начале тоннеля. Киммериец тщательно осмотрел его и обернулся к Фронто:

— В каком месте тюрьмы находится выход из тоннеля?

Воришка, напрягая память, поскреб в затылке и, наконец, произнес:

— В южном коридоре, в его дальнем конце.

— А темница, в которой держат Коссуса, находится в среднем коридоре. Он идет параллельно южному, — тихо сказал Разес.

— Откуда тебе это известно? — ледяным голосом спросил Конан. — Опять звезды наворожили?

— Ну, разумеется, воевода! Только звезды могли сказать мне об этом.

Конан пробормотал себе под нос неразборчивое проклятие — что-то про Нергала, его рога, копыта и клыки.

Тем временем Фронтó, приподняв крышку, приложил ухо к щели и прислушался.

— Вроде стражников рядом нет. Полезли наверх!

Конан пристроил факел на стене у лестницы и знаком приказал Фронтó открыть люк. Старые несмазанные петли отозвались протяжным скрежетом, и все трое на несколько мгновений замерли; потом, убедившись, что никто, кроме них, не слышал жутких звуков, Фронтó, а за ним Конан с Разесом, выбрались в коридор. В нос киммерийцу ударил тошнотворный тюремный запах.

Коридор был небольшим, шагов двадцать длиной, и по обе его стороны тянулись ряды решеток, отделявших тюремные камеры. В дальнем конце коридора в стене торчал факел, освещавший помещение тусклым светом. Фронтó закрыл люк, чтобы зияющая в полу дыра не привлекла внимания стражников, а Конан — на всякий случай, если придется в темноте отыскивать выход — подложил под край крышки монету.

Затем киммериец выхватил из ножен меч, и вся троица двинулась по коридору к дальнему его концу. Синие, как сапфир, глаза Конана привычно ощупывали стены, решетки и гулкое пространство камер. Все они тут были пусты, кроме двух: в одной на остатках соломы белели человеческие кости, а в другой находился узник, заросший волосами до такой степени, что черт его разобрать было невозможно. Он проводил их безумным взглядом, так, видимо, и не поняв до конца, кто же проскользнул мимо решетки: люди, призраки, или плод его воспаленного воображения.

Когда они дошли до конца коридора, где был прикреплен факел, Фронтó молча кивнул направо. Приятели осторожными шагами завернули за угол, крадучись, словно львы, вышедшие на охоту; прошли немного вперед и, свернув еще раз налево, без помех миновали пересечение коридоров. Теперь они очутились в другом проходе, по сторонам которого, как и в предыдущем, находились запертые камеры. Проходя мимо одной из решеток, воришка жестом руки указал на нее Конану.

В неярком свете факела киммериец заметил, что в

этой камере находились какие-то предметы: вроде бы ложе, колченогий стол, табурет и умывальник; да и размерами она была, пожалуй, вдвое больше остальных. На ложе сидел человек. Увидев, что к камере его приближаются трое неизвестных, он поднялся и подошел к решетке. Киммерийцу показалось, что человек этот среднего роста, строен и, судя по его движениям, совсем молод.

— Ну, теперь твой черед действовать, — шепнул он Фронтó.

Глаза воришки загорелись азартом; не медля, он вытащил из-за голенища кусок проволоки и принялся за дело. Два-три ловких, почти незаметных движения — и замок, испустив слабый стон, упал в ладони Фронтó. Находившийся в камере человек отшатнулся, когда Конан налег плечом на дверь и шагнул внутрь — видимо, огромная фигура варвара с мечом в руке не внушила пленнику особого доверия.

— Морантес хочет лишить меня жизни и прислал для этого вас, убийцы? — хриплым шепотом спросил он.

— Вовсе нет, — ответил Конан. — Если ты из Хорайи, и если твое имя Коссус, то мы пришли спасти тебя, приятель.

Молодой человек раздраженно фыркнул.

— Так не говорят с лицом королевской крови! Ко мне следует обращаться...

— Короче, — нетерпеливо перебил его Конан. — Ты Коссус или нет?

— Это я. Но ты должен обращаться ко мне как подобает. Мой король или владыка, а еще...

— Да тише ты, парень! Сейчас не время для церемоний. Пошли, мы торопимся!

— Я, конечно, пойду, — недовольно произнес Коссус. — Что остается делать? Но кто ты такой, невежа?

— Конан, командующий твоей армией. А теперь поторопись, уходи! И без шума!

— Сперва дай мне свой меч, воевода, — потребовал юноша.

Конан даже поперхнулся:

— На кой он тебе? Ты его и не подымешь!

— Капитан тюремной стражи оскорблял Хорайю и мою королевскую честь. Я дал клятву, что убью его в поединке, а потому не двинусь отсюда, пока не исполню ее.

Войдя в роль благородного мстителя, Коссус забыл о какой-либо осторожности, и его голос громким эхом раскатился под каменными сводами тюрьмы. Конан взглянул на своих сотоварищей и, сжав кулак, двинул короля в челюсть — да с такой силой, что зубы бедняги издали щелкающий звук, а сам он мешком рухнул на пол.

Мгновением позже киммериец подхватил потерявшего сознание короля на плечо и помчался по коридору; сзади поспешали Фронто и Разес. Пересекая боковой коридор, они слышали топот стражников и звон закрываемых решеток.

— Быстро к тоннелю, — скомандовал Конан. — Охрану я задержу.

— Лучше неси короля, — возразил Разес и полез в свой мешок. — А со стражниками я справлюсь, пожалуй, лучше тебя.

Они достигли коридора, который вел к тоннелю, когда навстречу им бросился, размахивая мечом, охранник. Он громко заорал:

— Что здесь происходит? Кто вы такие, собачья моча?

Воришка и Конан с королем на плече бросились к люку, а Разес остановился и, вытащив кусок веревки, уже известный его приятелям, бросил в стражника. Поймав веревку, которая в его руках превратилась в змею, солдат замер от ужаса, а потом с ужасными воплями бросился прочь.

Астролог присоединился к беглецам и быстро юркнул в тоннель. Воришка захлопнул крышку люка.

— Неплохо бы, если б у люка нашелся засов, — заметил киммериец.

— Нет, засова я не вижу, — ответил Фронто, — да его и не требуется. Люк так ловко замаскирован, что его вряд ли обнаружат среди плит.

— Тогда вперед, — скомандовал Конан. Фронто с фа-

келом помчался по тоннелю, за ним следовал Конан с недвижимым королем, а последним ковылял, отдуваясь, словно неповоротливая баржа в хвосте каравана быстрых боевых галер, неуклюжий толстый кофиец.

Спустя некоторое время король очнулся. И положение, в котором он находился, совсем ему не понравилось.

— Эй, отпусти меня! Нельзя так непочтительно обращаться с королем! Что я тебе, мешок с костями?!

Конан, не замедляя бега, прикрикнул на него:

— Не трепыхайся! Я выпущу тебя, когда сможешь двигаться так же быстро, как я! Ты ведь же не хочешь, чтоб тебя снова замуровали здесь? Причем понадежнее, чем в твоей старой клетке!

— Хорошо, — недовольно пробурчал юноша. — Откуда тебе понять, что такое достоинство особ королевской крови!

Добежав до конца тоннеля, Конан отпустил короля. Затем, отодвинув плечом Фронто, киммериец открыл крышку люка и выбрался наверх.

— Погаси факел, — бросил он воришке. Воздух на поверхности был чистым и свежим, особенно после затхлого духа подземелья. Звезды сияли в небесах, но луна уже скрылась за горизонтом, предвещая скорое наступление рассвета. Пока они бегали по коридорам подземелья, успело пройти довольно много времени.

Надо было торопиться. Конан полез напролом через кустарник, за ним двинулись остальные. Пройдя совсем немного, все вдруг замерли от неожиданности: перед ними, выстроившись полукругом, стояло около двух дюжин людей, вооруженных арбалетами, а за их спинами виднелись отблески костра.

— Ничего себе влипли... — пробормотал киммериец, привычным движением выхватывая меч из ножен.

— Я могу все объяснить, воевода, — раздался голос астролога. Он обошел киммерийца и повернулся к нему лицом.

— Правильно, Разес, отойди от них, — сказал один из арбалетчиков на кофийском диалекте. — Было бы обидно, если б мы по ошибке пристрелили и тебя.

— Воевода, самое лучшее, что ты можешь сделать — это сдаться. Перед тобой воины короля Кофа, властителя, которому я служу. Мы договорились о встрече в этом самом месте, когда я беседовал с предводителями патрулей на нашем пути. А в Хоршемиш я не хотел идти из осторожности — мало ли какой знакомый встретится на улице и испортит все дело. Ты помог вырвать Коссуса из застенков Морантеса, и теперь, о мой простодушный друг, мы уже без тебя устраним последние формальности, которые мешают Хорайе воссоединиться с ее праmaterью-метрополией.

Конан знал, что его кольчуга выдержит удар стрелы, и приготовился к сражению. Будь что будет! Он не сдастся в плен, как глупый обманутый суслик! А вечно, в конце концов, никто не живет...

— Брось меч! — приказал ему старший из кофийских воинов.

— Ну нет, клянусь задницей Нергала! Чтоб его взять, тебе надо потрудиться! — зарычал киммериец, бросаясь на него с обнаженным мечом.

В это же мгновение Фронт, яростно завопив, прыгнул к Разесу и несколько раз вонзил кинжал в толстое брюхо кофийца. Астролог осел на землю, выронив свой мешок, который воришка тут же подхватил с ловкостью и быстротой паука. В воздухе свистнули стрелы, но солдаты промахнулись, опасаясь в наступившей суматохе задеть своих. Фронт бросился напролом сквозь строй арбалетчиков, прижимая к груди полный магических штучков мешок астролога.

Но его последнее воровское предприятие не удалось: снова щелкнули арбалеты, взвизгнули стрелы — и Фронт, по инерции пролетев еще пару шагов, головой вперед свалился в костер. Его добыча тоже очутилась в пламени.

Тем временем Конан отбивался сразу от нескольких кофийцев, стараясь прикрыть собой короля. Его меч сверкал подобно молнии, нанося удары противникам; взмах — и один падает с распоротым животом, еще выпад, страшный вопль — и второй хватается за обрубок, который только что был рукой, сжимающей меч.

Увидев, как один из противников киммерийца выронил меч, Коссус бросился вперед и, вырвав рукоятку из отрубленной кисти, прикрыл Конана от ударов сзади.

Затем сквозь шум схватки киммериец услышал треск ветвей, топот множества ног и лязг стали — к ним стремительно приближалась еще одна группа вооруженных людей. Это были офирские стражники, которые наконец-то обнаружили подземный ход и кинулись вдогонку за беглецами. Увидев отряд кофийцев, стражи бросились на них; зазвенели мечи, послышались крики десятников, звон доспехов и свист стрел.

— Быстро к тем деревьям! — схватив Коссуса за рукав, заорал Конан. — Там мы оставили лошадей!

— Здесь они! Хватайте их! — закричал сзади офирский стражник.

Коана обернулся и вступил в схватку с догонявшими: он убил одного ударом в грудь, ранил второго, и тут ему неожиданно помог кофиец, напав на третьего противника. Вновь завязалась схватка стражей Ианты и пришельцев из Кофа, а Конан и Коссус, воспользовавшись суматохой, перескочили через костер и бросились к стреноженным лошадям.

Один из стражников ринулся вслед за ними, но Конан стремительно выбросил руку с мечом, и противник грудью налетел на подставленный клинок.

— Хватай их! Держи! — И тут крики солдат, звон оружия и свист стрел заглушил взрыв, осыпавший всех дождем искр — огонь наконец добрался до волшебных диковинок в мешке Разеса.

Двое офирцев, оказавшихся ближе всех к огню, были мгновенно охвачены уже знакомыми Конану бесформенными облаками дыма, и, жутко вопя от боли и страха, катались по земле, пытаясь сбить невидимое пламя.

— Это духи, служившие нашему покойному приятелю Разесу, — сказал Конан королю, зубы которого стучали от страха. — Давай, быстрее распутывай лошадей! Садись и возьми повод второго коня, — отрывисто командовал киммериец. Дрожащий от ужаса Коссус на сей раз повиновался без возражений.

Еще мгновение — и король со своим спасителем скакали прочь, пригнув головы к конским гривам, чтобы не удариться о ветви. Когда Конан бросил мимолетный взгляд через плечо, перед его глазами мелькнуло жуткое зрелище: извивающиеся на земле кофийцы и офирцы с воплями пытались спастись от белесоватых сгустков дыма, вырвавшихся из шкатулки астролога Разеса.

Но вскоре это видение растаяло в темноте, а крики гибнущих смолкли. Киммериец и король мчались во весь опор, копыта их лошадей с дробным цокотом взбивали дорожную пыль, и расстояние до Ианты, столицы Офира, увеличивалось с каждым мгновением.

* * *

Через некоторое время, когда уже стало светать, Коссус огляделся по сторонам и встревоженно обратился к киммерийцу:

— Куда мы направляемся, Конан? Нам нужно в Хорайю, но эта дорога ведет в Аргос и Зингару!

— Пошевели мозгами, мой король! — со смешком отозвался Конан. — Где, по твоему, нас могут ждать? Вот пусть там и ждут! А ты не болтай зря, а лучше прищпорь эту дохлую клячу, а то мы еле плетемся!

Путь был неблизкий. Беглецы меняли коней, давая скакунам отдохнуть, но следующую ночь им все же пришлось провести в Офире. Правда, погони за ними не было — видимо, оттого, что известие о побеге еще не добралось до этих краев. Для ночлега путники выбрали место поглубже в лесу и поужинали остатками сушеных фруктов и сухарей из седельных сумок.

Коссус уже не пытался обучить Конана правилам дворцового этикета и даже решил поделиться историей своего пленения.

— Дело в том, что Морантес предложил мне заключить союз против Страбонуса. Я поверил в то, что король, человек благородной крови, меня не обманет. Со мной был только небольшой отряд и почетный караул, хотя Таурус предупреждал меня, что Морантес — редкостный мерзавец. Но я, глупец, не поверил ему! Мы благополучно

объехали Коф, двигаясь по шемитским пустыням, но как только прибыли в Ианту, мою охрану перебили, а я очутился там, где ты меня обнаружил. Конечно, моя жизнь была чуть получше, чем у простых узников, даже кое-какие новости доходили до моей темницы... Так, мне стало известно, что ты одержал победу на перевале Шарла над Натокком, а также что ты сделался любовником моей сестры... Это в самом деле правда?

— Знаешь ли, мужчине не пристало признаваться в подобном. Это было бы неблагородно, — с некоторым презрением в голосе ответил киммериец. — Но, если уж мы заговорили о таких вещах, как бы ты отнесся ко мне в роли свояка?

— Нет, Конан, даже и не думай об этом! — Коссуса всего передернуло от подобной мысли. — И речи быть не может! Я, разумеется, благодарен за спасение, я ценю тебя, как опытного воеводу, но пойми: моя сестра — принцесса! Принять чужеземца, варвара, в королевскую семью... Это совершенно невозможно! Давай-ка лучше спать, у меня все кости ломит, и мне надо как следует отдохнуть, — переменял тему Коссус.

— Пусть немедленно исполнится твое королевское желание, — хмыкнув, отозвался Конан. — Да, так оно и будет, — холодно добавил киммериец, глядя неподвижным мрачным взглядом на мерцающие угли.

Следующий день застал их уже в Аргосе, где они могли уже не прятаться в лесу, а ночевать в придорожной таверне. Когда после ужина путники отдыхали, наслаждаясь кружкой доброго вина, король внезапно нарушил молчание:

— Воевода, я считаю, что твои подвиги должны быть оценены по заслугам. Молчи, не перебивай меня! — Коссус, видя, что киммериец оторвался от кружки и пытается что-то возразить, махнул на него рукой. — Трижды спасти своего повелителя — от офирцев, от кофийцев и даже от несущих смерть демонов Разеса — этого вполне достаточно, чтоб имя героя было прославлено в легендах. Совершивший подобное, — с пафосом продолжал Коссус, — заслуживает достойной жизни, богатства и поче-

стей. Жениться на Ясмеле ты, конечно, не можешь, но я сам выберу подходящую тебе невесту — скажем, дочь какого-нибудь чиновника высокого ранга или богатого землевладельца. Ясмеле тоже надо найти достойного жениха — королевской крови, разумеется.

И я хочу, чтобы ты продолжал командовать моей армией. Но, видишь ли, дело в том, что человек низкого происхождения не может отдавать приказы благородным нобилем или рыцарям короля. Чтобы у тебя не было с этим проблем... а ведь такое уже случилось? — Конан подтвердил слова короля вялым кивком. — Вот видишь, — продолжал Коссус, — случилось! А потому мне придется назначить командующим кого-нибудь из аристократов; он станет главным воеводой, но во всем будет советоваться с тобой. Тебе же мы дадим иное почетное звание, для которого не нужна благородная кровь, — ну, скажем, капитана пеших меченосцев или сотника наших стрелков...

— Великодушие и щедрость моего короля воистину не имеют границ, — бросив на Коссуса пристальный взгляд, заметил Конан.

— Ну что ты! Ты заслужил отличие, и плата должна быть щедрой, — не почувствовав прозвучавшей в голосе киммерийца издевки, продолжал Коссус. — Еще я думаю...

— Со всеми прочими твоими милостями лучше подождать до возвращения в Хорайю, — все с той же интонацией сказал варвар.

После этого разговора Конан долго не мог уснуть. Несомненно, этот венценосный сопляк воспринимал свою болтовню с полной серьезностью, а значит, что в Хорайе Конану делать больше нечего. Кроме того — он ощутил это с некоторым изумлением — страсть к Ясмеле была уже не такой сильной, как прежде. Можно, разумеется, придушить ее братца, этого коронованного ублюдка, вернуться в Хорайю и придумать душещипательную байку о героической гибели короля. Но смешно — столько опасностей преодолеть ради его спасения, а потом прикончить!

К тому же, он дал слово, что спасет его... Этот довод оказался решающим: слово свое Конан привык держать.

Когда они прибыли в портовый зингарский город Мессантию, Коссус обратился к местному вельможе, который знал его лично, и тот раздобыл у купцов и ростовщиков двести золотых, дабы король мог продолжить путь в Хорайю. Мешок с золотом Коссус передал киммерийцу со словами:

— Держи! Королевская честь не позволяет мне пачкать руки в грязных монетах торговцев!

Конан нашел галеру, которая отправлялась в Асгалун, а оттуда до Хорайи было рукой подать, да и путь представлялся безопасным.

На судно уже отдавали швартовы, как вдруг Конан вытащил из мешка горсть монет и вручил их Коссусу.

— Держи! Думаю, чтобы добраться домой, тебе хватит.

— То есть как?.. — изумился король. — Что значит — хватит? А ты?..

— Я решил не возвращаться в Хорайю, — спокойно ответил Конан, перепрыгивая на причал.

Весла опустились в воду, на гребной палубе ударили в барабан; расстояние между судном и пристанью быстро увеличивалось.

— Понимаешь, король, давно дома не был, решил навестить родные места, — крикнул Конан. — А завтра как раз отходит корабль в Кордаву!

— Но... Но как же мои деньги?..

— Мне показалось, что ты хотел меня щедро наградить! Вот и считай, что мы в расчете. И передай сердечный привет принцессе!

Круто развернувшись, киммериец зашагал по пирсу, даже не взглянув на отплывающий корабль.

ЗВЕЗДА ХОРАЛЛЫ

1. Путь в Ианту

Широкая река медленно струилась меж берегов двух сопредельных королевств — Кофа и Офира; воды ее текли к западу, к Хороту, и поток, величественный и неспешный, выглядел сейчас дремлющим зверем, утомленным после ночной охоты. Но внезапно послышался топот, радужным облаком взметнулись вверх брызги, поднятые копытами скакуна, и река словно бы ожила: казалось, течение ее стало быстрее, а блеск вод — ярче. Конь, благородное и сильное животное, прынул с берега, тяжело поводя боками после долгой скачки; его круп блестел от испарины. Он потянулся к воде, но седок, опасаясь, что холодная влага может повредить разгоряченной лошади, дернул поводья.

Серая дорожная пыль с ног до головы покрывала всадника: и его одежду, некогда черного цвета, и лицо, на котором струйки пота пробороzdили светлые потеки. Лишь рукоятка меча сверкала, словно ее только что надраили мелким наждаком и протерли маслом. Конан из Киммерии, бродяга из горной страны, лежащей далеко на севере от этих мест, всегда считал, что оружие должно быть чистым, хорошо наточенным и готовым к бою. Долгое путешествие по караванным тропам в степях и пустынях Шема и в лесах Кофа только подтвердило, что эта привычка киммерийца не была пустой прихотью.

Он положил руку на пояс, чтобы проверить, на месте ли кошель. Приятная тяжесть убедила его, что все в

порядке — Звезда Хораллы была с ним, в кожаной сумке, подвешенной к ремню. Этот крупный сапфир, оправленный в золото, не так давно был похищен у прекрасной Марэлы, королевы Офира, а затем, поменяв нескольких владельцев, попал в руки Конана — тоже не вполне праведным путем; просто-напросто был украден в славном городе Шадизаре у колдуна по имени Лиаренус. Мурашки забегали по спине варвара при одном воспоминании о жилище чародея, где он чуть было не превратил их с Нинусом, верным компаньоном, в двух глиняных болванчиков.

Киммериец считал, что имеет смысл вернуть сокровище его законной владелице, однако руководило его намерениями отнюдь не чувство справедливости. Кром, разумеется, нет! Если оказать такую услугу юной королеве могущественного, богатого, обильного золотом Офира, то, рассчитывал Конан, оплата должна быть достаточно щедрой. Может быть, даже удастся приобрести благородный титул, а уж в том, что золота хватит на покупку обширного поместья, и сомнений быть не могло.

В Офире в нынешние времена было неспокойно. Прошло уже несколько столетий с той эпохи, когда один умный, честный и предусмотрительный нобиль сумел установить что-то вроде союза между королем и чванливой офирской аристократией. Тогда был подписан договор о всеобщем мире и согласии, и об этой успешной попытке установить покой и порядок до сих пор с уважением и благодарностью вспоминали в Офире. Однако усилия пращуров не были в должной мере поддержаны потомками, и в злой час король Морантес, желая укрепить пошатнувшийся трон, воззвал к своим вассалам — в результате чего разразилась жестокая междоусобная свара.

Перейдя границу, Конан выбрал кратчайший путь к столице королевства, богатой, древней и прекрасной Ианте. Первые дни пути по офирским владениям не отличались особым разнообразием: кругом были лишь сухие степи, убогие жилища скотоводов да пастбища — вместо пышных садов и плодородных полей. Затем пейзаж стал более приветливым: вдоль дороги потянулись фруктовые

рощи, виноградники и тучные нивы, радующие глаз золотом спелой пшеницы.

Однако жители сих мест не отличались доверчивостью и веселым нравом. Остановиться на ночлег и купить себе пропитание киммериец еще мог, а вот получить ответы на свои вопросы удавалось далеко не часто — селяне либо с редкостной лаконичностью роняли пару слов, либо вообще отмалчивались, делая вид, что не понимают варвара. Конан и сам не отличался особой словоохотливостью, но поведение местных жителей удивляло и раздражало даже его; временами ему казалось, что на этот народ будто бы наложено неведомое заклятие. Наконец, достигнув предместьев столицы, киммериец остановился в придорожном трактире. Его хозяин, к счастью, оказался более разговорчивым, чем другие, и, сидя за кружкой с добрым офирским вином, Конан начал осторожно подбираться к волновавшей его теме:

— Такое впечатление, почтенный, что в твоей стране чума! Уж больно народ невеселый и пугливый... Будто ждуют от каждого пришельца, что он заразит их и пошлет прямоком на Серые Равнины... Все точно в рот воды набрали! А урожай, я видел, отменный... И Офир сейчас ни с кем не ведет войны... Так что же, в конце концов, случилось? В самом деле пришла чума?

— Нет, страх, — коротко ответил ему хозяин. — Страх и опасения! В королевстве происходят странные и непонятные вещи; благородные нобили затворились в своих поместьях и, наверно, готовятся к войне, а с королем приключилось что-то неладное... Прошел слух, будто владыка наш Морантес уличил в неверности свою супругу и бросил ее в подземелье. Но люди не могут поверить в это! Королева нередко путешествовала по стране, и все ее хорошо знают... И, поверь, никто никогда не мог сказать о ней худого слова! Простой народ любит ее за справедливость и доброту.

— Короче говоря, — на губах Конана появилась кривая усмешка, — ваш король просто-напросто спятил, да? Все об этом знают, и все боятся обронить хоть словечко.

Верно? Но кто же тогда управляет страной вместо коронованного безумца?

— Граф Риджелло, его двоюродный брат. В свое время он был в опале, но сейчас, похоже, вновь вернулся во дворец.

— А за что был изгнан этот Риджелло? — поинтересовался киммериец.

— Пять лет назад год выдался неурожайным, и многие крестьянские семейства не смогли уплатить положенного оброка. Риджелло решил вопрос просто — сжег десяток деревень, и тогда остальные в страхе отдали все, что было, а потом множество народу перемерло от голода. Если его возвращение ко двору не просто слух, то всем нам несдобровать...

Внезапно возникший шум заставил собеседников прервать разговор. Дверь распахнулась, и на пороге трактира появился седовласый воин в полном доспехе; на его груди сверкала эмблема, изображавшая звезду. Остановившись посреди зала, он сорвал с головы шлем и с яростью швырнул его на пол.

— Вина, и побольше! — зарычал он. — Чтобы хватило не только промочить горло, но и высушить душу, клянусь хвостом и копытами Нергала!

Служанка поспешила поставить перед вошедшим кувшин вина и глиняную кружку. Конан бросил на воина внимательный взгляд.

— Что это за человек? — негромко спросил он у хозяина.

— Принесла его нелегкая! — с досадой ответил трактирщик. — Могу спорить, что ему нечем будет заплатить за выпивку! Это капитан Гарас, раньше он служил в отряде личной гвардии королевы Марэлы. А теперь, после того, что случилось, отряд его разогнали. Вот так!

— Возьми! Здесь хватит, чтобы заплатить за ужин для нас обоих, да еще тебе останется, — Конан протянул трактирщику серебряную монету. — Только держи язык за зубами, помалкивай о нашей с тобой беседе и о том, что тебе удастся подслушать из моего разговора с Гарасом.

Хозяин открыл было рот, желая высказаться насчет своей честности, но холодный взгляд Конана из-под нахмуренных темных бровей лучше всяких слов объяснил ему, что самое время заткнуться и подавать заказанный ужин. Трактирщика словно порывом ветра сдуло на кухню. Тем временем киммериец, прихватив свою кружку, перебрался за стол капитана Гараса и уселся напротив, даже не спрашивая его позволения.

— За твоё здоровье, капитан! — Он поднял свою кружку. — За твоё здоровье и долгую счастливую жизнь!

Сидящий перед ним человек поднял взгляд и варвару померещилось, будто его окатили ведром ледяной воды.

— Клянусь Митрой, ты что, насмехаешься надо мной, парень?! Только последним олухам неизвестно, что честь воина дороже жизни... Я должен был отдать жизнь, защищая свою королеву, но мне не дали этого сделать. Так зачем мне теперь здоровье и долгая жизнь, а? Только для того, чтобы еще и еще раз переживать свой позор?!

Конан хотел было извиниться, но его прервал раздавшийся от двери громкий возглас:

— Вот он, предатель! Взять его! Хватай!

Появившийся на пороге рыцарь — высокий человек с обезображенным длинным шрамом лицом — указал рукой, обтянутой кольчужной перчаткой, на капитана. Вошедшие с ним трое солдат в черных доспехах бросились вперед.

Седовласый капитан не успел даже выхватить свой меч, как на его плечах повисло двое воинов. Тут киммериец решил, что пора вмешаться, и, вспрыгнув на стол, ударом ноги отбросил одного из черных солдат к противоположной стене трактира. Второй попытался было ударить Конана мечом по ногам, но ему удалось рассечь только воздух: варвар подпрыгнул и в следующее мгновение вытянутыми ногами ударил его в грудь, сбив на пол. Не давая противнику опомниться, Конан навалился на него и нанес несколько резких ударов, под которыми ребра воина затрещали, а из расквашенного носа хлынул поток крови.

Вскочив на ноги, киммериец успел своим мечом встре-

тить клинок рыцаря. Капитан тем временем отбивался от двух противников: к последнему солдату присоединился очухавшийся после удара о стену его сотоварищ. Посетители трактира сочли за благо не участвовать в потасовке: кому повезло больше, тот успел выскочить на улицу, кому меньше — те жались к стенам или благо-разумно прятались под тяжелыми деревянными столами.

Рыцарь со шрамом явно не был новичком в ратном деле. Конану пришлось отбить несколько опасных выпадов противника.

— Ты испортил мне выпивку, ублюдок! — рявкнул киммериец, внимательно следя за действиями противника.

— Тебе бы не о вине сейчас думать! Клянусь утробой Нергала, скоро ты будешь сидеть в темнице у графа Риджелло!

Бойцом этот высокий рыцарь был действительно отменным. После не совсем удачного удара киммерийца он стремительно бросился в ближний бой, успев выхватить левой рукой кинжал и собираясь вонзить его в живот Конану.

Киммериец, отбросив меч, одной рукой перехватил кулак с зажатым в нем кинжалом, а другой — с непостижимой скоростью — ногу противника. Тот, не успев как следует понять, в чем дело, взлетел в воздух над головой Конана, а в следующий миг со страшной силой грянулся об пол. Оружие выпало из ослабевших рук, а сам рыцарь в черных доспехах лежал неподвижно, с трудом глотая воздух; затем изо рта у него хлынул фонтан крови.

Варвар подхватил свой меч и был готов продолжать бой, но капитану помощь больше не требовалась: последний из солдат, раненный в бок, был уже неспособен сопротивляться. Он мешком свалился у стены, и только губы его беззвучно двигались, моля о пощаде.

— Прикончи его! Нам надо уходить! — крикнул Конан.

Зрители посмелее, выглядывавшие из своих укрытий, увидели, как от резкого удара капитана череп бедняги разлетелся на две половины, словно спелая дыня. Затем Конан и Гарас вскочили на ждавших у коновязи лоша-

дей — и вскоре лишь цокот копыт, затихающий вдалеке, напоминал о победителях, учинивших в трактире кровавую бойню.

— Любопытно, чего ради ты, чужестранец, решил спасти мою шкуру? — поинтересовался капитан, когда трактир остался далеко позади, и лошади, перейдя с галопа на рысь, неспешно потрусили вдоль мощеной дороги, ведущей в Ианту.

Конан рассмеялся.

— Ну, во-первых, я не люблю, когда мне мешают пить и есть, — заявил он. — А во-вторых, хозяин успел шепнуть мне, что ты был доверенным у королевы, а у меня к ней есть дело, в коем твоя помощь совсем не помешает.. Ну, лошади немного отдохнули, и нам стоит поспешить!

Они пришпорили коней. Когда чернильная тьма ночи уступила место свету нового дня, и утреннее солнце позолотило купола храмов и вершины башен, когда его лучи весело заблестели в окнах домов и затейливых орнаментах решеток, всадники подбегали к столице Кофа, стоявшей на берегу Красной реки, притока полноводного и могучего Хорота.

2. Когти Дракона

На деньги, которые киммериец добыл когда-то в Замо-ре, он приобрел себе и Гарасу обычное одеяние странствующих по свету купцов: широкие, добротной пошивки плащи с капюшонами. В такой одежде они могли гораздо меньше опасаться, что их след унюхают ищейки этого мерзавца, графа Риджелло.

Новые приятели сидели в таверне «Дикий Вепрь» за грязным столом, на котором перед ними высился большой кувшин вина и стояли кружки. На этот раз они угощались в приятной компании — их собеседницей была смуглокожая молодая женщина, которая блестящими от выпитого вина глазами внимательно смотрела на путников. По виду ее можно было предположить, что эта хорошенькая смуглянка служит в доме какого-нибудь богатого землевладельца или нобилия.

— У меня нет большего желания, чем помочь нашей несчастной королеве! — воскликнула она.

— Ш-ш-ши! — приложил к губам палец Конан. — Ты с ума сошла, красотка! Такие речи не для чужих ушей. Лучше скажи, где сейчас находится королева?

— Она под охраной стражников графа Риджелло, в Западной башне дворца. Кроме десяти солдат, граф сам назначил слуганок, которые приносят ей еду. И он следит, чтоб вокруг королевы не вертелись посторонние. Единственное исключение сделано для ее лекаря.. А он, кстати, ее старый друг.

— Как зовут этого человека? — спросил Конан.

— Кафратес. Его дом рядом с Угловыми воротами.

— Ты — настоящий клад, красотка, — одобрительно хмыкнул киммериец. — Ну, я думаю, что сначала нужно хорошенько осмотреть эту самую Западную башню, а затем уж наведаемся и в гости к лекарю.

Следуя за девушкой, Конан и капитан, не привлекая ничего внимания, без помех прошли по улицам Ианты к Западной башне. Ее крепкая и надежная кладка до высоты примерно четвертого этажа не имела ни окон, ни даже бойниц — собственно говоря, башня являлась частью стены, отделявшей город от королевского дворца. В сумерках было хорошо видно, что из трех рядов окон, которые располагались выше сплошной кладки, несколько были освещены изнутри.

— За которым из них комната королевы? — тихим голосом спросил Конан.

— Вот оно, — девушка показала пальцем на третье справа окно во втором ряду.

— Что ты размахиваешь руками? — зашипел на нее Гарас. — Нам нельзя привлекать к себе внимания!

Киммериец подошел поближе к стене, чтобы хорошенько осмотреть кладку.

— Здесь нам не забраться, — высказал свое мнение Гарас.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Конан. — Стыки меж камнями забиты так плотно, что ни рукой не зацепишься, ни ногой не обопрешься. Будь у меня время,

я бы, выскребая понемногу раствор и делая щели чуть глубже, забрался бы на самый верх. Ты и представить не можешь, Гарас, по каким скалам я лазал у себя в Киммерии! Главное — сделать опору понадежнее, и все! Над этим придется подумать, а пока что уйдем отсюда. Мы ведь еще хотели навестить лекаря Кафратеса, так? Ну и отправимся к нему.

* * *

Лекарь — дородный пожилой мужчина плотного телосложения, на широкой груди которого лежала окладистая седая борода, — говорил неспешно, тщательно обдумывая свои слова:

— Меня не волнует, кто обращается ко мне за помощью: чтит этот человек закон или нет, вор он или нобиль — я дал клятву целителя! Конечно, я знаю почти всех наиболее ловких воров Ианты — сам понимаешь, я лечу людей уже не один десяток лет, — но имен их я никогда никому не называю. Само собой разумеется, королеве я отказать бы в такой просьбе не смог, но благородная Марэла понимает мою щепетильность в подобных вопросах и никогда не интересуется такими вещами...

Но теперь дела обстоят так, что мне придется нарушить свой обычай и свести вас с нужным человеком, с неким Торгрио. Когда-то он был весьма умелым, дерзким и удачливым вору и занимался похищением драгоценностей, которые, как считали их обладатели, хранятся в безопасности за высокими стенами и в крепких сундуках. Ныне же Торгрио удалился от дел — на деньги, заработанные бывшим ремеслом, он купил целый особняк и спокойно живет там, как почтеннейший из обывателей. Ну, иногда, может быть, слегка приторговывает краденными... Вот и все его грехи.

Торгрио жил недалеке от богатого квартала нобилей — там, где начиналась улица Гончаров. Его дом не выделялся среди прочих ни размерами, ни какими-то особыми украшениями — простое, прочное строение, какое мог бы позволить себе не очень богатый, вышедший на покой купец. Разумеется, бывшему вору совсем не

хотелось лишний раз напоминать людям о своем прежнем ремесле и нынешнем достатке.

Кафратес познакомил Торгрио со своими спутниками и коротко сообщил о деле, которое привело их сюда. Хозяин был человеком небольшого роста, щуплым и юрким; он как бы находился в непрерывном движении, и в его повадках чудилось что-то паучье. Он улыбнулся и хитро подмигнул Конану:

— Я, как и наш уважаемый целитель, привык следовать своим особым правилам, но не могу не принять участия в таком достойном деле, как ваше. Так чем же я могу вам помочь?

— Надо забраться на Западную башню, — коротко сказал киммериец.

— А кто будет забираться — ты, что ли? — удивился Торгрио. — Мысль, конечно, неплохая, но я-то здесь причем?

— Может, тебе трудно будет в это поверить, но я когда-то лазал по стенам не хуже тебя, — и, думаю, ты прекрасно понимаешь, о чем речь. Я пользовался для этого особыми штуковинами и, думаю, что в Ианте тоже должно найтись нужное мне снаряжение.

— Может быть, и есть у кого-то, но почему обязательно у меня?

— Ну, а у кого ж еще? Ведь до сих пор не нашлось вора, превзошедшего тебя в мастерстве! А мне эти штучки необходимы позарез!

— Поскольку мы с тобой в каком-то смысле собратья по ремеслу... — начал сдаваться Торгрио и, подумав немного, наконец решил: — Джуня! — крикнул он, обернувшись через плечо. — Принеси мне когти дракона!

В комнату вошла немолодая женщина, неся какие-то непонятные железные штуковины. Торгрио, поочередно перебирая их, начал объяснять Конану, как ими пользоваться:

— Вот эта пара предназначена для рук, а эта — для ног. Обязательно оставляй прикрепленными к камню два захвата: один ручной и один ножной. Кстати, — засомневался он, оглядев могучую фигуру киммерийца, — вле-

зут ли они на твои сапоги? Ну да ладно, как-нибудь приспособим! Слушай дальше:отрегулируешь захват по выпуклости камня, прижимаешь к нему, опускаешь рычаг... Когда надо отцепить — поднимаешь рычаг. Понял?

— Это что же получается — ползать по стене, как муха! — с отвращением сказал Гарас. — Я не справился бы с этим, даже если бы мне приказал сам Солнцеликий Митра...

Конан только разразился похожим на раскат весеннего грома хохотом.

— Никуда бы ты не делся, коль встал бы выбор: влезть на стену или погибнуть! Полез бы, как миленький! В Киммерии мне частенько приходилось взбираться по крутым скалам — может быть, даже круче, чем стена этой проклятой башни. Давай, Торгрио, опробуем твои причиндалы на стене дома — во дворе, само собой, лишние глаза нам ни к чему.

3. Башня

Как обычно, стража остановила Кафратеса у входа в темницу, где томилась королева Офира. Когда десятник ловкими привычными движениями обыскал его с ног до головы и убедился, что ничего недозволенного лекарь при себе не имеет, замки с металлическим скрежетом отворились — и Кафратес смог войти в камеру королевы Марэлы.

К пленной владычице его проводила та самая смутная хорошенькая женщина, с которой Конан и Гарас повстречались в «Диком Вепре». Стены помещения, в котором содержали королеву, были занавешены коврами вендийской и иранистанской работы, на изящных столиках красного дерева сверкали золотые чаши на серебряных подносах, на ложе манили к отдыху шелковые подушки и пуховые перины. Для темницы убранство было весьма богатым, если не сказать — роскошным.

Однако королеву вся эта пышность утешить не могла; сейчас она лежала, уткнув лицо в подушки, и горько

плакала — да так, что от рыданий сотрясилось все ее тело.

— Госпожа, — тихо обратилась к ней служанка, — ты сможешь принять целителя Кафратеса? Он пришел к тебе с обычным визитом.

— Входи, конечно, входи, дорогой друг! — Марэла подняла голову, все ее лицо было залито слезами. — Ты остался единственным человеком, которому я могу доверять! Оставь нас, милая Райма, — обратилась она к служанке.

Кафратес приблизился к ложу, опустился на одно колено, почтительно приветствуя королеву, и с трудом поднялся, что-то невнятно пробормотав. Платком из тончайшей льняной ткани королева вытерла слезы и предложила лекарю присесть возле нее.

Схватив обеими ладонями руку Кафратеса, она горячо заговорила:

— Ты не можешь представить, как я рада твоему приходу, дорогой друг! Уже целый месяц я нахожусь в заточении за этими мерзкими стенами — без друзей, без знакомых... Да и какие друзья!.. Из всех них у меня остались только ты и моя верная служанка...

Райма говорила мне, что граф Риджелло ведет себя как полновластный господин, а его солдаты расположились в королевском дворце, словно армия завоевателей... Посоветуй, Кафратес, что же мне делать? Мой отец настоял, чтобы я вышла замуж за Морантеса, дабы наследники офирского трона были принцами королевской крови. Я не любила короля, но была верна ему, а теперь, после того, что он со мной сделал, у меня не осталось ни капли симпатий и уважения к нему. Помимо того, он всегда был слаб и нерешителен; даже сейчас он, как рассказывает Райма, не может одернуть этого Риджелло, а лишь дергает плечом, когда его кузен мерзко пощелкивает пальцами... Наверное, и отец мой сожалеет о своем решении, но сказать об этом — значит пойти на верную смерть! Выходит, все, на что я решилась из чувства долга, — все это оказалось напрасным! У Офиры нет наследников, и, похоже, что и не будет, ибо супруг мой

Морантес холоден к женщинам. Его больше интересуют... ну, ты понимаешь, о чем я хочу сказать... Ко всем прочим бедам добавилась еще одна — со мной нет Звезды Хораллы. Какой-то мерзавец украл талисман около года назад..

Кафратес был личным целителем королевы, но никогда особенно не интересовался делами королевской семьи и жизнью двора — именно поэтому ему и позволяли посещать темницу королевы. Выслушав ее, лекарь задумался, поглаживая седую бороду. До сих пор королева не говорила с ним о таких вещах, и то, что теперь он сделался причастным к секретам ее жизни, могло лишить его — если кто-то узнает об этом — не только должности придворного лекаря: в опасности могла оказаться и сама его жизнь.

Кафратес знал принцессу Марэлу еще ребенком, и с тех пор всегда находился рядом с ней. Он был рад, что теперь, когда ей особенно нужна его помощь, он сможет сделать что-то для этой женщины, которую он так любил. Кафратес даже почувствовал тайную гордость за себя: ведь он стал настоящим участником заговора, он не испугался встретиться с этими двоими: седым капитаном из бывшей королевской гвардии и молодым варваром-гигантом с холодными глазами цвета сапфира! Конечно, их план на редкость рискованный и имеет не так уж много шансов на успех, но предпринять хоть что-то для спасения несчастной королевы просто необходимо...

— Моя госпожа, — обратился он к Марэле, ласково прикоснувшись к ее волосам, чтобы успокоить, — тебя угнетает заточение, невозможность встретиться с друзьями и отсутствие новостей с воли. Однако не предавайся отчаянию, помощь придет — и, может быть, быстрее, чем можно предположить.

Королева резко выпрямилась, откинув с заплаканного лица прядь шелковистых волос.

— Пока со мной была Звезда Хораллы, ее сила защищала меня от Морантеса. Теперь же ему все равно, что произойдет со мной. Ты добрый друг, Кафратес, но пойми, я теперь совершенно беззащитна!

— Мне неизвестно о силе этого камня, — сказал Кафратес. — Ты можешь рассказать о нем?

Королева кивнула.

— Если ты слышал какие-то легенды, не верь им. Все эти слухи и сказки о камне — сплошные выдумки! Даже Морантес, наслушавшись подобной чепухи, стал считать, что я привораживаю с помощью Звезды Хораллы мужчин. Как ты думаешь, мне нужно колдовство, чтобы привлечь нормального здорового мужчину? — Королева поднялась с ложа и потянулась, как грациозная кошка. Ее прекрасные формы, слегка прикрытые полупрозрачными одеждами, коралловые губы, пышные волосы — все в ней было настолько прекрасным, что Кафратесу, хоть был он уже не в юношеском возрасте, с трудом удалось опустить глаза. Вопрос королевы не нуждался в ответе — любому мужчине все было ясно с первого взгляда.

— Ну, а теперь выслушай историю этого камня, — Марэла задумчиво прошла в угол комнаты, вернулась к ложу, нахмурила брови и начала свой рассказ:

— Первым владельцем Звезды Хораллы был мой предок в седьмом колене, граф Аларкар. В своих путешествиях этот человек достигал земель, где до него не ступала нога ни единого офирца. В одном из таких походов ему пришлось пересекать вендийские джунгли... Там он встретил отшельника, который в одиночестве жил в тех местах. Сама судьба послала ему графа Аларкара — у отшельника была сломана нога, и он не мог даже собрать урожай со своего поля. Еще немного, и он умер бы от голода! Но Аларкар со спутниками вылечили старика, собрали и обмолотили зерно...

— Моя госпожа, — робко прервал королеву Кафратес, — я пришел к тебе с очень важными известиями...

— Дослушай же меня, — остановила его речи Марэла. — Итак, в благодарность за спасение старец показал графу развалины древнего города Хораллы. Под камнями храма отшельник открыл тайник и разрешил Аларкару выбрать все, что душе угодно. Граф, однако, соблазнился

лишь перстнем с большим сапфиром. В синеве этого камня как будто горел серебристый холодный огонь...

Изумленный Кафратес не смог удержаться от вопроса:

— Почему же он не взял еще чего-нибудь?

— Трудно сказать. — ответила королева. — Во-первых, он не был алчным человеком, а во-вторых, он и так владел огромным состоянием и, может быть, не хотел подвергать искушению свою свиту или боялся встречи с разбойниками. Как бы то ни было, он взял лишь это кольцо.

Отшельник был могущественным чародеем; если бы на сокровища Хораллы позарились разбойники, то в его силах было покарать их любым колдовством. Потрясенный благородством Аларкара, старик решил наградить его щедрее, чем просто красивым перстнем. Он сказал: «Я сделаю так, что в руках достойных людей этот камень будет собирать вокруг них людей столь же благородных, и они вместе смогут совершить много добрых дел». И он заколдовал этот перстень, как и было обещано.

Королева замолчала, а Кафратес задумался и, помедлив, решил задать еще один вопрос:

— Не понимаю, какой толк нам от него сейчас?

Королева резко обернулась.

— Двести лет прошло с той поры, как Аларкар, с помощью магического камня, сумел примирить короля с нобилиями, добиться соглашения, определявшего права и обязанности жителей страны и его правителей. Жаль, что предательство и неразумие не дало этому договору полностью воплотиться в жизнь, но...

Раздался звон стекла. В распахнувшемся окне появился синеглазый гигант в черных одеждах, с обнаженным мечом, сверкавшем подобно молнии.

В левой руке он сжимал какие-то необычные металлические штуковины, напоминающие орлиные лапы. Великан, мягко спрыгнув с подоконника, положил на ковер свой меч и странные железки, а сам присел на табурет и не спеша освободил сапоги от точно таких же приспособлений. Затем он быстрыми и бесшумными шагами

направился к двери. Приложив к ней ухо, он внимательно прислушался к тому, что происходит снаружи, и, наконец, весело улыбаясь, повернулся к королеве и ее лекарю.

Оба они не могли опомниться от изумления, но если Кафратес потерял дар речи на некоторое время от неожиданного появления киммерийца, то Марэла в первую очередь была очарована его гибкими и плавными, как у пантеры, движениями.

— Конан! — овладев собой, воскликнул Кафратес. — Ты влетел сюда, как дракон, а я еще даже не успел ничего рассказать королеве!

Киммерийцу было не до упреков целителя. Сказать по правде, он не мог отвести глаз от стройной фигурки королевы.

— Моя госпожа, — наконец заговорил он. — Тебе, наверное, надоело находиться в заточении?

— И ты еще спрашиваешь, незнакомец?! Но как отсюда выбраться?

— Проще простого. Если я забрался сюда по стене, то так же выберусь и обратно — с помощью этих вот железок. Ну, а ты — вместе со мной, у меня на спине.

Лицо королевы порозовело от волнения:

— Но куда же мы пойдем с тобой, чужестранец?

— Куда прикажешь, моя госпожа! Но сначала имеет смысл отправиться в какое-нибудь безопасное место, чтоб ты могла спокойно выслушать меня. Видишь ли, у меня есть одно предложение...

— Вы забыли обо мне! — завопил Кафратес. — Если стража обнаружит, что королевы здесь нет, то меня освежают, как кролика, да еще живьем!

— Надо взять его с собой! — Марэла умоляюще смотрела на киммерийца.

— Нет, когти дракона не выдержат троих, — покачал головой Конан. — Но я позабочусь, чтоб лекаря не заподозрили в пособничестве нашему бегству. Надо все сделать очень быстро, под башней ждет с лошадьми Гарас.

— Так Гарас жив? — воскликнула королева. — Мы можем полностью доверять этому человеку.

— Не время для разговоров, моя госпожа! Надо поторопиться!

Королева повиновалась, хотя для нее было непривычно подобное обращение. Даже охранники оставались с ней почтительны, а то, как с ней разговаривал северный варвар... просто неслыханно! Однако она, не произнеся ни слова, удалилась, и через некоторое время вышла из соседней комнаты, успев переодеться в охотничий костюм. Увиденное ею доказывало, что Конан не привык бросаться словами: Кафратес, спеленутый, словно кокон, с кляпом во рту и огромным синяком под глазом, лежал у локтя — не понимая, ни что произошло с ним, ни где он вообще находится.

— Что ж, неплохо! — сказала королева, взглянув Конану прямо в глаза. — Никто не заподозрит целителя в том, что он помог мне сбежать.

Конан тоже глядел на нее не отрываясь — охотничий костюм отнюдь не скрывал, но лишь подчеркивал прелести ее фигуры: бархатная куртка и шелковые обтягивающие штаны, тонкие кожаные сапоги сидели на ее стройном теле как влитые. С некоторым усилием киммериец овладел собой и со вздохом обратился к королеве:

— Не бойся, моя госпожа, опасности для тебя нет: когти дракона — штука надежная. Главное, не шевелись, чтобы мне удавалось сохранять равновесие, а если боишься высоты, так просто зажмурь глаза. Я сейчас привяжу тебя шарфом к спине, как крестьянки привязывают своих детей. Руками возмись за мою шею, а ногами обхвати меня за пояс.

Киммериец, присев на табурет, нацепил свои приспособления на ноги, затем привязал Марэлу и, осторожно пятясь в окно, вылез наружу. Спуск он начал очень внимательно и медленно — все-таки нагрузка на когти была двойная. Он тщательно выбирал место, куда поставить ногу, за какой камень уцепиться рукой — он был не один, и не в его правилах было рисковать жизнью доверившегося ему человека — тем более, женщины, даже если б она и не являлась королевой.

Медленно, осторожно, минуя выступ за выступом, камень за камнем, они спускались вдоль стены. Луна не светила на небесах, в спящей Ианте было темно и тихо; даже лай собак не тревожил сон горожан.

4. Пламя в скалах

Конан и его спутники галопом пронеслись по улицам города мимо стражников, которые, устав за день, не обратили на них никакого внимания. Выехав за город, беглецы помчались вперед по мощеному тракту, пролетая деревни, удаляясь все дальше и дальше от башен Ианты. Наконец, они смогли позволить отдых лошадям и пустили их легкой рысью, а потом перешли на шаг.

— Кто же ты, мой спаситель? — спросила королева.

— Я родился в Киммерии, на севере, но так получилось, что жизнь бросала меня по разным краям, и мне пришлось участвовать в стольких сражениях и войнах, что не всякому мудрецу под силу сосчитать.

— Ты говорил, что спасаешь меня, потому что у тебя есть ко мне какое-то дело?

— Да, — ответил Конан, усмехнувшись, — кое-какие дела у меня к тебе есть, более того — мне хотелось бы получить за них и подходящее вознаграждение.

— Интересно, что же ты мне хочешь предложить? Но сейчас я не могу расплатиться даже куском хлеба... Что может королева без королевства!

— Нам надо побыстрее уехать из этих мест. Остановимся на ночлег, тогда и поговорим.

На отдых они расположились только к концу следующего дня, для чего забрались поглубже в скалистое ущелье, чтобы с дороги нельзя было увидеть отблесков костра. Прежде всего путники сняли упряжь с лошадей, напоили их из чистейшего горного источника и, стреножив, оставили щипать травку на лужайке рядом с лагерем. Конан еще в Ианте наполнил сумки едой: хлебом, сушеными фруктами, мясом, — и, конечно, не забыл про вино: купил на рынке целый бурдюк кофийского.

После ужина киммериец решил сперва обдумать свой

предстоящий разговор с королевой. Он прилег на траву, подложив под голову седло, и размышлял, время от времени бросая короткие взгляды на Марэлу. Завладев камнем, он строил планы, как явится во дворец и получит в награду за возвращенное сокровище благородный титул и тысячу — а может, и не одну, — золотых монет. Но сейчас он валяется на траве, как простой батрак, а королева — вот она, рядом с ним! Скорчилась у костра... беглянка — без денег и без дома... Трудно даже поверить, что эта стройная, прелестная и хрупкая женщина и есть офирская королева, умевшая привораживать мужчин с помощью камня, который сейчас находится в его руках...

Наконец Конан решил приступить к делу:

— Так получается, госпожа, что у Кафратеса никогда нет времени, чтобы довести свои рассказы до конца: тебе он не рассказал обо мне и нашем плане, а мне не успел рассказать все о драгоценном камне, который помогал тебе соблазнять мужчин.

Марэла взглянула на Конана с явным удивлением:

— Как видно, и до тебя дошли эти глупые слухи... Дело в том, что сапфир Хораллы достался моему далекому предку во время его пребывания в Вендии. Два столетия назад некий маг-отшельник подарил камень графу Аларкару...

И королева поведала Конану историю этого камня, кое-что из которой ему было уже известно по рассказам Кафратеса.

— Итак, возвратившись домой, Аларкар решил созвать глав всех благородных фамилий, дабы подписать объединительную хартию, и тем самым укрепить королевство, — голос Марэлы внезапно дрогнул, и на глаза навернулись слезы. Наверное, мысль о предательстве, произошедшем два века назад, все еще не давала ей покоя. Внезапно она обратилась к Гарасу: — Капитан, тебе известно что-нибудь о Битве Ста Одного Меча?

— Конечно, моя госпожа, я слышал эту легенду. — Гарас уже засыпал, и поэтому его голос был глухим и чуть хрипловатым. — С того времени минуло столько лет, и что тогда случилось на самом деле, никто не знает.

Говорят, что представители рыцарских родов прибыли к Аларкару в замок Теринго, чтобы провести переговоры об устройстве королевства. С ними была только свита. Собравшись на поляне возле замка, они начали обсуждать все эти дела, но ни о чем не сумели договориться и вроде бы разъехались. А про графа больше ничего не было слышно, он куда-то исчез...

— Я расскажу вам, что было на самом деле, — прервала его Марэла. — В моей семье из поколения в поколение передавалась правда об этом трагическом случае.

Граф Аларкар созвал всех представителей знати для того, чтобы объединить ослабевший Офир; иначе страна сделалась бы легкой добычей соседей, Кофа или Турана. Переговоры шли со скрипом, но мой предок, тем не менее, не решался применить силу принадлежащего ему волшебного камня.

Гарас подбросил в костер охапку поленьев. Из вспыхнувшего с новой силой пламени вырвался густой сноп искр. Отхлебнув глоток вина, королева продолжила свою речь:

— Внезапно часть нобилей — граф Фродсол, барон Лоуднер и еще некоторые — бросились к своим лошадям, свита последовала за ними. Они вскочили на коней и галопом умчались с поляны, где шли переговоры. Но первым ушел и подал знак остальным предателям граф Меканта. Кстати, этот мерзавец Риджелло — его потомок!

Но и это еще не все. Как только предатели исчезли из виду, оставшиеся на поле — а их было около сотни человек: графы, бароны и их свита — почти все приняли смерть. В лесу граф Меканта спрятал засаду из арбалетчиков, а рыцари были без оружия.

Голос королевы дрогнул, глаза заблестели от слез. Конан положил руку на ее плечо, чтобы успокоить, и она непроизвольно приникла головой к его широкой груди.

— Что же было дальше? — осторожно спросил киммериец.

— Несколько человек, которым посчастливилось остаться в живых — а среди них был и Аларкар — сумели добраться до коней и пустились в погоню за предателями,

но через несколько сотен шагов их встретили войска Меканты. Бой был неравным; кроме солдат, Меканта вооружил и своих крестьян. Аларкар сражался до тех пор, пока не был пронзен стрелой из арбалета.

Марэла задумалась, картины битвы, о которой ей говорили еще в детстве, вновь заполнили ее память, но низкий голос Конана заставил королеву вздрогнуть:

— Клянусь Митрой, мир был устроен так во все времена — нобили делят власть и убивают друг друга из-за нее! Случается, в открытом бою, а бывает и подло, в спину! Тут нет ничего нового.

Королеве было неприятно такое мнение о ее доблестных предках, и она поторопилась закончить свой рассказ:

— Убитых похоронили, замок был разрушен, но кое-кому, в том числе графине с малюткой-сыном на руках, удалось бежать. Этот мальчик стал моим предком, а прах других и по сей день лежит в земле у замка...

— А что случилось с магическим камнем? — осторожно напомнил Конан.

— Аларкар совершил ошибку, когда не решился использовать его магическую мощь; ему казалось, что столь разумное предложение и так будет одобрено всеми. Камень же унесла с собой его вдова, повесив на грудь, как медальон. Вскоре она вышла замуж в другой стране, а сын, когда вырос, вернулся в Офир, сумел возвратить наши земли, и наш род вновь продолжился здесь. Камень, как наследная реликвия, все это время хранился в нашей семье, а история, рассказанная мной, переходила вместе с сокровищем от отцов к детям.

— Если бы камень вернулся к тебе, чтобы ты сделала? — словно невзначай спросил варвар.

— Использовала бы его магическую власть! Обладая Звездой Хораллы, я не испугалась бы выступить против этого мерзавца Риджелло! Вместе с честными людьми Офира я сумела бы сделать так, чтобы король, мой супруг, перестал слушать этого самозванца, и тогда Офир вновь был бы объединен под рукой одного владыки.

Конан многое видел в своей жизни, но даже его поразила безрассудная смелость этой изящной хрупкой

женщины. Здесь, среди скал, без гроша в кармане, имея рядом всего двух верных людей, она мечтала о схватке с негодьями и узурпаторами.

— Моя госпожа... — начал он. Голос варвара чуть дрогнул, но, овладев собой, он твердо продолжал: — Похоже, я смогу оказать тебе кое-какую услугу в этом деле.

С этими словами он вытащил из кошелька волшебный перстень и протянул его Марэле.

— Вот твоя семейная реликвия, госпожа! Мне кажется, будет правильно, если ты сама распорядишься ею.

Королева была настолько ошеломлена, что язык отказывался ей повиноваться:

— Это... это... Звезда Хораллы?..

— Я не благородный нобиль, как твои предки, но тебе сейчас нелегко, и мне хочется помочь смелой женщине.

Королева ошеломленно смотрела на камень, в синеве которого сверкало холодное пламя.

— Конан, то, что ты сделал, не имеет цены! Чем же мне тебя отблагодарить?

Пламенным взглядом киммериец просто пожирал женщину, и глаза его были красноречивее всяких слов. Королева поняла и, так же не говоря ни слова, легким жестом дала понять, что ее королевское достоинство не позволяет согласиться на это предложение. Немного смутившись, Конан сказал:

— Не время сейчас требовать награды. Если ты сумеешь возвратить трон, я навещу тебя во дворце. Ты сможешь сделать меня полководцем своей армии?

Королева, не зная, что ответить, взглянула на Гараса. Тот ухмыльнулся.

— Не прогадаешь, моя госпожа! Чего только не попробовал этот парень: командовал отрядом наемников, был пиратом, предводителем разбойничьей банды и туранским сотником... Хватит не на одну жизнь! Такого человека надо еще поискать, — капитан огладил бороду и хмыкнул. — А кто придумал, как спасти тебя, моя королева? Кто сумел довести план до конца? Меч и кинжал в его руках творят чудеса, уж поверь мне! Так

что, моя госпожа, ты можешь согласиться; лучшего военачальника тебе не найти.

— Тогда будем считать вопрос решенным, — кивнула королева.

5. Погоня

В тронном зале граф Риджелло неподвижно стоял перед королем — точь-в-точь лежавая, ожидающая команды. Морантес в задумчивости мучительно соображал, как ему поступить. Если он действительно отошлет этого графа подальше от двора, его родичи и сторонники того и гляди взбунтуются и встанут на его защиту. К тому же, пока Риджелло здесь, нет опасности, что найдется претендент из какой-нибудь дальней королевской родни, хотя бы этот троюродный братец Амалрус, желающий предъявить свои права на трон. Люди они невежественные и не знают жалости, так что исход был бы ясен... Король поднял глаза на потомка Меканты. Тот выглядел как человек, готовый к боевому походу: черная кольчуга, меч и кинжал у пояса, шлем — тоже черного цвета — лежал рядом на столе.

Риджелло забавлялся, наблюдая, как король пытается принять самостоятельное решение — граф прекрасно знал, что оно будет таким, какое нужно ему. Он, человек весьма крутого нрава, просто изображал верность и почтение перед этим нерешительным и слабым коронованным слонтяем.

— Мой господин, — прервал он, наконец, затянувшееся молчание. — Я не сомневаюсь в том, что это похищение королевы было совершено с ее согласия: окно открыто, лекарь в беспамятстве, связан, во рту кляп. Только дай приказ, мой король, и я с сотней своих людей брошусь в погоню.

— Но, Риджелло, как можно забраться на башню? — голос короля дрогнул и сорвался на фальдет. — Стена отвесная, в ней не меньше сорока локтей высоты!

— Это не так уж важно. Может быть, они спустились по веревке, хотя веревку и не нашли; может быть, еще

каким-нибудь образом. Главное в том, что королева исчезла и наверняка организует заговор! Я тысячу раз предупреждал тебя о мятеже, и теперь как раз подходящий случай, чтобы уничтожить всех этих смутьянов-аристократов. Надо найти королеву, иначе бунт неизбежен — и весьма скоро!

Морантес в задумчивости грыз ногти, оглядывая роскошный тронный зал и стражников, подобно истуканам застывших у дверей, как будто они были в силах принять за него решение. Но, конечно, они не могли ничем помочь королю, и тот с тоской вновь обратил взгляд к Риджелло:

— Что же мне делать, как ты думаешь?

— Даже имея самых лучших коней, нужно время от времени давать им роздых. Поэтому уйти далеко они не могли. У моих всадников есть запасные лошади, да и в любом месте, будь то селение или замок, они смогут взять сменных коней. Так что осталось заручиться твоим приказом, повелитель, и беглецы будут схвачены.

— Но мы же не знаем, в какую сторону они могли поехать... — король явно пытался оттянуть решение.

— Это вычислить несложно, — отозвался Риджелло. — Где королева может найти поддержку? Конечно же, на северо-западе, там, где находятся ее родовые земли, в замке Теринго!

— А если у королевы вновь оказалась Звезда Хораллы? — продолжал вяло отбиваться Морантес. — Ты не сумеешь противостоять колдовской силе этого камня... и вообще никакой мужчина не сможет победить ее, если с ней будет перстень с этим сапфиром!

— Мой господин, если бы у королевы был перстень, то ей не пришлось бы бежать через окно — достаточно приворожить охрану и выйти из башни, как все обычные люди, через дверь. Да и потом, прошел уже целый год, как была похищена Звезда Хораллы, и никто с тех пор не видел камня и ничего не слышал о нем.

Король, наконец, решился; разумеется, на то, чего желал Риджелло:

— Ты думаешь так же, как я! И вот тебе мой приказ:

догнать беглецов, схватить и бросить в застенки к палачам!

Покинув тронный зал, Риджелло не отказался от невинного удовольствия: подошел к зеркалу, чтоб полюбоваться на мужественного и решительного рыцаря в черных доспехах. Он улыбался, представляя, как схватит Марэлу, поднимет восстание и сбросит с трона этого жалкого слюнтяя. Королева очень популярна — и в городе, и среди крестьян, так что повернуть дельце будет нетрудно. А если убить Морантеса и жениться на Марэле, то тогда трон Офира окажется у него в руках. Марэла, разумеется, будет счастлива, что ее супругом будет настоящий мужчина, а не этот коронованный извращенец! Если же она не примет его планов по доброй воле, то есть весьма убедительные способы принудить ее к этому. В общем, мнение королевы графу было безразлично.

Он натянул на руки кольчужные перчатки, поправил пояс с оружием и, сбегая по лестнице во внутренний двор, громко отдал команду:

— Моего коня! В погоню!

6. Замок Теринго

Конан спешил, не доезжая до вершины холма, бросил поводья Гарасу, а сам двинулся к густым зарослям. Слегка отодвинув ветви, он, не высовывая головы, внимательно оглядел противоположный склон холма и расстилавшуюся за ним равнину.

— Почему он так медлит? — теряя терпение, обратилась королева к Гарасу. — Нам ведь нужно как можно быстрее оказаться у границы с Аквилонией!

— Не сомневайся, моя госпожа, Конан — опытный воин. Он столько раз совершал побеги и участвовал в битвах, что другому и за целую жизнь столько не выпадет, а ведь лет этому варвару, пожалуй, раза в два меньше, чем мне. Если кто и может найти безопасное место, так это наш киммерийский приятель.

Наконец Конан жестом подозвал их к себе. Поднявшись, королева и капитан осмотрели местность по другую

сторону гребня: какие-то руины на невысоком холме, а за ними — блестящие на солнце воды реки, которая, огибая препятствия, плавно уходила вдаль.

— Мне незнакомы эти места, — шепотом произнесла королева.

Конан продолжал, напрягая зрение, вглядываться вперед.

— Аквилонская граница недалеко; я думаю, что она проходит вон по тем вершинам. Нам надо только миновать луг и найти переправу на реке, а там офирам будет уже не просто гнаться за нами — в Аквилонии не очень-то любят, когда на их землях появляются вооруженные чужестранцы.

Вернувшись к лошадям, беглецы, не теряя времени, спустились по склону холма. Едва они очутились на поле, как сзади раздался мерный стук множества копыт. Киммериец обернулся назад и замер, прислушиваясь. Впрочем, сомнений не было: за ними гналась офирская конница.

— Пришпорьте коней! — крикнул Конан, приветав в строменах. — Погоня настигает!

Кони стремительным галопом помчались по направлению к руинам замка. До реки, которая была для них спасительным рубежом, оставалось уже рукой подать, но офирские конники, мчавшиеся развернутым строем, были быстрее. Обученные воины знали свое дело — края цепи стали сходиться, отрезая беглецов от аквилонского рубежа.

— Нергалово племя! — воскликнул Конан. — И где они успели научиться гирканским приемам!

Было уже ясно, что от всадников, скакавших на свежих лошадях, им не уйти.

— Давайте к замку! — крикнул варвар. — Там мы сможем обороняться! А если придется погибнуть, то на Серые Равнины уйдем не одни — прихватим с собой кое-кого из этих ублюдков!

Поравнявшись с развалинами, Конан и его спутники соскочили с лошадей и быстро провели их через руины главных ворот. Все вокруг было завалено камнями из осыпавшихся стен, однако внутри замка сохранилась,

хоть и наполовину разрушенная, главная цитадель. Верхние ее этажи были снесены, но оставшийся каменный цилиндр был достаточно высоким, чтобы противник не пытался одолеть его без штурмовых лестниц.

— Это нам подойдет! Через развалины они перебраться смогут, а здесь к нам уже с тыла не зайдешь, — сказал Конан. — Пусть попробуют схватить нас! Так что давайте быстрее в башню! — поторопил он своих товарищей.

Двери в башню давным-давно не существовало. Конан, отпустив лошадей, буквально пропихнул Марэлу в узкий вход — через него можно было протиснуться только по одному. Все было сделано вовремя — два первых всадника уже перебрались через руины замковых стен и скакали к замыкавшему отступление киммерийцу.

Первый из них, попытавшийся рубануть варвара мечом, мгновенно остался без руки — хруст разрушаемой плоти доставил Конану немалое удовлетворение. Не дремал и Гарас: он, увернувшись от копыт, кинжалом распорол брюхо коню, а когда солдат попробовал выбраться из-под рухнувшего животного, Конан отрубил ему ногу. Предсмертный хрип коня и вопли всадника огласили окрестности.

Неожиданно киммериец и капитан получили небольшую передышку: следующий преследователь слишком торопился настигнуть их, и его конь споткнулся на развалинах главных замковых ворот. Голова всадника припала к камню и раскололась, словно спелый орех, а его лошадь, бившаяся в предсмертных судорогах, не позволяла остальным преодолеть проход. Это время Конан и Гарас потратили не зря: оружие, оставшееся от поверженных врагов, несомненно могло им пригодиться в дальнейшем. Особенно ценным трофеем были два арбалета, а к ним — колчаны с арбалетными болтами.

— Уходим! — крикнул Конан. Пропустив Гараса, он проскользнул за капитаном в башню. Беглецы приготовились к обороне, и тут внимание Конана привлекло необычное поведение королевы, стоявшей в нескольких

шагах от него. С полубесмысленной улыбкой на губах Марэла, казалось, будто бы выпала в непонятный транс.

— С тобой все в порядке, госпожа? — осторожно тронув ее за локоть, спросил киммериец.

— Ты знаешь, где мы находимся? — вместо ответа отозвалась королева.

— Еще бы! — усмехнулся Конан. — Мы в двух шагах от Аквилонии, вот только шансов добраться до нее у нас пока маловато!

Марэла будто бы не поняла его и указала рукой на развалины стен:

— Нет, я говорю об *этом*! Мы в замке Теринго! Там, где был предательски убит мой предок, граф Аларкар!

Конан несколько удивился странности ее поведения, но сейчас он не мог терять времени на пустяки: надо было готовиться к новой схватке. Неожиданно Марэла взяла арбалет и обратилась к Гарасу:

— У меня не хватает сил подготовить его к стрельбе, капитан. Ты не мог бы мне помочь?

Когда Гарас выполнил ее просьбу, она взяла оба взведенных арбалета и, поднявшись по лестнице, лепившейся к стене башни, нашла узкую бойницу. Дневной свет, проникавший через отверстие, освещал каменную площадку, где и остановилась королева.

Офирские солдаты пошли на штурм.

7. Рыцари минувшего

Дважды атака не принесла успеха нападавшим. Вход был таким узким, что солдаты даже не могли воспользоваться длинными копьями, тогда как Конан и Гарас, поднявшись на пару ступенек, перехватывали древки у самых наконечников и рубили мечами по головам солдат. Те, стиснутые в узком проходе, не могли как следует развернуться и были не способны противостоять точным ударам Конана и капитана. К тому же, стремясь облегчить амуницию для погони, преследователи не надели металлических доспехов, а легкие кожаные панцири не защищали от ударов меча и кинжала. Капитан и ким-

мериец были экипированы гораздо надежней — в стальные кольчуги и шлемы, а потому груды тел офицеров уже почти завалила дверной проем.

Королева тоже внесла свою лепту: два ее выстрела из арбалета оказались удачными. Марэлу нельзя было назвать умелым стрелком, но, целя в толпу перед башней, было тяжело промахнуться.

Теперь королева стояла вместе со своими спутниками, прислонившись к стене, и отдыхала, ожидая, когда один из мужчин вновь взведет ее арбалеты.

Потерпев неудачу, нападавшие откатились назад, за развалины замка. Конан собирал оружие, как бревна раскидывая тела мертвых и раненых врагов, и не прислушивался к их предсмертным стонам и воплям.

* * *

Граф Риджелло верхом на лошади расположился у подножья холма. За время погони его доспехи покрылись толстым слоем пыли, так что теперь он выглядел не черным, а, скорее, серым рыцарем. Граф нетерпеливо поджидал сообщений десятников, раздосадованный неудачным штурмом и упорным сопротивлением оборонявшихся.

— У вас сотня опытных людей, а там — всего трое! — заорал он на подскакавшего к нему всадника. — Сотня воинов против двух оборванцев и женщины! Или вы забыли, с какой стороны берутся за меч?

— Господин! Мы ничего не можем поделать с этим варваром! — оправдывался десятник. — Его клинку не может противостоять никто. Мы потеряли уже сорок человек и не можем даже забрать раненых. Солдаты боятся его... Пожалуй, у них не хватит смелости и сил на новую атаку.

— Вот вернемся в столицу, я разберусь с вами! Со всеми разберусь, недоумки! — рявкнул граф, придя в ярость. — А женщина что ж? Или с ней тоже никак не справиться?

— Разрешите, пусть ею займутся наши арбалетчи! Она стреляет не хуже гирканского наездника и уже прикончила многих!

— Нет! Ни в коем случае! Она нужна мне живой, чего бы это ни стоило! — воскликнул граф. — Кстати, ты навел меня на мысль. Сколько осталось арбалетчиков?

— Не больше двадцати человек, мой господин.

— Тогда сделай вот что: пусть все они с заряженными арбалетами направятся к замку. Когда минуют стены, пусть идут так, чтобы в них было трудно прицелиться — ползком или пригнувшись, как хочешь, но чтобы все подошли к башне и выстрелили разом! Тогда хотя бы одного из защитников мы прикончим, а второго задавим числом. Если удастся убить обоих, туда им и дорога! Но за женщину ты мне ответишь головой. Понял?

Довольный своим планом, граф наблюдал, как солдаты поднимаются по склону холма. «Теперь меня не остановить», — подумал он, уже ощущая ягодицами не жесткую кожу седла, а мягкие подушки королевского трона.

Внезапно сладостные мечты Риджелло прервало поразившее его зрелище. Глаза графа чуть не вылезли из орбит: солдаты, шедшие в атаку, вдруг остановились на склоне, испуская панические вопли.

А затем... Граф не верил своим глазам! Меж строем нападавших и развалинами замка внезапно появилась лавина вооруженных рыцарей на мощных скакунах. Они были облачены в древние доспехи, но строй их шетинился копьями и блистал клинками, направленными на отряд Риджелло. Солдаты графа замерли, потом дрогнули арбалетчики: побросав свое оружие, они побежали к лошадям. Остальные, оторопев от неожиданности, застыли, затем присоединились к бегущим. Вскочив на лошадей, все войско Риджелло в ужасе помчалось прочь.

— Копыта Нергала! — гневно заревел граф, пытаясь остановить солдат. — Стоять! Стоять, я вам говорю! Обороняться! Да что же это такое!?

Потеряв голову, совершенно не соображая, что делает и творит, граф поскакал навстречу атакующим и ворвался в их строй. В это мгновение стрела, пущенная из арбалета, пробила его шлем и вонзилась в голову.

8. «Нам не дано предугадать...»

— А ты неплохо стреляешь! — воскликнул Конан. Он покинул замок со своими спутниками, чтобы посмотреть на окончательный разгром офирцев. Захотав, варвар предложил Марэле: — Если меня наймут в какую-нибудь армию, я возьму тебя арбалетчиком, госпожа. Конечно, если тебе надоест королевский трон.

Внезапная мысль заставила его оборвать смех, и он, уже серьезно, спросил королеву:

— Это подействовала магическая сила перстня? Как появились эти воины? И куда они исчезли, обратив в бегство наших врагов?

— Да, то была Звезда Хораллы! — улыбнулась королева. — Теперь, наконец, обретут успокоение души тех благородных рыцарей, соратников Аларкара, которые два века назад пытались спасти Офир. Пока Звезда не проявила свою магическую мощь, их долг не был исполнен до конца. Души рыцарей томились в ожидании этого дня.

— Так они — настоящие люди? — не успокаивался киммериец. — Из плоти и крови? Или же это были бесплотные призраки, которые проходят мимо нас, как туман, и так же рассеиваются?

— Мне сие неизвестно... И думаю, что об этом не ведомо никому. Но сейчас имеет смысл сначала побеспокоиться о наших телах — то есть, скорее, о ваших. Давайте я попытаюсь перевязать ваши раны.

Они подошли к ручью, журчавшему невдалеке, торившему дорогу к речным водам. Марэла, обмыв раны своих спутников, покрытые грязью и запекшейся кровью, перевязала их кусками материи, оторванной от одежд погибших врагов.

Наложив последнюю повязку, Марэла глубоко задумалась. К реальности ее вернул голос Конана.

— И что же дальше, великая королева? Я думаю, что теперь, когда нет Риджелло, найдется немало охотников прибрать к рукам офирского короля.

Марэла ответила далеко не сразу.

— Я надеюсь на Звезду, на свой талисман. Правда,

хороших и верных людей мало, если искать их среди богатых и знатных. Но, думаю, перстень поможет мне их объединить... — Вдруг она смолкла и, глядя на свои руки, в отчаянии закусил губу. — Великий Митра, где же она?! Моя Звезда! Неужели я опустила ее в ручей, когда зачерпывала воду?!

Пока не село солнце, мужчины пытались отыскать пропавшее кольцо, но тщетно. Или течение уже унесло Звезду Хораллы вниз, в реку, или песчаные наносы скрыли перстень от людских глаз... Дальше искать было бессмысленно. Рыдая, королева в отчаянии корила себя:

— Только она вернулась, и по моей вине пропала вновь! А вместе с ней — и надежда! Я одна виновна в этом!

Конан обнял ее за плечи и сказал:

— Что поделаешь, девочка... Успокойся! К тому же, мне всегда не нравилась эта магия... что-то в ней есть такое...

Марэла постепенно успокоилась, и когда она подняла глаза на спутников, они были сухими и блестящими.

— Чему быть, того не миновать! Пожалуй, вряд ли я могла рассчитывать на победу в Офире, пусть даже и с помощью своей Звезды... Теперь не осталось и этих шансов, к тому же из Морантеса мужчины все равно не получится. Это было бы не под силу сделать, наверное, и самому Митре! Что ж, пусть мужские дела решают сами мужчины — да помогут боги народу Офира и делам королевства! Мне же придется жить в Аквилонии, ибо близкие люди у меня есть только там.

— А на что же ты будешь жить? — спросил Конан.

Королева отвернулась и вытащила из-под одежды широкую плотную стеганую ленту, во множестве отделений которой были уложены драгоценные камни и золото:

— Вот, посмотри!

— Если какой-нибудь вор не положит глаз на эти штучки, то хватит надолго, — оценил драгоценности Конан.

— Я надеюсь, что Гарас не оставит меня, — ответила

Марэла. — Ведь так, Гарас? Я могу на тебя рассчитывать?

— Госпожа! Я пойду за тобой туда, куда ты прикажешь!

— Спасибо, друг мой, — изящным поклоном поблагодарила его королева и, обернувшись к Конану, спросила: — Как твои планы, друг? Не поедешь ли и ты со мной? Правда, чин главнокомандующего, который я обещала тебе...

— Не беспокойся об этом, — покачал головой киммериец. — Мои намерения тоже изменились: съезжу-ка, я, пожалуй, домой, в Киммерию.

Что-то насторожило Марэлу в голосе варвара:

— В твоих словах я не слышу особой радости, Конан. Тебе, наверное, страшно возвратиться на север.

Конан засмеялся тихим смехом, от которого мороз прошел по коже:

— Парочка-другая старых врагов, конечно, ждут меня на родине, но этим меня не напугаешь. Я вообще не опасюсь никого и ничего, кроме колдовства, да и его не боюсь, а просто так, не люблю... Видишь ли, говоря по правде, Киммерия — это один лишь сон, тоска и скука, не то что на юге, в твоём теплом и богатом королевстве... — Взглянув Марэле прямо в глаза, киммериец продолжал внезапно смягчившимся голосом: — Кроме того, если есть хорошая компания, то путь не кажется долгим, да и на душе легче и приятней.

Тут жаркие и жадные взгляды Конана обожали все стройное тело королевы, коснулись ее тонкого, красиво очерченного лица, каскада струящихся по плечам золотистых волос... Киммериец сжал руки Марэлы в своих ладонях, глядя на королеву почти умоляющим взглядом.

Гарасу не потребовалось вмешиваться, потому что госпожа его, мягким движением освободив свои руки из ладоней Конана, ответила на его немой вопрос:

— Я не могу изменить супружеской клятве, и пока Морантес жив, я — его жена. Но ведь под луной нет ничего вечного! Пройдет время, и, как знать, мой брак может превратиться в воспоминание... — Она невесело

улыбнулась. — Но ответь мне, зачем ты меняешь хайборийский юг, где такие смелые, сильные и благородные люди, как ты, имеют столько возможностей, на север, куда тебе даже не хочется возвращаться?

— Я еду только затем, чтобы кое-кого навестить.

— Кого? Какая-нибудь любовь юности?

— Нет, я собираюсь навестить пожилую женщину. Кто она и кем приходится мне — об этом знать не обязательно. — Конан смотрел на королеву равнодушным взглядом, но по блеску его синих глаз было видно, что он сильно разочарован. — Но позволь узнать, госпожа, где ты остановишься в Аквилонии? Нам не дано предугадать грядущего... Может, и свидимся когда-нибудь.

— Моя родня — граф и графиня Альбионские. Это старики, детей у них нет, и они считают меня своей приемной дочерью, наследницей титула и владений. Возможно, — она с ласковой улыбкой взглянула на гиганта-киммерийца, — если тебе доведется посетить Аквилонию, ты встретишься не с королевой Офира, а с графиней Альбионской. А живут они совсем недалеко от Тарантии. Так что я не прощаюсь с тобой навсегда, мой варвар!

ОСТРОВ ЧЕРНЫХ ДЕМОНОВ

1

Санча, уроженка Кордавы, зевнула и, потянувшись всем телом, поудобнее устроилась на отороченном горностаевым мехом шелковом покрывале, небрежно расстеленном на корме карака. Она не могла не чувствовать на себе жадных взглядов команды, ловившей каждое ее движение, как не могла не сознавать, что короткая шелковая туника едва прикрывает ее роскошное тело, однако это мало трогало ее. И, дерзко усмехнувшись, красавица приготовилась насладиться солнечным теплом, покуда светило не поднялось слишком высоко над горизонтом, и лучи его не опалили нежную кожу.

Но в этот миг до нее долетел странный звук, ничуть не похожий на ставший привычным скрип дерева, гудение снастей и плеск морских волн. Она села, обернувшись на шум, и, к полному своему изумлению, увидела, как через борт на корабль взбирается мужчина. Темные глаза ее округлились, с алых губ слетел изумленный возглас. Этот человек был ей совершенно не знаком. Вода струилась по мощным плечам и крепким рукам незваного гостя. Единственное его одеяние — алые шелковые шаровары, стянутые широким поясом с золотой пряжкой, — было насквозь промокшим. Мужчина застыл у борта карака. В лучах восходящего солнца он был подобен бронзовой статуе. Пальцами он пригладил мокрые черные волосы, и взгляд его синих глаз остановился на девушке.

— Кто ты такой? — воскликнула Санча. — Откуда ты здесь взялся?

Он небрежно обвел рукой море, захватив не меньше четвертой части горизонта, но взор его не покидал стройной фигурки красавицы.

— Или ты обитатель глубин, что восстал из бездны? — Санча, привычная к восхищенным мужским взглядам, была смущена столь пристальным вниманием.

Но не успел незнакомец ответить, как послышались быстрые шаги, и хозяин карака предстал перед пришельцем, утрюмо разглядывая его и не спуская руки с меча.

— Кто ты такой, проклятье на твою голову? — воскликнул он сердито.

— Я — Конан, — раздался невозмутимый ответ. Санча наострила уши. Ей еще не доводилось слышать, чтобы кто-то говорил по-зингарски с таким странным акцентом.

— И как же ты оказался на борту моего корабля? — Капитан и не пытался скрыть недоверия.

— Вплывь.

— Вплывь! — Моряк был в ярости. — Да ты смеешься надо мной, собака! Отсюда земли уже не видно. Откуда ты взялся?

Загорелая мускулистая рука Конана указала на восток, золотившийся в лучах восходящего солнца.

— Я приплыл с Островов.

— Ого! — Теперь капитан карака явно заинтересовался гостем. Густые черные брови нахмурились, тонкая верхняя губа дрогнула.

— Так значит, ты из этих барахских псов?

Слабая усмешка тронула губы Конана.

— Да ты хоть знаешь, кто я такой? — воскликнул владелец карака.

— Это судно — «Потерянный». Значит ты, должно быть, Запорово.

— Именно так! — То, что незнакомец знал его, потешило тщеславие моряка. Он был высок ростом, как и Конан, но казался более худощавым и гибким. Лицо под стальным шлемом было смуглым, суровым и в профиль

напоминало хищную птицу, так что команда не напрасно прозвала его Коршуном. Доспехи и одеяние капитана были богатыми, изукрашенными на манер зингарского гранда, а рука редко покидала рукоять меча.

Во взгляде его, устремленном на Конана, не читалось никаких теплых чувств. Зингарцы издавна не питали любви к изгоям, нашедшим убежище на Барахских островах, у южного побережья Зингары. Большинство среди них было аргосцами, но хватало и иноплеменников. Они пиратствовали у побережья, грабили корабли и прибрежные города, точь-в-точь как сами зингарцы, однако те гордо именовали себя флибустьерами и презирали барахских морских разбойников. Что ж, вор редко сам себя называет вором.

Так, или почти так, размышлял Запорово, поглаживая рукоять меча и хмуро созерцая непрошеного гостя. По лицу же Конана прочесть его мысли было невозможно. Он скрестил на груди руки столь невозмутимо, словно стоял на палубе своего собственного корабля, губы его улыбались, а глаза были холодны.

— Что ты здесь делаешь? — спросил флибустьер резко.

— Мне потребовалось срочно покинуть Тортаж вчера вечером, — отозвался Конан. — Я уплыл в дырявой лодчонке и греб всю ночь, вычерпывая воду. На рассвете я заметил ваши паруса, бросил проклятое корыто тонуть и пустился за вами вплавь. Иначе мне было не успеть.

— В этих морях водятся акулы, — проворчал Запорово, слегка уязвленный тем, как небрежно пожал незнакомец мощными плечами в ответ на эти слова. Взглянув на нос карака, он убедился, что там собралась почти вся команда, с любопытством следившая за разговором. Довольно одного лишь слова, и они ринутся на корму с оружием, и перед их напором не устоит даже такой бывалый боец, каким, судя по всему, был этот Конан.

— С какой стати мне связываться с безродными бродягами — хламом, выброшенным морем? — хмыкнул Запорово презрительно.

— На корабле хороший моряк не помеха, — отозвался

пришелец без всякой обиды. Запорово нахмурился, но он знал, что правда на стороне незнакомца. Он задумался, и в этот самый миг потерял свой корабль, власть, возлюбленную и самую жизнь. Но, разумеется, будущее было от него сокрыто, а Конан казался ему не более чем ничтожеством, хламом, выброшенным, как он сам сказал, морской волной. Человек этот ему не слишком нравился, однако в словах его был резон. Да и манеры незнакомца нельзя было считать дерзкими: просто он казался чересчур уверен в себе.

— Проезд отработаешь! — рявкнул Коршун. — А теперь пошел вон с кормы. И запомни: здесь нет другого закона, кроме моей воли.

Губы Конана растянулись в усмешке и невозмутимо, без спешки развернувшись, он направился по трапу вниз. На Санчу он даже не взглянул больше, хотя она все это время не спускала с него глаз.

Когда он спустился на нижнюю палубу, команда кольцом окружила его, — зингарцы все до единого, полуголые, в перепачканных смолой шелковых штанах, с серьгами в ушах, с кинжалами, изукрашенными самоцветами. Всем им не терпелось приступить к излюбленной забаве — травле новичка. Здесь его испытают на прочность, определят место в команде. На верхней палубе, Запорово, должно быть, напрочь позабыл о пришельце, но Санча с напряженным интересом наблюдала за происходящим. Она успела привыкнуть к подобным сценам, к жестокости и крови, и сейчас не ждала иного.

Но и для Конана в том, что готовили ему пираты, не было ничего неожиданного. Чуть заметной усмешкой приветствовал он столпившихся вокруг матросов и невозмутимо оглядел жадный до развлечений круг. В таких испытаниях были свои правила. Вдумай он напасть на капитана, команда разорвала бы его в клочья, но здесь, внизу, драться с ним выберут кого-то одного, и остальные не посмеют вмешаться.

Один из пиратов сделал шаг вперед — жилистый громила с повязанным, наподобие тюрбана, красным платком. Гладко выбритый подбородок выдавался далеко впе-

ред, испещренная шрамами физиономия казалась уродливой и злобной сверх всякой меры. Каждый взгляд его, каждое движение таили оскорбление и угрозу. Манера пирата начинать поединок была столь же грубой и примитивной, как и он сам.

— Барахская собака, да? — осклабился он. — Да мы плевать на вас хотели... Вот!

Он плюнул Конану в лицо и схватился за меч.

Атака барахца оказалась настолько стремительной, что за ней невозможно было уследить взглядом. Молотоподобный кулак со страшной силой врезался в челюсть нападавшего, и зингарец, отлетев на несколько шагов, рухнул у борта.

Конан обернулся к остальным. Если не считать недоброго огонька в глазах, в манерах его ничего не изменилось. Но травля прекратилась столь же внезапно, как и началась. Моряки подняли поверженного приятеля. Сломанная челюсть его была сворочена на сторону, голова болталась безвольно.

— Клянусь Митрой, он сломал ему шею! — воскликнул чернобородый морской разбойник.

— Да, слаба кость у вашей флибустьерской породы, — расхохотался пират. — На Островах у нас такого тычка никто бы и не почуял. А теперь, может, мечами помашем? Нет? Никто не хочет? Тогда будем друзьями?

Пираты поспешили заверить его, что так оно и будет. Загорелые руки перебросили мертвеца за борт, и дюжина острых плавников вспороли волны, едва труп коснулся воды. Со смехом Конан раскинул руки, потянувшись, точно огромный кот, и взгляд его устремился на верхнюю палубу. Санча перегнулась через борт, горящим взором наблюдая за тем, что творится внизу. Солнце пронизывало тончайшую тунику, золотом очерчивая гибкую фигурку. Но вот грозная тень Запораво упала на нее, и на узкое плечо девушки властно опустилась его рука. Во взгляде, брошенном пиратом на нижнюю палубу, читалась неприкрытая угроза. Но Конан только усмехнулся в ответ, точно речь шла о шутке, понятной лишь ему одному.

Запораво повторил ошибку многих тиранов. Привык-

ший властвовать в зловещей роскоши верхней палубы, он недооценил того, кто находился внизу. У него была возможность убить Конана, но он упустил ее, поглощенный сумрачными раздумьями. Он не мог поверить, что кто-то из этих псов с нижней палубы может представлять для него серьезную угрозу. Он раздавил многих врагов, но уже давно никто не осмеливался бросить ему вызов, и зингарец возомнил себя неуязвимым.

А Конан и не думал давать ему повода для подозрений. Он смешался с командой, жил с ними и делил их скудные забавы. Проявив себя бывалым моряком и настоящим силачом, он справлялся за троих и первым вызывался на любую опасную работу. Постепенно товарищи привыкли во всем полагаться на него. Он ни с кем не искал ссоры, и они старались не вызвать его гнева. Он играл с ними, ставя на кон свой пояс и ножны, выигрывал деньги и оружие и со смехом отдавал их обратно. Прошло совсем немного времени, и он превратился в негласного вождя пиратов. О том, почему он был вынужден бежать с Барахских островов, Конан не сказал никому ни слова, однако флибустьеры подозревали, что он был изгнан из сурового братства морских разбойников за какое-то кровавое деяние, и от этого он лишь вырос в их глазах. В отношениях с Запораво и командой он всегда был ровен и приветлив, без дерзости или угодничества.

Даже слепой не мог бы не заметить, как разительно эти двое отличались между собой — резкий, вечно угрюмый и задумчивый капитан пиратов, и этот здоровяк, который всегда был готов посмеяться доброй шутке, пороть похабные песни на дюжине языков, влить в себя бочонок эля, и, казалось, вовсе не заботился о грядущем дне.

Знал бы Запораво, с кем, пусть и бессознательно, сравнивает его команда, он онемел бы от изумления и ярости. Но он был слишком поглощен своими думами, что делались с годами все мрачней и угрюмей, несбыточными мечтаниями, и девушкой, обладание которой отдавало горечью, так же, как и все его редкие наслаждения.

А Санча все чаще засматривалась на черноволосого

гиганта, так выделявшегося среди своих товарищей, будь то в работе или в забавах. Он никогда не заговаривал с ней, но пронзительный взор его был красноречивее всяких слов. Санча начинала опасаться, как бы эта рискованная игра не завела их слишком далеко.

Не столь давно она жила во дворце в Кордаве, но, казалось, между той жизнью и нынешней пролежала непреодолимая пропасть, возникшая, когда Запорово вынес ее, рыдающую, с объятый пламенем каравеллы, разграбленной его волками. Она, любимая, избалованная дочь герцога Кордавского, познала на себе, что значит быть игрушкой флибустьера, но, будучи достаточно гибкой, чтобы гнуться, не ломаясь, сумела уцелеть там, где погибли другие женщины, и даже научилась получать удовольствие от такой жизни.

Существование ее было полно превратностей и подобно сну, но опасность, бегство, резня и грабежи придавали ему остроты, а кровавые грезы Запорово делали его еще более ненадежным, чем жизнь обычного флибустьера. Никто не знал, что придет ему на ум в следующий раз. Теперь они покинули прибрежные воды и уходили все глубже и глубже в бескрайние, неведомые просторы, так пугающие мореходов, куда испокон веков корабли отправлялись лишь затем, чтобы стинуть навеки. Все известные земли оставались позади, и день за днем их окружала лишь необъятная синева океана, бесплодная и пустая. Здесь не было добычи — ни поселений, ни торговых кораблей. Команда ворчала, стараясь однако, чтобы недовольство не достигло ушей их беспощадного хозяина, днем и ночью царственно расхаживавшего по палубе, погрузившись в мрачные думы о величии, или корпевшего над древними картами и пожелтевшими портуланами. Порой он принимался рассказывать Санче — и в такие минуты делался похожим на безумца — о затерянных континентах и сказочных островах, плывущих в облаках голубой пены безымянных течений, где рогатые драконы стерегут сокровища, собранные правителями древних народов, что предшествовали людям.

Санча слушала, не понимая, обхватив руками колени, и мысли уносили ее все дальше, от сумрачного пирата к бронзовокожему гиганту, чей смех был звучным и свежим, как морской ветер.

* * *

И вот, через несколько недель изнурительного плаванья, они наконец увидели на западе землю и к рассвету бросили якорь в неглубокой бухте. Перед ними был пляж, белой лентой окаймлявший холмы, поросшие травой и деревьями. Ветер доносил до них аромат свежей зелени и цветов, и Санча захлопала в ладоши в предвкушении высадки на берег. Однако радость девушки вскоре сменилась досадой, ибо Запорово велел ей оставаться на борту, пока он за ней не придет. Он никогда не объяснял своих приказов, и она не знала, что движет им. Но ему часто доставляло удовольствие причинять ей боль без всякой на то причины.

Томясь бездельем на корме, Санча следила за мужчинами, которые гребли к земле. В лучах утреннего солнца прозрачная вода искрилась и сверкала, как жидкий нефрит. Матросы высадились на берег и сгруппировались в кучу, опасливо озираясь по сторонам, не выпуская из рук оружия, и лишь несколько человек немедленно направились к деревьям, окружавшим пляж. Среди них был и Конан, Санча узнала его мгновенно. Кто-то говорил ей, что он родом из варварской Киммерии, страны, лежащей далеко на севере. Уроженец одного из тех примитивных племен, чьи набеги до сих пор внушают ужас соседям-южанам. Это объясняло присущую ему живучесть и какую-то дикарскую цельность натуры, что так отличала его от всех прочих.

Берег встретил пиратов безмолвием, и, успокоившись, они принялись переговариваться в голос. Послышался смех, грубые возгласы. Вскоре они уже рассыпались вдоль берега в поисках съедобных плодов. Она видела, как они влезали на деревья, что-то срывали с ветвей, и ее маленький ротик наполнился слюной. Топнув ножкой, Сан-

ча разразилась гневной тирадой, сделавшей бы честь самому прожженному морскому волку.

Морякам и впрямь удалось отыскать съедобные плоды, причем одни, с тонкой золотистой кожурой, пришлось им особенно по вкусу, и они с жадностью набросились на еду. Но Запорово не последовал их примеру. Когда высланные им вперед матросы донесли, что не встретили в округе ни людей, ни животных и никаких следов, что указывали бы на их присутствие, он застыл недвижимо, тяжелым взглядом уставившись на далекие зеленые холмы, плавно, подобно волнам, перетекавшие один в другой. Затем, коротко бросив что-то остальным, поправил меч на перевязи и решительным шагом устремился к деревьям. Его помощник пытался было удержать капитана, но, получив оплеуху, почел за благо не настаивать более. В глубь побережья Запорово влекла вполне определенная причина. Он желал знать, тот ли это остров, о котором говорилось в таинственной «Книге Склоса», — остров, где скрываются безымянные мудрецы, и таинственные чудовища стерегут в склепах золотых истуканов, испещренных неведомыми иероглифами. Однако он не желал делиться возможными открытиями с кем бы то ни было, и потому предпочел отправиться на поиски в одиночку.

Санча, не спуская с Запорово взора, видела, как он исчез в зарослях. А вскоре заметила, как Конан, окинув взглядом рассыпавшихся по берегу моряков, быстрым шагом двинулся вслед за капитаном пиратов и также скрылся за деревьями.

Любопытство Санчи было возбуждено до предела. Она подождала немного, надеясь, что они скоро вернуться, но ни тот, ни другой так и не показались. Остальные матросы по-прежнему бесцельно слонялись по берегу, некоторые отправились на разведку в глубь острова. Многие разлеглись в тени на песке и погрузились в сон. Солнце палило немилосердно, несмотря на навес, натянутый над палубой. На корабле было жарко, тихо и невыносимо скучно, и лишь полоска прозрачной голубой воды отделяла Санчу от тенистой прохлады окаймленного деревь-

ями берега и манивших ее таинственных холмов. К тому же, загадочное исчезновение Конана и Запорово не давало ей покоя.

Санче было хорошо известно, какое наказание ждет ее, если она посмеет ослушаться своего безжалостного господина, и довольно долго она сидела, мучаясь нерешительностью. Но наконец сказала себе, что ради такого стоит даже перетерпеть порку от Запорово, и, не медля более, скинула кожаные сандалии, сбросила коротенькую туннику и остановилась у бортика, обнаженная. Перебравшись через борт и спустившись по якорной цепи, Санча скользнула в воду и поплыла к берегу. На пляже она постояла несколько мгновений, наслаждаясь тем, как песок покалывает нежные пальчики, затем огляделась по сторонам, не заметил ли ее кто из команды. Но на берегу оставалось лишь несколько человек, и все они были далеко. Большинство спали под деревьями, сжимая в липких пальцах ломти золотистых плодов. Она даже удивилась, как могут они спать так крепко в такую рань.

Никто не окликнул ее, и Санча пересекла полоску песка, вступив под сень дерев. Теперь она видела, что деревья растут небольшими рошицами, между которыми простирались пологие склоны, поросшие травой. Девушка не спеша двинулась в глубь острова, следом за Запорово, и вскоре ощутила на себе неземное очарование открывавшегося перед глазами вида. Холмы сменялись холмами, все покрытые шелковистым зеленым ковром, здесь и там попадались роши деревьев. В стороне оставались неглубокие ложбины, также поросшие травой. Пейзаж точно растворялся в самом себе, каждый новый вид сливался с предыдущим, взгляд Санчи точно остановился, сузившись до точки и одновременно обнимая весь мир. Дремотная тишина околдовывала остров.

Как вдруг, когда девушка достигла ровной площадки, окруженной деревьями, на вершине холма, сонное очарование внезапно прервалось. Завидев, что лежало перед ней на залитой алым траве, Санча не смогла сдержать крика и отскочила назад, а затем двинулась вперед, широко распахнутыми глазами, дрожа всем телом.

Раскинувшись на земле, уставясь безжизненно в небеса, лежал Запорово. В груди пирата зияла рана. Мертвая рука еще цеплялась за меч. Коршун упустил последнюю добычу.

Нельзя сказать, что, взирая на тело своего бывшего господина, Санча не испытала никаких чувств. У нее не было особых причин любить его, и все же он был ее первым мужчиной, а это много значит для любой девушки. Она не разрыдалась, не испытывая ни желаний, ни потребности в слезах, но сильная дрожь охватила ее, и кровь на миг сгустилась в жилах, так что Санча едва не лишилась чувств.

Взяв себя в руки, девушка заозиралась по сторонам в поисках человека, который, она была уверена, скрывался где-то неподалеку. Но взгляд ее не встретил ничего, кроме деревьев-великанов, кольцом окружавших холм, да синеющих вдали склонов. Возможно, убийца пирата уполз прочь, тяжело раненный? Но тогда прочь от трупа должен был бы вести кровавый след, а его не было и в помине.

Озадаченная, Санча осмотрелась попристальнее и невольно вздрогнула, заметив, как шевельнулись невдалеке ветви деревьев. Она направилась в ту сторону, не сводя глаз с изумрудной глубины рощи.

— Конан? — выкрикнула она почти просительно, и голос ее прозвучал неожиданно робко в напряженном безмолвии, внезапно сгустившемся вокруг.

Колени ее подогнулись, и паника охватила девушку, хотя она даже не могла понять, что так напугало ее.

— Конан! — в отчаянии взвизгнула она. — Это я, Санча! Где ты? Конан, прошу тебя..

Голос ее дрогнул и прервался. Карие глаза ее расширились от ужаса, подобного которому она не испытывала никогда в этой жизни. Алые губы раскрылись в немом крике, но ни единого звука не сорвалось с них. Ноги отказались ей повиноваться — именно тогда, когда нужно было спастись бегством, Санча не могла даже сдвинуться с места. Ей оставалось лишь беззвучно звать о помощи.

Когда Конан заметил, что Запорово в одиночку направился в глубь острова, он мгновенно понял, что ему представился тот самый шанс, которого он ждал так долго. Он не ел золотистых плодов, не принимал участия в грубых забавах своих товарищей; все время, как только они оказались на берегу, варвар не спускал с пирата жадных глаз. Зная угрюмый и непредсказуемый нрав своего капитана, команда была не слишком удивлена, что он отправился исследовать незнакомый и, возможно, полный опасностей остров в одиночку. Они продолжили веселиться на берегу и даже не заметили, как Конан, подобно крадущейся пантере, скользнул следом за Запорово.

Конан знал о том, что пользуется уважением и симпатией среди пиратов. Однако пока он не завоевал еще права, участвуя в морских сражениях и боевых вылазках, вызвать капитана на смертельный поединок, чтобы померяться с ним силами. В пустынных морях, по которым они плавали последнее время, варвару ни разу не представилась возможность проявить себя, согласно законам флибустьеров. Команда, как один человек, обернется против него, вздумай он прилюдно бросить вызов Запорово. Но если он убьет пирата тайком, так что никто не узнает об этом, остальные не станут хранить верность мертвому предводителю. В волчьей стае, подобной этой, заботились лишь о живых.

И потому он последовал за Запорово, держа наготове меч, ожидая лишь удобного случая напасть на пирата. И вот наконец они вышли на ровную площадку на вершине холма, окаймленного деревьями-великанами, за которыми синели в дымке поросшие травой склоны. Запорово обернулся, внезапно почуяв, что кто-то следит за ним, и потянулся за мечом.

Завидев преследователя, флибустьер выругался.

— Зачем ты идешь за мной, пес?

— Ты с ума сошел, если спрашиваешь, — засмеялся Конан в ответ, в несколько прыжков настигнув остолбе-

невшего капитана. Губы его кривились в усмешке, в глазах плясал дикий огонь.

Сыня проклятиями, Запорово рванул меч из ножен и изготовился к поединку. Киммериец двинулся на пирата, не ведая страха, и клинок его взлетал так быстро, что лишь крути поющего синего пламени мелькали у флибустьера перед глазами.

Пират вышел живым из тысячи сражений на море и на суше. В мире не было другого человека, столь искусного во владении мечом. Но ему никогда не доводилось прежде встретиться в бою с уроженцем тех диких северных краев, что лежат уже за гранью цивилизации. На его стороне было искусство и мастерство, но на стороне противника — невероятная быстрота реакции и нечеловеческая сила. Манеру боя Конана трудно было назвать обычной, но она была естественной, как бросок волка. Против его дикарской ярости не спасали никакие ухищрения и приемы, и Запорово был бессилен перед варваром, как перед голодным леопардом.

Он сражался, как никогда прежде, отдавая все силы без остатка, чтобы отразить клинок, молнией вспыхивавший у него над головой, но с каждым разом это становилось все труднее, и наконец, в отчаянии, Запорово парировал мощный удар рукоятью меча, мгновенно ощутив, как немеет предплечье. И почти в тот же миг, пока пират не успел опомниться, последовал новый колющий удар, нанесенный с такой невероятной силой, что острое клинка прорвало кольчугу и грудную клетку, точно пергамент, и пронзило сердце. Губы Запорово изогнулись в болезненной гримасе, но, верный себе до последнего, он не издал ни звука. Он умер, едва лишь тело коснулось истоптанной травы, на которой капли алой крови сверкали, точно рассыпанные рубины.

Конан вытер запачканный кровью меч, улыбнулся с неподдельным удовлетворением, по-кошачьи потянулся — как вдруг внезапно застыл, и выражение довольства на его лице сменилось настороженным удивлением. Он замер, подобно статуе, не вложив даже меч в ножны.

Когда он оторвал взор от созерцания поверженного

врага, то случайно взглянул на холм, видневшийся позади деревьев. И там он узрел нечто совершенно поразительное и необъяснимое. На зеленом плече холма появилась обнаженная черная фигура, волочившая на плече обнаженное белое тело. Через несколько шагов видение исчезло так же внезапно, как и появилось, так что случайному наблюдателю оставалось лишь покачать головой в недоумении.

Пират огляделся по сторонам, неуверенно покосился назад, туда, откуда он пришел, и выругался. Он не был испуган — лишь слегка озадачен, ибо на свете было мало такого, что могло бы всерьез выбить невозмутимого варвара из колеи. Во вполне обычном, пусть и непривычном окружении ему явилось видение, достойное ночного кошмара — пусть так. Но Конан не ставил под сомнение ни остроту своего зрения, ни здравость рассудка. Он видел нечто странное и чуждое, это он знал наверняка, однако не испытывал и тени страха. Загадочным было уже само по себе появление этих двух фигур, черной и белой, похитителя и пленника. Но более того, черная фигура была неестественно высокого роста, а это уже было действительно необъяснимо.

С сомнением покачав головой, Конан двинулся в том направлении, где видел странные фигуры. Он не задумывался над тем, насколько разумен подобный шаг, любопытство оказалось сильнее голоса рассудка.

Холм сменялся холмом, и у каждого была на вершине ровная площадка, окруженная высокими деревьями. Несмотря на то, что подъемы раз за разом сменялись спусками, местность все же постепенно повышалась. Бесконечная череда округлых холмов и неглубоких ложбин, тянувшихся, насколько хватало глаз, казалась совершенно невероятной и поразительной. Но вот наконец Конан взобрался на вершину, которая, как ему показалось, была самой высокой на острове, и замер в изумлении при виде сияющих зеленых стен и башен. До тех пор, пока он не подошел ближе, они полностью сливались с изумрудной зеленью холмов, так что даже столь острый взор, как у

варвара, бессилён был различить их. Но теперь удивительное зрелище открылось ему во всей своей чарующей красе.

Несколько мгновений киммериец колебался, не спуская руки с меча, но наконец любопытство подтолкнуло его вперед. Он не увидел ни души, пока шел к высокому арочному проему в закругляющейся стене; дверей там не было. Настороженно заглянув внутрь, он заметил просторный круглый двор, поросший густой, как ковер, травой, кольцом окруженный стеной из полупрозрачного зеленоватого материала. В стене этой также было несколько арок-проходов. Ступая на цыпочках, сжимая рукоять меча, варвар наугад прошел в одну из арок и оказался во дворе, точь-в-точь напоминавшем первый. Поверх внутренней стены виднелись вершины странных башнеподобных строений. Одна из этих башен выходила в тот двор, где стоял сейчас Конан, и широкая лестница вела вдоль стены к ее подножию. Он двинулся вверх по ступеням, не в силах поверить в реальность происходящего, ибо то, что видел варвар вокруг, напоминало скорее грезы, вызываемые черным лотосом.

Поднявшись на вершину лестницы, киммериец очутился на странном выступе, окруженном парапетом — возможно, это было нечто вроде балкона, он не мог сказать наверняка. Теперь он смог лучше разглядеть башни, но то, что открывалось его взору, казалось совершенно лишённым смысла. Внутренне содрогаясь, он осознал, что никакое человеческое существо не могло бы возвести подобные строения. В архитектуре башен была своя симметрия и система, но то была симметрия безумия и система, чуждая человеческому здравому смыслу. Что же до планировки всего этого города или замка — Конан даже приблизительно затруднился бы определить назначение места, где находился, — то единственное, что он видел с высоты, это бесчисленные дворы, большей частью круглые, каждый окруженный стеной, соединенные между собой арками и переходами. Скопление башен в центре города, похоже, являлось его истинным сердцем.

* * *

Повернувшись в другую сторону, Конан вздрогнул от неожиданности и, не раздумывая, рухнул на пол, прячась за парапетом. Отдышавшись мгновение, он осторожно выглянул из-за кромки, вне себя от изумления.

Балкон или выступ, где он находился, располагался чуть выше соседней стены, и через эту стену киммериец мог заглянуть в круглый, поросший травой двор, находившийся за ней. Внутренняя изогнутая поверхность дальней стены в том дворе отличалась от всех прочих, что он видел до сих пор, и была не гладкой, но словно опоясанной длинными полками-уступами, заставленными небольшими предметами, природу которых с такого расстояния варвару определить не удавалось.

Впрочем, в тот момент он едва обратил внимание на эту стену, поглощенный созерцанием существ, расположившихся на корточках посреди двора, вокруг заполненного темно-зеленой жидкостью пруда. Создания эти были темнокожи и совершенно обнажены, внешне похожие на людей, однако даже самому низкорослому из них варвар едва доходил до груди. Они казались скорее поджарыми, чем массивными, гармонично сложенными, и, если не считать их неимоверного роста, совершенно нормальными, без всяких следов уродства. Но даже на таком расстоянии Конану показалось, что в чертах их было нечто внушающее ужас.

Посреди, обнаженный, трясущийся от страха, стоял юноша, которого Конан узнал почти мгновенно — это был юнга с их корабля. Вот, значит, кто был пленником чернокожего гиганта! Там, на холмах, киммериец не слышал звуков борьбы. Матрос казался невредимым, и на нагих худощавых телах его похитителей также не было заметно ни ран, ни кровоподтеков. Должно быть, парень отправился в глубь острова в одиночку и был схвачен притаившимся в засаде черным, — так Конан решил именовать про себя таинственных существ. Он не мог заставить себя называть их людьми, ибо внутреннее чутье убеждало его, что людьми эти создания не являются.

До него не доносилось ни звука. Черные кивали и

жестикულიровали, обращаясь друг к другу, не произнося ни единого слова, но крайней мере, вслух. Один из них, сидевший на корточках перед съежившимся от страха юношей, держал в руке предмет, похожий на дудочку. Вот он поднес ее к губам и, похоже, дунул, хотя до Конана не донеслось ни звука. Но зингарец услышал или почувствовал, ибо затрясся еще сильнее. Он содрогался и корчился, точно в агонии, но вскоре в подергивании его конечностей обнаружилась определенная ритмичность. Подергивания постепенно переросли в конвульсии, а затем и в танцевальные движения. Матрос принялся танцевать, как танцуют кобры, понуждаемые флейтой факира. В танце его не было и тени огня или радостной самоотдачи. Впрочем, нет, самоотдача была, ужасная и противоестественная, но радости в ней не было и в помине. Казалось, беззвучный мотив дудочки ухватил жадными пальцами самую душу юноши и с необъяснимой жестокостью принялся вырывать из недр ее все невольные проявления тайных порывов и страстей. То были омерзительные конвульсии, содрогания похоти — словно сочлились через поры потаенные желания, загнанные на дно естества: страсть без наслаждения, боль, неразрывно сливавшаяся со сладострастием. Как будто с души были содраны все покровы до единого, и обнажены все самые черные и невыразимые тайны.

Конан смотрел на происходящее, застыв от отвращения, с трудом подавляя тошноту. Сам он был творением природы, подобным скорее лесному волку, чем цивилизованному человеку, но позорные тайны мира также были ведомы ему. Он рыскал по городам Заморы, знал женщин Проклятого Шадизара. Но здесь перед ним, он чувствовал, открылась мерзость воистину космических масштабов, превосходящая любые человеческие извращения — уродливая ветвь на Древе Жизни, недоступная людскому пониманию. И не отвратительные судороги несчастного юноши так претили ему, но необъятная, необъяснимая гнусность этих существ, посмевавшихся извлечь на свет и бесстыдно выставить на всеобщее обозрение мрачайшие из тайн души человеческой, о которых не следовало бы

упоминать и намеком, вспоминать даже в худших кошмарах.

Внезапно черный палач отложил свою дудку и поднялся на ноги, возвышаясь над корчащейся в судорогах белой фигуркой. Грубо схватив юношу за шею и за бедро, гигант оторвал его от земли и швырнул головой вперед в зеленую заводь. Конан еще успел заметить белесую тень в густо-зеленых водах, но в этот миг остальные черные зашевелились, и киммериец поспешил пригнуться за парашетом, чтобы они не заметили его.

Спустя некоторое время любопытство вновь пересилило, и он опасливо приподнял голову. Черные гуськом выходили через арку в соседний двор. Один из них, тот самый, что мучил матроса, что-то поставил на выступ на дальней стене. Он был чуть выше остальных, и лоб его украшал усыпанный самоцветами обруч. Юноши-зингарца нигде не было видно. Гигант последовал за своими товарищами, и вскоре Конан заметил, как они вышли наружу через тот самый вход, через который он сам попал в этот замок ужаса, и двинулись друг за дружкой вниз по холму, в том же направлении, откуда пришел киммериец. Оружия у черных не было, но он не сомневался, что они намереваются каким-то образом напасть на пиратов.

Однако прежде чем отправиться на выручку ничего не подозревающим спутникам, Конан решил выяснить, что же стало с юнгой. Ни единого звука не доносилось до него. Варвар был уверен, что в башнях и во дворах нет не души.

Он быстро спустился по лестнице и через арку вбежал в тот самый двор, откуда только что ушли черные. Теперь он мог как следует разглядеть таинственную стену. Она была опоясана несколькими рядами вытесанных из камня полок, а на этих бортиках стояли тысячи крохотных фигурок, большей частью серого цвета. Фигурки эти, размером не больше ладони, изображали людей и были сделаны так искусно, что Конану не составило труда по отличительным признакам узнать в этих идолах черты зингарцев, аргосцев, офирцев и кушитов. Эти последние были черного цвета, ибо и сами кушиты были темноко-

жими. Конан не мог отделаться от смутного чувства неловкости при виде странных незрячих фигурок. Они так напоминали живых людей, что это невольно внушало трепет. Киммериец повертел в руках одну или две, но так и не сумел определить на ощупь, из чего они сделаны. Чем-то это вещество напоминало окаменевшую кость, но трудно было поверить, чтобы подобный материал встречался на острове в изобилии и расходовался бы столь щедро.

Конан также обратил внимание, что фигурки, в которых он мог опознать определенную расу, располагались, в основном, на верхних полках. Черты нижних идолов выглядели для варвара чуждо и странно. Либо то были лишь плоды фантазии скульптора, либо те, с кого лепили эти изображения, принадлежали к расам, давно исчезнувшим с лица Земли.

Тряхнув головой в нетерпении, киммериец обернулся к зеленой заводи. В круглом дворе спрятаться было негде. Если тела юноши нигде не видно, значит, оно так и осталось на дне.

Приблизившись к неподвижному изумрудному диску, Конан устался на мерцающую поверхность воды. Казалось, он смотрит сквозь толстое зеленое стекло, замутиненное, и в то же время искажающее видение. Невеликий по размеру, пруд скорее напоминал колодец, окаймленный нефритовым бортиком. За толщей воды виднелось полусферическое дно — он не мог понять, как ни старался, насколько оно глубоко — и, глядя вниз, Конан не мог отделаться от головокружения, точно смотрел в пропасть. Он был поражен, что может узреть дно — однако вот оно было перед ним, невероятно далекое, ускользающее, затуманенное, и все же открытое взору. Время от времени, казалось, в изумрудной глубине мелькает слабое свечение, но варвар не был в этом уверен. Однако сомнений не оставалось: пруд был абсолютно пуст, если не считать мерцающей воды.

Но тогда, во имя Крома, куда же мог подеваться мальчишка? Он своими глазами видел, как черный утопил его в этом самом колодце! Поднявшись на ноги, Конан

огладил рукоять меча, словно ища у оружия поддержки, и вновь осмотрел пустой двор. Неожиданно взгляд его остановился на одной из верхних полок на стене. Он видел, как черный что-то поставил туда — на загорелом лице киммерийца внезапно выступил холодный пот.

Неуверенно, и все же не в силах свернуть в сторону, пират приблизился к светящейся стене. Оглушенный подозрением, слишком чудовищным, чтобы высказать его вслух, он устался на последнюю фигурку в ряду. Ужасающее сходство было очевидным. Окаменевший, крохотный, таращась вперед слепым взором, перед ним стоял юноша-зингарец. Ошибки быть не могло. Конан отпрянул, потрясенный до глубины души. Меч выпал из онемевших пальцев, и варвар застыл, пораженный догадкой, слишком невероятной и дикой, чтобы разум мог совладать с ней.

И все же сомнений быть не могло. Тайна крохотных фигурок открылась ему, однако тайна их необъяснимого превращения по-прежнему ускользала от понимания.

3

Как долго Конан простоял так, погруженный в раздумья, он не мог бы сказать наверняка. Женский крик вернул его к действительности, истошный крик, звучащий громче с каждым мгновением. Киммериец узнал этот голос, оцепенение, владевшее им, исчезло мгновенно и без следа.

Мощным прыжком он вскочил на один из верхних выступов и уцепился за стену, столкнув на землю несколько фигурок, чтобы дать опору ногам. Затем, подпрыгнув и подтянувшись еще немного, варвар оказался на вершине стены и смог заглянуть на другую сторону. Эта стена оказалась внешней; прямо перед ним расстился зеленый луг, окружавший замок.

По поросшему травой склону шагал черный гигант, волоча под мышкой визжащую и извивающуюся девушку с такой же легкостью, как взрослый мог бы нести капризного младенца. Это была Санча, черные волосы ее

растрепались и волнами ниспадали до самой земли, оливковый загар резко контрастировал с черной кожей ее похитителя. Не обращая ни малейшего внимания на ее крики и сопротивление, он направился ко входу в замок.

Как только черный скрылся в проходе, Конан поспешил соскочить со стены и скользнул в арку, ведущую в дальний двор. Затаившись там, он увидел, как гигант втащил упирающуюся пленницу во двор с колодцем. Теперь он смог лучше рассмотреть загадочное существо.

Симметрия тела и конечностей черного казалась, при ближайшем рассмотрении, еще более невероятной. Под сверкающей кожей перекачивались упругие мускулы, и варвар подумал, что гиганту не составит труда голыми руками разорвать на части обычного человека. Ногти были его дополнительным оружием, длинные и заостренные, точно птичьи когти. Лицо, подобное маске черного дерева. Темно-желтые глаза, точно живой мерцающий янтарь. Но лик его не был человеческим ликом, каждая линия его, каждая черта была отмечена печатью зла — зла, превосходившего человеческое понимание. Существо не было человеком и не могло быть им. То было порождение самого извращенного творения, порочная ветвь эволюции.

Гигант швырнул Санчу на траву, и она скорчилась, рыдая от ужаса и боли. Он огляделся по сторонам в неуверенности, и янтарные глаза подозрительно сузились, когда черный завидел сброшенные на землю фигурки. Затем он нагнулся и, ухватив пленницу за шею и за ногу, уверенно направился к зеленой заводи. И тогда Конан выскользнул из укрытия и, словно ветер, несущий смерть, устремился к гиганту.

Черный развернулся рывком, и глаза его вспыхнули при виде воина. На миг от удивления он ослабил хватку, и Санча вырвалась у него из рук и рухнула на землю. Когтистые руки взметнулись навстречу Конану, но варвар, пригнувшись, избежал смертельных объятий и, ни мгновения ни колеблясь, вонзил клинок в пах чудовищу. Гигант повалился навзничь, словно срубленное дерево,

обливаясь кровью, и в тот же миг Санча, вскочив, вцепилась в Конана, не помня себя от страха.

Вырутавшись, он оттолкнул ее прочь, но противник его был уже мертв. Желтые глаза остекленели, длинные конечности перестали судорожно дергаться.

— О, Конан! — Санча вскрикнула, продолжая цепляться за неожиданного спасителя. — Что с нами будет? Кто эти чудища? О, должно быть, мы в аду, а это сам дьявол...

— Ну, теперь им в аду без нового дьявола не обойтись, — пират зло усмехнулся. — Но как ему удалось схватить тебя? Они что, забрались на корабль?

— Не знаю. — Девушка попыталась утереть слезы, потянувшись к подолу юбки и лишь сейчас вспомнила о своей наготе. — Я выбралась на берег. Увидела, что ты пошел следом за Запорово, и пошла за вами обоими. Я нашла Запорово... Это ты... ты его...

— Кто же еще, — проворчал он. — И что дальше?

— Мне показалось, между деревьев кто-то прячется. — Санча содрогнулась. — Я думала, это ты. Я позвала... а потом увидела этого черного... эту черную мразь. Он сидел на корточках среди ветвей, как обезьяна, и пялился на меня. Это был суший кошмар! Я не могла даже двинуться с места, только кричать. А потом он спрыгнул с дерева и набросился на меня... ой-ой-ой! — Она закрыла лицо ладонями и вновь разрыдалась, вспоминая пережитый ужас.

— Ладно, надо убираться отсюда, — проворчал он, взяв девушку за запястье. — Пойдем. Надо предупредить команду...

— Они все спали на берегу, когда я пошла за вами, — сказала она.

— Спали? — Конан выругался. — Во имя семи дьяволов, адского огня и проклятия!

— Послушай! — Санча внезапно застыла, дрожа всем телом, точно живое олицетворение ужаса.

— Слышу! — рявкнул он. — Кто-то застонал! Постой! Он вновь вскочил на уступ и, заглянув за стену, принялся ругаться с такой яростью, что Санча даже

задохнулась. Черные возвращались, но не одни и не с пустыми руками. Каждый нес обмякшее человеческое тело, некоторые волокли даже двоих. Пленниками их были пираты. Они даже не пытались сопротивляться, мертвым грузом обвиснув в объятиях гигантов, и если бы не стояли время от времени во сне, Конан мог бы счесть их мертвыми. Чудовища обезоружили, но не раздели их, один из черных тащил целую охапку клинков в ножнах. Порой кто-нибудь из матросов вскрикивал, точно пьяница, увидевший дурной сон, но в остальном они оставались недвижимы.

Конан, точно затравленный волк, огляделся по сторонам. Три арки вели прочь с того двора, где находились они с Санчей. Через восточный проход черные покидали двор и, скорее всего, через него должны были вернуться обратно. Сам он вошел сюда через южную арку. В западной он прятался только что и не успел заметить, что лежит позади. Конан с трудом представлял себе планировку замка, но знал, что принять решение должен молниеносно.

Спрыгнув со стены, он спешно принялся расставлять уроненные фигурки по местам, затем оттащил мертвого гиганта к колодцу и толкнул его в воду. Тот мгновенно пошел ко дну, и немедленно, прямо на глазах у варвара, тело его принялось сжиматься и костенеть. Конан поспешил отвернуться. Затем, схватив за руку свою спутницу, поспешил повлек ее к южному выходу.

— Да объясни же наконец, что происходит! — взмолилась Санча.

— Они захватили команду, — отозвался он торопливо. — Что нам делать, я пока не знаю. Спрячемся и будем наблюдать. Если они не додумаются заглянуть в колодец, то ничего не заподозрят.

— Но они же увидят кровь на траве!

— Может, решат, что кто-то из них был ранен, — ответил он. — В общем, надо рискнуть.

Они оказались в том самом дворе, откуда Конан следил за мучениями молодого зингарца, и он поспешил повел Санчу вверх по ступеням и заставил пригнуться за ог-

радой балкона. Неважное укрытие, но все же лучше, чем никакого.

Не успели они спрятаться, как черные вошли во двор. У подножия башни неожиданно послышался шум, и Конан застыл, схватившись за меч. Но гиганты прошли мимо, через проход в южной стене, и оттуда до них донесся какой-то грохот и стоны. Черные укладывали свои жертвы на траву. Санча не смогла сдержать истеричного смеха, рвущегося с губ, и Конану пришлось зажать ей рот ладонью, чтобы их не услышали внизу.

Во дворе раздался топот множества ног, затем все стихло. Конан осторожно выглянул наружу. Рядом с их лестницей не было ни души. Черные вновь собрались в соседнем дворике вокруг колодца и расселись вокруг на корточках. Они словно бы и не замечали алых пятен на траве вокруг заводи. Похоже, кровь была для них привычным зрелищем. Не смотрели они и в зеленую воду колодца, поглощенные своей безмолвной беседой. Высокий черный вновь заиграл на своей золотой дудке, и товарищи его застыли, внимая безмолвной музыке, подобные каменным изваяниям.

Взяв Санчу за руку, Конан беззвучно спустился по лестнице, пригибаясь, чтобы черные не заметили его. Девушка, дрожа от страха, последовала за ним, опасливо оглядываясь на арку, что вела во двор с колодцем, откуда черным, к счастью, их было не разглядеть. У подножия лестницы были свалены мечи зингарцев. Теперь Конан понял, что за грохот они слышали чуть раньше.

Киммериец повел Санчу к юго-западной арке, и, бесшумно ступая по траве, они вышли в соседний двор. Там лежали беспомощные флибустьеры. То один, то другой вдруг принимался беспомощно стонать, по-прежнему не приходя в сознание. Конан склонился над ними, и Санча опустилась на колени рядом, упираясь ладонями о бедра.

— Что это за странный сладкий запах? — спросила она встревоженно. — Кажется, пахнет у них изо рта.

— Это те самые проклятые плоды, которых они наелись, — отозвался Конан чуть слышно. — Я запомнил запах. Должно быть, эти плоды — что-то вроде черного

лотоса. Наводят на людей сон. Клянусь Кромом, они, похоже, просыпаются... но у них нет оружия. И, сдастся мне, черные дьяволы скоро придут за ними со своим проклятым колдовством. Парни даже не смогут сопротивляться, они же совсем отупели со сна.

Варвар нахмурился в задумчивости, пытаясь найти выход из безнадежной ситуации, в которой они оказались. И вдруг схватил Санчу за плечо с такой силой, что девушка поморщилась от боли.

— Слушай! Я постараюсь завлечь этих черных свиней в другую часть замка и слегка задержать. А ты пока расстрои этих болванов, чтобы проснулись, и притащи им мечи — тогда будет хоть какая-то надежда. Спра-
вишься?

— Я... я не знаю, — пробормотала она, содрогаясь от ужаса, сама не зная, что говорит.

Выругавшись, Конан схватил ее за волосы и принялся трясти, пока стены не заплесали у нее перед глазами.

— Ты должна это сделать! — прошипел он. — Это наш последний шанс!

— Постараюсь! — выдохнула она.

Удовлетворенно хмыкнув и отвесив ей шлепок, от которого девушка едва устояла на ногах, Конан устремился прочь.

Несколько мгновений спустя он уже стоял, пригнувшись, за аркой, что вела во двор с колодцем, внимательно наблюдая за врагом. Черные все еще сидели вокруг заводи, но явственно проявляли нетерпение. С дальнего двора, где лежали бесчувственные пираты, стоны начали доноситься все громче, вперемешку с нечленораздельными ругательствами. Конан напряг мышцы и застыл, точно готовый к прыжку леопард, выдыхая воздух сквозь зубы.

Гигант с обручем на лбу поднялся, отняв свою дудку от губ — и в этот миг киммериец влетел в круг остолбеневших черных. Подобно тому, как нападает на добычу тигр, не давая врагам опомниться, он бросился на них. Трижды вспыхнул клинок варвара, прежде чем гиганты успели прийти в себя и начать защищаться. А затем,

разорвав круг, он бросился прочь со двора. За спиной его остались лежать три трупа с рассеченными черепами.

Но хотя неожиданная ярость атаки киммерийца стала черных врасплох, они быстро оправились и пустились в погоню. У западной арки они почти настигли его, и Конан поразился скорости, с какой несли гигантов их длинные ноги. Все же он не сомневался, что способен оторваться от преследователей, однако сейчас это не было его целью. Ему нужно было, чтобы они гнались за ним как можно дольше, чтобы дать Санче время разбудить и вооружить зингарцев.

Оказавшись во дворе за западной аркой, варвар выругался сквозь зубы. Этот двор отличался от всех прочих. Он был восьмиугольным, а не круглым, и у него имелся лишь один вход — тот самый, через который попал сюда Конан.

Развернувшись, он заметил, что преследователи уже совсем рядом. Часть из них остались в проходе, остальные, выстроившись в ряд, не спеша принялись надвигаться на киммерийца. Держась к ним лицом, он отступил к северной стене. Черные приближались полукругом, стремясь не дать ему ни малейшего пути к отступлению. Конан продолжил пятиться, все больше замедляя шаг, заметив, как увеличивается дистанция между нападавшими. Они так боялись, что он попытается ускользнуть, обогнув их сбоку, что стали растягивать ряды, чтобы этому помешать.

С холодной настороженностью волка он следил, как они наступают — а затем нанес удар со стремительностью молнии... точно в середину полумесяца. Гигант, преградивший ему дорогу, рухнул навзничь, обливаясь кровью, и пират оказался за пределами смыкающегося круга, прежде чем черные успели осознать происходящее и прийти на помощь своему собрату. Гиганты у арки приготовились преградить ему путь, но Конан не стал атаковать их. Развернувшись, он устоял на своих преследователей. Лицо его не выражало никаких чувств, и тем более страха.

На сей раз они не стали расходиться, пытаясь окружить варвара, осознав, как опасно разделять свои силы,

имея дело с непобедимой, безрассудной яростью киммерийца. Сгрудившись, они наступали на него плотной толпой, без спешки, не сводя с противника горящих ненавистью желтых глаз.

Конан сознавал, что, стоит ему подпустить их слишком близко, и у него не останется ни единого шанса. Острые когти разорвут его в клочья, и все воинское искусство и бесстрашие варвара не спасет его от разъяренной толпы. Быстро оглядевшись по сторонам, Конан заметил в одном из углов небольшой выступ, нечто вроде козырька над западной стеной. Он не знал, что это такое, но надеялся, что сумеет воспользоваться неожиданным шансом. Он стал пятиться в ту сторону, и гиганты двинулись на него. Похоже, они были уверены, что сами загоняют добычу в угол, и у Конана в голосе пронеслась мысль, что, должно быть, они считают его существом низшего порядка, не способным мыслить самостоятельно. Что же, тем лучше. Ничего не может быть хуже, чем недооценивать своего противника.

От стены его отделяло лишь несколько шагов, и черные ускорили шаг, надеясь прижать его в угол, прежде чем варвар сообразит, что происходит. Гиганты, сторожившие вход, также покинули свой пост и присоединились к остальным. Они наступали пригнувшись, вытянув вперед когтистые руки, готовясь отразить нападение. Глаза их полыхали адским пламенем, белые зубы сверкали. Они ждали, что киммериец нападет на них в любой момент, с прежней яростью — но он вновь застал их врасплох.

Вскинув меч, Конан шагнул к преследователям, затем резко развернулся и ринулся к стене. Там, с силой оттолкнувшись от земли, он взмыл в воздух и, вытянув вверх руку, ухватился за выступ на стене. Но в тот же миг раздался чудовищный треск, козырек обломился, и пират рухнул во двор.

Он сильно ударился спиной и переломал бы себе все ребра, но мягкая трава спасла варвара, и он вновь вскочил на ноги, как огромная хищная кошка, готовясь отразить атаку черных. Злой задор покинул его взор. Теперь глаза его полыхали синим пламенем, грива черных волос

разметалась, тонкие губы вздернулись в злобном оскале. В одно мгновение то, что он считал смелой игрой, подошло к концу, и теперь киммерийца ждал бой не на жизнь, а на смерть, и дикарская натура Конана показалась во всей своей необузданной ярости.

Черные, ошарашенные его прыжком, тут же опомнились и готовы были наброситься на врага. Как вдруг безмолвие нарушили истошные крики. Повернувшись на звук, гиганты узрели в проходе вооруженную толпу. Пираты все еще не слишком твердо держались на ногах и бессвязно ругались, но в руках у них были мечи, и они наступали с бешеной отвагой, на которую нимало не повлиял тот факт, что они ничего не понимали в происходящем.

Воспользовавшись замешательством черных, Конан с пронзительным воплем обрушился на них, точно карающий меч небес. Под клинком его они валились, точно спелые колосья, и жаждущие крови зингарцы, спотыкаясь, устремились на подмогу киммерийцу. Они еще не вполне очнулись от наркотического оцепенения, когда Санча принялась лижорадочно расталкивать их и совать в руки мечи, призывая спешить куда-то и с кем-то сражаться. Слов ее они почти не понимали, но при виде черных гигантов и льющейся крови воинственное возбуждение охватило их.

Во мгновение ока двор превратился в поле боя, или, скорее, в настоящую бойню. Зингарцы шатались, нетвердо держались на ногах, но руки их крепко сжимали мечи, и удары были пусть не слишком точны, зато исполнены яростной силы. Пираты приняли бой, сыпая проклятиями, не обращая внимания на полученные раны, если только те не оказывались смертельны. Численностью они значительно превосходили черных, однако те оказались серьезными противниками. Возвышаясь на две головы над пиратами, они рвали зингарцев когтями и зубами, нанося кулаком удары чудовищной силы, достаточные, чтобы проломить человеку череп. В этой орущей, животной толпе флибустьеры вскоре утратили преимущество, дарованное клинками, к тому же многие из них еще не вполне отошли

от действия наркотика и не успевали уворачиваться от направленных на них ударов. Они сражались со слепым животным отчаянием, думая лишь о том, чтобы нести смерть, но не избегали ее. Мечи взлетали и опускались, подобно топорам мясника. И по всему замку разносились крики, вопли и проклятия.

Санча, сжавшись в комочек в проходе, была оглушена и напугана до потери сознания. Глазам ее предстал водоворот кровавого хаоса, где сверкали мечи, мелькали когтистые черные руки, появлялись и исчезали искаженные болью и злобой лица, и тела противников, в крайнем напряжении, сталкивались, налетали друг на друга, расходились и кружили в безумном дьявольском танце.

Отдельные детали врезались в память, подобные наброскам, сделанным черной тушью на багровом фоне. Она видела, как зингарский моряк, ослепленный лохмотьями кожи, свисавшими у него со лба на глаза, с трудом держась на подгибающихся ногах, вонзил меч по самую рукоять в черный живот. Она отчетливо слышала рык флибустьера, когда тот нанес удар, видела, как закатились в агонии янтарные глаза раненого, когда хлынула кровь и внутренности вывалились из раны. Умиравший схватился за клинок обеими руками, и пират вслепую пытался вырвать меч; как вдруг черная рука обхватила зингарца за шею, и черное колено нанесло ему мощный удар в поясницу. Голова его запрокинулась назад под каким-то странным углом, и громкий хруст, точно сломалась толстая ветка, донесся до ушей девушки, на миг заглушив шум битвы. Черный гигант отшвырнул тело жертвы на землю — и в этот миг луч голубого света полыхнул над его плечами сзади, слева направо. Он пошатнулся, голова упала на грудь, а затем, словно чудовищный круглый камень, покатила по траве.

Санче сделалось дурно. Она закашлялась, чувствуя, что ее вот-вот стошнит. Ей хотелось развернуться и бежать, прочь от ужасного зрелища, но ноги отказывались служить ей. Она даже не могла заставить себя закрыть глаза. Против воли, она даже распахнула их еще шире. Преисполненная отвращения, возмущенная до глубины души, девушка, однако, не могла забыть пагубного воз-

буждения, охватывавшего ее каждый раз при виде крови. Но этот бой не был похож на те, что доводилось ей видеть ранее, будь то во время налетов на прибрежные селения или в морских сражениях. И тут она увидела Конана.

Между киммерийцем и остальными пиратами была основная масса черных, и ему приходилось биться в одиночку. Как он ни сопротивлялся, но волна черных тел накрыла его и потащила вниз. Гигантам не составило бы труда расправиться с ним, но в последний миг варвару удалось увлечь за собой одного из черных, и теперь тело собрата мешало противникам Конана добраться до него. Они пинали и рвали когтями своего же товарища, силясь оторвать его от киммерийца, но тот в отчаянии впился черному в глотку зубами и из последних сил держался за свой живой щит.

Новая атака зингарцев заставила черных ослабить хватку, и Конан сумел, отшвырнув прочь труп гиганта, подняться на ноги. Он восстал, точно из мертвых, залитый кровью и грозный, как сам бог войны. Гиганты, высившиеся над ним, подобно огромным черным теням, тянулись к варвару когтями, разрывали воздух чудовищными ударами. Но он был недосыгаем для них, словно обезумевшая от ярости пантера, и каждый взмах его меча сопровождался потоками крови. Ран, полученных им в бою, хватило бы, чтобы лишить жизни троих обычных воинов, но звериная живучесть варвара казалась безмерной.

Его боевой клич вознесся над шумом побоища, и оглушенные, растерянные зингарцы воспряли духом и удвоили усилия, пока треск вспарываемой плоти и хруст ломающихся костей не заглушил крики боли и гнева.

Черные дрогнули и устремились к выходу, и Санча, завидев их, с истошным воплем бросилась прочь. В узком проходе гиганты застряли, и обезумевшие от предвкушения близкой победы зингарцы принялись рубить и колоть их в спину. И когда уцелевшие сумели наконец вырваться из арки, оставляя за собой горы трупов, они в панике разбежались в стороны.

Сражение превратилось в погоню. По заросшим травой дворам, по сверкающим лестницам, по покатым крышам

фантастических башен гиганты спасались бегством, истекая кровью на каждом шагу, а за ними неслись безжалостные преследователи. Загнанные в угол, некоторые встречали пиратов лицом к лицу, и тогда вновь лилась кровь и гибли люди. Но конец был всегда один — окровавленные черные тела оседали на траву, падали, корчась и извиваясь, с крыш и парпетов.

Санча укрылась во дворе с колодцем и там сжалась в комочек у стены, не смея поднять головы от страха. Какое-то время здесь было тихо. Затем снаружи донеслись воинственные возгласы зингарцев, послышался топот, и из прохода выбежал окровавленный гигант с обручем на лбу. Приземистый пират настигал его, и у самого бортика заводи черный обернулся. В руках у него был меч, оброненный, должно быть, кем-то из матросов, и когда зингарец ринулся на него, гигант нанес удар незнакомым ему оружием. Флибустьер рухнул наземь с расколотым черепом, но удар был нанесен столь неловко, что клинок сломался в руках последнего из черных.

Швырнув рукоять меча в стоявшие на каменном выступе фигурки, тот метнулся к колодцу, с лицом, искаженным ненавистью. Конан, растолкав сгрудившихся в проходе моряков, прорвался во двор и бросился вперед, взрывая ногами дерн.

И вдруг гигант широко раскинул руки, и с губ его сорвался нечеловеческий вопль — единственный крик, что издал кто-либо из черных за все время битвы. Голос, полный бешеной ненависти, вознесся к небесам, точно глас, взывающий из преисподней. При звуке его зингарцы застыли в растерянности. Но Конана было не остановить. Безмолвно, не ведая страха, устремился он к фигуре, застывшей на краю колодца.

Но в тот миг, когда меч его взмыл в воздух, готовый нанести последний удар, черный вдруг развернулся и прыгнул вверх. На какой-то миг он точно застыл над поверхностью пруда, затем сама земля содрогнулась у людей под ногами, и зеленые воды ринулись навстречу черному, охватив его вулканическим извержением.

Конан застыл на самом краю колодца, едва удержавшись, чтобы не упасть, а затем отскочил назад, оттал-

кивая зингарцев прочь. Зеленый колодец превратился в гейзер, вода с оглушительным ревом поднималась все выше и выше, расцветая огромной короной изумрудной пены.

Конан подталкивал моряков к выходу, гнал их вперед, точно стадо испуганных овец, плашмя колотил мечом по спинам, ибо рев воды как будто лишил их рассудка. Заметив, что Санча стоит, остолбенев, у стены, расширенными от ужаса глазами уставившись на зеленый водяной столп, варвар окликнул ее, и его вопль заглушил на миг грохот воды, вырвав ее из оцепенения. Девушка устремилась к нему навстречу, киммериец поймал ее и, стиснув в объятиях, устремился к выходу.

Во дворе, что выходил во внешний мир, собрались уцелевшие матросы. Усталые, израненные, все в крови, они стояли, тупо взирая на неимоверной высоты зеленый столп, вознесшийся над стеной, до синего купола небес. Поверхность его была испещрена белыми прожилками, диаметр пенной короны в три раза превышал основание. Казалось, в любую минуту он может взорваться и потоками обрушиться вниз, однако столп все продолжал расти.

Конан окинул взором выживших и выругался, увидев, как мало их осталось. Схватив одного из пиратов за шею, он принялся трясти несчастного так, что кровь хлынула у того из ран, заливая их обоих.

— Где остальные? — рявкнул он на ухо бедняге.

— Это все! — завопил тот в ответ, стараясь перекрыть рев зеленого гейзера. — Остальных прикончили черные твари...

— Ладно, надо убираться отсюда! — прорычал Конан и толкнул пирата к выходу так, что тот едва удержался на ногах. — Живее, пока эта вода не залила нас всех!

— Мы все утонем! — воскликнул другой зингарец, ковыляя за ним.

— Какое там утонем, проклятье! — не оборачиваясь, крикнул варвар. — Превратимся в камень! Да скорее же, будьте вы неладны!

Он подбежал к арке, что вела прочь из замка, одним глазом следя за угрожающе нависшей над ними водяной

колонной, другим — за пиратами. Ополочившиеся от пролитой крови, ярости битвы и оглушительного грохота, зингарцы двигались, точно в трансе. Конан неумолимо подгонял их вперед. Метод его был прост: он хватал отстающих за шиворот и вышвыривал прочь за ворота, сопровождая это щедрым пинком под зад и поминая при этом всех предков несчастного. Санча попыталась было задержаться и остаться с ним, повиснув у киммерийца на шее, но он, сыпя проклятиями, страхнул ее прочь и отправил вслед за остальными, с такой силой шлепнув пониже спины, что она птицей полетела по луту.

Сам Конан покинул замок, лишь убедившись, что никого из живых больше не осталось внутри, и вся его команда успела спастись, и только тогда устремился вперед. Пробежав несколько шагов, он обернулся. Зеленый столп, увенчанный белой короной, был уже выше башен. Он бросился прочь от этого замка ужасов.

Зингарцы уже добежали до деревьев, окружавших лут, и стали спускаться по склону. Санча ждала его на вершине первого холма, и там он задержался на миг, чтобы еще раз взглянуть на замок. Казалось, на месте его вырос гигантский цветок с белыми лепестками, на зеленом стебле. И вдруг изумрудно-белый столп обрушился с таким грохотом, точно само небо расколослось на части, и стены и башни были снесены гремящим потоком.

Схватив девушку за руку, киммериец бросился бежать. Склон за склоном поднимался и падал у них под ногами, а сзади доносился шум бурлящей реки. Оглянувшись через плечо, Конан увидел широкую зеленую ленту, струящуюся вниз и вверх по холмам. Поток не растекался по сторонам и не сворачивал. Подобный гигантской змее, он скользил по лощинам и подъемам. Направление его не менялось — поток преследовал их.

Осознание этого придало Конану сил. Как вдруг Санча оступилась и со стоном боли и отчаяния повалилась на колени. Подхватив ее, варвар взвалил девушку на плечо и побежал вперед. Грудь его вздымалась, ноги подкашивались, дыхание со свистом вырывалось меж стиснутых зубов. Он бежал, шатаясь. Впереди, спотыкаясь, подстегиваемые страхом, бежали зингарцы.

Внезапно океан возник прямо перед ними, и мутящегося взору киммерийца открылся их корабль, целый и невредимый. Матросы попрыгали в шлюпки. Санча рухнула на дно и свернулась дрожащим комочком. У Конана гудело в ушах, кровавая пелена застилала глаза, и все же он схватил весло и принялся грести вместе с остальными.

Казалось, сердце разорвется, не выдержит чудовищного напряжения, и все же они упрямо гребли вперед, к кораблю. Зеленый поток прорвался из-за деревьев. Те рухнули, точно подрубленные, и, повалившись в изумрудный поток, во мгновение ока исчезли из вида. Вода хлынула на песок, устремилась к океану, и волны окрасились зловещей зеленью.

Слепой, безрассудный страх охватил пиратов, и они принялись грести, выбиваясь из сил, в совершеннейшем иступлении. Они сами не понимали, чего боялись, но сознавали, что настигающая их зеленая лента грозит ужасной гибелью их душе и телу. Конан, единственный, доподлинно знал, что им угрожает, и потому, глядя, как настигает их зеленая полоса воды, не меняющая ни формы, ни направления, с такой яростной силой вонзал весло в набегающую волну, что оно сломалось у него в руках.

Но лодка уже уткнулась носом в борт корабля, и матросы, хватаясь за цепи, полезли вверх, бросив шлюпки на произвол судьбы. Конан помог подняться Санче, вновь взвалив ее на плечо, и девушка повисла на нем, словно бездыханный труп, а на палубе бесцеремонно он сбросил ее на голые доски, торопясь схватиться за штурвал, отдавая приказание жалким остаткам команды. Как и прежде, в замке, они повиновались ему беспрекословно. Шатаясь, точно пьяные, матросы дрожащими руками принялись разбирать снасти. Якорная цепь, обрубленная, ушла под воду. Паруса развернулись и раздулись под налетевшим ветром. Корабль вздрогнул, встряхнулся и медленно, с неумолимой торжественностью двинулся в открытое море. Конан оглянулся. Слово язычок изумрудного пламени, кончик зеленой ленты плескал бессильно в паре гребков от киля судна. Зловещая полоса ухо-

дила вдаль по воде, через белый пляж, зеленые холмы и скрывалась в голубой дали.

Отдышавшись, киммериец ухмыльнулся, оглядывая команду. Санча стояла рядом с ним, слезы катились у нее по щекам, и она даже не пыталась утереть их. Штаны на Конане болтались окровавленными лохмотьями, пояс с ножнами исчез. Меч он воткнул перед собой прямо в палубу, клинок был весь иззубрен и покрыт коркой застывшей крови. Кровь была также на его спутанных волосах, левое ухо — наполовину оторвано. Грудь, руки, ноги и плечи покрывали укусы и глубокие царапины, точно варвар дрался с целой стаей пантер. Но он усмехался, упираясь в палубу мощными ногами, с силой вращая рулевое колесо, наслаждаясь своей мощью.

— Что же мы будем делать дальше? — пролепетала девушка.

— Станем грозой морей и океанов! — расхохотался он. — Команда, правда, потрепана изрядно — ну да не беда! Корабль вести они пока могут, потом матросов в любом порту набрать несложно. А пока, детка, лучше поцелуй меня.

— Поцеловать! — взвизгнула она в отчаянии. — Да как ты можешь думать о поцелуях в такое время?

Смех киммерийца заглушил скрип снастей и хлопанье парусов. Схватив девушку в объятия, он подбросил ее в воздух, затем с наслаждением поцеловал с алые губы.

— Я думаю о Жизни! — взревел он. — Мертвые мертвы, а что прошло, того не вернешь! Теперь у меня есть корабль, команда, способная сражаться, и девушка с губами, сладкими, как вино, а больше мне ничего и не надо! Зализывайте раны, парни, и откройте бочонок эля. Скоро нас ждет веселье, какого вы еще не видели. С песней беритесь за работу, и будь оно все проклято! Ни к чему нам пустынные моря! Богатые порты и торговые суда ждут нас!

ВОЛЯ БОГИНИ НЕБЕТЕТ

Лучи предзакатного солнца розовым светом озаряли высокую храмовую башню города Кассали, столицы королевства Пунт. На вершине башни неподвижно застыла темная тощая фигура, силуэтом напоминающая аиста — вместо клюва надо лбом человека торчала покрытая воском длинная прядь черных волос. Верховный жрец Пунта Зарамба внимательно прислушивался к далекой, доносящейся с запада, барабанной дробь.

Рядом с ним на площадке башни тоже стоял чернокожий барабанщик в узкой набедренной повязке со своим инструментом, сделанным из двух разного размера выдолбленных изнутри кусков дерева. Он напряженно шевелил губами, пытаясь не упустить ни звука из скороговорки едва слышной барабанной дробь. Когда далекий барабан смолк, он повернулся к Зарамбе. На лице его можно было увидеть явную тревогу.

— Дурные известия? — спросил верховный жрец.

— Из Кешана сообщают, что чужеземцы пытались сплести сеть интриг при дворе короля. Они были разоблачены, и правитель выслал негодяев из своих земель, но несчастья на том не закончились — в храме Алкме-нона произошло чудовищное преступление: его жрецы найдены мертвыми, с перерезанными глотками. Лишь одному удалось избежать страшной участи — он и стоит сейчас у сигнального барабана. Он предупреждает, что убийцы направляются в нашу страну. Правители Пунта должны быть бдительны и осторожны — эти преступники опасней оголодавших гиен!

— Я должен предупредить короля, — озабоченно произнес Зарамба. — А ты передай в ответном послании, что мы благодарим жрецов Кешана за своевременные вести.

Барабанщик принялся выстукивать затейливую дробь, а Зарамба торопливо спустился с башни и направился к королевскому дворцу.

* * *

Через несколько дней из джунглей, примыкавших с запада почти к самым стенам столицы Пунта, показались освещенные лучами закатного солнца два всадника, оседлавших низкорослых стигийских лошадок. Впереди, с опасным скакуном в поводу, ехал гигантского роста человек со спадающей на плечи гривой спутанных черных волос. Его суровое, покрытое шрамами лицо, грудь и плечи были опалены солнцем до цвета темной бронзы, из-под густых черных бровей холодным блеском сверкали синие сапфиры глаз. Он был обнажен до пояса, и всю его одежду составляли рваные шелковые шаровары да кожаные сандалии; за широким поясом из крокодиловой кожи торчал длинный кинжал, а на оружейной перевязи висел огромный меч в потертых ножнах. Его звали Конан, и родиной этого великана были горы суровой холодной страны Киммерии, лежавшей далеко на севере от этих выжженных солнцем степей.

Еще совсем недавно лоб киммерийца охватывал тяжелый обруч из кованого серебра, который указывал, что он является командующим кешанского войска. Но, спешно покидая столицу Кешана Алкменон, Конан был вынужден продать обруч шемитскому купцу, получив взамен него лошадей и провиант в дорогу. Он не жалел об этом; лошади означали жизнь, а серебро было всего лишь мертвым холодным металлом.

Выехав на открытое место, киммериец привстал в стременах, внимательно осмотрелся вокруг, после чего подал знак рукой своей спутнице.

К нему подъехала высокая стройная девушка, от утомления едва держащаяся в седле. Короткая туника скорее подчеркивала, чем скрывала ее округлые формы, по плечам крупными волнами струились растрепанные темные

локоны, прекрасные черные глаза с надеждой смотрели на гиганта-варвара. Не говоря ни слова, всадники тронули поводья и направили лошадок к городским стенам.

* * *

Спутницей Конана была коринфийская танцовщица Мюриэла, еще совсем недавно бывшая рабыней в Кешане. В королевство Пунт они направлялись в поисках сокровищ, спасаясь бегством от мести кешанских жрецов.

Хозяин Мюриэлы, Зархеба, со своим компаньоном, торговцем из Стигии Тут-Мекри, составили план похищения из храма в Алкменоне шкатулки с драгоценными камнями, а для того они собирались выдать невольницу за богиню Элаю. План был неплох, но на их беду подобная же мысль озарила Конана, который служил в то время командующим кешанским войском. Все трое были неприятно удивлены, встретившись в храме; затея их сорвалась, причем Зархеба пал жертвой не то привидений, не то демонов, охранявших святилище, а Конану с Мюриэлой пришлось бежать, опасаясь мести не только вставших в ярость кешанских жрецов, но и Тут-Мекри.

Тут-Мекри и сам едва избежал гибели — он, вместе со своими людьми, едва не попался в челюсти огромных крокодилов, обитавших в королевском пруду. Покинув Кешан, стигиец со своими слугами тоже направился на восток, в соседнее королевство Пунт.

Прибыв в Кассали, столицу Пунта, Тут-Мекри явился во дворец короля Лалибеа и предложил ему свои услуги, намекнув, что на его страну готовится нападение кешанских войск. Советники короля отнеслись к словам стигийца без особого доверия — ведь все прекрасно знали, что армии Пунта и Кешана примерно равны численностью и силой, так что война могла привести только к взаимному истощению двух стран. Однако у Тут-Мекри, отличавшегося поистине стигийским коварством, была припасена еще одна история: он поведал королю, что стало ему известно о тайном союзе между владыкой Кешана и братьями-близнецами, правящими в пограничном с Пунтом государстве Зембабве. По словам стигийца выходило, что соседи, завоевав земли Лалибеа, собирались разделить

их между собой. Еще стигиец утверждал, что способен обучить армию пунтийцев новым боевым приемам, возглавить ее в кампании против Кешана и выиграть войну.

Однако несметные сокровища Пунта привлекли внимание и Конана с Мюриэлой. В легендах рассказывалось о бесценных дарах, преподносимых благодарными жителями покровительнице страны, богине Небетет, статуя коей, находившаяся в главном святилище столицы, была вырезана из слоновой кости, а одеяние украшено несметным числом алмазов, сапфиров, жемчугов и других драгоценных камней.

Дорога из Кешана в Пунт оказалась слишком тяжелой для хрупкой танцовщицы, но Конан так и не дал ей отдохнуть в Кассали — проведая, что в город чуть раньше них прибыл стигиец, он предпочел остановиться в другом месте: слишком опасной представлялась ему встреча с Тут-Мекри. Затем в голове варвара возникла идея: вновь, как в Кешане, использовать таланты Мюриэлы, причем на сей раз девушке предстояло сделаться воплощением богини Небетет. Киммериец полагал, что жрецы не смогут ничего возразить, если Небетет повелит им передать часть хранившихся в святилище богатств тем, на кого она укажет. Была у него и еще одна неплохая мысль: добросердечная богиня могла бы посоветовать королю назначить его, Конана, главнокомандующим пунтийской армией.

Мюриэла совершенно не одобряла планов киммерийца, ибо память о страшных событиях в Кешане, когда только чудо спасло их от мучительной смерти, была еще слишком свежа. Разве стоило надеяться, что жрецы в Кассали поддадутся на уловку, не обманувшую их собратьев из Алкменона? К тому же, если Тут-Мекри успел обосноваться при королевском дворе, он немедленно предупредит и короля, и жрецов — история с перевоплощением была ему отлично знакома.

Конан разделял опасения девушки, но лишь отчасти.

— Нам еще повезло, что караванщик Нахор предупредил о стигийце, — буркнул он. — Клянусь бородой Крома, мало кто умеет так втереться в доверие к людям, как этот шакал! Представляешь, что бы было, если б мы, ничего не подозревая, заявили в королевский дворец!

И столкнулись там с Тут-Мекри нос к носу... Живыми нас бы оттуда не выпустили!

— Я и говорю, Конан, — озабоченно промолвила девушка, — что если мы снова вылезем с этой историей, головы нам не сносить. Давай лучше уберемся отсюда! И поскорей! Нахор как раз предложил тебе службу в охране своего каравана...

— Убраться отсюда? Да ни за что на свете! Здесь к нам в руки сами просятся несметные сокровища, а ты предлагаешь мне за гроши охранять какой-то вонючий караван?!

Сразу же после заката солнца киммериец и Мюриэла подъехали к склону холма, на котором возвышалось святилище богини Небетет. В вечернем сумраке в окнах храма не было видно ни единого огонька, а вокруг царило полное безмолвие. Почему-то эта тишина наполнила душу коринфянки мрачными предчувствиями.

То, как выглядит храм, тоже не понравилось девушке: здание из белого мрамора круглой формы с куполом наверху показалось ей похожим на череп — сходство усиливали тяжелые запертые ворота, выполненные в форме оскаленного рта с торчащими клыками, и два больших окна на втором этаже, напоминающие пустые глазницы. По спине коринфянки пробежала легкая дрожь.

— Видишь, ворота заперты, Конан... Мы не сможем попасть внутрь!

— Почему не сможем? Мы войдем в этот храм, даже если мне придется проломить его стену секирой!

Спешившись и бросив поводья спутнице, Конан внимательно осмотрел ворота и выяснил, что они заперты на огромный, позеленевший от времени бронзовый засов. Напрягая силы, киммериец попытался сдвинуть с места тяжелую створку, но усилия его оказались тщетными — ворота не поддавались. Однако неудача Конана не обескуражила; человек, считавшийся в юности одним из самых ловких воров Заморы, так или иначе найдет способ проникнуть сквозь любую запертую дверь.

Достав из притороченной к седлу сумки моток веревки с тяжелым железным крюком, киммериец отошел за угол и широко размахнулся. Мюриэле, очутившейся одной в

этом мрачном месте, сразу же стало не по себе. Но через недолгое время она услышала, как Конан окликает ее. От неожиданности девушка едва не свалилась с коня. Затем, подняв голову, она увидела, что Конан, с веревкой на плече, высовывается в одно из окон и машет ей рукой.

— Держи веревку, Мюриэла! Только позаботься сначала о лошадях. Их нужно привязать покрепче и понадежней: кто знает, сколько времени мы здесь пробудем.

Веревка заканчивалась петлей, и коринфянке осталось только покрепче за нее ухватиться. Киммериец, быстро перебирая руками, стал затаскивать ее наверх — с такой скоростью, что у девушки закружилась голова. Но она лишь зажмурила глаза и крепче стиснула похолодевшие пальцы. Через несколько мгновений, показавшихся ей очень долгими, Мюриэла почувствовала на своих плечах руки Конана. Затем киммериец подхватил ее и втащил в окно.

Они стояли в небольшой, совершенно пустой комнате с голыми стенами и высоким беленым потолком. В дальнейшем ее углу виднелась полуоткрытая крышка люка.

— Нам сюда, — показывая на это темное отверстие, сказал Конан. — Только будь поосторожней — там лестница, и очень крутая.

Спустившись по винтовой лесенке, они очутились в главном зале святилища. Это было просторное помещение, высокий купол которого поддерживали массивные мраморные колонны.

— Не думаю, что чернокожие могли построить такой храм, — заметил, оглядываясь, киммериец. — Посмотри только на эти огромные колонны! Да и такого мрамора в здешних местах отродясь не было.

— Как же, по-твоему, он здесь очутился, этот храм? — с удивлением спросила девушка.

— Трудно сказать, — пожал плечами варвар. — Когда-то один немедиец — а человек он был ученый — рассказывал мне, что в давние времена бесследно исчезали не только здания и города, но и целые страны. Нет, следы, конечно, остаются — развалины да руины, а иногда и какая-нибудь постройка, особо прочная и крепкая. В своих скитаниях мне приходилось видеть камни древних городов, и я думаю, что этот храм — все, что осталось

от неведомого погибшего народа... — Он помолчал в задумчивости и добавил: — Странно, с чего бы меня потянуло на болтовню? Давай-ка займемся делом. Нам нужно раздобыть что-то вроде факела — иначе, когда зайдет луна, мы ничего не разглядим.

Осмотревшись вокруг, Конан заметил висевшие на цепях между колоннами медные светильники. Сняв один из них с крюка и заглянув внутрь, он присвистнул.

— Интересно! Внутри — свежее масло, да и фитиль тоже новый! Похоже, кто-то внимательно следит за лампами. Хотелось бы знать — кто?

Ударив несколько раз кресалом по кремню, киммериец поджег трут, а от него — фитиль. В зале сделалось светлей, и теперь можно было различить широкий помост с тремя ведущими на него ступенями, расположенный у противоположной стены святилища. На нем высилось выточенное из слоновой кости изваяние — человеческая фигура в полный рост.

— А вот и хозяйка, сама богиня Небетет. Приветствуем тебя, великая госпожа! — улыбаясь, поклонился статуе Конан.

Но девушка вздрогнула от ужаса — тело богини было прекрасно, однако ее округлую стройную шейку венчал человеческий череп с оскаленными в жутковатой усмешке зубами.

Варвара подобное зрелище не испугало ничуть — он давно уже привык видеть смерть в самых разных ее обличьях. Гораздо больше удивило его то, что фигура богини, судя по всему, была выточена из одного цельного куска кости. В своих странствиях по землям Черных Королевств киммериец не раз встречался со слонами; слышал он также и легенды о том, что когда-то существовали и более крупные животные, превосходившие современных вдвое. Но все же он не представлял, какого же размера достигает зверь, бивень которого толще человека. К тому же сам вид богини оказался для него неприятным сюрпризом.

— Клянусь хвостом Нергала! — разочарованно буркнул он. — Похоже, мой план провалился, красавица! Я хотел водрузить тебя на этом помосте вместо статуи, но

вряд ли в Пунте найдется такой болван, который примет твою хорошенькую мордашку за голый череп!

— Так давай поскорее уберемся отсюда! — со страхом воскликнула коринфянка, которой давно было не по себе.

— Не так сразу, малышка, не так сразу. И не стоит расстраиваться — мы еще придумаем что-нибудь этакое, дабы лишить шакала Тут-Мекри доверия короля. Уж тогда-то мы сможем развернуться! Ну, а пока давай поищем побрякушки, которые, как мне рассказывали, приносят в храм доверчивые прихожане. Скорей всего, они спрятаны где-то за статуей. Если там их нет, придется порыскать в подземных кладовых.

— Конан! — взмолилась девушка. — Мне плохо, я валюсь с ног... от усталости, наверное...

— Ну, что ж, отдохни здесь, а я осмотрю храм. Только не покидай этого места, и если почувствуешь опасность, сразу зови меня — здесь так тихо, что я отовсюду услышу твой голос.

Отправившись осматривать святилище, варвар забрал с собой лампу, оставив Мюриэлу в темноте. Когда глаза девушки привыкли к мраку, первое, что она увидела, было освещенное слабым светом луны стройное тело из слоновой кости — и темные провалы глазниц черепа. Ей стало страшно, и она, отвернувшись от изваяния, присела на ступеньки помоста. Вокруг царила мертвая тишина, но вдруг Мюриэле показалось, что в отдалении раздаются чьи-то крадущиеся шаги. Или то был лихорадочный звук ударов ее собственного сердца?

Коринфянка попыталась взять себя в руки; в конце концов, она просто устала и напугана гнетущей атмосферой храма, где ничего по-настоящему страшного нет. Тем не менее, она была готова поклясться всеми хайборийскими богами, что в крутом зале с колоннами находится кто-то еще, неведомый и ужасный.

Страх все больше овладевал Мюриэлой; временами ей хотелось обернуться и проверить, не подкрадывается ли кто-то к ней сзади. Но как она могла рассмотреть хоть что-либо в окружающем мраке? Конечно же, там никого нет! Никого не может быть!

И в этот момент она почувствовала на плече чью-то

костлявую руку. Издав пронзительный визг, коринфянка вскочила на ноги и увидела, что перед ней стоит похожая на высохшую мумию старуха с ввалившимися щеками, обтянутыми темной, как древний пергамент, кожей, и оскаленным провалом беззубого рта. Девушка рванулась — и попала в объятия высившегося за ее спиной огромного существа; оно сжало ее мощными волосатыми лапами с такой силой, что Мюриэла не могла пошевелиться. Слабо вскрикнув, она лишилась чувств.

* * *

Услышав пронзительный вопль девушки, киммериец вначале застыл, потом бросился прочь из покоев, в которых искал спрятанные жрецами богатства. Как он мог бросить ее одну в этом страшном месте?.. — пронеслось в голове Конана, пока он бежал по длинному коридору, возвращаясь туда, где осталась Мюриэла. Но когда он, обнажив меч, ворвался в круглый зал с колоннами, девушки там не было. Обойдя и тщательно осмотрев помещение, Конан не обнаружил никаких следов борьбы, однако коринфянка исчезла без следа. Что с ней случилось, где искать девушку? По спине отважного киммерийца пробежал холодок. Он достаточно повидал в своей жизни, чтоб догадываться, сколь неожиданными и опасными могут стать действия сверхъестественных сил — а особенно тут, в темном безлюдном храме.

Гнев охватил Конана. Он чувствовал, что теперь его не заставит отступить никакое колдовство; он должен найти Мюриэлу, и остановит его только смерть.

Держа в одной руке меч, а в другой — высоко поднятую лампу, киммериец решительным шагом покинул центральный зал святилища и отправился на поиски девушки.

* * *

Когда Мюриэла очнулась, то поняла, что спиной опирается на сырую каменную стену. Это было единственным доступным ей ощущением, поскольку вокруг царила чернильная, совершенно непроницаемая тьма, как будто она

находилась на дне такого глубокого каменного колодца, куда ни разу не проникал ни единый лучик света.

Встав на ноги, девушка осторожно нащупала стену и пошла вдоль нее. До первого угла она добралась очень быстро, через несколько шагов; потом — до второго, до третьего и четвертого. Несомненно, она находилась в крохотном помещении, где не было ни дверей, ни окон. Но как же она попала сюда? Наверно, в потолке есть люк, мелькнула мысль. И еще — что с ней собираются делать? Когда коринфянка попыталась вспомнить, что с ней случилось, ее охватил дикий ужас — в памяти всплыла вцепившаяся в плечо холодная костлявая рука, а потом — страшные объятия ужасного волосатого монстра.

— Конан! — В этот вопль девушка вложила все оставшиеся у нее силы.

Несмотря на то, что их разделяло несколько толстых каменных стен, киммериец уловил слабый отзвук отчаянного крика. Определив направление, он высоко поднял над головой лампу и, освещая себе путь, бросился по темному коридору в ту сторону, откуда донесся голос девушки. До сих пор он не встретил в храме ни одной живой души, но присущий ему звериный инстинкт подсказывал, что опасность где-то близко.

И действительно, вскоре он заметил, как в одном из боковых коридоров мелькнула чья-то тень. Резко остановившись, Конан посветил лампой и увидел, как мимо него проскользнуло странное существо — маленькое, ростом ему по пояс, и высохшее, словно древняя мумия. Лицо этой твари было морщинистым, как печеное яблоко, в крохотных, глубоко посаженных глазках поблескивали злобные огоньки. Не успел Конан как следует к нему присмотреться, как из-за угла прямо на него выскочило второе создание, в два раза выше первого — так что рослый киммериец едва доставал ему до плеча. Молниеносным движением выбив у Конана из рук светильник, косматое чудовище, не издав ни звука в наступившей кромешной темноте, бросилось на него. Киммериец даже не успел выхватить из ножен меч.

Он сражался, как загнанный в угол хищный зверь, — свирепо и отчаянно. Его тяжелые кулаки раз за разом

врезались в нечто жесткое и мохнатое; единственное, что Конан успел рассмотреть — что противник его принадлежит к двуногим тварям. Мысленно прикинув его рост, киммериец нанес снизу вверх страшный удар и с удовлетворением ощутил, как хрустнула под кулаком сложенная челюсть. Но нападавший не собирался сдаваться; мощная, вооруженная длинными когтями лапа задела грудь Конана, из глубоких порезов закапала теплая кровь. Смертельная опасность, боль и ярость в один миг смыли с варвара обретенный им тонкий налет цивилизации; он издал дикий, похожий на волчий вой, вопль и, бросившись на превосходящего ростом противника, сошелся с ним грудью о грудь. В ноздри ударило густое звериное зловоние, руки киммерийца очутились в стальном кольце мохнатых лап, по горлу — он едва успел отпрянуть в сторону — царапнули острые клыки.

Наконец Конан изо всех сил ударил монстра в пах, и тот, дико взвыв, ослабил захват и отлетел в сторону. Теперь уже киммериец, издавая столь же жуткий рев, попытался вцепиться в горло противника, но мохнатая тварь вонзил зубы ему в плечо. Наклонив голову, варвар боднул нападавшего в брюхо, и это неожиданно принесло успех — видно, у монстра перехватило дыхание и он замер на месте. Не теряя ни единого мига, Конан выхватил кинжал и — почти наугад! — принялся яростно колоть, рубить и резать, пока чудовищная тварь не выпустила дух.

Отдышавшись и придя к выводу, что серьезных ран и переломов у него нет, лишь отчаянно болят многочисленные царапины и укусы, киммериец отыскал уцелевший в схватке светильник и снова его разжег. Теперь, в неявном свете лампы, он смог разглядеть своего поверженного врага. Перед ним лежал полужверь-получеловек; тело его заросло густой, как у медведя, шерстью, лоб был низким и покатым, под ним далеко выдавались мощные надбровные дуги, торчал сплюснутый нос, блестящие слюной острые собачьи клыки. И очень странными на фоне звериного обличья казались одетые на существо короткие, до колен, штаны. Конан только покрутил головой — сталкиваться с подобной тварью ему еще не приходилось.

В темницу, где сидела дрожащая от ужаса Мюриэла, долетали звуки происходящей наверху схватки. Когда все стихло, девушка снова отчаянно закричала, призывая киммерийца на помощь. Голос ее был близок, и Конан догадался, что место, откуда он слышит его, находится совсем рядом. В стенах коридора дверей не обнаружилось, но вскоре он, внимательно осмотревшись, разглядел небольшую темную нишу. Там, на одной из каменных плит пола, блеснуло массивное бронзовое кольцо. Потянув за него, киммериец понял, что оно открывает крышку люка. Нагнувшись и всматриваясь в темноту, он позвал Мюриэлу; затем протянул к ней руки и вытащил девушку в коридор.

Коринфянка, и так до полусмерти напуганная, с ужасом глядела на окровавленное лицо Конана и валявшуюся на полу огромную мохнатую тушу. Дрожащим от волнения и страха голосом она поведала киммерийцу о старухе, похожей на ожившую мумию, и жутком чудище, попав в лапы которого, она потеряла сознание.

— Старуха, наверно, жрица в этом храме, и я думаю, что статуя богини Небетет вешает ее голосом, — сказал Конан. — Я присмотрелся к помосту — там, за изваянием, находится маленькая каморка, и из нее можно видеть и слышать тех, кто спрашивает совета у богини.

— А откуда взялся этот монстр, которого ты убил? — спросила девушка. По спине ее, при одном лишь упоминании о страшной твари, пробежала дрожь.

— Не знаю, малышка. Может, он был слугой этой старой ведьмы или ее охранником... Странное существо — такое, будто бы оно родилось от обезьяны и человека... Но бояться его нечего — мертвая туша на ноги не встанет. Старушонка тоже, я полагаю, нам не страшна и в ближайшее время не будет болтаться на виду... Так что мы можем залезть в комнатку за помостом, спокойно передохнуть и подождать, пока за советом к богине не явится какой-нибудь важный сановник, а то и сам король. Предчувствие говорит мне, что это случится очень скоро.

— С чего ты взял? Может, пока они появятся, мы успеем умереть от голода?

— Ну, во-первых, мои предчувствия всегда сбываются, а во-вторых, разве ты не помнишь, что говорил нам Нахор? Королевские вельможи и жрецы обязательно советуются с богиней перед тем, как принять какое-нибудь важное решение. А сейчас как раз такой случай, так что у тебя будет прекрасная возможность поразить их своими актерскими талантами, представ в роли богини с черепом вместо башки. А голода нам опасаться не нужно: в седельных сумках еды предостаточно. И вообще, в той комнатке можно прекрасно отдохнуть и развлечься!

— А если там появится старуха? — никак не могла успокоиться Мюриэла.

— Ну и пускай! Что она может нам сделать, когда чудовища больше нет в живых? Конечно, есть с ней за одним столом я бы не стал — она запросто могла бы подсыпать нам яду, — но в остальном ее опасаться не стоит. Будет надоедать, так я сверну ей шею!

— Тебя не переспорить, — устало вздохнула коринфянка. — Ну, поступай, как знаешь, но попомни мои слова: предчувствия бывают не только у тебя, и мои говорят, что из этой затеи не получится ничего хорошего.

Конан, успокаивая, прижал ее к груди, и тут девушка заметила, что на киммерийце не только кровь чудища, но и его собственная, сочившаяся из глубоких ран, из бороздивших грудь и руки. Несмотря на то, что варвар с пренебрежением относился к этим царяпинам, Мюриэла отвела его во двор за храмом, где журчал небольшой фонтан, промыла раны, нанесенные когтями и зубами монстра, и перевязала их полосками материи, оторванными от подола туники. Потом они пробрались в комнатку за помостом и, сменяя друг друга, сладко проспали целые сутки.

Когда киммериец в очередной раз открыл глаза, то понял, что наступило утро. В каморку проникали рассеянные солнечные лучи; голова Конана покоилась на коленях прислонившейся к стене девушки.

Потянувшись, как огромный кот, варвар нащупал рукоять меча и поднялся на ноги.

— Самое время перекусить, — заявил он. — Пойду проведу наших лошадок и прихвачу сумки. Вот тебе на всякий случай мой кинжал — если высохшая мумия сунется сюда, проткни ей глотку.

Поднявшись по винтовой лестнице в помещение, где из окна-бойницы свешивалась оставленная им веревка, киммериец собирался уже соскользнуть вниз, как вдруг заметил некое движение — довольно далеко, почти у самых стен Кассали. Приглядевшись, он различил множество черных точек; судя по всему, то были всадники, направлявшиеся в сторону храма.

— Отлично! Гости явятся к нам даже быстрее, чем я ожидал, — пробормотал себе под нос Конан. — Надо бы спрятать лошадей, а то они поймут, что кто-то прибыл в храм пораньше них.

Очутившись внизу, киммериец отвязал лошадок, потом взлетел в седло одной из них и, ведя двух других в поводу, помчался к видневшейся неподалеку опушке леса. Спустя недолгое время он, укрыв своих скакунов и забрав сумки, уже преодолевал склон холма, на котором высилось святилище. Птицей взлетев по веревке, Конан подтянул ее вверх и, наклонившись над лестничным проемом, крикнул Мюриэле, что к храму приближаются всадники, а значит, самое время ей предстать в образе богини. Бросив вниз сверток, в котором находилась приготовленная им одежда, он вернулся к окну. Всадники были уже близко — целая кавалькада поднималась по склону холма. Кубарем скатившись по ступенькам, он поторопил девушку:

— Скорей, моя красавица! Они сейчас будут здесь! Ты хорошо помнишь, что тебе нужно сказать?

— Помню... но мне почему-то страшно, так страшно! Ведь тогда, в Кешане, наша затея провалилась, и ты помнишь, что было потом...

— Тогда было совсем другое дело! В кешанском храме бродили эти мерзкие демоны, слуги тамошних жрецов. А здесь, хвала Митре, мы не встретили пока никаких жутких созданий — только ту громадную обезьяну. А она

теперь подохла и не сможет никому причинить вреда. И ты забываешь самое главное — я с тобой! Так что не бойся и поторопись, девочка!

И, схватив Мюриэлу за руку, он потащил ее в маленькую комнатку за помостом.

Вскоре они услышали гулкий топот копыт, скрип седел и возбужденные людские голоса. Судя по этим звукам, всадники спешили к воротам; затем раздался грохот отодвигаемых засовов.

— У жрецов, конечно, есть ключи, — прошептал киммериец, поглядывая в смотровую щель.

Вскоре в круглый зал с колоннами вошла большая группа сановников и стражей. В центре величественно шествовал высокий чернокожий мужчина с курчавыми седыми волосами, которые венчала корона из красного золота в виде сокола, расправившего крылья. Конан догадался, что в святилище пожаловал сам король Лалибеа, владыка Пунта. Спешивший вслед за ним тощий человек в развевающихся пурпурных с золотом одеждах был, несомненно, верховным жрецом Зарамбой.

Короля и Зарамбу сопровождал отряд чернокожих воинов-пунтийцев, вооруженных копьями и круглыми щитами из кожи носорога. Затем — тут Конан непроизвольно вздрогнул — они увидели, как между колоннами появился стигиец Тут-Мекри, а с ним — две дюжины наемников, среди которых были кешанские копыеносцы и лучники из Шема.

Киммериец стиснул кулаки — его враг находился прямо перед ним.

* * *

Тут-Мекри, поклонявшийся Великому Сету, не испытывал страха, попав в это священное для пунтийцев место. Пожалуй, наоборот — он осматривал его со злорадством и даже усмехнулся про себя, вспоминая неудачу, постигшую в подобном же храме его бывшего и ныне покойного компаньона.

Король Пунта и верховный жрец прибыли в храм Небетет испросить у богини совета в весьма важном деле. Несмотря на то, что доводы пришельца из Стигии, пре-

дупреждавшего о вражеском вторжении, были весьма убедительны, отличавшийся осторожностью и рассудительностью король все еще сомневался. А тут подоспело сообщение из Алкменона, что в Кассали направляются смутьяны и богохульники, нарушившие покой священного храма и лишь случайно избегшие заслуженной суровой кары. Верховный жрец Зарамба, принесший это известие, посоветовал Лалибеа навестить в святилище. Совет был мудр: прежде, чем предпринимать какие-либо действия, стоило ознакомиться с мнением богини Небетет.

Итак, на рассвете король, верховный жрец и их свита направились к храму. Сопровождавшего владыку Пунта стигийца Тут-Мекри это мероприятие совсем не привело в восторг. Правда, к мнению местных божков он был равнодушен, зато весьма опасался их фанатичных слуг; да и кешанские события были слишком свежи в его памяти. Тем более, что жрецы Пунта не особенно жаловали явно втиравшегося в доверие к королю стигийца. Почувствовав пробежавший по спине озноб — и приписав его сквозняку, — Тут-Мекри вздрогнул. Ему вдруг почудилось, что визит в это святилище чернокожих затеян неспроста. Быть может, это ловушка, которая стоит ему жизни?

Но этого он не знал.

* * *

Когда процессия подъехала к воротам храма, Зарамба расставил чернокожих воинов таким образом, чтобы они окружали Тут-Мекри и его людей. Сейчас стигиец подумал, что это сделано специально, на случай, если начнется вооруженная стычка — находясь в такой позиции, чернокожие имели бы определенное преимущество.

Король, за которым следовал верховный жрец, с благоговейным блеском в глазах приблизился к помосту, где возвышалось драгоценное изваяние богини. Поставив на ступени небольшую, украшенную резьбой шкатулку, откинутая крышка которой позволяла лицезреть переличатое сверкание самоцветов, Лалибеа и Зарамба опустились на колени и поклонились фигуре из слоновой кости, ударив лбами в мозаичный пол.

С мольбой простирая руки к великой богине, Зарамба начал читать призывающее ее заклятье. Остальные жрецы зажгли в медных жаровенках благовония, от коих тут же потянулся вверх синеватый ароматный дым.

Тут-Мекри по-прежнему чувствовал тревогу. Нервы его были напряжены, он как будто ощущал на себе чей-то враждебный ненавидящий взгляд. Что-то должно было произойти; что-то такое, что отнюдь не сулило ему добра.

Неожиданно в зале с колоннами раздался звучный, похожий на звон большого медного колокола голос — то заговорила изваянная из слоновой кости статуя:

— О великий король, выслушай мои слова и исполни мою божественную волю! Знай, что тебе надо остерегаться лживых уст и предательских речей пришельца из Стигии. Этот человек, притворяющийся твоим другом, на самом деле хитрый и коварный враг. Ему удалось бежать от праведной мести, ожидавшей его в Кешане, а теперь он хочет погубить тебя, о могущественный Лалибеа! Он — смрадная гиена, шакал из шакалов, стервятник, пирующий на трупах преданных и обманутых им!

По рядам воинов-пунтийцев пронесся изумленный ропот. Люди Тут-Мекри, предчувствуя недоброе, встали вокруг него кольцом, прикрывшись щитами; лучники потянулись к колчанам и стрелам, остальные сжали древки копий и секир. Никто не двигался и не грозил оружием, но было ясно, что в любой миг святилище станет местом жестокой схватки.

Стигиец лихорадочно размышлял, припоминая. Несомненно, он где-то уже слышал этот женский голос! Это было, когда...

— Подожди, о сиятельный и великий! — воскликнул он. — Это наговор, ложь! Тебя желают ввести в заблуждение...

Но его слова перекрыл голос богини:

— Стигиец, смрадный пес и наглый лжец, должен быть изгнан из Пунта, а на место военачальника своих храбрых солдат назначь Конана из Киммерии, коего я посылаю тебе, король, как свой божественный дар. Слава об этом доблестном воителе гремит от ледяных пустынь Ванахейма до джунглей Куша, от выжженных гиркан-

ских степей до побережья Западного Океана. Только Конан-киммериец сможет привести твои войска к победе, о великий король!

Как только голос смолк, за помостом распахнулась дверь, и рядом с изваянием богини возникла могучая фигура Конана. Неторопливыми шагами он спустился с помоста и отвесил почтительные поклоны: сперва королю Лалибеа, затем — верховному жрецу Зарамбе.

— Это ты, лжец и обманщик! Ты, киммерийская падаль! — взвизгнул Тут-Мекри. Его лицо исказилось от ненависти, и он крикнул своим лучникам: — К бою! Стреляйте в него!

Но киммериец, уловив движение натягивающих тетиву рук, молниеносным прыжком скрылся за ближайшей колонной; на таком расстоянии он был бы слишком хорошей мишенью для стрелков-шемитов. Изумленный и разгневанный, король открыл рот, чтобы отдать приказ своим чернокожим воинам, но в этот момент...

Выточенная из слоновой кости фигура покачнулась, вздохнула и шагнула вперед — ступени помоста скрипели и прогибались под ее тяжелой поступью. Все находившиеся в храме застыли на месте — перед ними стояла живая богиня Небетет.

Конан, как и все остальные, не спускал с нее глаз; он словно бы видел перед собой Мюриэлу, но в то же время не узнавал ее. Дело заключалось не в наложенном гриме — фигура этой женщины была более стройной, сильной, величественной, а лицо — неизмеримо прекрасней смазливой мордашки коринфянки. И голос, ее голос! Он был не похож на природное сопрано Мюриэлы и ту подделку-контральто, которое они сочли наиболее подходящим для божества. От голоса этой женщины, казалось, исходила неведомая сила, заставлявшая вибрировать стены храма и каменный пол. И вокруг ее фигуры светился бледный сиреневый ореол...

— К тебе обращаюсь я, о король Пунта! Я, истинная богиня Небетет, воплощенная в образе смертной женщины! Дерзнет ли кто-нибудь из вас, моих слуг, в том усомниться?

Не помня себя от ярости, Тут-Мекри заорал стоящему рядом с ним лучнику:

— Стреляй же, болван! Стреляй, кому говорят!

Подчиняясь приказу, стрелок натянул тетиву и прицелился. Женщина бросила на него пристальный взгляд, протянула руку — что-то щелкнуло, сверкнула нестерпимо яркая вспышка, и шемитский лучник мертвым рухнул на мозаичный пол.

— Кто-то из смертных еще сомневается? — послышался холодный голос.

Никто не произнес ни слова: все присутствующие в храме — король, жрецы, чернокожие воины и даже такие прожженные авантюристы, как Конан и стигиец Тут-Мекри, — молча преклонили колена перед богиней.

Она же продолжала:

— Перед тобой, король, не один обманщик, а два — Конан из Киммерии и Тут-Мекри из Стигии. В Кешане их затея потерпела неудачу, и теперь они возжелали сотворить подобное деяние здесь, в моем храме. Стигиец, не доставшийся крокодилам из королевского пруда в Алкменоне, будет отдан им на съедение в Кассали. И варвара из Киммерии стоило бы предать такой же участи, однако я желаю, чтобы этот человек был помилован — за его доброту к той женщине, в чьем теле я сейчас нахожусь. Но он должен покинуть твои владения, король, и если он не исполнит это через два дня, вели его тоже скормить крокодилам.

Ты должен выполнить еще одно мое повеление, о король Пунта. Созови в этот храм лучших мастеров, которые способны вырезать из кости мое новое изваяние. Оно должно быть похоже на женщину, в чьем теле я пребываю и чьей плотью пользуюсь; столь же прекрасным и соразмерным. И никаких мерзких черепов! Тогда эта статуя сделается моим пристанищем на века. А сейчас ты должен хорошо заботиться о моем живом теле. Понял ли ты меня, король? Если понял, не медли и пытайся послушаться моих приказаний!

Сиреневый ореол вокруг женской фигуры исчез, но никто из свидетелей чудесного явления богини не мог двинуться с места. Первым пришел в себя стигиец; он

сделал знак своим людям и, стараясь не привлекать к себе внимания, стал незаметно протискиваться к дверям храма.

Но тут тишину нарушил властный голос короля Лалибеа:

— Схватить их!

Взметнулся пущенный рукой воина-пунтийца тяжелый дротик, и один из шемитов рухнул замертво с пробитой грудью. В следующее мгновение храмовый зал превратился в поле жестокой кровопролитной схватки. Полетели дротики, зазвенели натягиваемые тетивы луков, поднялись копыта, засверкали кривые ножи, тяжелые удары палиц из черного дерева обрушились на щиты противника. Чернокожие воины окружили вставших плечом к плечу людей стигийца. В воздухе раздавались стоны раненых и умирающих, падавших на мозаичный пол, в лужи крови, под ноги сражающихся.

Тут-Мекри, размахивая изогнутым клинком и призывая в помощь Сета и остальных зловещих стигийских богов, пытался пробраться к полуразрушенному помосту, где с мечом в руке стоял Конан; пожалуй, единственное, чего он сейчас желал — не остаться в живых, но отомстить человеку, во второй раз сокрушившему все его планы и расчеты. Подкравшись к киммерийцу сзади, он занес над ним клинок, вознамерившись одним ударом снести голову врагу. Однако Конан успел обернуться и подставить меч. Два клинка сшиблись со звоном, высекая искры; противники, внимательно следившие за каждым движением друг друга, закружили по залу, выбирая момент для решающего выпада.

Первым это удалось киммерийцу: сделав обманное движение, он ударом сбоку вонзил меч под ребра Тут-Мекри. Издав громкий вопль, стигиец выронил оружие; сквозь прижатые к ране ладони заструился кровавый ручеек. Конан не стал рисковать и следующим ударом отсек Тут-Мекри голову. Обезглавленное тело стигийца, зашатавшись, рухнуло, заливая мозаику пола потоками алой крови.

Увидев, что их господин мертв, оставшиеся в живых

люди Тут-Мекри перестали обороняться и бросились к выходу.

— Догнать их! — приказал король Лалибеа. — Пусть умрут все до единого!

Чернокожие воины устремились за отступающим противником. Подойдя к воротам храма, Конан увидел, что сражение продолжается на склоне холма — пунтийцы преследовали спасавшихся бегством наемников Тут-Мекри, и мало кому из них удалось добраться до спасительных лесных зарослей.

Воля богини была исполнена.

* * *

Вернувшись в главный зал храма, киммериец взглянул на помост — неподвижная фигура его подруги все еще стояла на том же самом месте, где недавно возвышалось изваяние богини Небетет. Усмехнувшись, он произнес:

— Ну, малышка, слезай отсюда — нам надо сматываться, да поскорее! Ты сделала все, что смогла, но видишь, нам опять не повезло. И я все никак не возьму в толк, где ты раздобыла это сияющее сиреневое облако?

— Малышка? — послышался низкий звучный голос, и Конан вздрогнул, ибо вокруг тела женщины опять появился сиреневый ореол. Этот светящийся туман, да и вообще весь облик ожившего изваяния, привели киммерийца к мысли, что Мюриэле никогда не удалось бы изобразить подобные чудеса.

Глас богини вновь прозвучал над его головой и раскатился под высокими сводами храма.

— Малышка? Как ты осмелился так обращаться к богине, червь! Или ты хочешь, чтоб я пожалела о проявленной к тебе благосклонности? Хочешь разделить жалкую участь этого негодяя-стигийца?

По спине варвара пробежала дрожь. Теперь у него больше не оставалось сомнений в том, кто явился ему и чей голос он слышит.

— Так ты — настоящая богиня Небетет? — в растерянности пробормотал он. — Прости меня, госпожа, но разве я мог сразу об этом догадаться? Однако что же

случилось с моей Мюриэлой? Мне не хотелось бы покинуть ее здесь — после всего, что произошло...

— Что ж, ты не разочаровал меня, киммериец! Твоя забота об этой девушке смягчает мою душу. Однако ты можешь не беспокоиться о ней — до того времени, пока не будет готова моя новая статуя, я останусь в ее теле, а после должным образом позабочусь, чтобы жизнь и судьба Мюриэлы была устроены как можно лучше. Но ты, дерзкий варвар, ты, нечестивец, должен убраться отсюда — если не хочешь попасть на ужин королевским крокодилам! Уходи, и побыстрей!

За свою не столь уж долгую, но богатую приключениями жизнь, киммериец сталкивался со многими монстрами, чудовищами, колдунами и жуткими тварями, но никогда не испытывал перед ними страха. Теперь же он почувствовал в своем сердце трепет, почтение и благоговейную дрожь. Все-таки с воистину божественным существом он встречался впервые...

— Если Мюриэле ничего не грозит, я готов покинуть эту страну, как ты повелеваешь, великая. Но скажи, как я это сделаю? У меня нет денег, моя госпожа, а после всего случившегося ни в Пунте, ни в Кешане не найдется ни одного человека, на помощь которого я мог бы рассчитывать.

— Отправляйся в Зембабве, варвар! У караванщика Нахора есть в столице Зембабве родственник, который тоже владеет караваном и сможет взять тебя охранником. Но если ты не исчезнешь отсюда через несколько мгновений, то я вспомню все лишние почтения слова, с которыми ты дерзнул ко мне обращаться. Не принуждай меня к этому, киммериец! Прощай, и не беспокойся о своей подруге.

Конан отвесил богине низкий поклон и направился к выходу из храма. Но не успел он дойти до ворот, как услышал сзади какой-то шорох. Обернувшись, киммериец молниеносным движением выхватил из ножен меч.

Из-за мраморной колонны выползла та самая похожая на древнюю мумию старуха, с которой он уже однажды встречался — сторбленная, высохшая и едва живая. С

трудом верилось, что это жуткое создание было когда-то женщиной.

С трудом приподняв костлявую руку, старуха грозила варвару иссохшим кулачком. Скаля беззубый рот, она прошипела:

— Ты убил моего сына, грязный пес! Моего бедного сыночка! Да поразит тебя проказа, мерзкий шакал! Будь ты проклят! Пусть обратится против тебя гнев богини, чей храм ты осквернил! Пусть обрушится на тебя гнев демона Джаманкха — отца моего несчастного сына! Приди, о мой возлюбленный демон, и покарай нечестивца! Вырви ему глаза, забей ему в глотку его собственную печень! Вытяни из его утробы кишки и удави ими это гнусное порождение ишака и ехидны! Пусть проклятый варвар задохнется в своей блевотине и пожалеет, что появился на этот свет!..

Яростную тираду прервал неудержимый приступ кашля. Старуха прижала к горлу руки, ее лицо исказила страшная судорога, глаза вылезли из орбит. Мгновение — и высохшее тело ничком упало на мозаичный пол.

Конан подошел к старухе и осторожно перевернул ее тело — она не дышала, не слышно было и биения сердца. Наверное, она была слишком стара, подумал киммериец, и убить ее могло любое потрясение. Конечно, смерть единственного сына оказалась страшным потрясением... ведь все-таки этот волосатый урод был ее любимым сыночком... Но что она говорила о его отце? Положительно, встреча с папашей-демоном в планы Конана никак не вписывалась. Права богиня, решил он; пора убираться отсюда, и как можно скорее.

Киммериец закрыл мертвые невидящие глаза. Надо было спешить в лес, где он оставил своих лошадей, свои припасы и все свое достояние, что помещалось в паре седельных сумок. Выходя из храма, он бросил последний взгляд на тело старухи, покачал головой и быстрым шагом стал спускаться вниз по склону холма.

КРЫЛАТАЯ ТВАРЬ

1. Смерть, витающая в воздухе

В небесах над побережьем Западного океана пылал багровый огонь; закат брызнул свои кровавые краски и в морскую синеву, объял горизонт пламенными крыльями, поджидая, когда солнце уйдет на покой, спрячется за темным плащом ночи. Но день еще не утас, и тихие воды небольшой бухточки алели в солнечных лучах, отражая зарево заката. Бухту, окруженную песчаным пляжем, пересекал баркас. Когда киль его коснулся дна, гребцы попрыгали в воду и оттащили суденышко подальше на берег, к густым зарослям, чтобы начинающийся прилив не унес их посудину обратно в море.

Ласковые прибрежные волны касались босых ступней мореходов; лишь немногие из них щеголяли в высоких, достигавших колена, кожаных сапогах. Зато у всех был обернут вокруг талии цветной шарф, а за ним торчали кинжалы, кривые сабли или длинные палаши. Экипаж суденышка представлял собой разнородную и красочную картину; большая часть команды происходила из Аргоса, но среди этих приземистых крепких парней с каштановыми волосами попадались и зингарцы — высокие стройные брюнеты, а также люди из Шема — коренастые, широкоплечие, с крючковатыми носами, до глаз заросшие курчавыми черными бородами. Не было сомнения, что эти люди — пираты, члены многочисленного братства авантюристов и искателей добычи, бороздивших воды Западного Океана.

Среди них выделялся своим видом единственный стигиец — очень высокий, худой, с наголо обритым черепом и сверкающими, как жесткие черные агаты, глазами. Одет он был в короткую тунику и сандалии с ремешками. Товарищи звали его Мена-колдун; он был полукровкой — рожденным вне брака сыном шемитского жреца и женщины из стигийского города Кеми.

Подтащив баркас к зарослям, мореходы постарались как можно тщательнее замаскировать свое судно. Командовал ими широкоплечий человек гигантского роста с опаленной жарким солнцем и выдубленной солеными ветрами бронзовой кожей. Его лицо было покрыто шрамами и, в отличие от большинства остальных пиратов, гладко выбрито; на плечи спадала тяжелая грива спутанных черных волос, из-под густых темных бровей холодным блеском сверкали глаза цвета сапфира. На боку великана висел изогнутый меч, за пояс был заткнут длинный кинжал. Родом он был из далекой горной страны Киммерии, и звали его Конаном.

Вслед за первым к песчаному берегу залива пристал еще один баркас. В некотором отдалении, не заходя в бухту, покачивалось на волнах судно гораздо больших размеров — пиратский парусник «Ястреб». Матросы потащили второй баркас к тем же зарослям. Его командир подошел к Конану, который внимательно наблюдал, как его люди прикрывают борта огромными пальмовыми листьями, дабы оградить баркасы от постороннего любопытного взора. Этот человек был типичным зингарцем — смуглым, с орлиным носом, тонкими губами и выступающим вперед острым подбородком, украшенным небольшой темной бородкой. Капитан Гонзаго был одним из самых удачливых и жестоких барахских корсаров; Конан уже около месяца служил у него в качестве первого помощника.

— Поторопи своих парней, — обратился к нему Гонзаго. — А потом собери их и иди следом за мной.

Конан кивнул в знак согласия и уже открыл было рот, чтобы рявкнуть на суетящихся у баркасов людей, как вдруг кто-то осторожно потянул его за рукав. Обернувшись, он увидел, что за его спиной стоит стигиец Мена.

— В чем дело? — недовольно спросил Конан. Он вообще с недоверием относился к стигийцам, а особенно не любил всяческих магов, чародеев и колдунов.

— Опасность... — еле слышно выговорил Мена. — Здесь в воздухе витает запах смерти...

— Держал бы ты лучше язык за зубами, — с неприязнью процедил киммериец. Он прекрасно знал, каким суеверным и плохо управляемым народцем были барахские пираты, как эти отчаянные храбрецы могли переполошиться от какого-нибудь неосторожно оброненного слова. Конан возражал против того, чтоб в экипаже остался стигиец — колдун он там или нет, а лучше держаться от таких людей подальше; однако капитан Гонзаго, видно, придерживался на этот счет другого мнения и к словам киммерийца не прислушался.

— Ну, скоро вы там? — зарычал подошедший к ним Гонзаго. — Ты что, не видишь, что через час стемнеет, а нам еще нужно успеть пробраться через весь остров к башне! Пройти по этим богами проклятым джунглям! Я же ясно сказал: подгони своих бездельников, а не то...

Киммериец счел нужным рассказать капитану о предчувствиях Мены. Гонзаго несколько притих и окинул стигийца внимательным взглядом.

— С чего ты взял, что здесь витает смерть? И какая? Кто может погибнуть и от чего? Выражайся яснее, приятель!

Мена лишь с сожалением покачал головой.

— Я кожей чувствую опасность, капитан, но ничего больше сказать не могу. И еще — очутившись здесь, я понял, что мы зря забрались на этот остров. Сиптах слишком могущественный чародей; похоже, я не сумею противостоять его колдовству.

Гонзаго в сердцах сплюнул и разразился замысловатым проклятием, помянув Сета, Нергала и всех черных богов. Киммериец в это время внимательно изучал окружавшие его лазурные морские волны, золотой песок, багровые отблески заката на вечернем небе. Опасность?.. Что бы там ни мерещилось стигийцу, он, Конан, пока опасности не чувствовал. Ну, разве что в подхихивавших к самому берегу мрачных зарослях джунглей — он знал,

что там могут скрываться кровожадные хищные звери и существа похуже, вроде гигантских змей или совсем маленьких, но столь ядовитых, что одно их прикосновение грозило неминуемой смертью. А еще были там засасывающие болотные трясины, лихорадка, вызванная укусом безобидного с виду насекомого, или же свистнувший из-за древестного ствола отравленный дротик туземца...

Но с подобной опасностью каждый из его людей встречался не раз и не два; в этом не было ничего необычного, из таких событий и состояла повседневная жизнь авантюристов-флибустьеров. А здесь пока все шло как по маслу: бухточка спокойная, погода — прекрасная, не видно никаких следов самого страшного хищника — того, что о двух ногах. Что же касается зверей, бегавших на четырех лапах, то по своему богатому опыту киммериец знал, что такие небольшие островки редко привлекают крупных и опасных хищников. Так что же почудилось этому недоумку-стигийцу? Кром, надо признаться, что иногда эти колдуны ощущают то, что недоступно чувствам простого человека...

2. Волшебный кристалл

Отряд пиратов, стремясь до наступления темноты миновать как можно большую часть дороги, быстро продвигался в глубь острова. Впереди шли два человека, прорубавшие длинными тяжелыми ножами путь среди густых зарослей; они также делали на деревьях зарубки, чтоб легче было найти обратную дорогу. Когда эта пара уставала, их сменяла следующая, поэтому двигались пираты с изрядной скоростью.

Пока ничто не говорило о том, что может подтвердиться мрачное предсказание Мены-колдуна. Пиратам не встречались звери более опасные, чем дикие полосатые свиньи, опрометью бросавшиеся при их появлении в кусты. Один раз они видели одинокую змею, но и та, мелькнув блестящим пятнистым телом, тоже мгновенно исчезла в зарослях.

Словом, все шло настолько успешно, что это начинало вызывать у Конана определенное беспокойство. А через

некоторое время пробудился внутренний инстинкт варвара, и Конан тоже стал ощущать что-то недоброе. В его голове промелькнула та же мысль, что и у Мены, — пожалуй, было бы лучше, если б Гонзаго не влезал в это подозрительное и странное дело.

Башня, к которой двигался пиратский отряд, возвышалась на берегу маленького безымянного острова близ побережья материка, где проходила граница между Стигией и Кушем, к югу от стигийской столицы Кеми. Ходили упорные слухи, что на этом островке обитает могущественный стигийский колдун Сиптах, что живет он там один в компании с множеством страшных сверхъестественных чудовищ, вызванных его заклинаниями то ли из неведомых глубин преисподней, то ли из других миров и эпох. Кроме того, среди пиратов Барахтанского архипелага считалось, что в башне, где живет этот маг, собрано огромное богатство — золото, серебро, драгоценные камни, поднесенные колдуну как плата за помощь или же как откуп от его враждебных заклинаний. Но капитан Гонзаго прибыл на этот остров не для того — или, скорее, не только для того, — чтобы разграбить эти несметные сокровища.

Одна из многочисленных легенд гласила, что в очень давние времена стигийский колдун похитил из древней гробницы в пустыне волшебный амулет, обладающий невероятным могуществом. Амулет этот представлял из себя большой прозрачный кристалл, на гранях коего были вырезаны таинственные письмена на никому не понятном языке. Корсары и морские торговцы на побережье Зингары, Аргоса и Шема верили, что Сиптах, обладатель магического кристалла, может благодаря ему повелевать не только духами четырех стихий — земли, воздуха, воды и огня, но и пришельцами с Серых Равнин, демонами, обитающими в подземном царстве.

Считалось, что те мореплаватели, что сумели выторговать доброе расположение Сиптаха, могли не беспокоиться за свои суда — их не подстерегали ни штормы, ни штили, им даже не были страшны морские чудовища, один вид которых леденил кровь. Однако стигийский колдун был жаден и ненасытен, и повелители Кордавы, Мессантий, Асгалуна и других крупных приморских го-

родов не постояли бы за ценой, чтоб овладеть его волшебным кристаллом. Тогда их корабли могли спокойно бороздить морские воды, не отдавая большую часть доходов и прибылей стигийскому чародею, поскольку все его заклинания имели силу лишь тогда, когда он пользовался волшебством магического камня.

Сейчас на побережье Западного Океана ходили упорные слухи о том, что Сиптах, вероятней всего, ушел из жизни — так как немалое время прошло с той поры, как он в последний раз требовал свою долю с морских торговцев. Если это и являлось пустым домыслом, то стигийский чародей в любом случае достиг невероятно древних для обычного человека лет. Впрочем, такие вещи никого не удивляли — разумеется, чародей первым делом старались направить свои таинственные способности на то, чтобы продлить отпущенные им годы.

Именно поэтому союз морских торговцев выбрал самых известных и отчаянных капитанов пиратских кораблей, чтобы нанять их для похищения магического кристалла и навсегда обезопасить плавание своих судов. Даже если стигийский колдун на самом деле мертв, волшебный камень следовало забрать из его башни — ведь если им завладел другой чародей, непомерные поборы снова легли бы на плечи морских купцов. К тому же алчность и злоба нового повелителя кристалла могли оказаться — хотя в это и трудно было поверить — еще более сильными, чем у ненасытного Сиптаха.

Выполнить эту сверхсложную и опасную задачу согласился только капитан Гонзаго из Зингары. Этот человек был не только дерзок и храбр, но также коварен и жаден. Поразмыслив, Гонзаго пришел к выводу, что волшебный камень может пригодиться и ему самому: зачем отдавать его морским торговцам, когда может найтись какой-нибудь маг или чародей, тоже желающий завладеть магическим амулетом, — а уж он-то куда более щедро сможет отблагодарить капитана!

При всем своем коварстве и жадности, глупостью Гонзаго не отличался. Камень полагалось заполучить любой ценой, даже если придется вырвать его прямо из рук стигийского чародея; но, разумеется, зингарец прекрасно понимал, на

что идет. Вступать в поединок с колдунами — крайне опасное и неблагодарное дело; мало кто из смельчаков, рискнувших встать им поперек дороги, сохранял голову на плечах. А потому, решившись на этакое дело, Гонзаго сам себе обещал, что будет крайне осторожен и благо-разумен.

3. Гибель стигийца Мены

Пожалуй, он принял окончательное решение лишь тогда, когда встретился по случаю в одном из портовых кабаков Мессантии со стигийцем Меной. Убедившись в его магических талантах, Гонзаго успокоился: теперь, дабы противостоять колдовству Сиптаха, у него под руками будет свой чародей. И капитан отдал приказ готовить свой парусник «Ястреб» к морскому походу.

Теперь, следуя за пиратами, прорубавшими путь в зарослях, он с удовлетворением думал о том, что правильно сделал, высадившись не рядом с башней Сиптаха, а на противоположном конце острова. Хотя переход сквозь джунгли и представлял определенную сложность, зато колдун — в том случае, если он еще жив — до поры, до времени не увидит приставшие к острову парусник и баркасы. Его люди, размышляя Гонзаго, никем не замеченные доберутся до башни, и останется только вломиться в нее или взять штурмом и заполучить волшебный кристалл. Ну, а если в придачу к камню они захватят и богатейшую сокровищницу колдуна, возражать против этого никто не станет — а уж он, Гонзаго, тем более!

Однако капитан был человеком предусмотрительным — иначе он не дожил бы до своих лет, занимаясь столь опасным ремеслом, как разбой и пиратство. Он полагал, что стоит избегать любых неожиданностей, и потому, когда отряд добрался до лесной опушки, за которой, уже совсем рядом, возвышалась молчаливая и мрачная башня, Гонзаго подозвал к себе Мену-стигийца и тихо спросил:

— Ты способен сотворить какое-нибудь колдовство, заставляющее нас от магии Сиптаха?

— Бряд ли, — покачал головой Мена. — Но я думаю,

что мне удастся на короткое время отвести его взгляд, и тогда вы сможете беспрепятственно добраться до башни.

— Это как тогда, при нашей первой встрече? — ухмыльнулся капитан, вспоминая тот портовый кабак, где стигиец демонстрировал ему свое колдовское мастерство. Мена кивнул. — Ну, что ж, это годится!

Стигиец, подобрав с земли десяток сухих веток, развел на поляне, где остановились на привал перед решающим броском пираты, небольшой костер. Люди Гонзаго с интересом и некоторой опаской следили, как он достает из своего мешка какие-то свертки и, пользуясь серебряной ложкой, отмеряет из каждого определенную долю разноцветных порошков. Потом колдун смешал вещество в медной чаше и поставил ее на прогоревшие угли. Вскоре из сосуда поползли вверх клубы густого дыма с едким запахом.

У Конана этот дым вызвал резь в носу и глазах. Варвар несколько раз чихнул и со злостью сплюнул на землю; ему все эти манипуляции совершенно не нравились. Куда лучше было бы неожиданным броском захватить башню и вспороть брюхо проклятому магу, а не пользоваться чарами другого и столь подозрительного колдуна. Но Гонзаго не спрашивал его совета, а приказы здесь отдавал именно он.

Стигиец Мена уселся, скрестив ноги, у затухающего костра и принялся бубнить какие-то заклинания. Сквозь окутывавшие его клубы густого дыма он выглядел точь-в-точь как древняя высохшая мумия; последние лучи солнца отражались от его гладко выбритого черепа, а в глубоких глазницах, подобных двум темным агатам, зловеще сверкали глаза. Через некоторое время речитатив стигийца перешел в едва слышный шепот.

Вдруг, резко оборвав заклинания, Мена подозвал к себе Гонзаго и произнес:

— Теперь ты должен покинуть эту поляну и увести своих людей, ибо завершение тайного обряда требует полной сосредоточенности. Мне нужно остаться одному.

Капитан не стал спорить, и пираты по только что вырубленному в джунглях проходу отправились назад. Отойдя на небольшое расстояние и обнаружив подходящую поляну, они попадали в траву и предались отдыху —

в ожидании, когда Мена-колдун закончит свои дела и позовет их обратно.

Шло время, дневной свет померк, над джунглями сгустились сумерки. И вдруг до пиратов донесся жуткий протяжный стон...

Конан и Гонзаго, отчаянно ругаясь, бросились к лесной опушке, где они оставили стигийца. Добежав до поляны, они застыли на месте: перед ними клубился дым, тлел костер, а около него лежало навзничь вытянувшееся тело Мены.

Когда Гонзаго осторожно перевернул его, он вздрогнул от ужаса и в сердцах помянул Нергала: горло Мены-колдуна было перерезано от уха до уха, и из страшной раны, жадно впитываемая палой листвой, покрывавшей поляну, хлестала кровь.

Гонзаго и Конан переглянулись. Эта ужасная смерть могла означать две вещи: либо Сиптах жив, и колдовство Мены не смогло противостоять его могущественным чарам; либо те демоны, что повиновались Сиптаху, и после его смерти продолжали выполнять хозяйскую волю. Как первое, так и второе ничего хорошего людям Гонзаго не сулило.

Охваченные ужасом пираты в молчании окружили окровавленное тело стигийца. Конан, который, несмотря на все свое мужество, с трудом сдерживал неприятную дрожь, подумал, что Мена-колдун не ошибся в своем последнем предсказании: в воздухе здесь в самом деле витала смерть.

4. Неприступная башня

Пираты, как и их командиры, тоже были охвачены смертельным ужасом, однако этим отчаянным головорезам и в голову не пришло бежать с острова, покинув его с пустыми руками. Гонзаго принял решение не откладывать штурм башни — возможно, надеясь на то, что острые клинки способны одержать верх над самыми могущественными чарами. Он повел за собой отряд: корсары, угнетенные загадочной гибелью колдуна Мены, двигались молча, лишь изредка обмениваясь отрывистыми фразами.

Впереди замыкал песчаный холм. Увязая по цико-

лотки в песке, Конан первым оказался на его вершине. В ночной тишине слышались лишь шум прибоя, стрекотание цикад да пронзительные крики чаек. С вершины прибрежной дюны в призрачном свете луны киммериец увидел тускло поблескивающие серебром волны, набегающие на берег.

На расстоянии нескольких десятков шагов в озаренном светом луны небе перед ним мрачной тенью выделялся силуэт башни — как указующий вытянутый вверх перст. Башня была очень высокой, цилиндрической формы, и поверху опоясанной широкой крытой галереей. С виду она казалась необитаемой, но было ясно, что когда имеешь дело с колдовством, тем более столь могущественным, доверять внешнему виду никак нельзя. Страшная смерть Мены не только лишила отряд магической поддержки, но и доказывала, что Сиптаху известно об их присутствии на острове. Люди Гонзаго не могли теперь воспользоваться преимуществом внезапного нападения, и им оставалось лишь идти на открытый штурм.

Пираты не собирались медлить: срубили несколько высоких тонких палм, привязали к ним поперечины из небольших, но толстых и крепких ветвей, чтобы использовать эти приспособления как осадные лестницы, и двинулись к башне. Но там их ждала неожиданность — подойдя вплотную к башне, они обнаружили, что обитель Сиптаха не имеет ни окон, ни дверей, ни вообще какого бы то ни было входа!

Высокие стены из черного шлифованного базальта вздымались в ночные небеса, и были они абсолютно гладкими, без малейшей трещины, выступа или отверстия!

— Клянусь рогами Нергала! — пробормотал киммериец. — Наверно, у этого колдуна есть крылья — иначе как же он попадает в свое проклятое логово?

— От Сиптаха можно ожидать чего угодно, — с раздражением бросил Гонзаго.

— А что, если зацепиться за паравет абордажным крюком? — предложил кто-то из пиратов.

— Не выйдет! Слишком высоко, — прошипел капитан.

Пираты с великим тщанием осмотрели окружающие башню скалы, но найти какую-нибудь трещину, напоми-

нающую скрытый проход в подземелье под стенами башни, им не удалось. Штурм пришлось отложить; нужно было придумать хоть мало-мальски разумный план.

Поразмыслив, Гонзаго приказал своим людям отойти обратно в джунгли.

— Все равно в темноте, да еще без нужных инструментов, сделать мы ничего не сможем, так что подождем до утра. И отходите подальше: не хватает еще, чтобы нас достала арбалетная стрела, если кто-то захочет побаловаться стрельбой с галереи.

Конан заметил, что отчаянные сорвиголовы Гонзаго восприняли этот приказ с видимым облегчением; несмотря на присущую им храбрость, все они понимали, как опасно в открытую нападать на могущественного колдуна, который, к тому же, смог сотворить себе столь неприступное убежище.

* * *

Чтобы не разбивать лагерь в том месте, где столь страшная участь постигла Мену-колдуна, пираты остановились у края джунглей, подходивших к самому берегу моря. Вокруг царил тишина; лишь волны с легким шорохом перекачивали мокрую гальку. Гонзаго послал двух матросов сообщить своему помощнику, аргосцу Борусу, оставшемуся на «Ястребе», что они задерживаются, а также, что им необходимы инструменты для штурма: топоры, багры, молоты и веревки. Следовало пополнить и запасы еды и вина. Посланцы отправились в путь, а остальные занялись сбором сушняка для костра. Когда огонь был разожжен, пираты расположились рядом и принялись уничтожать единственную имевшуюся у них пищу — вяленое мясо, запивая его остатками воды и жалуясь на нехватку как того, так и другого. Однако стоило появиться капитану, как недовольный ропот стихал: слишком хорошо все знали, сколь крут он бывает и в обычном состоянии, а сейчас Гонзаго был разозлен, и глаза его метали яростные молнии.

Расставив часовых и определив очередность их смены, Конан устроился в густой траве, прислонился к стволу пальмы и попытался заснуть. Однако сон долго не шел в эту ночь к киммерийцу.

Затих вдали гул прибоя, смолкли даже неутомонные цикады, и джунгли, казалось, словно притаились в ожидании чего-то страшного. Конан, как недавно Мена-колдун, тоже всем своим существом чувствовал: должно что-то произойти; что именно — он сказать не мог, но внутри него как будто сжалась тугая стальная пружина и обостренный, сродни звериному, инстинкт варвара подсказывал, что рядом затаилось нечто неведомое, жуткое и опасное. Перед тем, как заснуть, киммерийцу совершенно ясно представилось, что за ними наблюдает существо, находящееся совсем рядом.

5. Вещий сон

Когда Конану наконец удалось забыться тревожным сном, перед его затуманенным взором все равно маячил морской берег, где, вокруг костра, вповалку лежали его товарищи.

Одного из них — высокого, тонкого, похожего на аристократа зингарца — киммериец легко узнал: это был капитан Гонзаго.

В видении Конана капитан сидел у огня, завернувшись в широкий плащ и вперившись взглядом в догорающие угли. В этот момент из зарослей показалась некая темная фигура, также с головы до ног закутанная в плащ.

Киммериец не мог понять, кем был этот таинственный незнакомец, но было в нем что-то странное. Что именно? Непривычная удлинённая форма черепа? Непонятная согбенность? Горящие хищным звериным огнем глаза?.. Конан, наблюдавший в своем сне появление загадочной фигуры, понять этого не мог.

Капитан Гонзаго, не замечая ничего вокруг, продолжал недвижно сидеть, уставившись в огонь. Конан пытался окликнуть его, позвать, предостеречь, но, как часто бывает во сне, не мог ни шевельнуться, ни произнести ни звука.

Тем временем закутанный в плащ незнакомец бесшумно подкрался к не замечающему его Гонзаго и простер над ним длинные руки — не руки даже, а лапы, с когтистыми, как у хищной птицы, крючковатыми пальцами. Горло у Конана перехватило — то, что он принял

за складки темного плаща, на самом деле оказалось большими кожистыми крыльями. Теперь он разглядел, что таинственный незнакомец был похож на гигантских размеров летучую мышь. Мышь-вампира!

Ночную тишину пререзал ужасный вопль, и киммериец вскочил на ноги, не осознавая до конца, очнулся ли он или слышит крик во сне.

* * *

Пираты, разбуженные нечеловеческим протяжным воплем, повскакали, хватаясь за оружие и пытаясь сообразить, что же послужило причиной их внезапного пробуждения.

Все взгляды обратились в сторону костра, у которого, опустив голову на грудь и не обращая внимания на возникшую суматоху, продолжал неподвижно сидеть Гонзаго. Видно, сон капитана был очень крепок, если его не разбудил этот жуткий вопль!

Недоброе предчувствие заставило шевельнуться волосы на затылке варвара. Он подошел к Гонзаго, осторожно прикоснулся к его плечу, и капитан, не издав ни звука, словно тряпичная кукла повалился на бок. Теперь было понятно, из чьей глотки вырвался разбудивший всех ужасный вопль: мертвые глаза Гонзаго недвижно уставились в ночное небо с залитого кровью лица, а на шее, у самого подбородка, зияла страшная рана. Было похоже, что ее нанесла та же рука, что незадолго до этого перерезала глотку Мене; а значит, совсем рядом с ними на острове находился смертельно опасный враг.

6. Убийство при лунном свете

В эту ночь больше никто не спал: мало кого устраивало, чтобы ему, сонному и беспомощному, разорвали горло. Пираты подбрасывали ветви в догорающий костер до тех пор, пока пламя не взметнулось чуть ли не выше деревьев крон, а густые клубы дыма почти скрыли звезды и луну.

Конан не стал делиться с товарищами тем, что ему

снилось этой ночью; он понимал, что рассказ о жутком сновидении посеет еще большую панику среди перепуганных головорезов. А если они узнают о таинственном незнакомце с обличьем огромной летучей мыши и острыми длинными когтями, то ему вряд ли удастся сохранить остатки порядка и дисциплины.

После страшной смерти капитана Гонзаго командование отрядом перешло к киммерийцу; Борус, другой помощник капитана, продолжал оставаться на борту «Ястреба». Конан опасался, как бы руководство столь неудачно начавшейся экспедицией не оказалось непосильной ношей даже для его могучих плеч.

Расставив часовых и удвоив при этом их число, киммериец велел остальным пиратам отдыхать до рассвета, объяснив — не особенно надеясь, что ему поверят, — гибель Гонзаго нападением хищного зверя, который до сих пор мог бродить где-то рядом в джунглях.

В общем-то, он сам не мог сказать на сей счет ничего определенного. То, что он видел, являлось сном — и, возможно, ничем больше. С одной стороны, Конан, несмотря на инстинктивное недоверие ко всяческого рода магам и чародеям, всегда с вниманием прислушивался к толкователям снов, поскольку не раз убеждался, что они могут говорить истинную правду. С другой же, эта странная тварь с крыльями могла оказаться каким-нибудь уродливым творением демонических сил, неким чудищем, коими было столь богато недалекое от островка побережье Стигии. Кстати, пришло в голову киммерийцу, Гонзаго мог зарезать и один из сотоварищей-пиратов, затаивших на него обиду; капитан был жесток и со своими людьми не церемонился.

Но скорее всего, рассуждал Конан, таинственное видение из его сна являлось слухом Сиптаха; чародей, хозяин острова, как бы давал понять пришельцам, на кого они подняли руку. И какие еще страшные неожиданности ждут их здесь, среди безлюдья этого затерянного в океане клочка земли?

Сидя у костра среди бодрствующих и — что там говорить! — дрожавших от только что перенесенного кош-

мара пиратов, Конан никак не мог забыть свое пророческое ночное видение. Неожиданно мысли его получили подкрепление — ночную тьму снова разорвал дикий вопль ужаса и боли.

В который раз за эту ночь помянув Нергала и остальных темных богов, киммериец, обнажив клинок, вскопал на ноги. На фоне звездного неба он разглядел, что со стороны джунглей к лагерю стремительно приближается какой-то темный силуэт.

Когда он поравнялся с Конаном, тот облегченно вздохнул: на сей раз это был не загадочный незнакомец с крыльями и острыми когтями, а аргосец Фабио, стоявший на страже недалеко от лагеря. Но парень был бледен, как мертвец, и не мог выговорить ни слова, а лишь указывал дрожащей рукой в ту сторону, откуда сам появился.

Сообразив, что произошло что-то неладное, киммериец последовал за часовым по тропе, которую они прорубили сегодня вечером. Мрачная стена тропического леса и тревожные ночные запахи таили в себе неведомую и страшную опасность. Все чувства Конана были напряжены и обострены — словно у тигра, крадущегося за добычей. Наконец Фабио остановился и снова вытянул вперед трясущуюся руку.

Призрачный лунный свет озарял тела двух человек; они лежали на земле навзничь, уткнувшись лицами в густую и влажную траву. Конан нагнулся, но, даже не перворачивая трупы, он уже знал о причине смерти людей — как и о том, кто они. Это были те два матроса, которых Гонзаго послал на «Ястреб» за инструментами и продовольствием. Видимо, не ведавший жалости монстр подстерег их на обратной дороге, так как рядом с ними валялись наполненные чем-то тяжелым мешки. Прикоснувшись рукой к трупам, киммериец понял, что убийство произошло совсем недавно: тела были еще теплыми. Кровь, хлещущая из страшных ран, не успела свернуться — и, судя по перерезанным глоткам несчастных, они погибли от той же руки или чудовищной лапы, что и две предыдущие жертвы.

7. Крылатая тварь

Конан вместе с Фабио вернулся к костру, где их поджидали товарищи. Аргосец видел, как произошло нападение и смог рассмотреть убийцу; все еще дрожа, как в лихорадке, он прерывающимся голосом рассказывал:

— Я видел, как это случилось, видел! Мне показалось, что к ним подкрадывается человек — высокий, с голым черепом, глаза кошачьи такие, сверкающие, огромные... Лицо только было странным — челюсти выдавались вперед, как у шакала... Сперва я подумал, что он закутан в широкий плащ, а потом он поднял руки, я пригляделся и понял, что это не плащ, а крылья — большие крылья, точь-в-точь как у летучей мыши...

— А роста он был какого? — спросил Конан.

— Огромный! Исполин, даже выше тебя!

— И что случилось потом? Не дрожи, рассказывай!

— У этой твари были длинные острые когти, она взмахнула лапой и перерезала парням глотки — обоим, одним махом... Потом подпрыгнула, взмахнула крыльями и испарилась, — облизывая пересохшие губы, завершил свой рассказ Фабио.

Конан не произнес ни слова; молчали, подавленные случившимся, и остальные пираты. Они впервые в жизни столкнулись с огромной крылатой тварью, способной в единый миг перерезать горло своей жертве.

— Как ты считаешь, Конан, это был сам Сиптах или же подвластный ему демон? — дрожащим голосом спросил кто-то.

— Если верить тому, что я слышал о Сиптахе, — тряхнув черной гривой волос, ответил киммериец, — он по виду обыкновенный человек, как мы с вами. Вот разве что колдовать за долгие годы выучился неплохо... Поэтому зверюга эта, скорее всего, один из его демонов, которых он вызвал с Серых Равнин или из стигийских подземелий, чтоб охранять свой остров. Или не из подземелий, а из очень древних времен... Он, говорят, и на такое способен! Только откуда бы эта тварь ни взялась, мне кажется, состоит она все равно из плоти и крови, а значит, ее можно прикончить. И заняться этим придется сейчас,

иначе она перережет глотки нам всем, одному за другим, пока мы не унесем ноги с острова проклятого колдуна.

— Но как нам подстеречь эту летучую мышь, если мы даже не знаем, где она прячется? — спросил смуглый невысокий шемит Абимаэль.

— Пока не знаем! Но разыскать ее логово нам так или иначе придется, другого выхода нет, — ответил Конан.

Какое-то время киммериец молча смотрел на пламя костра, обдумывая какую-то идею. Наконец он произнес:

— Похоже, что самое подходящее место для этой твари — башня Сиптаха. Ей-то как раз удобно обходиться без окон и дверей!

— Может, оно и так, — сказал Абимаэль, — но у нас ведь нет крыльев, и взлететь на галерею мы не сможем. А по-другому в башню попасть, похоже, нельзя.

Конан потянулся, словно огромный кот, по-волчьи оскалил в усмешке белые зубы; отблески пляшущих пламенных языков сверкали в его глазах.

— Если мы не сможем забраться в башню, значит, придется эту зверюгу оттуда выкурить.

8. Схватка у башни

Остаток ночи был посвящен кипучей деятельности, и когда над морем забрезжил рассвет, работа была завершена. К подножью башни пираты натащили большое количество пальмовых веток и стволов, а также выброшенных на берег и хорошо просохших больших коряг, из которых сложили что-то вроде сплошной насыпи высотой примерно в человеческий рост. Конан посчитал, что если развести такой костер и не жалеть хвороста, вряд ли какое бы то ни было живое существо сможет долго оставаться в башне — сильный жар и клубы дыма рано или поздно заставят его покинуть свою каменную берлогу.

А если крылатая тварь вылезет из убежища, при свете солнца ее можно достать оружием, стрелой или копьем. А потому киммериец предусмотрительно расставил вокруг

башни стрелков — так, чтобы ее вершина находилась под постоянным прицелом.

Монотонный шелест набегающих на берег волн словно приветствовал восход светила. Вскоре на горизонте показался край солнечного диска и, поднимаясь над морем, светлое око Митры окрасило остров в золотые и пурпурные тона. Затем первые рассветные лучи коснулись верха башни, Конан подал знак рукой, и пираты со всех сторон подожгли сложенную ими стену из дерева. Сухие сучья вспыхнули, и довольно скоро от кругового костра повеяло невыносимым жаром; вверх, окутывая башню и поднимаясь еще выше, в голубое небо, поползли густые клубы дыма.

— Тащите еще дров! — крикнул киммериец. — Побольше и посуше!

— Ну, сейчас эта тварь начнет поджариваться! — плотоядно ухмыльнулся Абимаэль, с усилием забрасывая в костер целый пальмовый ствол.

— Не торопи событий, — охладил его восторг Конан. — У башни очень толстые стены, и чтобы прокалить их как следует, надо гораздо больше времени. Но вот дым может сделать свое дело...

В этот момент один из стоявших недалеко лучников окликнул киммерийца, показывая рукой на вершину башни. Конан поднял глаза — на галерее показалась знакомая зловещая фигура. Летучая тварь, склонившись над парашетом, вперила в собравшихся внизу людей полный ненависти взгляд желтых звериных глаз. Киммериец удовлетворенно перевел дух: его план сработал! Дело оставалось за немногим — отомстить за погибших, прикончив отвратительного монстра.

— Цельтесь! — приказал он лучникам.

Но в этот момент пронесся всеобщий возглас изумления: чудовище на галерее расправило свои огромные крылья и взмыло в воздух.

Просистели выпущенные из луков стрелы, но цели ни одна из них не достигла: крылатая тварь, резко вильнув в сторону, сменила направление полета и камнем бросилась вниз.

Конан, прикрыв рукой глаза от солнца, вглядывался в пикирующее на них невиданное существо. Тело чудовища не было покрыто ни шерстью, ни перьями, ни чешуей — сухощавое длинное туловище туго обтягивала гладкая, как пергамент, синевато-бледная кожа. На груди выдавалось вперед что-то вроде килля, широкие крылья соединялись с этим треугольным наростом мощными мускулами. Череп монстра был заостренным и вытянутым, как у гадюки, а огромные кожистые крылья поднимались длинными конечностями, лишенными ладоней — из запястий торчали по три пальца, которые заканчивались острыми, похожими на стальные крюки, когтями.

Упав, как охотничий сокол, на одного из матросов, тварь вцепилась несчастному в грудь, раздирая ее чудовищными когтями. Конан, издав боевой вопль, подскочил к страшному противнику и, вложив в замах как можно больше силы, рубанул его по голове клинком. От этого молодецкого удара черепу монстра полагалось разлететься на куски, однако надежный меч киммерийца, встретившись с невероятно твердой черепной костью, переломился у рукоятки. Чудовище мотнуло головой и, оставив обливавшегося кровью пирата, развернулось к Конану. Первый удар когтистой лапы киммерийцу удалось отбить, и он ткнул обломком лезвия под сердце крылатому монстру — но без всякого результата; видимо, сталь опять встретилась на своем пути с твердой костью. Чудовищный противник Конана в мгновение ока разодрал когтями его плотную кожаную куртку и глубокими ранами располосовал ему грудь и руки. Один из взмахов лапы пришелся по лбу киммерийца, и из длинных порезов, заливая глаза, обильно потекла кровь.

Шемит Абимаэль, оказавшийся ближе других к своему командиру, нанес по телу крылатой твари несколько ударов палахом — но та не обратила на них никакого внимания. Конан, продолжая отчаянно сопротивляться, понял, что еще несколько мгновений, и ему придет конец.

Сквозь кровавую завесу, почти лишившую его возможности видеть, киммериец заметил, что остальные товарищи спешат к нему на помощь. Нужно было продержаться

совсем немного; как бы ни был неуязвим и живуч летающий монстр, ему не устоять под градом ударов, его просто сомнут и задавят. И действительно — узрев приближение превосходящих сил врага, тварь отпустила жертву и взмахнула крыльями, собираясь взлететь. Но Конан, только что думавший лишь о спасении, раздосадованный своим бессилием и разгоряченный схваткой, теперь не собирался упускать противника. Взревев, как раненый лев, он сцепил руки на шее чудовища, полагая, что позвонки не выдержат и переломятся под мощным захватом; однако под своими ладонями он ощутил не живую плоть, а нечто напоминающее каменный столп.

Монстр развернул широкие крылья, напряг мощные мускулы и взлетел, унося на своей спине так и не разомкнувшего пальцев варвара. Когда Конан понял, что случилось, прыгать вниз было уже поздно — они парили локтях в двадцати над берегом. Киммериец крепче ухватился за шею чудовища и бросил взгляд на столпившихся внизу пиратов — многие из них держали вскинутые вверх луки, но стрелять никто не решался.

Крылатая*тварь, описывая широкие круги, поднималась все выше и выше над прибрежными скалами, пока не достигла галереи на башне Сиптах. Конан увидел, что за невысоким парашютом находится площадка, вымощенная плоскими гладкими камнями. Остроконечная кровля башни опиралась на четыре колонны, сложенные из прочных базальтовых блоков; каждая колонна была украшена резьбой, изображавшей неведомых Конану созданий. На одной были существа с неясными очертаниями и множеством длинных гибких щупалец, на другой — когтистые твари, напоминающие змей, на третьей — злобно оскалившиеся, тарасили выпуклые глаза рогатые чудища. На последней же вздыбились перепончатые крылья двойники того монстра, на спине которого повис киммериец.

Подобно гигантской птице, монстр опустился на площадку между колоннами. Конан, не теряя ни мгновения, отпустил шею твари и, нащупав рукоятку кинжала, выхватил клинок из-за пояса. Варвар уже понял, что кры-

латое чудище почти неуязвимо для клинка, но кинжал был его единственным оружием, и отдавать свою жизнь просто так он не собирался.

Монстр взмахнул крыльями и, вытянув острые когтистые лапы, начал неумолимо приближаться к киммерийцу. Конан собрал все силы — после событий минувшей ночи их оставалось не так уж много — и приготовился к последнему удару.

И вдруг тварь яростно завопила от боли, взмахнув одним крылом, тогда как другое бессильно повисло: в ее плечо вонзился наконечник стрелы, удачно пущенной одним из барахских лучников. Радостные вопли, доносившиеся от подножья башни, показали Конану, что успех стрелка не остался внизу незамеченным. У киммерийца блеснула надежда: похоже, шкура и кости чудовища не были столь уж неуязвимы, как показалось ему в горячке схватки. Ну, а если его плоть уязвима, то и прикончить его можно — если, конечно, очень постараться.

Волоча за собой одно крыло, монстр снова двинулся к Конану. Какое-то время они, согнув ноги в коленях и не сводя друг с друга напряженных взглядов, кружили вокруг проема в центре галереи. Чувствуя, как слабеют силы от потери крови и страшного напряжения, киммериец готовился к решающему броску. Наконец он ринулся к чудовищу, нацелил лезвие в его сердце и с силой вонзил клинок. На этот раз удар достиг цели — кинжал погрузился в упругую плоть до самой рукояти. Взыв, словно раненая гиена, монстр на миг застыл, а потом, схватившись за рукоятку кинжала, забился на каменном полу в предсмертных судорогах. Через несколько мгновений все было кончено — дернувшись в последний раз, тварь вскрикнула и замерла. Вытирая со лба пот, обильно смешанный с кровью, киммериец внимательно следил, не подает ли она признаков жизни, однако тело чудища оставалось неподвижным.

Тогда Конан заглянул внутрь проема, где уходила вниз крутая винтовая лестница. Оттуда все еще поднимались струйки дыма; видно, разложенный пиратами

костер и в самом деле, как рассчитывал киммериец, выкурил монстра из его логова.

Но что еще может встретить пришельца в башне могущественного колдуна? Поскольку летать, как поверженный им противник, он все равно не может, решил киммериец, так или иначе придется спускаться по лестнице.

Он двинулся вниз и вскоре очутился в просторном округлом помещении. Комната эта была слабо, но равномерно освещена естественным светом, который проникал сквозь потолочные отверстия, отражаясь в полированных поверхностях зеркал из золота и серебра, развешанных по стенам. Комната выглядела роскошно убранной: пол, инкрустированный полированными пластинками ценного дерева, покрывали толстые пушистые ковры; такие же ковры с изображенными на них магическими знаками в виде пентаграмм и шестиугольников висели на стенах. В дальнем от Конана углу угадывались очертания какого-то изваяния; на каменном его лице застыла маска злобной ненависти, руки были угрожающе приподняты. Справа от статуи киммериец заметил ветхий пергаментный свиток, лежащий на тяжелой резной подставке черного дерева.

Первым делом он осмотрелся вокруг в поисках какого-нибудь оружия, однако ничего подходящего ему на глаза не попало. По периметру комнаты в нескольких местах висели тяжелые, украшенные богатой вышивкой портьеры, за которыми в каменных стенах, видимо, скрывались глубокие ниши или же двери в другие помещения. Наугад отдернув одну из занавесей, Конан застыл на месте от представшей перед его взором удивительной картины. В центре ниши находилось кресло с высокой спинкой, инкрустированной слоновой костью и золотом — рисунки, выполненные с большим мастерством, изображали гигантских змей, драконов и демонов. В самом же кресле сидел не кто иной, как всемогущий чародей Сиптах. Его выбритый череп обтягивала желтая иссохшая кожа, рот был приоткрыт, а широко распахнутые глаза смотрели прямо в лицо киммерийца.

9. Пленник магического кристалла

Конан поднял было кинжал, но, присмотревшись внимательнее, расслабил мышцы — маг и чародей был явно мертв. Правда, потянув носом, киммериец не уловил запаха разлагающейся плоти, но подумалось ему, что колдун, то ли благодаря какой-то особой атмосфере внутри башни, то ли в силу своих заклятий, не сгнил, а высох изнутри, превратившись в мумию.

На плечах неподвижной фигуры лежало темно-зеленое, касавшееся пола одеяние, высохшие костлявые пальцы сжимали крупный необработанный прозрачный камень, светившийся изнутри неярким ровным сиянием. Несомненно, это и был тот волшебный кристалл, ради которого привел своих людей на остров Сиптаха капитан Гонзаго.

Конан осторожно приблизился. На первый взгляд, кристалл не представлял собой ничего особенного: камень как камень, похож на горный хрусталь, вот разве что этот исходящий из него внутренний свет... Сколько же людей мечтали обладать этим сверкающим осколком, сколько было при этом потеряно жизней! Какой-то неведомый колдун заключил в этот камень демонов, владевших таинственными, страшными и могущественными силами... Киммериец понятия не имел, как вызвать их оттуда, да и не очень-то жаждал это знать, ибо жизнь давно приучила его к тому, что колдовское знание опасно. Ничего хорошего от любой вещи, хоть как-то связанной с чародейством, ждать не приходилось.

Невеселые размышления Конана внезапно нарушил какой-то посторонний звук. Резко обернувшись, он увидел, что к нему, вытягивая когтистые лапы, ковыляет тот самый жуткий монстр, которого он оставил недвижимым — и, как думалось, мертвым, — на верхней галерее. Видимо, тварь оказалась куда более живучей и нашла в себе силы спланировать через проем в нижнее помещение. В груди чудовища по-прежнему торчала рукоять кинжала, в плече — древко стрелы. Разумеется, здесь не обошлось без колдовства; ни один человек или существо из плоти и крови, имея такие раны, выжить бы не смог.

Крылатая тварь, злобно шипя, приближалась к без-

оружному варвару. Конан лихорадочно огляделся и, схватив тяжелую деревянную подставку, с которой упал пергаментный свиток, обрушил ее на голову монстра. От сильного удара оружие киммерийца разлетелось на куски, тварь же пошатнулась и отпрянула назад, но уже через мгновение, трясая головой, снова пошла в атаку. Череп у нее был проломлен, из жуткой раны ручьем хлестала кровь, но она двигалась и была еще опасна. Киммерийца поразила невероятная живучесть этого страшного создания — похоже, в схватке с поистине бессмертной тварью ему не устоять... И вдруг, словно дар Митры, в голове варвара блеснула спасительная мысль.

Ну, что ж, почему бы не попробовать! — решил он. Отступив на несколько шагов, Конан проскользнул в нишу, где восседала в кресле мумия стигийского колдуна, и, выхватив из костлявых пальцев светящийся кристалл, швырнул его в приближающегося монстра.

Однако, как ни точен был бросок Конана, истекавшая кровью тварь сумела увернуться, а кристалл, описав в воздухе широкую дугу, ударился о каменный пол и, с ослепительной вспышкой, разбился на мириады мелких осколков. В тот же миг монстр, уже тянувший страшные когти к горлу киммерийца, дико взвыл и, как подрубленный, свалился на пол. Дальше произошло невероятное: тело чудища вспыхнуло, и сквозь клубы повалившего дыма варвар видел, как крылатая тварь обращается в прах — именно так разлагался бы любой труп, но только в тысячу раз медленнее. Но сейчас все закончилось стремительно, и вскоре на полу, повторяя очертания крылатого тела, осталась горстка серого пепла, в которой лежали нетронутые адским пламенем кинжал киммерийца и стрела.

10. Сокровища стигийского колдуна

Солнце уже стояло высоко в небе, когда над парпетом башни Сиптаха показалась голова Конана. На лице варвара запеклись потеки крови, грудь и плечи были исколотосованы глубокими ранами.

Он махнул рукой товарищам, которые оставались внизу, и сбросил с перил веревку, связанную из висевших в нижнем помещении занавесей; на конце веревки болталась небольшая, прикрытая сверху корзина. Затем киммериец спустился сам, взметнув при приземлении кучу пепла. Костер, разложенный пиратами у подножья башни, уже погас, и угли остыли.

— Ну, что уставились? — хриплым голосом рявкнул Конан остолбеневшим пиратам. — Хоть бы кто догадался поднести своему вождю глоток воды!

Со всех сторон к киммерийцу потянулись фляги с вином — пираты хорошо знали, чем предпочитает смаковать пересохшую глотку их командир. Конан с жадностью припал к вину, утоляя первую жажду. Подняв голову, он заметил, что среди пиратов стоит аргосец Борус, под чьим началом оставался парусник.

— После того, как двое парней, которых Гонзаго прислал за инструментами, рассказали мне, что творится на берегу, я решил, что неплохо будет подойти к логову колдуна со стороны моря, — сказал Борус. — Но расскажи скорей, что случилось с тобой в башне?

— Все расскажу, дайте только перевязать отметины этой проклятой твари!

Недолгое время спустя киммериец сидел на поваленном стволе пальмы и, запивая красным барахским вином огромные куски хлеба с сухим сыром, вел свой рассказ.

— Я и охнуть не успел, а тварь уже обратилась в прах! Наверное, такие чудища бродили здесь в давние времена, на заре мира, когда и человека-то еще не было, а Сиптах оживил ее своим заклятьями, чтобы использовать как стража от непрошенных гостей. Колдун давно сдох, а монстр продолжал, подчиняясь колдовству, выполнять его волю.

— А это, — указывая на корзину, разочарованно протянул Абимаэль, — это все, что тебе удалось найти в башне?

— Да нет, там есть еще мебель и ковры, но их ведь в корзине не спустишь. Только чем ты недоволен, Абимаэль? По-моему, здесь хватит не только на щедрую плату

каждому, но еще и на добрую попойку в Порт-Тортаже останется!

— Может, там все же были какие-нибудь тайники? — спросил Фабио.

— Может, и были, да только я их не обнаружил. Вообще-то я и сам думал, что золотишка Сиптах за долгие годы сумел накопить побольше, но в корзине все, что попало мне на глаза. Наверное, колдун спрятал драгоценности где-нибудь на острове, но искать их нет смысла: не имея карты, мы можем копаться здесь до окончания веков.

Конан сделал еще один хороший глоток и взглянул на высившуюся неподалеку громаду башни.

— Мне кажется, что эту башню выстроил не Сиптах — она была на острове задолго до его появления. Разве стал бы чародей устраивать себе такое жилище? Без окон, без единой двери? Но зато эта берлога прекрасно подходит для летающих тварей — наподобие нашего приятеля.

— Сиптах держал в подчинении этого крылатого монстра своими заклятьями? — спросил один из пиратов.

— Похоже на то, — согласился киммериец. — Тварь явно была связана с кристаллом — ведь после того, как камень разбился, она обратилась в прах.

— А может быть, — пожал плечами Абимаэль, — эта летучая мышь была не таким уж и злым существом. Ведь все, что она делала, совершалось по велению Сиптаха.

— Разницы, по большому счету, никакой, — хмыкнул Конан. — Сражаясь с этим созданием, я пару раз попрощался с жизнью. Демон, он и есть демон... Ну, а сейчас нам самое время возвращаться на корабль. Держи курс прямо на Барахи, Борус. И предупреждаю: если кому-то взбредет в голову разбудить меня — до того, как я проснусь сам, — негодяй пожалеет, что не попался в лапы крылатой твари!

ГРОЗА НАД ЧОХИРОЙ

1

Вековой лес застыл в настороженном и чутком молчании. Ветер шумел в древесных кронах, играл среди ветвей, покрытых легкой, почти прозрачной дымкой весенней листвы, и их шелест казался единственным звуком, тревожившим лесную тишину. Живые обитатели дремучих чащоб смолкли, ощущая, что в их владениях появились опасные и неожиданные пришельцы.

Спустя некоторое время со стороны дубовой рощи раздался шум. Мерный топот, звон и бряцание доспехов, негромкие голоса свидетельствовали, что оттуда приближаются люди, причем их много и они вооружены.

Внезапно — и совершенно бесшумно — в стороне от воинского отряда на поляну из зарослей вынырнул высокий, мощного сложения человек. Его необъятную грудь прикрывала стальная кольчуга, под откинутым забралом шлема можно было разглядеть синие, сверкающие холодным огнем глаза, спутанную гриву черных волос и смугловатое лицо, опаленное более жарким, чем в этих краях, солнцем. С осторожностью проскользнув на прогалину, он внимательно осмотрелся; потом его ноздри затрепетали, будто все чувства — зрение, слух, обоняние — были напряжены в попытке избежать неведомой опасности. Затем великан махнул рукой, и тут же из-за кустов появился еще один мужчина — среднего роста, стройный, светло-волосый и молодой. Знаки различия на его доспехах

указывали, что он полусотник легиона Золотых Львов — отряда пограничной стражи Аквилонского королевства.

Любому, увидевшему этих двух людей, сразу бросилось бы в глаза различие в их повадках и поведении. От синеглазого гиганта, который был родом из далекой Киммерии, страны лесов и гор, несмотря на испытываемое им напряжение, исходили флюиды уверенности и силы, тогда как молодой аквилонский полусотник тревожно оглядывался по сторонам и то и дело с нервозностью передергивал плечами.

— Арно, мой командир, велел узнать, может ли отряд продвигаться дальше, — обратился он к своему старшему товарищу. Потом, еще раз обведя взглядом окрестности поляны, добавил: — Мне кажется, тут все тихо, капитан Конан.

— Вот именно, что тихо, — буркнул тот, кого называли «капитаном Конаном». — Я бы даже сказал, слишком тихо! В весенний полдень в лесу в ушах должно звенеть: птицы, мелкое зверье, насекомые и всякая прочая тварь... А здесь — тишина, как в могильном склепе. Это не к добру!

— Может, наш отряд распутал зверей? — предположил аквилонец.

— Может, наши люди, Флавий, а может, и пикты. Правда, следов их я пока не вижу... — Конан задумчиво нахмурился и, повернувшись к полусотнику, спросил: — Кто-нибудь из разведчиков уже вернулся?

— Нет, но лазутчики графа Лусиана утверждают, что осмотрели лес самым тщательным образом и что пиктов поблизости нет.

Губы Конана скривила усмешка, похожая на волчий оскал.

— Кром! Ну, разумеется! Я еще удивляюсь, почему они не сказали, что пикты вообще убрались из Конаджохары! Скоро эти парни станут уверять, что размалеванные дикари пришли в дрожь при одном только виде нашего отряда и...

Младший из воинов в изумлении приподнял брови.

— У тебя, мой капитан, есть основания не доверять разведчикам графа?

— Полностью я доверяю своим людям — да и то лишь тем, кого хорошо знаю. А откуда мне известно, что за ублюдков послал в лес Лусиан? И можно верить их словам?

— Но... но... неужели ты допускаешь, что граф Лусиан, наш командующий, мог отправить отряд напрямик в ловушку?

Лицо киммерийца застыло, словно отлитая из бронзы маска.

— Этого я не говорил, Флавий. Только повидал я на своем веку достаточно, чтоб ничьи слова просто так не принимать на веру. Запомни это, парень, и, ради Крома, держи язык за зубами! А сейчас отправляйся к капитану Арно. Скажешь ему вот что... — Вдруг Конан сделал паузу и тут же воскликнул: — Погоди-ка! Вон как раз один из бездельников Лусиана. Я с ним потолкую.

На поляне появился еще один человек, в кожаном аквилонском доспехе с металлическими накладками на груди и плечах.

— Ну? — коротко буркнул Конан.

— Мы прошли вдоль всей Южной Протоки, не обнаружив ни единого следа пиктов, — доложил разведчик. — На флангах — тоже ничего! Протока уже прямо перед нами.

— Это я и сам вижу, — резко ответил киммериец.

Вскинув взгляд, Флавий действительно обнаружил, что впереди, меж зарослями кустарника, можно рассмотреть серебристые светлые блики на поверхности воды. Лазутчик графа Лусиана, не сказав больше ни слова, исчез, словно лесная тень.

Прошло недолгое время, и за спинами Конана и молодого полусотника послышались шаги, а затем на поляне появился авангард аквилонского отряда — похоже, капитан Арно, не дождавшись от них известий, принял решение выступить. Более сотни воинов шли узкой тропой по двое в ряд, стараясь не нарушать лесную тишину треском сучьев и звоном металла. Половина из них, се-

веряне-гандерландцы, были вооружены прочными копьями и щитами, а тела их прикрывали длинные, до колен, чешуйчатые кольчуги. Вторую половину отряда составляли стрелки, в основном уроженцы Боссонских Топей, издавна славящихся своими лучниками. Боссонцы обычно сражались во второй линии, выпуская из-за спин копеечников град смертоносных стрел длиной в добрых три локтя.

Капитан Арно, предводитель гандерландских копьеносцев, вытирая со лба обильную испарину — солнце стояло в зените — подошел к киммерийцу.

— Мои darmosedы нуждаются в отдыхе, Конан. Видишь, у них уже языки лежат на плечах.

— После такой небольшой прогулки? По-моему, ты распустил их, Арно! Если б они побегали так, как я гоняю своих людей, это пошло бы им на пользу! Ну, теперь жалеть о том нечего, придется сделать привал. Только предупреди их: пусть сидят тихо, как мыши. Иначе, коль разведчики Лусиана ошиблись и поблизости есть хоть один пикт, вся их свора будет знать, сколько нас и куда мы идем.

— Что поделаешь, не все столь неутомимы и сильны, как ты, капитан Конан, и твои боссонцы, — усмехнулся Арно. — Приходится вести войну с такими солдатами, какие есть. — С этими словами он отправился к своим бойцам.

— Помыслить не могу, зачем мы разделили наше войско? Да еще в таких гибельных местах? — глядя ему вслед, раздраженно бросил киммериец. — Попомни мои слова, Флавий: немало жизней мы потеряем из-за этого безумного приказа!

— Но ведь сам граф Лусиан, наш военачальник... — начал было молодой аквилонец.

— Думаешь, военачальники не могут отдавать безумных приказов? — рявкнул Конан. — Похоже, твой граф не имеет понятия, как нужно воевать с пиктами! А я давно прошел эту науку — и на собственной шкуре! Самое главное, узнать побольше о них, вывести, где они прячутся, а потом, собрав всю силу в кулак, ударить в

плотном строю! И еще: коль не имеешь над пиктами численного превосходства, лучше вообще не соваться в их леса. Ну и, конечно, надо выбрать для атаки подходящий момент... А когда в лес посылают всего полторы сотни воинов из целого легиона, не подумав об их прикрытии и дороге для отступления... — киммериец резко взмахнул рукой и закончил: — Это нам дорого обойдется, вот увидишь, Флавий! Пикты могут собрать больше тысячи человек... намного больше, я полагаю!

Конан в сердцах сплюнул и нахмурился. Вся эта затея с самого начала представлялась ему весьма сомнительной и опасной. Однако в армии аквилонского короля было не принято обсуждать приказы полководцев — в чем киммериец убедился, около года пробыв в Аквилонии наемником и дослужившись до капитанского чина. Но коль ясно видишь все гибельность и безрассудство затеянного... если видишь это и не можешь исправить... Кром! Он уже жалел, что согласился принять участие в этом безумном походе, а тут еще нелепый приказ, согласно коему власть разделена между двумя капитанами, между ним и Арно... Конечно, Арно — храбрый и испытанный солдат, тут не скажешь ничего плохого, но он не воевал прежде с пиктами! Откуда у него возьмется нужный опыт? Да и вообще, двоевластие в военной экспедиции скорее приведет к гибели и поражению, чем к победе...

Конан повернулся к Флавию и буркнул:

— Пора выступать! Скажи своему капитану, чтобы он поднимал гандерландских неженков.

Отдых закончился. Под палящими лучами полуденного солнца аквилонские солдаты по узкой лесной тропе направлялись к Южной Протоке, которая отделяла провинцию Чохиру от занятой сейчас пиктами Конаджохары. Когда отряд достиг реки, Конан, шагавший вместе с Флавием во главе колонны, приказал своим бойцам наполнить водой фляги. По-прежнему ничто не нарушало тишину лежавшего по обоим берегам протоки густого леса — до тех пор, пока молчание не было нарушено уханьем совы.

Резко обернувшись, киммериец приказал:

— Перестроиться в каре — и поживее! Копейщики — вперед, лучники — во вторую линию! Готовьтесь к отражению атаки!

Флавий, хлопая глазами, удивленно спросил:

— В чем дело, капитан? Тебя напугал крик совы?

— А ты слышал, парень, чтоб сова вопила днем?! — прорычал киммериец. — Сейчас начнется!.

И, как бы подтверждая его слова, тишину разорвали воинственные возгласы. То был боевой клич пиктов.

2

Видно, аквилонские солдаты были не такими уж неженками и дармоедами, да и гарнизонные тренировки не прошли для них даром — в мгновение ока длинная, как змея, колонна превратилась в оцетинившийся копьями квадрат. За первыми рядами гандерландцев — которые, опустившись на одно колено и прикрываясь щитами, воткнули древки своих копий в землю — стояли, держа наготове луки, боссонские стрелки.

Аквилонцы едва успели выровнять боевой порядок, как из-за близлежащих деревьев на них ринулась орда размазанных дикарей. На них не было никакой одежды, кроме набедренных повязок и сапог из невыделанных шкур; в длинных черных волосах, схваченных в пучок на затылке, торчали разноцветные перья птиц. Вооружены они были большей частью кремневыми топорами и копьями, изредка сверкало стальное лезвие меча — военного трофея, захваченного некогда в форту Тусцелан.

— Да поможет нам пресветлый Митра! — вскричал Флавий, поворачиваясь к Конану. — Ты был прав — их здесь не меньше тысячи!

— Сосчитаешь потом, коль останешься жив! А сейчас становись вон в тот угол! — приказал полусотнику киммериец, бросаясь к другому углу каре.

Пикты с пронзительными угрожающими воплями приближались к боевым порядкам аквилонцев. Несколько дикарей уже были поражены стрелами, другие, не считав скорости бега, сами напоролись на выставленные

вперед наконечники копий; прочие же задержались перед опетинившейся сталью шеренгой. Все попытки проскользнуть под копьями гандерландцев закончились смертью чересчур сообразительных дикарей.

Под взмахами конанова клинка один за другим валялись на землю воины в боевой раскраске; боссонские стрелки заученными движениями отправляли в атакующих стрелу за стрелой, и мало какая из них не находила цели. Прошлогодную листву под ногами сражавшихся заливали потоки крови — в основном, пиктской.

Но вот над полем боя послышался протяжный зов берестяного рожка — то был сигнал к отступлению. Однако захваченные азартом схватки дикари не сразу слышали этот звук; кровь их кипела, и каждый стремился ворваться первым в аквилонские шеренги. Вожди громкими криками и руганью все же заставили соплеменников отойти назад, и вскоре нападающие — петляя, чтобы уберечься от стрел, — начали отступать в сторону леса, неся на плечах раненых товарищей.

Около пяти десятков дикарей остались лежать возле аквилонского строя, у ног гандерландцев. Конан, вытирая со лба смешанный с кровью пот, ткнул пальцем в двух воинов:

— Вы, парни, осмотрите всех, кто валяется тут, раненых — добейте! Хороший пикт — мертвый пикт, — бросил он Флавию, потом опять повернулся к солдатам. — Всем остальным — держать строй! Тех, кто ранен, немедленно перевязать! И вытаскивайте из трупов дикарей стрелы — нам они, я чувствую, еще пригодятся.

— Но почему они все-таки отступили? — удивленно спросил Флавий. — Ведь даже теперь дикари превосходят нас числом по меньшей мере в десять раз!

— Кром! Думаешь, я знаю? Как бы это не оказалось ловушкой... Вот почему сейчас нельзя расслабляться... Ни на миг!

Откуда-то издали донеслась барабанная дробь. Пыл недавней схватки угасал, солдаты переводили дыхание, передавали друг другу фляги с водой, подкисленной вином. Внезапно Конан заметил, что кое-кто из гандерлан-

дцев спасаясь от жары, снимает шлем и пытается сбросить кольчугу. Придя в ярость, он заорал:

— Эй, недоумки! Вы бы еще штаны стянули! Ну-ка, прекратите! Доспехи — ваша жизнь! А кто снимет их, получит от пиктов подарок — стрелу в брюхо! Если раньше я сам не сворочу поганцу челюсть!

Восстановив порядок, Конан направился к Арно посоветоваться.

— У пиктов сейчас вместо покойного Зогар-Сага новый шаман — Сагайета, его племянник, — сказал он. — Хитрая bestия! Кровожаден и упорен, как оголодавший волк! Он от нас не отстанет! И потому я думаю, что барабаны, который мы слышим, предвещают новую атаку.

— Ты бы поменьше толковал о шаманах, Конан, — с утробным видом произнес Арно. — Не хватает только, чтоб наши храбрецы слышали о них и решили, что им придется иметь дело с колдовскими силами.

— Они должны об этом знать и быть готовыми, — возразил Конан. — Пикты бессильны против нашего оружия — недаром же мы заняли всю восточную часть их земель! Вот им ничего и не остается, как прибегнуть к колдовству.

— Земля пиктов перешла к нашим поселенцам по закону, — Арно явно не понравились слова варвара. — На каждый земельный надел у них есть грамота с подписью короля Нумедидеса, с его печатью и знаками пиктских вождей, продавших землю!

— Ну, разумеется! — язвительно отозвался Конан. — Не сомневаюсь, что вождей, поставивших эти знаки, для начала хорошенько подпоили, а под конец сунули им пару-другую медных браслетов. Впрочем, дикари и в трезвом-то виде мало что понимают в подобных делах... И хоть я не испытываю к пиктам дружбы, ярость их мне понятна. — Он бросил взгляд в сторону лесной опушки и усмехнулся: — Ну, хватит о землях и грамотах! Сейчас нам нельзя терять времени. Выступаем немедленно, и пусть по краям колонны идут копьеносцы — так мы сможем быстрее перестроиться в случае тревоги.

Отряд двинулся вперед, но не прошло и нескольких

мгновений, как отдаленный грохот барабана смолк. Наступившая тишина казалась зловещей.

Но вдруг ее нарушил громкий вопль, потом еще один, столь же ужасный. Строй аквилонцев содрогнулся — двое солдат, корчась в страшной муке, повалились на землю. А сверху, с нависающих над тропой ветвей громадных деревьев, на них падали истинные исчадия ада — чудовищные змеи со смертоносными жалами, длиной в семь локтей и толщиной с мужскую руку. Число их казалось бесконечным; ужалив одну жертву, они, стремительно извиваясь, ползли к следующей. В рядах аквилонских воинов вспыхнула паника.

— Не стойте, как истуканы! — заорал Конан. — Рубите их, рубите! Вы что, ублюдки, забыли про свои мечи?! Ну-ка, за дело! И держать строй!

Сам киммериец прикончил нескольких гадин, но их было слишком много. И вот первый солдат, отбросив лук, бросился бежать, а за ним — еще один, и еще... Яростные крики и ругань Конана, грозившего беглецам всеми возможными карами, не помогали; не помог и его меч, и удары плашмя, которыми он попытался задержать бегущих. В краткие мгновения железный строй аквилонской пехоты превратился в беспорядочную толпу, в скопище людей, в страхе бросавших оружие и мчавшихся куда глаза глядят — куда угодно, лишь бы избавиться от несущего смерть ужаса.

И, как довершение этого кошмара, из-за стволов деревьев выскочили размалеванные дикари. Теперь им не составило большого труда расправиться с аквилонцами, потерявшими разум от боли и страха.

Ядовитые змеиные зубы достали капитана Арно — он лежал на земле, его тело сотрясилось в предсмертных судорогах, а душа уже ступила на тропу, ведущую к Серым Равнинам. Солдаты разбежались, падая под ударами пиктских топоров; жужжали стрелы с кремневыми наконечниками, воздух дрожал от стонов, воплей и боевого клича дикарей. Битва кончилась, началась резня.

Конан огляделся вокруг и понял, что поражение неизбежно. Не поражение — полный разгром! Его солдаты

были обречены и стоило подумать о собственном спасении. И о спасении тех, кому он еще мог помочь.

Неподалеку Флавий рубился с двумя пиктами.

— Ко мне! — закричал киммериец. — Пробивайся ко мне!

Уклонившись от удара топора, Флавий сумел достать одного из противников мечом и, отпрыгнув, очутился рядом с Конаном.

— Что делать, капитан? — Лицо его исказилось в отчаянии. — Что будем делать?

— Только одно — выбираться из этой резни. Если хочешь остаться жив, держись за мной, парень!

Обнажив мечи, они принялись пробиваться сквозь толпу дикарей, падавших вокруг словно колосья под серпом жнеца. Никто из них не мог устоять против воинского мастерства Конана, никто не мог соперничать с ним силой, свирепостью и быстротой. Через несколько мгновений, прорубив себе кровавую дорогу, они бросились бежать — обратно, по той самой тропе, которая привела сюда отряд. Их никто не преследовал; дикари добивали раненых аквилонцев, с опаской избегая места, где недавно стоял их несокрушимый строй. Там вместо пиктских копий и секир уже поработали смертоносные змеиные зубы.

3

Стараясь производить как можно меньше шума, Конан и Флавий осторожно пробивались по берегу протоки. От раздавшегося вдруг громкого всплеска молодой полусотник вздрогнул и вопросительно посмотрел на киммерийца.

— Это бобры, — прошептал Конан. — Их слух гораздо тоньше человеческого — они учуяли нас и теперь хлопают хвостами по воде, предупреждают об опасности. Взгляни-ка! Вон там, впереди, над водой видна их плотина.

За этим сооружением, на противоположном берегу протоки, перед беглецами простиралась довольно большая поляна, а в ее центре торчал огромный, высотой в два человеческих роста, вертикально поставленный валун, в

котором, присмотревшись, можно было различить грубые контуры человеческой фигуры. Рядом с ним был другой, значительно меньший по размеру камень, похожий на алтарь.

— Это Поляна Совета, — прошептал киммериец. — Когда пикты властвовали в здешний краях, их вожди, старейшины и шаманы собирались тут для обсуждения своих дел. Теперь, когда они снова захватили эти земли, они непременно придут сюда. Видишь, тут стоит их идол! И я думаю, что после разгрома нашего отряда им будет о чем потолковать, а нам — о чем послушать. Если спрятаться за бобровой плотиной...

— Нас увидят, капитан, — запротестовал Флавий, — это ведь почти рядом с капищем!

— А мы сделаем так...

Конан обломил пару зеленых ветвей и сорвал несколько белоснежных водяных лилий, укрепив затем этот своеобразный букет на своем шлеме.

— Но так мы замаскируем лишь головы, а как же тела?

— Поток рядом с запрудой мутный, там нас никто не заметит.

— Ты хочешь сказать, капитан, что мы залезем по шее в воду?! Но не известно ведь даже, появятся здесь пикты или нет...

— Ничего страшного, постоим, сколько понадобится. По мне так лучше схватить простуду, чем потерять голову. Молодой аквилонец тяжело вздохнул.

— Наверное, ты прав, капитан Конан.

— Разумеется. Если я хотя бы раз ошибся, моя голова давно уже служила бы украшением хижины какого-нибудь пиктского вождя.

Не тратя более времени на разговоры, Конан зашел в протоку и направился к бобровой запруде, примерно на локоть выступающей над поверхностью воды. Флавий без колебаний последовал его примеру, положившись на опыт старшего своего товарища. Вода у самой плотины достигала им до подбородков, и в ее тени их головы и шлемы, прикрытые зеленым камуфляжем, были почти незаметны.

— А теперь нам действительно придется подождать, — промолвил Конан. — Ты как считаешь, сможешь просто-яť здесь не двигаясь, пока солнце не опустится на ладонь?

— Придется! Ведь ты сам сказал, что другого выхода у нас нет.

Киммериец лишь приподнял уголок рта в одобрительной усмешке.

Предвечернюю тишину нарушало лишь кваканье лягушек, которые приостановили было свой концерт при появлении людей, но вскоре успокоились и принялись с новой силой выводить звонкие рулады. Солнце клонилось к западу, бросая на поверхность воды у плотины алые отблески; казалось, что в мутный поток вплетены струйки крови. Вдруг Флавий приглушенно охнул.

— В чем дело? — недовольно прошептал киммериец.

— Кто-то впился мне в ногу, — так же тихо ответил полусотник. — Больно!

— Тоже мне, страдалец! Это всего-навсего пиявки. Ничего с тобой не делается, всю кровь они из тебя высосать не успеют.

Но Флавий был на этот счет несколько другого мнения и попытался избавиться от присосавшихся к его ноге кровососущих тварей. В этот самый момент Конан выдохнул:

— Тихо! Не шевелись! Пикты! Вот они!

Из леса на поляну вышла группа дикарей, еще не смывших с тел устрашающей боевой раскраски. Они оживленно и шумно что-то обсуждали — вероятней всего, подробности недавней битвы и своей победы. Флавия поразила их непосредственная, едва ли не детская радость — судя по рассказам старых воинов, людей бывалых и опытных, пикты отличались угрюмым нравом и совсем не любили лишних разговоров.

Вскоре на Поляне Совета сгрудилось множество людей, среди коих большую часть составляли вожди и шаманы, отличавшиеся своими одеяниями от простых воинов, облаченных только в сапоги из шкур да набедренные повязки. По раскраске и перьям в волосах можно было

понять, что сюда пришли предводители племен Волка, Ястреба, Черепахи, Рыси и Ворона. По-прежнему слышались радостные возгласы и смех, многие прикладывались к бурдюкам и флягам с кислым вином.

— Посмотри, — тихо сказал Флавий, — здесь пикты из нескольких разных племен, и они отлично ладят друг с другом, хотя еще недавно были смертельными врагами.

— Им ничего не оставалось, как объединиться и за-быть про междоусобицы, иначе дикарям не под силу противостоять Аквилонии. И если б все племена по ту сторону Громовой реки смогли бы договориться, наш достойный король расстался бы с большей частью этих земель. Неважно, присоединил ли он их по закону или нет.

Внезапно киммериец, склонившийся к уху Флавия и говоривший шепотом, едва удержался от изумленного возгласа. На поляне появились два человека, выделявшиеся по виду из общей массы размалеванных дикарей. Один из них был шаманом — его длинную кожаную накидку украшали звериные хвосты, причудливый головной убор казался составленным из искусно подобранных птичьих перьев. Второй же носил обычную одежду аквилонских пограничных стражей — потертую кожаную куртку с металлическими защитными бляхами, штаны и сапоги.

— Клянусь Кромом! — прошепел киммериец. — Ты узнаешь Эдрика, лазутчика графа Лусиана? Проклятый изменник! А рядом с ним — Сагайета, новый шаман пиктов!

Дикари почтительно расступились перед новопривышними, которые подошли к плоскому камню-алтарю. Тот, в ком Конан узнал человека Лусиана, медленно и раздельно заговорил на хайборийском, обращаясь к собравшимся, а стоявший рядом шаман переводил его слова.

— Вы только что убедились, что великий военачальник, благородный граф Лусиан выполнил свое первое обещание: привел аквилонский отряд в указанное вами место. Теперь вы можете не сомневаться, что вся провинция Чохира, как и обещал граф, снова перейдет в ваши

руки. Но за это придется заплатить: вашему верному и благородному другу нужна сейчас третья часть тех денег, которые были обещаны ему за неопенимую помощь в возвращении исконных ваших земель.

Шаман закончил переводить речь Эдрика, сделал небольшую паузу и добавил еще несколько слов — явно от себя.

— О чем он говорит? — спросил Флавий, не знавший языка пиктов.

— Он дал согласие на выплату этой суммы. Сейчас придут его люди с деньгами... Смотри же, вот они!

Четверо пиктов, вышедших из леса, с трудом тащили на плечах огромный тяжелый сундук, висевший на толстой, похожей на бревно палке. Они поставили свою ношу на землю, Эдрик подошел к ней и поднял окованную медью крышку ящика. Запустив в него обе руки, он вытащил горсть монет, полюбовался на блеск золота и высыпал деньги обратно.

— Откуда у дикарей взялось это сокровище? — прошептал удивленный Флавий. — Ведь собственную монету они не чеканят, и в торговле с нами очень редко берут деньги. Им нужны украшения, ткани и оружие, а не бесполезные желтые кругляши!

— А ты разве не узнаешь этот сундук? В казначействе Аквилонии такие обычно используют для перевозки звонкой монеты. Думается мне, что в этом было жалование солдат из форта Тусцелан — его так и не успели выдать накануне штурма.

— Но Лусиан, граф Лусиан, наш военачальник! Как мог он, потомственный нобиль, продаться пиктам?

— Хмм... У меня есть на сей счет кое-какие предположения, Флавий.

— И Эдрик, Эдрик! Неужели мы допустим, чтобы предательство сошло с рук этому гнусному шпиону?! — Флавий гневно стиснул кулаки. — Мне кажется, я смогу добраться до его горла прежде, чем дикари успеют поднять оружие!..

— Только попробуй, и пожалеешь, что родился на свет! Ты разве не понял, как важно нам добраться до

Велитриума и сообщить то, о чем мы здесь узнали? Эти сведения куда дороже жизни какого-то ублюдка! А потому держи-ка язык за зубами, приятель, да нагни пониже голову — хоть теперь пиктам не до нас, но осторожность все ж таки не помешает.

Тем временем пиктские воины, сгибаясь под тяжестью сундука, удалились с поляны, сопровождаемые Эдриком. Шаман Сагайета взобрался на плоский алтарный камень и начал длинную торжественную речь, в которой превозносились доблесть и мужество пиктов. Столпившиеся вокруг дикари встречали его слова торжественным гулом и радостными воплями, а затем пустились в странный причудливый танец, движения которого как бы имитировали их действия во время недавней битвы. По рукам снова пошли бурдюки с вином, пляска становилась все более дикой и необузданной, и спустя некоторое время все пикты, включая шамана, валялись точно бревна на траве Поляны Совета.

Выждав еще немного, дабы убедиться, что опасности больше нет, Конан велел Флавию следовать за ним, и беглецы с превеликой осторожностью двинулись к берегу. Солнце село; в наступившей ночной тишине, которую по-прежнему нарушало только лягушье кваканье, киммериец быстро пробирался вперед по узкой, почти незаметной лесной тропинке. Молодой полусотник был не так ловок; он то и дело спотыкался о выступающие из земли корни или задевал ствол дерева, пока не понял, что ему лучше всего идти по следам капитана, который, похоже, мог видеть в темноте как лесная кошка. Казалось, сам гигант-варвар не ведал усталости, однако заметив, что его менее выносливый спутник начал задыхаться, выбившись из сил, Конан остановился, дав ему время отдохнуть. Впрочем, утомление не заставило неутомного аквилонца прекратить свои бесконечные расспросы.

— Так почему же граф Лусиан оказался предателем? Ты говорил, что догадываешься...

— Ну, это довольно просто, парень. Ведь после того, как пикты захватили Тусцелана, графу, как команду-

щему легионом пограничной стражи, фактически стала подчиняться вся Конаджохара.

— И что с того? Конаджохара! Невелик почет! Глушь, дикие нравы, дикие люди... Это всего лишь небольшой кусок побережья Громовой реки. Три бедные провинции — Конавага, Чохира да Орискония, всего один город...

— Я про то и говорю. Губернаторы соседних провинций станут требовать у короля, чтобы земли Конаджохары были поделены между ними — и мне кажется, что наш добрый Нумедидес не станет этому препятствовать. И что тогда останется Лусиану? Большая часть его владений отойдет к Боссону, а тамошний губернатор Тасперас — злейший враг Лусиана. Теперь понимаешь, отчего нашему графу выгодно сдать пиктам Чохиру? Он подложит свинью Тасперасу, а кроме того, получит огромные деньги! В гарнизоне Тусцелана была тысяча воинов, а жалованье они не получали целых полгода! Прикинь, какую сумму это составляет! А всему Велитриуму известно, что Лусиан более всего на свете любит играть в азартные игры и ставки делает крупные. В последнее время ему, наверно, больше везет в любовных делах, чем в игре, и за ним значатся огромные долги, так что Сагайета подвернулся ему очень кстати.

— Но если Чохира снова перейдет к пиктам, что же будет с теми, кто там живет? Кто получил там землю?

— Думаешь, Лусиан из-за того ночами не спит? Его одно заботит — благополучие и процветание собственной персоны. И в том, как я полагаю, он мало отличается от остальных ваших нобилей...

— Ты не прав, капитан! Вот ты упомянул губернатора Боссона — он никогда бы не сделался предателем!

— Про барона Таспераса я и в самом деле не могу сказать ничего дурного. Он даже оставил в пограничье своих людей — после того, как пал Тусцелан, и присланные нам на подмогу войска остальных губернаторов были отозваны. Но вообще-то я не доверяю аристократам: они, как шакалы, рвут себе богатства да владения, а случись какая беда, удирают первыми. Ну, а что касается предательства Лусиана... Тут палка о двух концах! Ди-

кари-то, наоборот, считают его деяние благородным — едь он вернул им земли, которые Аквилония получила обманным путем.

— Не могу понять, капитан — ты с таким презрением говоришь об аквилонцах, и в то же время поступил на королевскую службу. Да еще рискуешь ради нас жизнью в этих гибельных местах, — в недоумении произнес Флавий.

— С чего ты взял, что я вас презираю? Нет, Флавий, в твоей стране я встретил множество достойных людей, но, видишь ли, немногие из них принадлежат к знати. А жизнью я рискую, если уж говорить начистоту, не ради вас — просто я привык хорошо делать свое дело. Ведь я команду наемниками и чаще всего продаю меч не тому, на чьей стороне правда, а кто больше мне заплатит. Но пойдем! Если мы будем и дальше молоть языками, то не успеем до рассвета выбраться из этого проклятого леса. Пошли!

4

Конан и Флавий, в обществе двух наспех одетых и, видимо, только что поднявшихся с постели мужчин, сидели в небольшой, освещенной масляной лампой комнате в казармах Велитриума. Тяжелый дневной переход под лучами палящего солнца, последующее сражение с пиктами, долгие часы, проведенные в холодной воде, — все это совершенно не отразилось на состоянии варвара, тогда как его молодой спутник был полностью измотан. И потому Флавий почти не принимал участия в разговоре, с трудом удерживаясь, чтобы не заснуть прямо за столом. Двое других аквилонцев резко отличались друг от друга: один из них был коренастым человеком с седой бородкой и покрытым шрамами смутным лицом; второй — аристократического вида высокий юноша, на плечи коего спускались длинные локоны светлых волос. Собравшиеся обсуждали события прошедших дня и ночи.

— То, что ты рассказал, звучит очень странно, капитан Конан, — заговорил молодой блондин. — Граф Лу-

сиан — один из знатнейших нобилей Аквилонии, и поверить, что он продал свою страну, жизни наших солдат за пиктское золото... Нет, это совершенно невозможно!

Киммериец презрительно пожал плечами.

— Верить или не верить — твое дело, Лаодамас, однако Флавий тоже свидетель этому. Он видел и слышал все!

— Как ты считаешь, Глико, — обратился Лаодамас к седому воину, — имеем ли мы дело с изменой, или у них обоих просто помутился разум?

— Мы действительно услышали сейчас невероятные вещи, — после некоторой паузы ответил тот. — Но ты ведь знаешь, что полусотник Флавий — достойный молодой командир, а Конан из Киммерии дослужился в нашей войске до чина капитана и не единожды доказал свое мужество и верность. А вот граф Лусиан известен мне намного меньше, ибо он командует нашим легионом не так уж давно.

— Но граф Лусиан — аристократ! Знатный нобиль! — воскликнул Лаодамас.

— Великое дело! — фыркнул киммериец. — Просто смех берет, до чего вы, люди благородной крови, уверены, будто наследственный титул, как щит, оберегает аристократа от слабостей и пороков, присущих нам, простым смертным! Ты еще молод, Лаодамас, и вот тебе мой совет: присмотрись-ка хорошенько кое к кому из своих собратьев, и ты узнаешь о них такое...

— Но даже если все, что ты наговорил, было бы правдой... Да подожди! — воскликнул юноша, заметив блеснувший в глазах Конана гнев. — Подожди, я ведь не сказал, что это ложь! Но ты представляешь, в каком мы оказались положении? По-твоему, мы сейчас отправимся к командующему легионом Золотых Львов и с порога скажем, что он — гнусный предатель, а мы завылись, чтобы заточить его в темницу? Так?

Киммериец скривил угол рта в недоброй усмешке.

— Не считай меня глупее, чем я есть на самом деле, Лаодамас. Разумеется, необходимы доказательства — и они у нас будут! Например, пройдоха Эдрик с четырьмя

пиктами, которые тащат Лусиану тяжеленный ящик с золотом... Ведь должен же наш благородный граф получить то, что честно заработано! Мы с Флавием старались добраться сюда побыстрей и почти не отдыхали — видишь, парень совсем выбился из сил, — а та компания движется не так проворно и, я думаю, не раз отдыхает у своего сундука. Так что мы успеем перехватить их прежде, чем кровавое золото будет доставлено по назначению.

Выслушав эту речь, седобородый Глико хмыкнул с одобрением, и Лаодамас, поколебавшись, кивнул головой.

* * *

Ночь уже близилась к концу и на востоке уже вспыхнули рассветные зарницы, когда киммериец и трое аквилонских военачальников подошли к небольшой пристани, около которой на волнах Громовой реки раскачивались несколько небольших лодок. От вод уже поднимался предрассветный туман, звезды тускло мерцали на бледнеющем небе. Было очень тихо; лишь изредка плескала волна да терся о причал лодочный борт. И потому, когда совсем рядом внезапно раздалось уханье совы, все вздрогнули. Но Конан лишь покачал головой: на этот раз они на самом деле слышали голос ночной птицы.

Ждать им пришлось недолго. Заря еще не успела разгореться, как киммериец прислушался и предостерегающе поднял руку.

— Похоже, это они... Быстро в укрытие!

Стараясь не шуметь, все четверо затаились под пристанью — более удачного места, чтобы остаться незамеченными, здесь не нашлось. Теперь и спутники Конана слышали скрип уключин и мерный плеск весел, что становился все ближе и ближе. Вскоре из сумрака выплыла неясная тень — к пристани приближался челнок, и над его бортами виднелись расплывчатые силуэты людей. Их было пятеро.

Когда лодочка достигла берега, один из сидевших в ней выпрыгнул на доски причала и привязал ее, тогда как остальные, кряхтя от натути, принялись вытаскивать

из лодки какой-то большой и, судя по всему, на редкость тяжелый предмет. Подставив плечи под толстый шест, на котором была укреплена эта ноша, они потащили ее за пятым своим товарищем, шедшим налегке. Сидевшие в засаде заметили, что на плечах носильщиков болтались плащи аквилонских солдат — вероятно, перед тем, как отправиться речной дорогой, пиктов сменили доверенные люди Лусиана.

Когда процессия приблизилась к укрытию перед ней, как призрак, явившийся с Серых Равнин, выросла могучая фигура киммерийца.

— Всем стоять! — рявкнул он. — Стоять, или вам конец!

Спутники Конана уже приближались с обнаженными клинками, стараясь отрезать пути к отступлению. Но изменники оказались проворней — они успели сбросить с плеч тяжелый сундук и стремглав бросились к своему суденышку. Один из них перерезал веревку, а остальные, попрыгав в челн, тут же схватились за весла. Однако их командир — а это был Эдрик, находившийся на пару шагов дальше от лодки и тоже попытавшийся спастись бегством — был менее удачлив. Он споткнулся о валявшийся на пристани ящик, и длинный меч Конана уколол его в шею.

— Попробуй только шевельнуться — и это будет твоим последним движением в жизни, — холодно сказал киммериец и повернулся к спутникам. — Преследовать остальных нет смысла, нам вполне достаточно этого пса. Ты ведь не станешь скрывать, Эдрик, кто заманил наших солдат в ловушку? Не сомневаюсь, что у тебя найдется еще много такого, о чем стоит рассказать. Не правда ли, приятель?

Изменник угрюмо молчал. Конан бросил на него взгляд, не предвещающий ничего хорошего.

— Ладно, у нас еще будет время для беседы. — Он убрал меч и махнул рукой трем аквилонским военачальникам. — Пошли! Отведем его в казарму и допросим.

— Послушай, Конан, — обеспокоенно сказал Флавий, — как же мы дотащим этот сундук? Его несли

четверо здоровых парней, а нам еще надо присматривать за этим мерзавцем.

— Свяжи ему для начала руки ремнем — его собственным, конечно. И следи за ним хорошенько! Ну, а что касается сундука... — Тут киммериец толкнул побледневшего предателя к Флавию, а сам потянулся, как огромный кот, и расправил плечи. — Попробуйте-ка приподнять его с земли, — кивнул он к Глико и Лаодамасу, — так мне будет сподручнее.

Напрягая все силы, два аквилонца, подставив плечи под жердь, с немалым трудом оторвали тяжеленный груз от досок пристани. Конан согнул спину, примерился — и, взвалив ящик на плечи, резко выпрямившись, встал.

— Великий Митра! — протянул изумленный Лаодамас. — Если бы я не видел этого своими глазами, никогда б не поверил, что человек способен поднять такую тяжесть!

— Ваше дело — не упустить Эдрика, — буркнул киммериец. — И пошли скорее — не могу сказать, чтобы мне нравилось тащить на хребте этот груз, хоть он и был бы чистым золотом!

Вскоре по улицам Велитриума в предрассветных сумерках двигалась странная процессия: впереди Лаодамас и Глико вели между собой связанного изменника, а Флавий, шедший за ними, время от времени подгонял Эдрика, покаяваясь между лопатками острием клинка. Последним, сгибаясь и пошатываясь под своей неподъемной ношей, шел гигант-киммериец. Когда они достигли казармы, у часового от удивления отвисла челюсть, но, узнав командиров, он проворно распахнул перед ними ворота.

5

Ящик опустили посреди комнаты в казарме легиона Золотых Львов; рядом с ним на табурет был усажен Эдрик со связанными за спиной руками. Четверо военачальников разместились вокруг него.

— Итак, доказательства перед тобой, Лаодамас, — с трудом переводя дыхание, проговорил киммериец. Потом

он обратился к Эдрику: — Ну, приятель, будешь говорить сам, или мне хорошенько попросить тебя об этом? Я, знаешь ли, знаком с некоторыми способами убеждения, которые обычно используют твои друзья пикты.

Пленник угрюмо молчал, опустив голову.

— Прекрасно, — с хмурой усмешкой произнес Конан, — не хочешь по-доброму, не надо. Флавий, — обратился он к полусотнику, — ты отобрал у него нож? Дай-ка его мне. Не люблю портить свой клинок, — пояснил он остальным. — Когда сталь раскаляется докрасна, это не идет ей на пользу.

По лицу Эдрика разлилась смертельная бледность.

— Я все скажу, — прошептал он сдавленным голосом. — Ты, варвар, и в самом деле не остановишься ни перед чем... Так вот: все началось с того, что наш барон, губернатор Орисконии, предложил мне с приятелями немалые деньги, коль мы поможем ему в одном деле... в таком, что в случае его успеха Чохира была бы возвращена пиктам. Мы в своей провинции не очень-то интересуемся судьбой других земель, а монеты мне были нужны... И дураком же я был, что согласился! Когда имеешь дело с благородными, ничего хорошего не жди. Эти чванливые свиньи...

— Эй, придержи-ка свой грязный язык, пес! — возмутился Лаодамас. — Как смеешь ты облаивать родовитых людей! Я вырву твой язык и...

Лаодамас не закончил свою угрозу: нетерпеливым жестом оборвав его, Конан велел Эдрику продолжать. Лазутчик признался, что он со своими людьми по приказу графа Лусиана заманил аквилонский отряд в засаду, подстроенную дикарями. Граф, по словам Эдрика, желал доказать пиктам, что обещанное выполнит — иначе он не получил бы денег, в которых очень в тот момент нуждался.

— А устроил ловушку шаман Сагайета, — добавил Эдрик. — Этот проклятый колдун ведает заклинания, благодаря коим подчиняются ему эти жуткие пиктские гадуки. Говорят, заклатья эти таковы, что душа Сагайеты вселяется на время в тело владыки змей...

Киммериец почувствовал, как при упоминании о гигантских ядовитых тварях по спине его потянуло морозом.

— Как ты считаешь, — обратился он к Эдрику, — зачем Лусиан собирался отдать Чохиру дикарям?

— Понятия не имею, — пожал плечами разведчик. — Мне, как и благородному графу, были нужны деньги, а остальное меня не слишком интересовало...

— И зря, между прочим. Если б ты немного пошевелил мозгами, то сообразил, что наш достойный граф тебя в живых не оставит. Ни тебя, ни других, кто мог бы разболтать о его измене.

Эдрик побледнел еще сильнее.

— Великий Митра! Об этом я не подумал... — прошептал он.

— То, что этот тип — предатель, мы поняли, — вмешался в разговор Лаодамас. — Но что, если он врет и наговаривает на графа Лусиана, чтобы выгородить себя?

— Ну, конечно! Ведь благородный нобиль просто не может быть способен на гнусный поступок! — взорвался киммериец. — А отряд он послал на смерть по чистой случайности! Скажи, Глико, ты знаешь, сколько вернулось наших?

— До вчерашнего вечера к своим пробились человек тридцать. Я надеюсь, что кто-нибудь еще блуждает по лесу и доберется в Велитриум позже.

Конан грохнул кулаком по столу.

— Тридцать человек! — проговорил он срывающимся от гнева голосом. — А было их больше сотни, гандерландцев и моих боссонцев! Я знал каждого своего бойца, учил их воевать, делил с ними кусок лепешки и глоток вина! А капитан Арно! Хоть не был он моим другом, но таких опытных и храбрых солдат немного найдется во всей аквилонской армии! Я отомщу за него и за своих людей! Отомщу Лусиану! Как бы он не заметал следы, за свое предательство он ответит сполна, я уж об этом позабочусь! — Глаза Конана сверкнули и погасли; затем, повернувшись к аквилонцам, он сказал: — Ну, хватит болтовни! Теперь нам пора действовать. Глико, Лаодамас, отправляйтесь к своим сотням — нам потребуется два

десять надежных солдат, которым вы полностью доверяете. Предупредите их, что мы нашли измену среди самых высоких людей, и пусть они будут готовы выполнить любой ваш приказ и подчиняются только вам. А ты, Флавий, отведи Эдрика в темницу, и пусть его заперут в одиночной камере. Встретимся на рассвете, на плацу.

— Послушай, Конан, — начал Лаодамас, — я готов согласиться с твоим планом и участвовать в деле, но почему, собственно, ты принял на себя командование? В конце концов, я потомственный нобиль и стою в списке военачальников легиона не на последнем месте...

— Покомандовать хочешь, сопляк?! — внезапно рыкнул молчавший до сих пор Глико. — И про список еще вспомнил! Между прочим, я стою в нем повыше тебя! Так что слушай мой приказ: нашим командиром будет Конан! Он раскрыл это грязное дело, и он доведет его до конца.

— Но все же... — не унимался Лаодамас. — У графа в подчинении столько людей! Мы обвиним его в предательстве, а он в ответ назовет изменниками нас. Кому поверят солдаты? Они нас без суда повесят, как заговорщиков!

— Вот мы и посмотрим, кому поверят, — спокойно сказал Конан.

* * *

Когда в назначенное время на плацу перед казармами выстроились, возглавляемые десятниками, солдаты Лаодамаса и Глико, Конан рассказал им, для чего их здесь собрали, и кто был виновником происшедшей вчера в пиктском лесу резни. Затем, велел четверым самым здоровым парням нести драгоценный сундук, он повел людей к резиденции графа Лусиана.

Командующий пограничной стражей Конаджохары располагался в роскошном особняке в центре города, окруженном садом. На улицу выходила открытая терраса, к которой вела широкая лестница о двенадцати ступенях; в теплое время ее покрывал ковер. У лестницы стояли стражи. Когда Конан со своим отрядом приблизился к дому, двое часовых заступили ему путь.

— Нам нужно видеть графа Лусиана. Если вы не желаете пропустить нас в дом, вызовите его сюда! — потребовал киммериец.

— Графу не нравится, когда его тревожат так рано, — со смущенным видом сказал часовой. — Он еще, пожалуй, не одет...

— У меня важное дело! — рывкнул Конан. — Не сомневаюсь, что ради него граф поторопится. Зови его сюда, приятель, да побыстрее!

Заметив по утрюмым решительным лицам солдат, что те не склонны к шуткам, охранник скрылся за дверью. В это время к террасе подвели жеребца в богато украшенной сбруе, отделанной серебряными бляшками. Киммериец не мог не залюбоваться великолепной статью животного.

— Это конь графа? — поинтересовался он у второго стража.

— Да, капитан. Благородный граф Лусиан перед завтраком обычно ездит верхом, — ответил оставшийся у входа часовой.

На террасу вышел посланный к Лусиану охранник и доложил:

— Граф просит подождать, капитан. Сейчас у него брадобрей и...

— Копыта Нергала! Ты что, не понял меня, приятель? У нас срочное дело, и если граф не соизволит немедленно выйти к нам, мы войдем к нему сами.

Часовой снова отправился в дом, и на сей раз доклад его возымел нужное действие — двери распахнулись, и в дверях появился граф Лусиан. Его и вправду заставили прервать утренний туалет: он был обнажен до пояса, на шее висело полотенце из тончайшей льняной ткани. Граф Лусиан был коренастым человеком среднего роста и не первой молодости; некогда он отличался большой силой, но сейчас мышцы его заплыли жирком и одрябли. Длинные усы, обычно напомаженные и воинственно торчащие вверх, сейчас неопрятно свисали до подбородка.

— Что случилось, капитан? — спросил он крайне недовольным тоном. — По какой причине меня беспокоят

в столь неурочный час? И затем, у меня совершенно нет времени! Принеси-ка табурет, — обернулся он к часовому. — Пусть капитан излагает свое дело, а цирюльник завершает свою работу. Ну, так что ты имеешь сказать, капитан... Конан, если не ошибаюсь?

— Для начала мы кое-что покажем, граф! — Киммериец махнул рукой, и по лестнице поднялись четверо солдат, сгибаясь под тяжестью огромного, окованного медью сундука. Опустив его на украшенный мозаикой пол террасы, они снова присоединились к своим товарищам, ожидающим, по указанию Конана, внизу.

Других доказательств не требовалось — увидев сундук аквилонского казначейства, в котором перевозилось золото, граф Лусиан побледнел как полотно и изменился в лице. Руки Глико и Лаодамаса непроизвольно потянулись к рукояткам мечей.

Киммериец отбросил крышку ящика, ослепительно-яркие лучи утреннего солнца заиграли в золоте монет. Граф нахмурился, тогда как часовые не могли оторвать замороженных взглядов от содержимого сундука.

— Игра¹ закончена, Лусиан, — решительно сказал киммериец. — Этот сундук — доказательство твоей измены. Не знаю, что сделает с тобой король, когда ему доложат о предательстве, а свое слово я скажу сейчас: нельзя представить поступок гнуснее, чем совершен тобой. Ты послал на гибель собственных солдат — воинов, преданно исполнявших твои приказы и жизнью заплативших за твою подлую измену!

Лусиан, все еще ошеломленный и молчаливый, лишь непроизвольно облизнул пересохшие губы.

В глазах Конана сверкнули презрение и ненависть.

— Нам известно, что пикты передали для тебя это золото, захваченное ими в Тусцелане. И у нас есть признание твоего человека, Эдрика. Оно полностью тебя изобличает. Арестовать его!..

При этих словах граф вскочил с табурета и, вырвав из рук цирюльника тазик, плеснул мыльной водой в глаза Конану. Затем, натужившись так, что вздулись жилы, он ухватился за край стоявшего у самой лестницы сун-

дука и опрокинул его. Из ящика посыпался вниз сверкающий дождь золотых монет.

Солдаты Конана, не ожидавшие такого поворота событий и в жизни не видевшие столько золота, попытались остановить драгоценный ручеек и не дать ему растечься по улице. Пока киммериец протирал залитые мыльной пеной глаза, а воины подбирали монеты, Лусиан во всеобщей неразберихе проскользнул мимо них, скатился по лестнице и, взлетев в седло гарцевавшего у крыльца скакуна, бешено дернул поводья. В следующий миг жеребец, вздымая клубы пыли, понесся прочь, унося изменника-графа.

Очнувшийся от столбняка Лаодамас закричал своим солдатам, чтоб бежали в казарму да отрядили верховую погоню. Но Конан остановил его.

— Поздно, Лаодамас! Нам его не догнать — у Лусиана лучший скакун во всей Конаджохаре. Да, собственно, нам он не столь уж нужен — главное, что мы от него избавились. О его измене мы сообщим королю, и пусть сам владыка думает, что делать с графом. Возможно, что достойный нобиль отделается лишь ссылкой в другую провинцию. Нам же сейчас надо остановить пиктов! Если они захватят Чохиру, прольются реки крови!

Затем Конан повернулся к солдатам, ползавшим на коленях у лестницы.

— Быстро подберите монеты и отнесите сундук в казарму! А потом мы займемся делами посерьезней — попробуем, во имя светозарного Митры, сохранить Аквилонии этот край, а людям, населяющим его, — жизнь.

6

— Одно дело сражаться против пиктов, даже если их и больше в несколько раз, и совсем другое — эти их гадюки, что падают с деревьев, — сказал Глико. — Моих людей сильно напугали рассказы солдат, уцелевших после того страшного боя.

— Так вести войну не по правилам, — поддержал седобородого капитана Лаодамас. — Я никогда не трусил

в открытом бою, но змеи — это уже слишком! Надо бы выманить дикарей из леса на равнину — кавалерия разнесет их там в клочья, а стрелки закончат дело. К тому же и со змеями на равнине будет легче справиться...

— Посмотрел бы я, как ты их туда выманишь, — усмехнулся Конан. — Ведь всякому ясно, что на Чохиру пикты пойдут через Южную Протоку. А там равнин нет, там — сплошные леса.

— Но равнина есть вокруг форта Скондар, — не сдавался Лаодамас. — Мы можем перегруппировать наши силы, занять оборону около крепости, и тогда мои кавалеристы...

— Как ты не понимаешь, что пикты не станут драться там, где не смогут использовать свое преимущество? Мы что же, так и будем сидеть за крепостными стенами и ждать, когда они пожалуют к нам? Ждать придется долго — пока они не выжгут всю Чохиру и утопят ее в крови!

— А ты что предлагаешь? — спросил Глико.

— Я послал в лес своих разведчиков, надежных парней. Они выяснят, в каком месте дикари собираются преодолеть протоку. Вот там мы их и встретим.

— Но змеи?.. — продолжал свое Лаодамас.

— Дались тебе эти змеи! Можно подумать, ты собрался играть в игрушки, а не воевать! Чтобы избавиться от змей, надо прикончить Сагайету, только и всего! И этим придется заняться мне, другого выхода у нас нет.

* * *

Поляна Совета находилась на самом берегу протоки, там, где она замедляла свое течение и разливалась настолько широко, что вокруг возникли небольшие заболоченные озерца. Река здесь мелела, и поэтому множество тропок и дорожек сходились к месту, служившему удобной переправой.

Конан вывел свой отряд на большую прогалину на опушке леса. Как обычно, впереди шли копьеносцы с тяжелыми щитами, за ними — лучники, охватившие по-

лукругом край поляны. Кавалерия Лаодамаса встала на правом фланге.

Киммериец обходил воинский строй, проверял снаряжение солдат, немудреными шутками пытался приободрить их, снять напряжение перед боем.

— Ты не забыл выделить людей, которые займутся факелами? — спросил он у Глико.

— Они уже почти готовы, — ответил седой капитан, указывая на группу воинов, которые наматывали на древки копий паклю.

— Хорошо! Только предупреди их, что зажигать огонь надо лишь тогда, когда появятся пикты. Нельзя, чтоб дикари обнаружили нас раньше времени.

Пройдя на правый фланг, киммериец обратился к Лаодамасу:

— Помнишь, что надо делать? Веди всадников в атаку, когда основные силы дикарей достигнут середины брода. Не позже и не раньше!

— Не нравится мне это: так мы получаем незаслуженное преимущество, — начал свою обычную песню Лаодамас. — А это противоречит кодексу...

— Клянусь Кромом, до чего же ты мне надоел со своими благородными правилами! Вот когда будешь выступать на рыцарском турнире, там и держись своего дурацкого кодекса! А сейчас ты на войне, и твоя задача — любым способом вырвать победу. Короче, ты хорошо понял приказ? Вот и отлично! Понял, так выполняй его!

Снова вернувшись к строю ошетинившейся копьями пехоты и к лучникам, Конан разыскал Флавия.

— Твои парни готовы, капитан Флавий?

Услышав свое новое звание, молодой аквилонец зарделся от удовольствия и гордости.

— Готовы, мой командир! И мы приготовили запасные колчаны!

— Прекрасно. Хотя ты не изводишь меня глупыми рассуждениями о благородстве, правилах и дворянской чести! Я рад, что могу положиться на тебя, Флавий.

Ответом ему была благодарная улыбка новоиспеченного капитана.

К полудню начали возвращаться посланные в разведку лазутчики. Конан внимательно выслушивал их донесения и рисовал какие-то знаки на тонком куске коры, отмечая, где располагаются силы противника.

Пикты начали переправляться через реку только к вечеру. Освещенные лучами закатного солнца, потрясая топорами и копьями, полуголые размазанные дикари с воинственными криками выбирались на пологий берег протоки.

Стоявший рядом с Конаном Флавий воскликнул:

— Митра! Сколько же их! Опять раз в десять больше, чем нас — как и в том бою!

Конан мрачно кивнул и поднял руку. По этому сигналу боевая машина аквилонцев пришла в действие: копьеносцы выставили вперед свое грозное оружие, лучники положили руки на колчаны со стрелами, загорелись сделанные из древков факелы.

Раздался звук боевого рожка пиктов, и тут же дикари с воем бросились через поляну. Навстречу им ударил град аквилонских стрел.

Орда полуголых дикарей в боевой раскраске с разбегу налетела на выставленные солдатами пики. Их было так много, что когда один напарывался на острие копья, пригибая его вниз тяжестью своего тела, другой тут же, яростно размахивая топором, лез в образовавшуюся брешь. Этот натиск принял на себя второй ряд аквилонских воинов.

Конан сражался в центре строя, как скала возвышаясь среди гандерландских копьеносцев. Тяжелый боевой топор киммерийца без устали разил пиктов, отрубая руки, разбивая черепа и чуть ли не напополам рассекая тела противников. Из горла гиганта вырывался яростный, похожий на львиный рык боевой клич, он с головы до колен был забрызган кровью, от его смертоносных ударов на землю падали все новые и новые жертвы. Убедившись, что схватка с этим страшным великаном несет неминуемую гибель, пикты, несмотря на свое безумное мужество и храбрость, старались держаться подальше от него. Но окровавленный грозный топор настигал их повсюду.

Вскоре яростный натиск дикарей ослаб, и постепенно они стали откатываться назад. С трудом переводя дыхание, Конан опустил свою огромную секиру. Обернувшись, он увидел, что к нему торопится Флавий.

— Мы не сможем долго продержаться, Конан! Почему медлит кавалерия Лаодамаса?

— Еще не время, парень. Взгляни, на том берегу пиктов в пять раз больше, чем переправилось сюда. И твоим ребятам придется держаться: это столкновение еще не настоящий бой, а всего-навсего проверка наших сил. Сейчас они отступят, но ненадолго.

В самом деле, резко и повелительно затрубил рожок, и дикари, развернувшись, помчались обратно к протоке, предоставляя боссонским стрелкам беспрепятственно всаживать стрелы в их голые спины.

Когда последний пикт бросился в воду, Конан приказал лучникам подобрать стрелы, выдернув их из валявшихся на земле трупов. Аквилонцы переводили дыхание после боя, проверяли оружие и жадно прикладывались к фляжкам с водой.

— Уф-ф-ф... — тяжело выдохнул Флавий, стаскивая с головы шлем и вытирая испарину со лба. — Но если это было, как ты говоришь, пробой сил, что же случится в настоящем бою? Кстати, тебе известно, что дикари будут делать теперь?

— А тут и гадать нечего. Пикты не были бы пиктами, если б из раза в раз не повторяли действия, единожды принесшие им победу.

— Ты хочешь сказать, что на нас опять нападут змеи?..

— Не сомневаюсь. Они уже готовятся к этому... Слышишь?

Из глубины леса донеслась барабанная дробь — в особом, уже слышанном прежде аквилонцами ритме; вероятно, эта магическая мелодия созывала из близлежащих окрестностей гигантских рептилий. Молодой капитан непроизвольно передернул плечами.

— Уже вечерет, — в словах Флавия чувствовалась заметная тревога. — Скоро мы не сможем ни увидеть

пиктов, чтобы достать их стрелой, ни разглядеть этих мерзких гадюк, чтобы угостить их огнем.

— Делать нечего, парень! Не в наших силах остановить в небесах Око Митры! Но я попробую разделаться с тем, кто имеет власть над ядовитыми тварями.

К ним присоединился Глико. Услышав слова Конана — приказ командовать в его отсутствие всем аквилонским отрядом — старый воин переменялся в лице.

— Это безумие, Конан! Ночью ты окажешься легкой добычей этих раскрашенных демонов!

— Как бы не так, старина! Этого удовольствия я им не доставлю. И ты сам прекрасно понимаешь, что второго нападения змей нам не выдержать, а добраться до логова проклятого Сагайеты могу лишь я один. Так что командование пока будет на твоих плечах, а мои приказы ты знаешь. Не думаю, чтобы вы успели соскучиться до моего возвращения.

— Если тебе повезет вернуться... — мрачно проговорил Глико, но, обернувшись, увидел, что рядом с ним никого нет — гигантскую фигуру киммерийца неслышно поглотили вечерние сумерки.

7

По лесной тропинке Конан пробрался к протоке и переправился через нее — где вброд, где вплавь. Выбравшись на берег, варвар двинулся в глубь леса — туда, где, по донесению его разведчиков, находился лагерь пиктов. Небо было ясным, сквозь ветви деревьев просачивался призрачный лунный свет, и киммериец мог ориентироваться по луне и звездам — он предпочитал сделать большую петлю, лишь бы не натолкнуться на отступающее войнство дикарей.

Неожиданно ночную тишину опять прорезала барабанная дробь, что оказалось очень на руку киммерийцу. Теперь, определив направление, откуда доносился грохот, он мог идти напрямик. Довольно скоро сквозь ритмичные удары барабана он различил неясные еще людские голоса — значит, лагерь был уже близко. Вожди пиктов

сейчас, скорее всего, готовят свои отряды к решающей схватке. А потому стоило удвоить осторожность — Конану совсем не улыбалось напороться на выставленных вокруг лагеря часовых.

Барвару повезло; он сумел подобраться к лагерю, не встретив ни одного пикта. Шатер колдуна стоял под двумя могучими деревьями, ветви которых не пропускали света луны. Несомненно, Сагайета находился в шатре — как подсказывало Конану его звериное чутье. Внимательно оглядевшись по сторонам, киммериец попытался оценить ситуацию.

К одному из деревьев прислонился охранявший шатер страж. Конан бесшумно скользнул к нему и, взмахнув топором, раскроил пикту череп. От страшного удара дикарь, не вскрикнув, рухнул на землю, а убийца его замер, пытаясь определить, был ли услышан кем-либо шум от падения тела. Однако, к его счастью, этот звук заглушили удары барабана. Приникнув к земле, Конан пополз к шатру и уже собрался пробраться внутрь, как вдруг наступила мертвая тишина — барабанная дробь смолкла. По спине киммерийца пробежал холодок; он вспомнил, что во время прошлого боя после такой паузы появились гигантские змеи.

Нужно было торопиться! Откинув полог шатра, Конан заглянул внутрь, и сразу же в ноздри ему ударил резкий смрад — запах змеиной кожи. В шатре было темно, только в почти угасшем очаге тускло отсвечивали красным угли. Рядом с очагом неподвижно сгорбилась фигура человека.

Это был шаман Сагайета. Глаза пикта были закрыты, и, вероятно, он пребывал сейчас в трансе после совершенного колдовского ритуала. Редкостная удача! Конан поднял свое оружие, собираясь одним ударом прервать жизнь отвратительного колдуна, как вдруг услышал шорох, и над ним взметнулась узкая тень.

Киммериец почувствовал, как в левое запястье, не защищенное кольчужой, впелись чьи-то зубы. Он опустил глаза — на его руке, вцепившись в плоть, висела огромная, длиннее человеческого роста, пиктская гадюка. Не

был ли то сам повелитель змей, в тело коего умел вселяться Сагайета?

Конан резко поднял руку, и тело змеи метнулось вслед за его движением; тогда, взмахнув зажатым в правой руке топором, он отсек голову огромной рептилии. Змея корчилась на полу в предсмертных судорогах, свиваясь в кольца, и в одном из бросков попала прямо на угли очага. Воздух наполнился вонью паленого мяса.

Тем временем Конан, похолодев, смотрел на свое запястье — на месте укуса выступили только две маленьких капли крови, но вокруг них быстро расплзлось темное пятно, а рука онемела почти до плеча.

Нельзя было терять ни мгновения. Он бросил топор и выхватил из-за пояса нож, собираясь надрезать кожу в месте укуса и высосать смертоносный яд. Но в этот миг скорчившийся у очага и до сих пор неподвижный шаман поднял голову. Широко раскрытые глаза Сагайеты были холодными и лишенными всякого выражения. «Как у змеи», — мелькнула мысль в голове киммерийца.

— Барвар! Святотатец! — по-змеиному прошипел колдун. — Ты посмел убить великое существо, в которое временами переселялась моя душа... Но ты жестоко платишься за это!

Не отвечая, Конан метнул в Сагайету нож, но тот со змеиной ловкостью увернулся, и лезвие вспороло стенку шатра. Шаман вскочил и вытянул к киммерийцу костлявые руки.

Но убийственное заклинание колдуну произнести не удалось: Конан молниеносным движением подхватил с пола топор и, широко размахнувшись, вонзил его в тощую шею жертвы. Раздался глухой хруст разваливающихся шейных позвонков. Голова Сагайеты скатилась с плеч, его туловище бессильно осело на пол; багровый фонтан, ударивший из перерубленной шеи, брызнул в очаг. Зло зашипели политые кровью угли.

Перед глазами Конана плавали алые кольца. С трудом он отыскал свой нож и полоснул им по запястью. Брызнула кровь; киммериец прижался к ране губами и, сплевывая, стал отсасывать отраву. Но он потерял слишком

много времени, и всю левую половину его тела уже пронизывала жгучая боль. Успеет ли он?.. Сможет ли?.. Конан стащил с себя ремень и крепко перетянул руку у плеча.

В это время до слуха его долетели отдаленные звуки начавшейся битвы. Судя по всему, дикари, так и не дождавшись появления змей, снова пошли в атаку — либо рассчитывая, что помощь придет попозже, либо надеясь на свое численное превосходство.

Конан вскочил на ноги. Забыв обо всем, он был готов бежать к полю боя, встать в строй вместе со своими солдатами... Но острая боль, словно молнией пронизывая тело, заставила его опомниться: он слишком хорошо знал, что любое физическое напряжение, разгонявшее отравленную кровь, обернется для него смертью. И он снова приник губами к разрезу на распухшей руке.

Наконец, его усилия увенчались успехом — через какое-то время киммериец почувствовал, что чудовищная боль понемногу начинает ослабевать. Опухоль больше не увеличивалась, и он даже мог согнуть посиневшую руку. Тогда Конан перевязал запястье клочком оторванной от рубашки ткани и, зажав в правой руке топор, а в левой, едва повиновавшейся ему, голову Сагайеты, вышел из шатра и направился в сторону протоки.

8

Призрачный лунный свет озарял несметное множество пиктов, переправлявшихся через речной рукав. На другом берегу их встречал железный строй аквилонской пехоты — стена щитов и острия длинных пик. Кавалерия на правом фланге пока что бездействовала.

Капитан Лаодамас услышал окликающий его хриплый голос.

— Великий Митра! — изумленно прошептал он, обернувшись и увидев забрызганную кровью фигуру киммерийца. — Что с тобой случилось, Конан?

— Это сейчас должно интересовать тебя меньше всего. Почему твои люди не вступают в бой? У тебя был приказ атаковать дикарей, когда они будут на середине протоки.

Копыта Нергала, чего ты еще ждешь?! Почти все пикты уже на нашем берегу!

— Но это же не правилам, Конан! — запротестовал светловолосый капитан. — Согласно военному кодексу, бесчестно нападать на противника, когда он находится на переправе...

— Видит Кром, я терпел твою глупость слишком долго, но терпению моему пришел конец! Однако поговорим мы с тобой об этом позже...

С этими словами киммериец выпустил из рук топор и голову Сагайеты, после чего, подойдя к Лаодамасу, неожиданно подхватил его под колено и, выдернув ноги из стремян, сбросил опешившего всадника с коня. Взлетев в освободившееся седло, Конан нагнулся, поднял с земли свой топор и насадил на него отрубленную голову.

— Я прикончил Сагайету, колдуна пиктов! — проревел он зычным голосом. — Теперь нам нечего бояться змей! Вперед, парни! За мной! Рубите и колите!

Повинуясь жесту киммерийца, горнист протрубил атаку, и застоявшиеся кони рванули в галоп. Подняв свой топор, увенчанный головой пиктского шамана, Конан мчался впереди атакующей колонны, продолжая выкрикивать: «Сагайета мертв! Сагайета мертв!» Кавалерия аквилонцев бронированным кулаком врзалась в толпу дикарей и смяла их. Началась кровавая резня.

Полуголые пикты не могли противостоять закованным в доспехи всадникам. К тому же избивавшие дикарей аквилонцы повторяли вслед за Конаном: «Сагайета мертв! Сагайета мертв!» Не понимая языка, но разобрав знакомое имя, дикари заволновались, и тут те из них, кто оказался рядом с вражеским вождем, заметили венчавшую его топор окровавленную голову шамана. В рядах пиктов произошло замешательство, а затем их войско превратилось в беспорядочную толпу; вскоре они, потеряв разум, бросились бежать, не слушая отчаянных призывов предводителей. Аквилонская пехота ударила вслед за кавалерией, и мечи, копыта и стрелы боссонцев и гандердандцев довершили начатую бойню. В тот вечер Нергалу досталось множество жертв, а круглый диск луны, отражавшийся

в протоке, сделался алым от крови пиктов, окрасившей ее воды. Мало кому из дикарей удалось спастись, добежав до черневшего вдáли леса.

У опушки Конан остановил всадников и велел горнисту играть отбой: в темной лесной чащобе кавалерии делать было нечего. Он отыскал глазами командира пехотинцев.

— Глико! Теперь дело за тобой — перебейте всех, кого сможете догнать!

Старый капитан молча кивнул и, повелительно махнув рукой своим солдатам, исчез в темной чаще. Конан соскочил с седла, но тут стволы деревьев закружились перед ним в причудливом хороводе; чудовищная усталость, раны и змеиный яд сделали свое дело. Даже для такого могучего человека, как гигант-киммериец, эти испытания оказались чрезмерными: свет в его глазах померк, и он, как подкошенный, рухнул на землю.

* * *

Глико и Флавий сидели рядом с постелью Конана, наблюдая, как лежавший на спине киммериец с явным неудовольствием протягивает левую руку легионному лекарю. Когда тот размотал бинты, они увидели, что предплечье чудовищно распухло и почернело, словно опаленное огнем.

— Никогда бы не поверил, если б не видел собственными глазами, что ты ухитрился держать в этой руке топор, — с удивлением произнес Глико.

— Кром! А что мне еще оставалось? В другой руке я держал поводья, — мрачно ухмыльнулся киммериец и спросил лекаря: — Ну что, мясник? Долго ли мне валяться тут бревном? Вылечишь руку или отрежешь напроць?

— Вылечу. Но думаю, что ты сможешь подняться с постели лишь через несколько дней, мой господин, — отвечал целитель. — А если ты не последуешь моим советам, то свалишься от лихорадки. Это я тебе точно обещаю!

Конан сердито сплюнул на пол и вполголоса пробормо-

мotal замысловатое ругательство. Потому со вздохом вернулся к Глико и Флавию.

— Расскажите-ка, чем кончилось дело?

— Мы долго преследовали в лесу дикарей, — ответил седовласый капитан. — Кое-кто пытался защищаться, и я потерял немало солдат, стрелков и копьеносцев, зато немногие из пиктов ушли живыми. Мы перебили их, мой господин!

Покосившись на свою руку, киммериец тяжело вздохнул.

— Наверно, я старею, — пробормотал он. — Разве в прежние времена я свалился бы с ног от укуса паршивой змеи? Да и не такой уж крупной она была, а я хлопнулся в обморок, как девица! А сейчас, похоже, у меня что-то с головой, мерещится всякое... Если не ошибаюсь, я слышал слова «мой господин»?

— Пока ты валялся без сознания, мы кое-что успели сделать, — улыбнулся Флавий. — Королю Нумедидесу отправлен пергамент — о нашей победе, о спасении Чохиры и об измене Лусиана. Ну, и к нему приложена покорнейшая просьба назначить тебя командиром пограничной стражи. Мы все ее подписали, хоть Лаодамас долго упирался — он никак не может простить, что ты унизил его при солдатах. Похоже, он собирается послать тебе вызов на поединок — после твоего выздоровления, конечно.

— Пасть Нергала! — Конан расхохотался. — Да, мне пришлось обойтись с ним совсем неблагоприятно, не так, как он привык! Ладно, пошлю ему мои извинения... Парень он неплохой, вот только малость свихнулся на своей родовой крови. Кровь, честь и достоинство нобилия... Ха!

В дверь постучали, и в комнату вошел человек в запыленной одежде королевского гонца.

— От пресветлого и великого короля! — торжественно провозгласил он. — Пергамент полководцу Конану, командиру пограничной стражи, начальствующему над легионом Золотых Львов!

Когда киммериец с ухмылкой признался, что именно он — обладатель этого пышного титула, ему с церемон-

ным поклоном был вручен запечатанный воском свиток. Взломав печать и развернув пергамент, Конан, шевеля от напряжения губами, принялся старательно разбирать руны королевского послания. Глико и Флавий смотрели на него с нетерпением и любопытством.

— Наш пресветлый и великий король, — благополучно добравшись до конца письма, возвестил Конан, — утверждает мое назначение. А кроме того, приглашает в Тарантию, свою столицу, дабы представить ко двору. — Блаженно вытянувшись под одеялом, киммериец с хрустом расправил мышцы и пробормотал: — Подумать только — целый год гонялся в этих проклятых лесах за пиктами, а теперь меня ждет городская роскошь... Не плохо, очень неплохо! Во-первых, побывавшие при королевском дворе отмечают великолепие его кухни и богатство винных погребов. Кто бы знал, до чего мне надоела местная кислятина! А во-вторых, хоть я не могу сказать ничего плохого о здешних девчонках, придворные дамы составят приятное разнообразие...

Голос лекаря прервал мечты киммерийца:

— Хватит, раненому нужен отдых! Мой господин, я попрошу всех выйти!

Глико и Флавий не прекословили; оба послушно поднялись. На прощание седой капитан сказал:

— Мы придем завтра, Конан, и о многом успеем поговорить. Но ты, мне кажется, заблуждаешься, толкуя о прелестях придворной жизни. Во дворце в первую очередь нужно держать уши на макушке — иначе оглянуться не успеешь, как останешься и без ушей, и без головы.

Конан ухмыльнулся.

— Не был я, что ли, во дворцах? К тому же, старина, осторожность у меня в крови. И если заклинания проклятого Сагайеты и колдовство Зогар-Сага мне не повредили, стоит ли опасаться жалких козней при королевском дворе?

ПРЕДИСЛОВИЕ

У меня есть одно лишь хобби, и оно безмерно занимает меня и по сей день. Не хотелось бы приписывать этому черты некоей таинственности, но мне на самом деле трудно это объяснить, да и сам я тут далеко не все понимаю. Речь идет о моем увлечении народом, который называют пиктами. Я, конечно, понимаю сомнительность этого термина в значении, в котором я его использую. Этих людей историки уже называли кельтами, варварами или даже германцами. Некоторые источники упоминают о том, что они пришли в Британию следом за бриттами и незадолго до появления галлов. «Дикие пикты из Гэллоуэя», частенько фигурирующие в древних шотландских легендах и исторических хрониках, появились в результате смешения нескольких народов — скорее всего, кельтов, кимбров и галлов, говорили они на языке, происходившем от кимбрско-галльского наречия в варварской его версии с примесью германского и скандинавского языков. Сам термин «пикты», вероятно, первоначально относился лишь к кочевым кельтским племенам, осевшим в Гэллоуэе и ассимилировавшимся с местным варварским населением. Но для меня пикт — это невысокий, темноволосый варвар, выходец из Средиземноморья. В этом нет ничего удивительного, ибо когда я впервые набрел на эту тему, именно таких людей называли пиктами. Куда более странным может показаться мой непреходящий и неизменный к ним интерес. Впервые я прочитал о пиктах, изучая историю Шотландии: лишь мимолетные упоминания, вдобавок не слишком для них лестные. Разумеется, уровень этих книг, что я читал в детстве, был не слишком высок, впрочем, мне довелось жить в регионе, где других книжек на эту тему просто-напросто не было. И я с энтузиазмом занялся шотландцами, добывая информацию об истории Шотландии, где только мог.

Я чувствовал некую особую связь с этими горцами в килтах, быть может из-за той капли шотландской крови, что течет в моих жилах. В прочитанных мною тогда книжках пикты время от времени появлялись, чтобы схлестнуться с шотландцами в каком-то очередном сражении и неизменно проиграть. Самое подробное описание этого племени, которое мне удалось найти тогда, принадлежало перу одного из английских историков, и там говорилось, что пикты — это жестокие дикари, живущие в деревянных хижинах, и что легендарный Роб Рой якобы похож был на своих пиктских предков телосложением: коренастый, с как бы обезьяньей фигурой с длинными могучими руками. Из сказанного ясно, что все, что я тогда читал, никак не имело целью прославление пиктов, их апологию.

Когда мне исполнилось двенадцать лет, я некоторое время жил в Нью-Орлеане, где в библиотеке на Кэнэл-стрит нашел книжицу, описывавшую историю Англии со времен доисторических вплоть до нашествия норманнов. Она была написана для юного читателя и, несомненно, не слишком точно толковала прошлое с точки зрения истории. Но я, благодаря ей, обогатился многими деталями быта этих невысоких смуглых людей, первыми заселивших земли, названные позднее Британией. Наконец-то я получил возможность познакомиться с ними поближе.

Автор, правда, представлял их далеко не в лучшем свете — как варваров, но и это было уже кое-что. По мнению автора, пикты были насквозь лживы, трусливы, их вечно опережали в развитии другие, а они лишь пользовались чужими достижениями.

Это показалось мне мало похожим на правду, я испытывал к ним огромную симпатию и решил, что вот они-то и станут «связующим звеном» между мною и древностью. Я сотворил их сильными и воинственными варварами, дал им славную, богатую событиями историю и великого короля — Брана Мак Морна. Должен признаться, что фантазия несколько подвела меня при выборе имени, хотя над характером персонажа я бился очень долго. Многие короли из пиктских летописей носят кельтские имена, но мне, поскольку я хотел подчеркнуть, что речь идет о фиктивной, выдуманной мной ветви этого народа, пришлось дать моему великому королю имя, лишь звучащее по-кельтски.

Итак, Бран — в честь моего любимого героя из настоящей истории — кельта Неннаса, разгромившего Рим. Мак Морм (Mac Morn) — имя берет начало в имени знаменитого в ирландской истории галла Мак Морна (Mac Morna). Букву «с» в написании имени я заменил буквой «к». Теперь имя Бран Мак Морм (Bran Mac Morn) больше не переводилось, («Bran Mac Morn» в переводе с кельтского значит «Ворон — сын Морна»), но зато получило собственное звучание — пиктское, древнее, уходящее корнями в далекое прошлое. Сходство с конкретными кельтскими именами становилось в данном случае чисто случайным.

Летели годы, а Бран Мак Морм не менялся, оставался таким, каким родился когда-то в моем воображении. Это мужчина среднего роста, движется он подобно пантере, под темной гривой его волос блестят черные глаза, кожа смуглая. Когда я был подростком, то очень хотел быть мужчиной небольшого роста, с длинными конечностями, несколько скошенным назад подбородком и длинными прямыми волосами. Таким я представлял себе тогда типичного пикта, и мне ужасно не нравились мои собственные нордические черты лица. Все это вытекало из моего увлечения этим таинственным народом, первым появившимся в Британии, чьи корни терялись где-то в неолите.

И всегда в мой о них представления добавлялась капля фантазии — я никак не «видел их», как ни силился, в реальной стране (как, например, ирландских или шотландских горцев). Поэтому, когда пришла пора, я стал писать о них все так же: по-своему. Так, первая из новелл о Бране Мак Морне («Народ тени») написана от имени норманнского наемника из римской армии. В самой первой новелле, написанной о моем герое и потерявшейся, прежде чем была закончена, рассказчиком был римский центурион из гарнизона, стоявшего у Сте-

ны. В «Королях ночи» центральная фигура — кельтский вождь. И лишь в последней новелле «Черви Земли» описание ведется с точки зрения пикта.

«Короли ночи» повествует о попытке Рима подчинить себе варварские племена Каледонии. С действительностью совпадает лишь время да общий характер событий — римлянам так никогда и не удалось продвинуть границы своих владений за вересковые пустоши. После нескольких неудачных компаний они отступили на юг, к Стене. Их поражение было, скорее всего, результатом совместного противодействия варварских племен — именно это я и описал: союз галлов, бриттов и пиктов.

В «Черви Земли» я вновь заставил Брана Мак Морна драться с Римом — мне как-то трудно было вообразить его себе сражающимся с иным врагом. Возможно, это отражение моей собственной неприязни к Риму — столь же трудно поддающейся логическому объяснению, как и то расположение, которым я одариваю пиктов.

Само слово «пикты» я впервые увидел на картах, вынесенным за границы территории, захваченной Римской империей. Это уже само по себе очаровало меня невероятно. В моем воображении начали разворачиваться картины жестоких сражений, яростных атак, фанатичной обороны. Будучи врагом Рима, я, естественно, немедленно примкнул к его противникам. Особенно охотно я солидаризовался с теми, кто яростно сопротивлялся любым посягательствам римлян на их свободу. Иногда, когда в снах (тех, что мне действительно снились ночью, а не грезились наяву за письменным столом) я сражался с железными легионами и вынужден был отступать, разбитый наголову, подсознание разворачивало вдруг передо мною картину, пришедшую из иного мира, из неведомого, не рожденного еще будущего — изображение карты, на которой за границами Империи виднелась таинственная надпись: «Пикты и шотландцы». И я сразу же чувствовал прилив новых сил — там я мог найти убежище, залезть в раны и набрать войска для новой войны.

Я хотел бы попробовать свои силы в написании романа об этих таинственных столетиях. Я позволил бы себе писать лишь о том, что не противоречило бы точным историческим фактам. Действие в романе опиралось бы на следующий замысел. Римское влияние постепенно слабнет под натиском тевтонских племен, надвигающихся с востока. Тевтоны высаживаются на побережье Каледонии и продвигаются на запад, тесня осевших там ранее кельтов. На руинах древней империи пиктов разворачивается жесточайшее соперничество между этими воинственными племенами, которые в конце концов объединяются для оказания отпора общему врагу — грозным саксам... Это был бы роман скорее о дипломатии, чем о королях и героях, хотя, боюсь, я не сумел бы избежать искушения. Не знаю, удастся ли мне когда-нибудь осуществить этот замысел...

Роберт Говард

ДОЛИНА ЧЕРВЯ

Я расскажу вам о Ньорде и Чудовище, слушайте. Существует множество вариантов этой истории, главный герой носит в них имена Тира, Персея, Зигфрида, Беовульфа или Святого Георгия. Но этот Ньорд был человеком, сразившимся некогда с выползшей из адской бездны отвратительной тварью, что и положило начало целой серии героических легенд, которые, переходя из уст в уста, утратили в конце концов первоначально содержавшееся в них зерно истины. Я знаю, о чем говорю, ибо это я был Ньордом.

Я лежу и жду смерти, ползущей ко мне подобно слепой улитке, но мои сны ярки, красочны и полны жизни. И не себя — невзрачного, замученного болезнями человека по имени Джеймс Эллисон — я вижу в них, в моих снах действуют иные герои — современники и участники величайших событий прошлого и будущего. Да, и будущего тоже — пусть с трудом, но я вижу не только тех, что стоят за мной, но и тех, кто придет: так человек, бредущий в длинной процессии, видит далеко впереди неясные фигуры. Я один из этих странников и, вместе с тем, каждый из них, ибо каждый из людей в этой бесконечной веренице — лишь мимолетное проявление иллюзорного, бестелесного, но, тем не менее, вечно живого духа.

Любой из мужчин и любая из женщин на нашей планете — часть такой вереницы теней, и в то же время каждый из них целиком несет ее в себе. Правда, они не знают об этом — их разуму не дано преодолеть те узкие

страшные пропасти мрака, через которые перелетает душа, сбрасывая очередную телесную оболочку. Я — знаю. Почему — история сама по себе весьма странная, фактом, однако, является то, что вот сейчас я лежу, надо мною медленно разворачиваются черные крылья смерти, а перед моими глазами проплывают туманные картины моей прежней жизни, я вижу самого себя во многих лицах и характерах.

Меня звали Ялмаром и Тиром, Браги и Хорсой, Эриком и Джоном. Я шагал рядом с Бреннусом по пустым, залитым кровью улицам Рима. Я жег плантации с Алариком и его готами, и ночью было светло, как днем, когда горели римские усадьбы, когда Империя стонала под копытами наших диких коней. Это я с мечом в руке брел сквозь пенистые волны прибой, чтобы грабежом и убийствами заложить фундамент Англии. Когда Лейф Счастливым впервые увидел широкий песчаный берег неведомого материка, я стоял рядом с ним на носу драккара, и ветер трепал мою рыжую бороду. Когда Готфрид Бульонский вел своих крестоносцев на стены Иерусалима, шел среди них и ваш покорный слуга.

Но не о них хочу я рассказать вам сейчас. Я захвачу вас с собою в такое далекое прошлое, что, по сравнению с ним, времена Бреннуса и Рима кажутся не более, чем вчерашним днем. Не через годы и века поведу я вас, но через эпохи, туманные зоны — туда, куда не заглядывали даже самые смелые из историков и философов. Глубже, глубже и еще глубже придется уйти в бездонное прошлое — к истокам рода человеческого, к корням моего народа, расы голубоглазых, светловолосых открывателей, могучих воинов, страстных любовников, неутомимых путешественников.

Я расскажу вам о Ньорде, Ньорде — Победителе Чудовища, ставшем прототипом героя целого цикла легенд, о страшной реальной основе, заложенной в мифы о драконах, монстрах и чудовищах.

Я буду говорить с вами не только от имени Ньорда, но и от своего тоже. Ведь я — Джеймс Эллисон в степени

не меньшей, чем был когда-то Ньордом. Рассказывая о том, что тогда случилось, я буду интерпретировать некоторые мысли, высказывания и действия Ньорда с точки зрения нынешнего моего «я», чтобы сага о нем не показалась вам галиматсией, лишенным смысла набором слов. Ибо дела и мысли Ньорда настолько чужды нам с вами, людям нынешним, насколько, скажем, джунгли со львами и тиграми чужды белым стенам домов городской улицы.

Удивительным был этот мир, в котором Ньорд жил, любил и сражался так много веков назад, что даже моя память, скользя по минувшим эпохам, не может отыскать достаточно надежной точки отсчета. Не один, но несколько раз с тех пор менялось лицо Земли, возносились и топились континенты, с места на место переносились моря, пробивали новые русла реки, наступали и пятились ледники, меняли свое положение на небе звезды, складываясь в новые созвездия. Это была эпоха начала эпических странствий моего народа, эпоха, в которой племена голубоглазых и светловолосых людей двигались на север и юг, запад и восток, веками длившееся кочевье вело их вокруг земного шара. Их следы и их кости можно отыскать в самых диких уголках современного мира. Я родился, вырос и возмужал в дороге. О родине, оставшейся где-то далеко на севере, остались лишь отрывочные воспоминания — неясные, словно полузабытый сон. Я помню ослепительно белые равнины и ледяные поля; огромные костры, пылавшие в центре круга из кожаных шатров; русые волосы, развевающиеся на ветру; солнце, прячущееся за мрачной стеной багровых туч; вытоптанный снег, на котором неподвижно лежат в лужах чего-то алого темные фигурки.

Эту последнюю картину я вижу отчетливее всего остального. Уже много позже мне сказали, что это поля Ютунхайма, где разыгралась страшная битва, легендарная битва асиров, о которой затем долгие века пели песни седобородные сказители, которая и сейчас живет в туманных намеках на Рагнарок и Геттердеммерунг. Я видел это грудным ребенком, стало быть, жил где-то в...

Нет, не будем уточнять — вы еще примете меня за сумасшедшего, а историки и геологи, объединив усилия, спустят с меня шкуру.

Но это лишь туманный фрагмент, гораздо ярче я вижу кочевье, в котором, собственно, и прошла вся моя жизнь. Мы не выбирали себе путь осознанно, но так уж получилось, что наше племя постоянно шло на юг. Иногда мы останавливались и жили какое-то время на плодородных равнинах меж высокими горами или по берегам равнинных рек, но рано или поздно срывались с насиженного места и шли дальше. И дело не только в грозившем нам голоде или, допустим, внезапной засухе. Случалось, мы уходили в пустыню, оставляя земли, богатые дичью. Нас гнали вперед неуголенные страсти и желания, таковы уж законы человеческой жизни, но мы об этих законах знали тогда не больше, чем дикие гуси знают о причинах сезонных миграций. Вот так однажды мы и добрались до тех мест, где жило Чудовище.

Я начну свой рассказ с того момента, когда мы пришли к покрытым буйной растительностью холмам, кишевшим разнообразной живностью. Жаркой душной ночью мы услышали тамтамы аборигенов, они беспрестанно выбивали одну и ту же дробь. Утром мы увидели самих аборигенов — низкорослых, коренастых, черноволосых, с пестро размаляванными жестокими лицами, но, без всякого сомнения, белокожих. Мы издавна знали их род. Это были пикты, наиболее воинственное из всех известных нам племен. Мы встречали пиктов в густых лесах и горных долинах, но со времени нашей последней встречи с ними утекло немало времени. Думаю, что здешнее племя пиктов дальше всех иных продвинулось на восток. Всего несколько поколений пиктов жило здесь, но бесконечные джунгли уже начали переваривать этих людей, стирая прежние черты и подгоняя их под свой кошмарный эталон.

Мы шли пешком — белобородые, похожие на волков, старики; могучие, в расцвете сил, мужчины; нагие дети; светловолосые женщины с младенцами на руках, никогда, кстати, не плакавшими. Я не помню, сколько нас было, —

что-то около пяти сотен воинов. Воинами я называю всех мужчин: от детей, достаточно сильных, чтобы держать лук, и до самых дряхлых стариков. В те жестокие времена воевали все. Наши женщины дрались в случае необходимости, как тигрицы; я помню младенца, вцепившегося зубами в ногу наступившего на него врага.

Да, мы были настоящими воинами. Позвольте, я расскажу о Ньорде. Я горжусь им, особенно сейчас, когда вижу жалкое парализованное тело Джеймса Эллисона — временную мою оболочку.

Ньорд был высоким, широкоплечим, с сильными руками и ногами, юношей. Длинные упругие мышцы дарили ему не только силу, но и выносливость. Он мог сутками бежать, не обнаруживая ни малейших признаков усталости. Ошеломляющая стремительность движений превращала его тело в глазах наблюдателя в размазанное пятно. Расскажи я вам все о его силе, вы посчитали бы меня лжецом. На всей Земле не найти сейчас человека, который смог бы натянуть лук Ньорда. Помнится, рекорд по стрельбе из лука принадлежит сейчас одному турецкому спортсмену, пославшему стрелу на четыреста восемьдесят два ярда. В моем племени не было подростка, не сумевшего бы побить этот рекорд.

Итак, углубившись в джунгли, мы услышали тамтамы, гремевшие в таинственных долинах, прятаящихся среди холмов. Враг ждал нас на широком, открытом со всех сторон плоскогорье. Здешные пикты, судя по всему, ничего о нас не знали, даже легенды об асирах до них не дошли — ибо, будь иначе, они, несомненно, устроили бы нам засаду. А эти пикты прыгали с деревьев, грозно завывали, вопили, что повесят наши головы у ног своих богов, что наши женщины будут рожать им сыновей. Ха! Ха! Ха! О Йомир! Это рассмеялся Ньорд, а не Джеймс Эллисон. Именно так, от всей души, смеялись тогда асиры, услышав эти угрозы. Моря крови, океаны пламени оставляли мы за собой, мы были беспощадными убийцами, неумолимыми грабителями, с мечом в руке шагавшими по жестокому миру. Угрозы пиктов могли лишь вызвать

неудержимый смех в таких людях, какими были мы, асиры.

Мы устремились им навстречу, сбрасывая на ходу с плеч волчьей шкуры и вытаскивая тяжелые бронзовые мечи. Наш рев громом прокатился по плоскогорью. Пикты спустили тетивы своих луков, мы ответили тем же. Где им было тягаться с нами в меткости! Наши свистящие стрелы падали на них тучами и валили их наземь, словно ветер — осенние листья. Когда они с воем и пеной на губах бросились на нас, мы, опьяненные горячкой сражения, отшвырнули прочь луки и дали волю мечам.

Я описываю эту битву несколькими сухими словами, ибо чувствую, что не смогу передать то безумие, тяжелый запах крови и пота, хриплое дыхание, нечеловеческое напряжение мускулов, и, прежде всего, беспредельную жестокость той резни, в которой не было ни правил, ни порядка, но каждый дрался, как хотел и как мог. Если бы я начал описывать все, что там происходило, вы бы оцепенели от ужаса. Я сам, вспоминая ту бойню, не могу сдержать дрожжи. О том, что военные действия можно вести по каким-то правилам, никто даже и не догадывался. В те времена человек со дня своего рождения и до самой смерти зубами и когтями дрался за жизнь — ни у кого не прося пощады и никому ее не даруя. Милосердие если и проявлялось, то лишь спонтанно, а значит — крайне редко.

Так вот, мы гнали бегущих пиктов, а наши женщины выбежали на поле битвы, чтобы камнями разбивать головы поверженных врагов и медными ножами подрезать им горло. Пыток мы не признавали — более жестокими, чем того требовала жизнь, мы не были. Жизненные законы той поры были воистину бесчеловечными, но справедливости ради следует сказать, что в нынешней жизни бессмысленной жестокости встречается едва ли не больше, чем в те давние времена.

И все же случалось проявлять милосердие и нам. Я дрался с чрезвычайно мужественным противником. Будучи значительно ниже ростом, пикт не уступал мне в

силе — он казался сплошным клубком стальных мускулов и двигался он стремительно, словно молния. Он сражался железным мечом и прикрывался от ударов большим деревянным щитом, обтянутым кожей. У меня в руках была огромная палица с шипами. Противнику удалось уже достать меня, кровь обильно текла из нескольких глубоких ран на моем теле, но один из моих ударов достиг, наконец, цели, смяв его щит, словно картонную коробку, и секундой позже палица обрушилась на его непокрытую голову. О Йомир! Даже сейчас улыбка застывает на моих губах, когда я вспоминаю об этой схватке. Сколь же крепким был череп у этого пикта! Из страшной раны на его голове хлынула кровь, и он рухнул наземь, потеряв сознание. Я бросил его там, будучи уверенным, что с ним покончено, и присоединился к воинам, преследовавшим врага. Когда же я, залитый с ног до головы потом и кровью, вернулся на поле боя, то увидел, что мой противник приходит в себя, а нагая девушка из моего племени собирается обрушить на его голову огромный камень. Некий мимолетный каприз заставил меня остановить девушку — поединок доставил мне огромное удовольствие, к тому же я был искренне восхищен столь совершенной конструкцией черепа этого человека. Я даровал ему жизнь, и он стал нашим пленником.

Мы стали лагерем там же, на плоскогорье, неподалеку от места сражения. Наших павших соплеменников мы сожгли на огромном костре, а трупы врагов сбросили вниз в долину, на потеху сбежавшимся гиенам и шакалам. В ту ночь мы ждали нового нападения, но пикты не приближались к нам — лишь в глубине джунглей мигали тут и там багровые огоньки костров, а ветер, когда менял направление, доносил гулкую дробь тамтамов и протяжный вой — наши противники оплакивали своих погибших или, может быть, просто вопили, разряжая бессильную злобу. Не напали они на нас и в последующие несколько дней.

Раны нашего пленника стали понемногу затягиваться. Он был весьма общителен, и мы постепенно освоили его

примитивный язык. Звали его Громом, и он хвастался, что был в своем племени лучшим охотником. Он охотно болтал с нами, поблескивая из-под черной гривы спутанных волос, прикрывавших низкий лоб, маленькими блестящими глазками и широко улыбался, обнажая похожие на волчьи клыки зубы.

Он живо интересовался нами — неведомыми людьми, победившими его племя, но почему-то не спешившими воспользоваться плодами победы. И он так никогда и не сумел понять, почему, собственно, мы его пощадили и оставили в живых. Именно Гром и предложил нам послать его к соплеменникам, чтобы от нашего имени заключить с ними мирный договор. Для нас это не имело особого значения, но мы разрешили ему уйти — асиры тогда и не ведали, что такое рабы.

Гром вернулся к своему племени, и мы забыли о нем. Лишь я стал чуть осторожнее вести себя на охоте — мне все казалось, что он лежит где-то в зарослях и поджидает благоприятный момент, чтобы пустить стрелу в спину. Не пришел однажды день, когда мы снова услышали грохот тамтамов, и на краю джунглей появился наш старый знакомый с растянутыми в кривой улыбке толстыми губами. За ним шествовали вожди кланов — с размалеванными лицами, воткнутыми в волосы перьями, закутанные в волчьи шкуры. Наше мужество изрядно их напугало, но еще большее впечатление на них произвело то, что мы отпустили Грома живым и невредимым. Они не знали, как отнестись к этому факту, и посчитали его знаком нашего безграничного презрения к намного более слабому противнику.

Так мы заключили с пиктами мир. Было много шума, клятв, всяческих ритуальных заклинаний. Мы поклялись именем Йомира — эту клятву ни разу не нарушил ни один асир. Пикты же взывали ко всем стихиям, присягали своему божку, сидящему в хижине, в которой пылал неугасающий огонь, и высохшая, как мумия, старуха, колотила всю ночь в бубен, а также существу настолько ужасному, что его боялись даже называть по имени.

Затем мы сидели у костров и пили огненный отвар из местных злаков, закусывая его мясом дичи, которое мы жарили здесь же. До сих пор не могу понять, как это пиршество не закончилось резней, ибо напиток этот имел страшную силу и буравил наши мозги, словно червь. Но ничего ужасного тогда, к счастью, не произошло, и с тех пор мы жили с нашими соседями в мире и согласии. Пикты многому нас научили, и сами немало переняли от нас — так, они показали нам, как обрабатывать железо: в здешней земле почти совсем не было меди, к которой привыкли асиры.

Мы беспрепятственно заходили в их деревушки — небольшие скопления хижин с обмазанными глиной стенами, обычно располагавшиеся на полянах, в тени гигантских деревьев. Пиктам, в свою очередь, никто не запрещал бродить по нашему лагерю — мы оставили стоять свои шатры на первом месте стоянки. Наши юноши не обращали ни малейшего внимания на их коренастых девушек с глазами-бусинками, а стройных златокудрых наших девиц совершенно не привлекали их приземистые, заросшие с ног до головы волосами парни. Со стороны пиктов отношение было схожим. Поживи мы рядом дольше, взаимная неприязнь наверняка бы исчезла, и два наших племени слились бы воедино, но этого не произошло, потому что вскоре племя асиров снялось с места и ушло, растаяв в ночной мгле. Но до того, как это произошло, нам пришлось испытать ужас встречи с Чудовищем.

Я часто охотился вместе с Громом, он водил меня по диким сонным долинам, крутым склонам холмов, где не ступала нога человека. Была, однако, некая долина на юго-западе, куда он ни за что не соглашался меня отвести. На дне этой долины издали были видны обломки рассыпавшихся или разбитых вдребезги колонн — свидетелей величия какой-то древней, ныне исчезнувшей цивилизации. Гром показал мне их сверху со скал, нависавших над этим таинственным местом, но наотрез отказывался идти туда со мной и отговаривал от намерения спуститься

в одиночку. Там таилось нечто таинственное и страшное — он боялся говорить об этом открыто, но опасность была более грозной, чем змеи, тигры или даже гигантские слоны, чьи стада иногда забредали сюда с юга.

По словам Грома, пиктов не пугали дикие звери — единственным, кого они действительно боялись, был Сатха, огромный удав. Но было что-то еще, что страшило их безмерно, и это нечто было каким-то образом связано с Долиной Потрескавшихся Камней — так они называли то место, где лежали разбитые колонны. Много лет назад их предки, появившись впервые в здешних краях, осмелились нарушить покой этого места, и целый их клан погиб некоей страшной, непонятной смертью. Так, во всяком случае, рассказывал об этом Гром. Ужас вынырнул откуда-то из земных недр, и говорить об этом вслух было, по его мнению, дерзким безрассудством, потому что вызвать «это» могло даже простое упоминание о нем.

Но в любом другом месте Гром готов был охотиться со мной сколько угодно. Он действительно был лучшим охотником среди пиктов, и мы с ним пережили множество опаснейших приключений. Однажды я железным мечом, выкованным собственными руками, зарубил огромную бесстию — серого саблезуба, нынче, вероятно, его называли бы тигром, поскольку он больше походил именно на этого хищника. На самом деле его приземистое тело, опиравшееся на массивные толстые лапы, напоминало, скорее, медвежье, но голова, несомненно, была тигриной. Он исчез с поверхности Земли потому, что был слишком страшен даже для тех кошмарных времен. Сила мышц его росла, постепенно усиливалась свирепость, а мозг уменьшался, и в конце концов саблезуб утратил инстинкт самосохранения. Его уничтожила сама природа, озабоченная сохранением собственного равновесия. Ибо если бы его невероятные бойцовские качества подкреплялись развитым мозгом, все иные формы земной жизни были бы неминуемо обречены на гибель. Саблезуб был шалостью эволюции — тупиковым ответвлением, направленным лишь на убийство и разрушение.

Я победил саблезуба в поединке, который сам по себе достоин того, чтобы его воспели в балладе или гимне. Долгие недели после этого я валялся в горячке и бреду со страшными ранами. Пикты качали головами и повторяли, что не помнят, чтобы хоть кому-нибудь удалось справиться с этой бестией в одиночку. Я же не только победил саблезуба, но и, ко всеобщему удивлению, выжил.

Пока я лежал, у врат королевства смерти, произошел раскол племени. Подобные события вовсе не считались чем-то особенным в те времена, и племя отнеслось к этому довольно спокойно. Сорок пять молодых воинов одновременно избрали себе спутниц жизни и откочевали, чтобы заложить новый клан, выбрав для поселения Долину Потрескавшихся Камней. Пикты предупреждали их об опасности, но асиры лишь смеялись над ними. Мы оставили своих демонов далеко на севере, среди ледяных пустынь, а чужими испугать нас было трудно.

Как только ко мне вернулись силы, я взял свой меч и отправился навестить друзей на их новом месте жительства. Грома со мной не было — он уже несколько дней не появлялся в лагере асиров. Но я знал дорогу и хорошо помнил то место, откуда открывался живописный вид на озеро в верхней части долины и густой лес на противоположном ее конце. Долину с двух сторон сторожили крутые скалы. Ее дно у нижнего, северо-западного края, было густо утыкано полуразрушившимися колоннами. Некоторые из них еще возносились над кронами деревьев, другие давно уже рассыпались, превратившись в груды камней, заросшие густой травой. Кто поставил там эти колонны, не знал никто. Гром, правда, пробормотал как-то нечто невнятное о волосатом, схожим с обезьяной существе, танцующем под звуки демонической музыки пицалок.

Я пересек плоскогорье, на котором стоял наш лагерь, спустился вниз по склону и углубился в заросли. От хребта, за которым лежала долина с колоннами, меня отделяло полдня неторопливой ходьбы. По дороге я не

заметил ни малейших следов деятельности человека — деревни пиктов стояли намного восточнее.

Преодолев хребет, я увидел внизу сонную долину, спокойное голубое озеро, торчавшие над деревьями колонны. Нигде ни струйки дыма, хотя именно дым костра я ожидал увидеть прежде всего. Зато мне сразу бросились в глаза стервятники, кружившие над шатрами, стоявшими на берегу озера.

Я осторожно спустился вниз и направился к этому небольшому лагерю. И тут же застыл на месте, потрясенный представшей передо мной страшной картиной. Я сталкивался со смертью во многих ее проявлениях, мне много раз удавалось удачно ее избежать, сам я неоднократно служил ей орудием, проливая кровь, как воду, и оставляя за собой горы трупов. Но то, что открылось моим глазам, остро задело даже мою огрубевшую душу. Лагеря моих друзей больше не существовало, в живых не осталось никого. Некоторые шатры еще стояли, другие были смяты в лепешку, как будто вдавлены в землю какой-то неведомой тяжестью. В первый момент у меня мелькнула мысль, что, может быть, здесь промчалось охваченное паникой стадо слонов. Но то, что я видел, было не под силу натворить никаким слонам. Мертвые тела асиров были страшно изуродованы. Лагерь буквально усеивали куски человеческих тел — руки, ноги, головы, внутренности... Везде валялось оружие, лезвия большинства мечей и наконечники копий были измазаны странной зеленоватой слизью, похожей на ту, что вытекает из тела раздавленной гусеницы. Несомненно, то, что я здесь видел, не могло быть делом человеческих рук — людям подобное не под силу. Я взглянул на озеро. Ровная густая голубизна его спокойных вод свидетельствовала о значительной глубине, не оттуда ли выползло какое-то ужасное чудовище? И тут я заметил след. Это была глубокая и широкая борозда, такую могла оставить огромная гусеница, уползшая куда-то в нижнюю часть долины. Трава внутри борозды была спрессована, кустарник и небольшие деревца изломаны и вдавлены в землю, сверху была заметна все та же зеленоватая слизь.

Когда я, выхватив меч, устремился по следу, сзади раздался чей-то крик. Овернувшись, я увидел сползающую по скале коренастую фигуру — это был Гром. Лишь памятуя о том, сколь глубоко коренился в пиктах страх перед долиной, можно правильно оценить самоотверженность, какую он проявил ради дружбы со мной.

Не выпуская из рук копья, с опаской поглядывая на сонные, заросшие кустарником склоны, он рассказал мне о той ужасной твари, что напала ночью на лагерь клана асиров. Но прежде он передал мне то, что узнал об этой твари от пиктских старейшин.

Много лет назад пикты пришли сюда с северо-востока. Местность эта изобиловала непуганым зверьем и съедобными растениями, поблизости не обитало никаких враждебных племен, и они решили остаться здесь навсегда.

Часть из них, целый клан могучего племени, выбрала для поселения долину, которую позже назвали Долиной Потрескавшихся Камней. Пикты осмотрели колонны и нашли скрытый в глубине рощи полуразрушенный храм. В храме, на месте, где обычно располагается алтарь, они обнаружили черный, невероятно глубокий колодец, абсолютно гладкие стены которого уходили куда-то в глубь Земли.

Они построили в долине хижины и начали мало-помалу обживать в долине, но однажды ночью, в полнолуние, они все были убиты чем-то неведомым — остались лишь покореженные хижины да покрытые мерзкой зеленой слизью изуродованные трупы.

В те далекие времена испугать чем-либо пиктов было почти невозможно. Воины остальных кланов, собравшись у костра, воззвали к своим богам и отправились по ведущему от места трагедии широкому кровавому следу, который привел их к колодцу в храме. Они заглядывали в колодец и бросали в него камни, но ни рассмотреть дно, ни услышать всплеска так и не смогли. Зато через некоторое время до их ушей донеслась какая-то музыка, и сразу же за этим из колодца выскочило странное существо, имеющее сходство с человеком. Оно приплясывало под звуки мелодии, плывшей из пицалок, мелькав-

ших в его тонких уродливых пальцах. Увидев это существо, пикты были изумлены, но следом за ним из-под земли выполз огромный пузырящийся клубок, осклизлый кошмар — пикты выпустили в него стрелы, вонзили мечи; стрелы пробивали его насквозь, но не могли остановить, мечи рассекали, но не могли убить. Истекающее слизью чудовище обрушилось на воинов. Оно давило их в кровавую кашу, рвало на куски, высасывало кровь и мозг из разможженных конечностей, пожирало живьем, хотя несчастные еще кричали и сопротивлялись. Немногие оставшиеся в живых бросились прочь, осклизлый же монстр гнался за ними до самых скал — там он остановился, не имея возможности втащить на них свое гигантское тело.

С тех пор пикты стороной обходили проклятую долину. Но погибшие там воины являлись в ночных снах шаманам и старейшинам племени, посвящая живых соплеменников в страшные, невероятные тайны. Они рассказывали о расе полулюдей-полумонстров, обитавшей некогда в этих краях, именно она возвела с какой-то, никому неведомой теперь целью колонны в долине. Белая тварь из колодца была богом этой расы, вызволенным из черных подземных глубин с помощью магии, непостижимой детям рода человеческого. Существо с пицалками было его слугой — бесформенным низшим духом, облеченным в материальное тело. Эта древняя раса давно исчезла с лица земли, а их бог и его слуга остались жить. Они не были неуязвимы, их тела можно было ранить — но люди не знали оружия, которое могло бы их убить.

Отделившийся клан асиров спокойно жил в долине около недели. Лишь вчера ночью Гром, охотившийся поблизости — что само по себе было еще одним свидетельством его отваги, — внезапно услышал высокие тона демонической музыки. Несколько мгновений спустя его ушей достигла какофония людских воплей — и заглушающее их отвратительное чавканье. Гром упал на землю и лежал, уткнувшись лицом в траву, не смея пошевелиться, до самого утра. На рассвете он, дрожа всем телом, осмелился подойти к обрыву и посмотрел вниз в долину.

То, что он увидел, несмотря на отделяющее его оттуда расстояние, заставило пикта обратиться в паническое бегство. Затем ему пришлось в голову, что необходимо предупредить остальных людей нашего племени. Уже направляясь к лагерю асиров, он оглянулся и увидел меня, стоявшего на скале над долиной.

Пока Гром рассказывал, я сидел, обхватив руками голову и целиком погрузившись в мрачные размышления. Современным языком невозможно выразить то на редкость крепкое чувство внутриплеменной связи, которое тогда играло исключительную роль в жизни любого мужчины и любой женщины. В мире, который со всех сторон грозил человеку клыками и когтями, где любая рука, кроме руки соплеменника, готова была нанести смертельный удар, инстинкт племенного родства был чем-то большим, нежели простым словом, каким он стал сейчас. Он был тогда неотъемлемой частью человека — столь же необходимой, как сердце или правая рука. Да и не могло быть иначе — только таким образом, тесно сплотившись, и мог род человеческий выжить в жестоких условиях первобытного мира. Поэтому то личное горе, которое я пережил, увидев останки моих близких друзей, тоска по безвозвратно сгинувшим сильным, отважным юношам и жизнерадостным, нежным девушкам тонули в море печали и ярости, глубина и интенсивность которых были воистину беспредельны. Я сидел, утрюмо сгорбив плечи, а Гром выжидательно поглядывал то на меня, то на ужасную долину, где, словно изъеденные зубы мерзких хохочущих ведьм, торчали древние разрушенные колонны.

Я, Ньорд, не был одним из тех, что привыкли постоянно шевелить мозгами. Я жил в мире, где царил физическая сила, и за меня чаще всего думали старейшины племени. Однако тупым безмозглым животным я тоже не был. Так что, пока я слушал Грома, в моей голове сначала туманно, а затем все более и более явственно начал складываться некий план.

Я вскочил на ноги, кивнул Грому, и мы вместе с ним приступили к работе — сложили на берегу озера огромную кучу из сухих веток, обломков стоек шатров и из-

ломанных копейных древков. Собрав то, что осталось от некогда живых и полных энергии людей, мы положили нашу скорбную ношу на самый верх кучи, и я высек искру.

Клубы темного густого дыма устремились к небу, а я повернулся к Грому и потребовал, чтобы он отвел меня в джунгли — туда, где затаился, подстерегая свою добычу, Сатха, великий змей. Пикт был немало ошарашен подобной просьбой — ведь даже лучшие из лучших пиктских охотников уступали дорогу этому грозному повелителю болот. Однако он покорился моей воле, и мы, выбравшись из долины, пересекли хребет и углубились в джунгли, идя по направлению на юг. Это был долгий и трудный путь, но в конце концов Гром вывел меня к краю обширной низины. Ее целиком покрывал губчатый ил, в котором по щиколотки вязли наши ноги, из-под слоя гниющей растительности при каждом шаге брызгали вверх струйки липкой жидкости. Гром сказал, что именно здесь время от времени появляется Сатха, великий змей пиктов.

Думаю, вам повезло, что вы никогда не видели удава Сатху. Созданий, подобных ему, уже давно не осталось на Земле. Как хищные динозавры, как саблезубы, он был реликтом, выходцем из прошлых, давно ушедших эпох — куда более суровых и жестоких, чем последующие. Во времена Ньорда, однако, эти ужасные, покрытые жесткой чешуей змеи еще жили, хотя оставалось их очень и очень немного. Каждый из них был гораздо длиннее и толще самого большого питона, с их клыков стекал яд, в сотни раз более опасный, чем яд королевской кобры. Сатха был воплощением зла и страха для всего живого на Земле. Легенды о нем навсегда вписаны в анналы демонологии. В мифологии стигийцев, а затем египтян он известен под именем Сета, для семитов Сатха был Левиафаном или Сатаной. Он был ползучей смертью, неумолимой и достаточно ужасной, чтобы удостоиться обожествления. Мне довелось увидеть, как огромный слон пал мертвым от одного-единственного укуса Сатхи. Я издали наблюдал за тем, как, величаво извиваясь, проползает его гигант-

ское тело сквозь густые джунгли, как он атакует очередную жертву, но я никогда не охотился на Сатху — на это не мог решиться даже я, не побоявшийся сразиться с саблезубом.

Теперь же я искал встречи с ним, искал в одиночку — потому что даже те горячие дружеские чувства, которые питал ко мне Гром, не смогли заставить его пойти со мной дальше болота. Перед тем, как расстаться со мной, он посоветовал мне вымазать грязью лицо и спеть песню смерти, поскольку гибель моя неизбежна, — однако я пропустил его слова мимо ушей.

Среди густой чащи я нашел нечто похожее на тропу и поставил там западню. Прежде всего я выбрал огромное дерево с мягкой волокнистой древесиной, но толстым и тяжелым стволом. Я срубил его мечом у самых корней и свалил так, что его верхушка упала на ветви дерева поменьше, росшего по другую сторону тропы. Затем я обрубил нижние ветви, вытесал тонкий, но крепкий кол и подпер им вершину древесного колосса. Когда я срубил дерево, на которое он опирался, тяжелый ствол глубоко вдавил кол в землю, и я устроил все так, что стоило мне потянуть за длинную и тонкую лиану, которую я заранее к нему привязал, как моя ловушка закрывалась.

Затем я вновь углубился в тонувшие в зеленом полумраке джунгли. Внезапно в мои ноздри ударил отвратительный удушающий смрад, и над деревьями появилась, раскачиваясь из стороны в сторону, ужасная голова Сатхи. Раздвоенный язык сновал в его рту, большие желтые глаза холодно вглядывались в меня — в них светилась зловещая мудрость мрачного древнего мира, в котором не было места людям. Я отшатнулся и бросился бежать. Страх я не испытывал — только странный холодок вдоль позвоночника. Сатха, извиваясь, проворно следовал за мной. Его тело длиной в восемьдесят локтей волнами перекашивалось через гниющие останки растений в абсолютной, какой-то гипнотической тишине. Клиновидная голова змея была больше лошадиной, туловище превосходило толщиной тело человека, чешуя переливалась тысячей цветов и оттенков. Я был для него столь же легкой

добычей, как мышь для питона — но таких клыков, какие были у меня, не имела ни одна мышь на свете.

Я бежал быстро, но прекрасно понимал, что от молниеносного удара треугольной головы уклониться не смогу, поэтому Сатху нельзя было подпускать близко. Я мчался по тропе, прислушиваясь к похожему на шелест травы под ветром шуршанию ползущего за мной длинного гибкого тела.

Змей уже почти настиг меня, когда я пробежал под устроенной мной западней. Когда я обернулся, его блестящее узорчатое тело уже скользило под деревом. Схватившись обеими руками за лиану, я напряг мышцы и отчаянно рванул ее на себя. Огромное бревно с грохотом обрушилось на чешуйчатое тело Сатхи примерно в шести локтях за его головой. Я надеялся, что такой удар может сломать ему позвоночник, но, похоже, этого не произошло. Гигантское тело змея извивалось, как бешеное, мощный хвост косил деревья, как траву. Когда тяжелый ствол рухнул на Сатху, его клиновидная голова мгновенно повернулась и стремительно атаковала нового врага — острые клыки вспороли кору, словно лезвия кинжалов. Однако он тут же понял, что сражается с противником, которому его яд принести вреда не может, и снова повернул голову ко мне. Я стоял в безопасном отдалении от гигантской рептилии. Сатха выгнул покрытую чешуей шею и разинул страшную пасть, обнажая клыки длиной почти в целый локоть. Яд, стекающий с них, казалось, способен был прожечь даже прочный камень.

Думаю, что если бы не сломанный сук дерева, глубоко вонзившийся в бок змея и удерживающий его на месте, подобно гарпуну, он все же сумел бы выбраться из-под дерева. Он издавал свистящее шипение, перекрывающее шум ветра, желтые пронзительные глаза вперились в меня с такой ненавистью, что я задрожал помимо воли. О да, он отлично понимал, что это я устроил ему ловушку. Я подошел настолько близко, насколько мне хватило духа, и точным сильным движением метнул копьё в шею Сатхи, целясь в точку сразу же за разинутой клыкастой пастью. Мое оружие пронзило тело змея насквозь и увязло

в стволе дерева. Вообще-то, я достаточно сильно рисковал Сатха, хоть и относительно лишенный свободы движений, был еще полон сил, и я догадывался, что ему хватит секунды, чтобы вырвать копье, — однако этих мгновений у него не оказалось — я подскочил к нему вплотную и нанес по его шее сильный удар мечом, напрочь отрубая его клыкастую голову.

Изгибы и рывки пойманного Сатхи были ничем по сравнению с предсмертными конвульсиями его обезглавленного тела. Я оттащил подальше свой трофей — отрубленную голову змея — и, убедившись, что устроился вне досягаемости для смертоносных ударов могучего хвоста, принялся за дело. Никогда никто из людей не работал с большей осторожностью, чем я в тот момент — малейшая ошибка грозила мне немедленной смертью. Я вскрыл мешочки с ядом и погрузил в них бронзовые наконечники одиннадцати стрел из своего колчана, тщательно следя за тем, чтобы эта страшная жидкость не попала на их деревянные древки — она пережгла бы их во мгновение ока.

Тут я увидел, что из-за деревьев осторожно выглядывает Гром — любопытство и страх за меня все же не дали ему усидеть там, где я его оставил. Глаза и рот пикта широко раскрылись, когда он увидел отрубленную голову Сатхи.

Наконечники вымачивались в яде несколько долгих часов, пока не покрылись смертоносным зеленоватым налетом, местами на них стали заметны мелкие черные точки — следы травления металла ядом. Затем, хотя ночь уже опустилась на землю и вокруг слышалось рычание выпешдших на охоту хищников, мы с Громом отправились в обратный путь и на рассвете добрались до скал, нависавших над Долиной Потрескавшихся Камней.

Перед тем как спуститься в долину, я сломал свое копье, а также вытащил из колчана, сломал и выбросил все неотравленные стрелы. Затем я выкрасил лицо и руки так, как это принято у асиров, когда они идут на смертельную схватку. Утренний ветер трепал светлую гриву моих волос, когда я, повернувшись лицом к восходящему

над хребтом солнцу, пел свою песню смерти. Наконец, проверив в последний раз лук, я направился вниз.

Гром не решился последовать за мной. Он упал лицом вниз на камни и протяжно завыл, словно раненый пес.

Я прошел мимо озера, оставив в стороне еще дымящиеся угли погребального костра, и углубился в рошу. Везде, сколько хватало взгляда, высились колонны — выщербленные, бесформенные, невероятно древние. Деревья росли очень густо — свет, казалось, затухал и чах в их раскидистых кронах. В полумраке обрисовались очертания полуразвалившихся стен огромного храма, возле них валялись в пыли груды осыпавшейся штукатурки и цельные скальные блоки. Примерно в шести сотнях ярдов, на краю прилегающей к храму большой поляны, стояла колонна высотой в семь или восемь сотен локтей. Время и непогода изрядно потрудились над ней, так что теперь любой ребенок из моего племени без труда вскарабкался бы на самый ее верх. Увидев эту колонну, я изменил свой первоначальный план.

Подойдя ближе, я внимательно пригляделся к циклопическим стенам, на которых чудом держался купол крыши. Он был настолько дырявым, что напоминал выгнутый вверх и поросший мхом скелет какого-то неведомого гигантского животного. Вход стерегли высокие колонны, он был настолько широк, что через него свободно прошел бы, двигаясь бок о бок, целый десяток слонов. Быть может, когда-то на них были высечены какие-то знаки или иероглифы, но, даже если это и было так, их давно уже стерло всепожирающее время. Внутри храма также стояли колонны, сохранившиеся несколько лучше наружных. Каждую из них венчал плоский пьедестал. Подсознание тут же нарисовало мне туманные образы чудовищных отвратительных существ, восседавших на этих пьедесталах, верша неведомые обряды, истоки которых терялись где-то во мраке юности вселенной.

Алтаря в храме не оказалось — там, где он должен был находиться, в каменном полу зияла дыра, вокруг которой стояли странные статуи, чей вид вызывал отвращение. Я вывернул из потрескавшегося пола несколько

больших камней и швырнул их во мрак дыры — было слышно, как они ударяются о стенки колодца, но я так и не дождался характерного стука, с которым камень падает на дно. Камень за камнем летели в бездну, и каждый из них я сопровождал громким проклятием. И вот, наконец, я услышал звук, который не был отголоском падения камней — из глубины колодца поплыли чарующие звуки пищалки. Я заглянул внутрь — и увидел, что где-то глубоко во тьме ворочается огромная белая масса.

По мере того как музыка становилась все громче, я медленно отступал назад. Пройдя под аркой, я вышел наружу и остановился. Послышался скрежет и царапанье, и секундой позже из-за колонны выскочило, приплясывая, странное существо. Похожее на человека фигурой, оно целиком было покрыто густой шерстью. Если у него и были рот, нос и уши, я их не заметил — лишь пара горящих багровых глаз злобно таращилась на меня из-под шерсти. Существо держало в уродливых, деформированных руках несколько пищалок, извлекая из них звуки демонической мелодии. Приплясывая и подпрыгивая, это создание приближалось ко мне.

Я вытащил стрелу, натянул лук и послал ее прямо в грудь плясуну. Тот упал, как подкошенный, но музыка, к моему удивлению, звучала по-прежнему, хотя пищалки выпали из бесформенных ладоней. Я подбежал к колонне и, не оглядываясь, вскарабкался по ней вверх. Добравшись до верхушки, я взглянул вниз и чуть не свалился от ужаса и неожиданности.

Из храма выползал его омерзительный страж. Я готов был к встрече с чем-то ужасным, но то, что я увидел, лежало вне границ человеческого восприятия, было воплощением чудовищного ночного кошмара. Не знаю, из каких адских глубин оно выползло века назад и какая эпоха его породила. Оно не было животным — ни в одном из земных языков нет слова, которое могло бы послужить ему названием, и я, за неимением лучшего термина, буду называть его Червем. Могу лишь сказать, что он на самом

деле больше походил на червяка, чем на змею, осьминога или динозавра.

Он был белым, мягким и, подобно червяку, волочил по земле свое студенистое тело. Но у него были также широкие плоские щупальца и какие-то длинные мясистые выросты, назначение которых осталось для меня тайной. Был у него и длинный хобот, который сворачивался и разворачивался, подобно слоновьему. Четыре десятка глаз, расположенных по кругу, складывались из многих тысяч фасеток, переливавшихся яркими красками, непрерывно изменявших цвет и оттенок. Я угадывал за ними могучий ум — не людской, не звериный, но рожденный во мраке демонический разум, пульс мыслей которого, бьющийся в черной бездне за границами нашей вселенной, иногда ощущается нами во сне. Сказать, что это проклятое чудовище было огромным — значило бы не сказать ничего. Рядом с ним и мамонт показался бы карликом.

Я дрожал от ужаса и омерзения, но натянул тетиву аж до уха и послал в чудовище стрелу. Тварь ползла ко мне, словно живая гора, подминая под себя кусты и мелкие деревья. Я слал, уже не целясь, стрелу за стрелой: промахнуться в столь гигантскую цель было невозможно. Стрелы по оперение вонзались в трясущуюся студнеобразную массу, некоторые тонули в ней полностью, и каждая из них несла на своем наконечнике смертельную для любого живого существа дозу яда. Но чудовище, двигаясь с удивительным проворством, продолжало неумолимо надвигаться на меня, не обращая ни малейшего внимания ни на стрелы, ни на яд. И все это время звучала сводящая с ума мелодия, лившаяся из лежащих на земле пищалок. Моя вера в победу таяла — даже яд Сатхи оказался бессильным против этого исчадия ада. Последнюю стрелу я послал в эту белую, трясущуюся гору почти вертикально вниз — так близко тварь подползла к моему убежищу.

И вдруг я увидел, что цвет тела чудовища начал меняться — по нему пробежала волна жуткой синевы, и оно содрогнулось в конвульсиях, подобных землетрясению. Монстр обрушился на нижнюю часть колонны, на которой я сидел, сокрушая ее в прах. Но прежде, чем

это произошло, я успел изо всех сил оттолкнуться ногами и прыгнул вперед, стараясь попасть на спину чудовища.

Губчатая студенистая масса спружинила под моими ногами. Я поднял обеими руками меч — и по рукоятку вбил его в мягкое тело и тут же вытащил. Из длинного разреза фонтаном хлынула струя зеленой слизи. Секундой позже удар толстого щупальца как козявку смахнул меня со спины колосса и подбросил на три сотни локтей вверх. Я камнем рухнул на кроны деревьев.

Этот удар переломал половину моих костей. Я не смог пошевелить ни рукой, ни ногой, когда попытался снова схватить меч и продолжить сражение. Что можно сделать с перебитым позвоночником? Лишь беспомощно извиваться, подобно червяку... Но я видел студенистую тварь, и до моего сознания начало доходить, что, несмотря ни на что, победил все же я. Гигантское тело вздымалось и выгибалось, щупальца бешено молотили по воздуху, хобот беспрестанно скручивался и распрямлялся. Тошнотворная белизна тела монстра сменилась бледной мрачной прозеленью. Бестия неуклюже развернулась и поползла назад к храму, раскачиваясь из стороны в сторону, словно корабль в бушующем море. Деревья гнулись и ломались, как пруттики, когда она цеплялась за них своим телом.

Я рыдал от бессильного бешенства, ибо не мог схватить свой меч и погибнуть с честью, насытив могучими ударами пылавшую в моей душе ярость. Но бога-червя уже коснулось крыло смерти, и мой меч едва ли смог бы принести сейчас много пользы. Дьявольские пищалки все еще наигрывали свою потустороннюю мелодию, которая звучала сейчас песней смерти для чудовища. Я видел, как монстр схватил тело своего мертвого раба. Оно на секунду повисло в воздухе, оплетенное одним из щупалец, затем чудовище ударило им о стену храма с такой силой, что от обезьяноподобного плясуна не осталось ничего, кроме большого кровавого пятна. Лишь после этого пищалки, пронзительно взвизгнув, умолкли навсегда.

Червь дотащился до края колодца. Тут в нем снова произошло изменение, сути которого я не смогу описать. Даже сейчас, когда я пытаюсь обдумать это спокойно,

мне удастся лишь смутно осознать, что нечто сверхъестественное, кошмарное, шокирующее творилось с самой материей, ее формой. Монстр сполз в колодец и рухнул вниз, в крошечную тьму, из которой появился, и я знал уже, что он мертв. В то же мгновение, когда тело чудовища исчезло в колодце, стены храма дрогнули, колонны выгнулись вовнутрь и рассыпались с оглушительным треском, свод со страшным грохотом обрушился вниз. Некоторое время в воздухе висела сплошная завеса пыли, деревья вокруг раскачивались и гнулись, словно под ударами бури... затем все стихло. С трудом подняв руку, я вытер ладонью кровь с лица и осмотрелся вокруг. Там, где прежде стоял храм, возвышалась огромная груда каменных обломков. Все колонны в долине рухнули, превратившись в кучи камней.

Вопарившуюся тишину прервал горестный голос Грома, певший песню скорби над моим неподвижным телом. Я попросил его вложить в мою руку меч. Он сделал это и наклонился надо мной, чтобы выслушать то, что я хотел ему сказать — ибо время мое уже истекало.

— Пусть люди помнят, — сказал я тихо. — Пусть весть о том, что здесь случилось, летит из лагеря в лагерь, из клана в клан, от племени к племени. Положите меня с луком и мечом в руках здесь, на этом месте, и насыпьте надо мной курган. Если дух убитого мною бога вернется из бездны, мой дух всегда будет готов достойно встретить его.

Гром стонал и бил себя кулаками в грудь, когда смерть нашла меня в Долине Ужаса.

КОРОЛЕВСТВО ТЕНЕЙ

1. Кулл, король Валузии

Рев труб нарастал, как приливная волна, как шум прибоя, бьющегося о белые скалы Валузии. Из толпы слышались радостные возгласы, женщины бросали цветы, а стук серебряных подков все приближался, и вот, наконец, первые ряды воинов показались на широкой светлой улице, огибавшей устремленную в небо Башню Славы.

Впереди, трубя в длинные золотистые фанфары, ехали герольды — стройные юноши в пурпурных одеяниях. За ними шли лучники — высокие статные горцы, следом за лучниками — тяжеловооруженная пехота: широкие щиты громыкали в такт шагам, в том же темпе покачивались наконечники копий. За пехотой следовали лучшие в этом мире воины — Алые Убийцы, от шлемов до шпор все в красном. Они величаво проплыли на своих великолепных скакунах и, хотя, несомненно, хорошо слышали обращенные к ним восторженные возгласы, смотрели прямо перед собой, застыв в седлах, словно бронзовые изваяния. За этими гордыми, страшными в бою воинами пестрыми потоками влились на площадь отряды наемников: диких кочевников из Му и Каалу, вооруженных широкими тяжелыми мечами и дротиками. За ними, в некотором отдалении, тесно сомкнув ряды, шли лучники из Лемурии. Позади всех — легкая пехота, а замыкали шествие снова горнисты.

Это изумительное зрелище щемящей болью восторга

отзывалось в сердце Кулла, короля Валузии. Вот он скользнул взглядом по горнистам; вот поднял руку, отвечая на приветствия всадников, остановил взгляд на пехоте. Его глаза вспыхнули, когда в поле зрения показались Алые Убийцы, зрачки сузились, когда их сменили наемники. Эти шли гордо, глядя на короля смело, но с уважением. Кулл ответил им таким же смелым взглядом. Он ценил храбрость, а во всем мире не было воинов отважнее, чем эти — даже среди дикарских племен пограничья. Однако, сколь бы глубоким ни было это чувство взаимного уважения, между ними не могло возникнуть даже намек на дружеские отношения. Кулл, король Валузии, был по происхождению атлантом, а не валузийцем, а атланты издревле воевали со своими западными соседями. И хотя имя Кулла было предано проклятью также среди гор и долин его собственного народа, а сам он старался вытравить из памяти все, что касалось его происхождения, в нем еще много оставалось от варвара, и давние обиды продолжали прочно гнездиться в его сердце.

Парад войск закончился. Кулл повернул жеребца и твердой рукой направил его во дворец. По дороге он бросил несколько слов сопровождавшим его членам Королевского Совета.

— Армия подобна мечу, — сказал он. — Нельзя позволять ржаветь оружию.

Из все еще клубившейся на площади толпы слышались обрывки фраз:

— Это Кулл, видишь! Какой мужчина! Ты посмотри на его плечи! А какие мускулы!

И тише, но с утрозой:

— Проклятый узурпатор!

— Да, это позор для Валузии, этот варвар на древнем троне.

Острый слух Кулла уловил шепот, но король не придавал ему особого значения. Он твердой рукой перехватил руль клонившейся к упадку империи, еще более твердо его

удерживал — это, разумеется, далеко не всем было по нраву.

Когда придворные, льстиво поздравив его с удавшимся парадом, разошлись, король опустился на обитый горностаевым мехом трон и погрузился в тяжелые раздумья. Слуга, почтительно склонившись в низком поклоне, доложил о том, что в соседнем зале дожидается приема гонец пиктского посла. С трудом вырвавшись из лабиринта запутанных проблем государственной политики, король без особой симпатии взглянул на непрошеного гостя. Это был широкоплечий воин, среднего роста, с характерной для его расы смуглой кожей.

— Глава Совета Ка-Ну, правая рука короля пиктов, приветствует тебя и просит передать, что у пиришественного стола в его резиденции есть место для Кулла, короля королей, императора Валузии.

— Хорошо, — ответил Кулл. — Передай почтенному Ка-Ну, послу Западных Островов, что повелитель Валузии отведает вина с его стола, как только луна взойдет над холмами Залгары.

Пикт, однако, не двинулся с места.

— Мой вождь просит, чтобы ты пришел один, о господин.

Глаза короля озарились холодным, словно сталь меча, блеском.

— Один?

— Да, мой господин.

Они молча смотрели друг на друга, причем лишь тонкая паутинка этикета сдерживала кипевшую в них взаимную межплеменную ненависть. Они обменивались гладкими учтивыми фразами цивилизованной расы, которая не была расой ни того, ни другого, а в глазах их горела давняя дикая ярость. Пусть Кулл был королем Валузии, а пикт — представителем посла суверенной союзной страны, сейчас в зале приемов встретились два варвара, ослепленные старой, как мир, ненавистью, оглушенные шумом давно отгремевших сражений.

Перевес был на стороне короля, и он наслаждался

этим в полной мере. Подперев рукой голову, он долго смотрел в темные, непроницаемые глаза застывшего, как статуя, посланника.

— Значит, я должен прийти... один? — тон вопроса Кулла был таким, что глаза пикта грозно сверкнули. — А чем ты докажешь, что тебя действительно послал Ка-Ну?

— Моим словом, — мрачно ответил пикт.

— С каких это пор можно верить слову пикта? — Кулл прекрасно знал, что пикты никогда не лгут, но явно хотел вывести из себя собеседника.

— Я знаю, чего ты хочешь, о король, — спокойно ответил тот. — Ты ждешь, чтобы я выказал свой гнев. Напрасно. Но я уже достаточно зол и вызываю тебя на поединок. На копьях, на мечах или на кинжалах, на конях или спешенными. Если ты мужчина, прими мой вызов!

Король взглянул на пикта с невольным уважением: столь безрассудная отвага не могла не вызывать восхищения. Тем не менее, он не упустил okazji разозлить его еще больше.

— Король не может принять вызов от безвестного дикаря, — сказал он с пренебрежением. — Можешь идти. Передай Ка-Ну, что я приду — один.

Глаза пикта зловеще сверкнули. Весь дрожь от первобытной жажды крови, он повернулся, медленно пересек зал приемов и исчез за огромной дверью.

Кулл задумался. Глава Совета пиктов хочет, чтобы он пришел к нему без охраны. Почему? Заговор? Кулл доглотнул до рукояти длинного меча. Нет, пиктам слишком выгоден мир с Валузией, чтобы нарушать его из-за каких-то давних счетов. Кулл был атлантом, извечным врагом всех пиктов, но он был также королем Валузии, сильнейшего союзника Западных Островов. Он улыбнулся, подумав об иронии судьбы, превратившей его во врага прежних друзей и союзника исконных врагов. Подчиняясь жажде власти, он порвал узы дружбы, традиций, рода. И Валк, бог морей и суши, свидетель — он эту жажду

утолил сполна. Он стал королем Валузии — страны, крепящейся к упадку, живущей лишь воспоминаниями о прежней славе, но все еще могущественной, самой сильной из Семи Империй.

Его народ называл Валузию Страной Снов, и ему казалось, что он живет именно во сне. Его удивляли дворцы и дворцовые интриги, армия и народ. Все это было похоже на бесконечный маскарад, на котором настоящие лица скрываются за улыбающимися масками. И ведь добыть трон оказалось совсем не трудно — стоило лишь смело воспользоваться удачным случаем. Затем свист меча, восторженно принятая всеми смерть тирана, умелое лавирование между политиками — и Кулл, искатель приключений, выдворенный из родной Атлантиды, оказался на недостижимой высоте — он стал королем королей, властелином Валузии. Сейчас, однако, он отчетливо осознавал, что удержать власть во много раз труднее, чем захватить. И вновь Кулл почувствовал странное беспокойство. Кто он такой, чтобы править народом, хранящим необычные, страшные, извечные тайны? Архистарым народом...

— Я Кулл! — сказал он сам себе, поднимая гордо голову. — Кулл!

Он обвел взглядом зал и ощутил вдруг в душе странную неуверенность. И тут он заметил, что в темном углу стенная обивка едва заметно шевельнулась.

2. И безмолвные дворцы Валузии заговорили

Луна еще не показалась на горизонте, и сад освещался факелами, плававшими в серебряных держателях, когда Кулл занял почетное место за пиршественным столом Ка-Ну, посла Западных Островов. В после, сидевшем по его правую руку, трудно было найти что-либо от той воинственной расы, представителем которой он был в Валузии. Ка-Ну был опытным дипломатом, состарившимся в гуще политических интриг, ни племенные традиции, ни сословные предрассудки не имели над ним никакой

власти. Встретившись с человеком, он думал не о том, кто он такой и что собой представляет, но о том, можно ли его использовать в своих целях, и если можно, то как.

Кулл вяло отвечал на учтивые вопросы Ка-Ну, с тоской думая о том, что и он когда-нибудь может стать таким же, как этот престарелый пикт. Посол был толстым и обрюзгшим, с тех пор, когда он в последний раз держал в руках меч, прошло уже очень много лет. А ведь Куллу встречались люди и постарше Ка-Ну, шагавшие в бой в первых рядах воинов.

За спиной Ка-Ну стояла девушка необыкновенной красоты, наполнявшая вином его кубок. Надо сказать, отдыхать ей не приходилось. Ка-Ну беспрерывно сыпал шутками и анекдотами, и Кулл, презирая в душе чрезмерную болтливость, тем не менее старался не пропустить мимо ушей ни единого слова. За столом сидели также другие пиктские вожди и дипломаты. Последние вели себя непринужденно, в поведении же первых ощущалась определенная скованность, им нелегко было переступить через себя, забыть о давних раздорах и вражде. И все же Кулл наслаждался атмосферой приема, столь отличной от той, которая господствовала при его дворе. Как похоже это было на Атлантиду...

Кулл пожал плечами. Что ж, Ка-Ну, который, наверное, забыл, что он пикт, прав, и ему, Куллу, тоже пора стать валузийцем не только внешне.

Когда луна оказалась, наконец, в зените, Ка-Ну, который съел и выпил больше, чем любые трое из его гостей вместе взятые, откинулся на софе и вздохнул с видимым облегчением.

— Теперь оставьте нас, друзья, — сказал он. — Мы с королем должны обсудить дела, о которых детям знать не положено. Да-да, ты тоже иди, моя малышка, дай я только поцелую твои сладкие губки... вот так, а теперь беги, бутончик ты мой розовый.

Ка-Ну погладил седую бороду и посмотрел испытующим взглядом на утробно молчащего Кулла.

— Так ты считаешь, Кулл, — сказал вдруг дипломат, — что Ка-Ну старый распутник, который годится лишь на то, чтобы лакать вино и шунать девок?

Кулл вздрогнул от неожиданности. Старик высказал вслух именно то, о чем он только что подумал.

— Вино веселит разум, женщины прелестны, но — хе-хе! — не думай, что хоть что-нибудь из этого мешает старому Ка-Ну заниматься делом.

Он захохотал так громко, что его огромное брюхо заколыхалось, подобно медузе. Кулл наклонился вперед. Это уже становилось похожим на издевку, и в глазах короля загорелись грозные огоньки.

Посол потянулся за кувшином, наполнил свой кубок и взглянул на гостя. Тот молча покачал головой.

— Ну, что ж, — нимало не смущаясь, сказал Ка-Ну, — а моей старой голове постоянно требуется разогрев. Я все больше старею, Кулл, так почему же я должен отказываться от тех немногих удовольствий, которые нам, старикам, еще доступны. Да, я старею, опускаюсь... меня гложет тоска.

Заметить это по его виду было, однако, трудно: румяное лицо посла лоснилось, глаза блестели так, что седая борода казалась на его лице чем-то лишним. «И правда, он прекрасно выглядит, — подумал Кулл, чувствуя себя слегка уязвленным. — Этот старый прохвост утратил все черты своей — и его, Кулла, — расы, но, несмотря на это, наслаждается старостью, как никто иной».

— Послушай же, — сказал, наконец, Ка-Ну, — рискованное это дело — хвалить юношу, глядя ему в глаза. Но я должен высказать то, что думаю о тебе на самом деле, иначе мне не завоевать твоего доверия.

— Если ты хочешь завоевать его лестью, то...

— Успокойся! Кто говорит о лести? Я лщу только тем, кого хочу обмануть.

Глаза Ка-Ну вспыхнули холодным огнем, мало совместимым с язвительной улыбкой, игравшей на его губах. Старый лис разбирался в людях и знал, что с этим варваром-тигром следует играть в открытую, что он, по-

добно волку, нюхом обнаруживающему капкан, мигом уловит любую фальшь, таящуюся за паутиной слов.

— У тебя достаточно сил, — сказал пикт, подбирая слова тщательнее даже, чем на заседаниях Совета, — чтобы стать величайшим из королей, чтобы восстановить — хотя бы частично — давнее могущество Валузии. Да, это так. Что касается Валузии, до нее мне дела нет, хотя вино и женщины здесь великолепны. Однако чем она сильнее, тем в большей безопасности находится народ пиктов. Более того, с атлантом на троне она может присоединить к себе Атлантиду...

Кулл горько усмехнулся. Ка-Ну коснулся старой раны.

— Атлантида прокляла мое имя, когда я переступил порог этого мира в поисках счастья и славы. Мы... они — извечные враги Семи Империй. Тебе это должно быть хорошо известны.

Ка-Ну погладил бороду и загадочно усмехнулся.

— Оставим это. Хотя я знаю, о чем говорю. Никто не станет затевать войну, если она не будет сулить выгоду. Нас ждет эпоха мира и покоя, я предчувствую победу добра над злом, вижу людей, живущих в любви и довольстве. Ты можешь приблизить эту эпоху... Если, конечно, останешься в живых.

— Ха! — Кулл вскочил на ноги с такой ошеломляющей быстротой, что Ка-Ну, привыкший оценивать людей так, как иные оценивают лошадей, почувствовал, что его сердце зашло от восторга. «О боги! Этот юноша — само совершенство! Нервы и мускулы как из стали, превосходная координация движений, мгновенная реакция — все, что делает воина непобедимым в бою». Ни одна из этих мыслей, проскользнувших в мозг Ка-Ну, никак не отразилась, однако, в его полных сарказма, произнесенных холодным тоном словах:

— Успокойся. Сядь и оглядись вокруг. В саду пусто, за столом, кроме нас с тобой, тоже никого нет. Надеюсь, ты меня не боишься?

Кулл внимательно осмотрел сад и сел на место.

— Это в тебе проснулся дикарь, — сказал дипло-

мат. — Подумай только, если бы я что-то замышлял против тебя, разве выбрал бы я для встречи место, где все подозрения падут на меня? Ах, молодежь, как многому вам еще надо научиться! Тут вот сидели мои люди, и им было очень не по себе от соседства с тобой потому, что ты атлант по рождению. Ты, в свою очередь, презираешь меня за то, что я пикт. А я вижу в тебе Кулла — повелителя Валузии, Кулла — короля королей, а не Кулла — легкомысленного атланта, атамана шайки грабителей, захватившей богатую страну. Ты тоже должен почувствовать себя, наконец, человеком без нации, гражданином мира. И, кстати, если бы ты погиб завтра, кто стал бы королем Валузии?

— Каануб, барон Блаад.

— Ах, вот как... Мне многое не нравится в этом человеке, но более всего то, что он всего лишь марионетка в чужих руках.

— Почему это? Он был самым значительным из моих противников, и я никогда и мысли не допускал, что он защищает чьи-либо еще интересы, кроме своих собственных.

— Ночь все слышит, — ответил Ка-Ну. — И внутри нашего мира есть еще миры. Мне, впрочем, ты можешь доверять. Брулу Копейщику — тоже. Взгляни-ка сюда.

На его раскрытой ладони лежал браслет — троекратно свернувшийся кольцом крылатый дракон с тремя рубиновыми рогами на голове.

— Приглядишься к нему повнимательнее. Когда Брул появится у тебя завтра ночью, этот браслет будет у него на руке. Доверься этому человеку и сделай все, что он укажет. И в доказательство того, что я доверяю тебе, — смотри!

Он рывком вытащил из складок своей одежды предмет, блеснувший магическим зеленоватым светом, и тут же спрятал его обратно.

— Похищенный бриллиант! — воскликнул король изумленно. — Зеленый алмаз из храма Змея. О боги! Так значит, это твоя работа? Но зачем ты мне его показал?

— Чтобы спасти тебе жизнь. Чтобы ты мне поверил. Если ты заподозришь меня в предательстве, можешь сделать со мной, что пожелаешь. Моя жизнь в твоих руках. Я не могу теперь тебя обмануть, ведь ты одним словом можешь вынести мне смертный приговор.

Старый хитрец, произнося эти слова, весь сиял и самодовольно прикрывал глаза, явно радуясь произведенному им впечатлению.

— Но почему ты отдаешься в мои руки? — удивление Кулла росло с каждой минутой.

— Я уже сказал тебе об этом. Теперь ты видишь, что я честен с тобой. А завтра, когда Брул придет к тебе во дворец, ты послушаешься его совета, не боясь измены. И хватит об этом. Эскорт ждет тебя, мой господин, у ворот, чтобы сопроводить во дворец.

Кулл встал.

— Но ведь ты ровным счетом так ничего мне и не сказал.

— Ох, молодость, молодость, как ты нетерпелива! — сейчас Ка-Ну более чем когда-либо напоминал своим видом толстого грубовато-веселого эльфа. — Иди, юноша, и пусть тебе приснятся трон, армии, королевства, ну а я увижу во сне вино, женщин, розовые лепестки... Будь счастлив, король!

Направляясь к выходу, Кулл еще раз оглянулся. Ка-Ну, развалившийся на софе, прямо-таки источал добродушную жизнерадостность. У ворот Кулла поджидал какой-то воин на коне. Король несколько удивился, обнаружив, что это тот самый человек, который принес ему приглашение пиктского посла. Проезжая по пустым улицам города, они не сказали друг другу ни единого слова.

Дневные краски, гомон и суэта уступили место глубокой ночной тишине. В серебристом свете луны более чем когда-либо ощущалась древность города. Громадные колонны в дворцах и замках, казалось, подпирали небеса. Лестницы, пустые и тихие, возносились куда-то в беспредельную высь, исчезая во мраке небесных сфер. «Ле-

стницы в небо», — подумал Кулл. Тайнственное велико-
лепие этой сцены будоражило его воображение.

Цок-цок-цок! Только серебряный звук подков нарушал царившую на залитых лунным светом улицах тишину. Невероятная древность города почти физически давила на Кулла, ему казалось, что он слышит, как огромные притихшие здания смеются над ним. Какие они скрывают в себе тайны?..

«Ты молод, — слышался ему шепот дворцов, святилищ и храмов, — ты молод, а мы — стары. Мир, который воздвиг нас, тоже когда-то был молод. И ты, и твой народ уйдете, а мы будем стоять здесь вечно. Мы были здесь еще до того, как Атлантида и Лемурия поднялись из океанских вод. Мы будем стоять здесь и тогда, когда зеленая вода покроет многомильным слоем горные хребты Лемурии и холмы Атлантиды. По этим улицам шествовали могучие короли, их много сменилось здесь еще тогда, когда Кулл — выходец из Атлантиды, был лишь маленькой частичкой сна Ка, Птицы Мира. Проезжай, Кулл-атлант, тебя сменят более достойные, ибо более достойные были и до тебя. Теперь о них забыли, они обратились в прах, а мы стоим, смотрим, ждем... Проезжай, Кулл-атлант, Кулл-король, Кулл-дурак!»

Куллу казалось, что подковы его скакуна подхватили этот рефрен и выбивают в ночной тишине издевательский ритм: «Кулл-ко-роль, Кулл-ду-рак!»

«Свети, луна, ты освещаешь дорогу королю! Сияйте, звезды, вы — факелы на пути императора! Звените, подковы, это король королей едет по Валузии! Эй, Валузия, проснись! Едет Кулл, твой повелитель! Скольких повелителей я уже видел! И скольких еще увижу!» — это отозвался молчавший до сих пор королевский дворец.

Королевские гвардейцы — Алые Убийцы — выскочили навстречу королю, подхватывая поводья его скакуна. Пикт молча рванул узду, заворачивая своего коня, и исчез во тьме. Куллу почудилось, что он видит, как тот скачет по притихшим городским улицам, словно призраком — выходец из Прежнего Мира.

Он не спал в эту ночь. Уже брезжил рассвет, а он все мерил шагами тронный зал, обдумывая то, что услышал. «Ка-Ну ничего не сказал, но тем не менее полностью отдался на мою милость или немилость. Что он имел в виду, когда говорил, что барон Блаал — лишь марионетка? Кто такой Брул, который должен появиться во дворце с этим странным браслетом на руке? И, самое главное, — зачем Ка-Ну показал ему зеленый алмаз, много лет назад похищенный из храма Змея? Если бы об этом узнали страшные жрецы этого святилища, расплата была бы ужасна. Даже храбрым соплеменникам Ка-Ну не удалось бы спасти его от их мести. Но он ведь чувствовал себя в безопасности, — думал Кулл. — В его дипломатических способностях сомневаться не приходится, он не пошел бы на такой риск, не будь на то серьезной причины. Или же все это — только предлог, чтобы посеять в нем, Кулле, недоверие к гвардии и облегчить успех нового заговора? Осмелится ли Ка-Ну сохранить ему жизнь теперь?»

Ответов на эти вопросы у короля не было.

3. Те, что приходят ночью

Луна еще не появилась на небе, когда Кулл, держа руку на рукояти меча, выглянул из окна. Окно выходило во внутренний дворцовый сад, сейчас его дорожки и аллеи были пусты, а деревья превратились в неясные тени. Из фонтанов, тех, что поближе, били в небо сверкающие в звездном свете серебристые струйки воды, от тех, что подальше, доносилось лишь глухое журчание. Стражи в саду не было. Крепостные стены тщательно охранялись, и сама мысль о том, что сюда может проникнуть кто-то чужой, казалась абсурдной.

По стенам дворца вились виноградные лозы. Кулл как раз подумал о том, что по ним, вообще-то, нетрудно взобраться наверх, когда чья-то тень вынырнула из темноты под окном и за парапет ухватилась голая бронзовокожая рука. Длинный меч короля сверкнул, выхвачен-

ный из ножен, и остановился на половине пути — на мускулистом предплечье блестел знакомый браслет в виде дракона. Следом за рукой на парапет, а затем и в комнату, с ловкостью леопарда скользнул и ее обладатель.

— Ты — Брул? — спросил король и смолк в изумлении — перед ним стоял тот самый человек, которого он жестоко оскорбил днем и который потом сопровождал его после приема в посольстве пиктов.

— Да, я — Брул Пикинер, — ответил тот осторожно, затем заглянул в глаза Кулла и шепнул:

— Ка нама каа лайерама!

Кулл удивился.

— Что это значит?

— А ты разве не знаешь?

— Нет, слова мне незнакомы, ни в одном языке из тех, что мне известны, таких нет. И все же мне кажется, я их где-то слышал...

— Может быть, — это было единственное, что король услышал в ответ. Пикт прошелся по комнате, внимательно осматривая все, что в ней находилось. Это было одно из помещений библиотеки, здесь стояло несколько столов, софа и два больших шкафа, битком набитых книгами, написанными на пергаменте.

— Скажи, господин, кто охраняет вход?

— Восемнадцать Алых Убийц. А, кстати, как ты сумел проникнуть в сад, как перелез через стену?

Брул пренебрежительно улыбнулся.

— Стража в твоём дворце слепа и глуха: я мог бы дюжинами таскать девиц у них из-под носа, а они ничего бы не заметили. А стены... я взобрался бы на них и без помощи виноградной лозы. Когда я в густом тумане охотился на тигров, мне приходилось забираться на куда более отвесные скалы. Однако, нам пора... Хотя нет, дотронься сначала до моего браслета.

Он протянул руку, и когда удивленный Кулл выполнил его просьбу, вздохнул с явным облегчением.

— Хорошо. А теперь сбрось эти королевские одежды.

Сегодня ночью тебя ждут приключения, которые не снились ни одному атланту.

Все одеяние самого Брула составляла узкая набедренная повязка с воткнутым за нее коротким кривым мечом.

— Кто ты такой, чтобы мне приказывать? — спросил уязвленный Кулл.

— Разве Ка-Ну не просил тебя прислушаться к тому, что я скажу? — спросил пикт со злостью. — Поверь, господин, я не питаю к тебе дружеских чувств, но ни о каком поединке между нами сейчас и речи быть не может. Забудь пока об этом. А теперь идем.

Он бесшумно подошел к двери. Небольшое отверстие в ней позволяло наблюдать за тем, что происходило снаружи, оставаясь невидимым. Брул жестом подозвал Кулла.

— Что ты там видишь?

— Ничего особенного. Восемнадцать гвардейцев...

Пикт кивнул головой и потащил Кулла за собой. Остановившись у противоположной стены, он провел рукой за одной из панелей, затем отступил в сторону, одновременно вытаскивая меч. Король удивленно хмыкнул, когда часть стены выдвинулась, открывая слабо освещенный коридор.

— Тайный ход! — сказал он тихо. — А я и понятия о нем не имел. О боги, клянусь, кое-кто за это ответит!

— Тише! — прошипел Брул. Он стоял, весь обратившись в слух, и в его позе было что-то, от чего волосы на голове Кулла зашевелились — не от страха, а скорее от какого-то неясного мрачного предчувствия.

Наконец Брул снова кивнул, и они прошли за тайную дверь, оставив ее открытой. Коридор был пуст, но в нем не было ни единой пылинки, что свидетельствовало о том, что забытым и заброшенным он вовсе не был. Источник света оставался невидимым. В стене через каждые несколько локтей виднелись двери, они, вероятно, были тщательно замаскированы со стороны комнат.

— Этот дворец похож на пчелиные соты, — пробормотал Кулл.

— Да, господин, за тобой днем и ночью наблюдает множество глаз.

Пикт шел медленно, перед каждым шагом тщательно выбирая место, куда поставить ногу. Меч он держал низко и постоянно оглядывался, окидывая стены внимательным взглядом.

Коридор резко повернул, и Брул осторожно заглянул за угол.

— Посмотри, — шепнул он. — Но помни: ни единого звука! Речь идет о жизни и смерти.

Сразу же за поворотом начиналась лестница, ведущая вверх. Кулл перевел взгляд выше и содрогнулся. На лестничной площадке лежали восемнадцать гвардейцев, назначенных в караул по дворцу на эту ночь. Только сильная рука Брула смогла удержать рванувшегося вперед короля.

«Измена, — билось у него в мозгу, — их убили только что. Ведь еще и нескольких минут не прошло, как эти люди стояли на посту».

Когда они вернулись в библиотеку, Брул старательно закрыл тайный ход, затем кивнул королю, чтобы тот снова посмотрел через отверстие в двери наружу. Король наклонился к глазку и отпрянул в ужасе: у двери стояли на посту все те же восемнадцать гвардейцев.

— Это колдовство... — прошептал он, хватаясь за меч. — неужели в карауле стоят мертвецы?

— Да, — послышался едва различимый шепот Брула. Секунду они смотрели в глаза друг другу. Кулл сморщил лоб, пытаясь прочесть что-либо на лице пикта. В конце концов губы Брула почти беззвучно шевельнулись:

— Змеи... которые... могут... говорить...

— Замолчи, — ладонь Кулла упала на губы пикта. — Говорить о чем-либо подобном — верная смерть. Эти слова прокляты.

Брул спокойно посмотрел на короля.

— Взгляни еще раз, господин. Быть может, была смена караула?

— Нет, это те самые люди. Клянусь Валком, это кол-

довство, это наваждение. Я же своими глазами видел трупы этих воинов едва ли несколько мгновений назад. А сейчас они стоят здесь...

Пикт отошел от двери.

— Кулл, что ты знаешь об истории и традициях народа, которым правишь?

— Много... и мало. Валузия так стара...

— Это правда, — глаза колонна загорелись странным светом. — Мы, варвары, — дети по сравнению с жителями Семи Империй. Ни людская память, ни летописи не простираются в прошлое настолько, чтобы сказать, когда со стороны моря пришли сюда первые люди и кто построил огромные города на побережье. Но знай — не всегда люди властвовали над людьми.

Король вздрогнул. Их взгляды встретились.

— У моего народа есть легенда...

— У моего тоже, — перебил его колонн. — Это случилось еще до того, как мы, островитяне, стали союзниками Валузии, во времена царствования Львиного Клыка, седьмого короля пиктов, так много лет тому назад, что никто уже не может сейчас сказать точно, как давно это было. Покинув Острова Заходящего Солнца, мы переплыли море, обогнули Атлантиду и огнем и мечом обрушились на Валузию. Пылающие, словно факелы, замки превратили тогда глубокую ночь в ясный день, звон мечей возносился до небес, и король... король Валузии, который пал в этой страшной сече... — Голос пикта затих, и они несколько секунд смотрели друг на друга в молчании.

— Валузия стара, — тихо проговорил, наконец, Кулл. — Холмы Атлантиды и горы Му были всего лишь островами в океане во времена ее юности.

Ночной ветер, насыщенный давно забытыми запахами, шевельнул занавесями. Как шепот из далекого прошлого, он рассказывал о тайнах, которые были древними уже тогда, когда мир был молод. Кулла вдруг показалось, что рядом стоят чудовища, которые нашептывают ему на ухо что-то страшное. Он знал, что с Брулом происходит то же самое. Его душу наполнило удивительное ощущение

единства с этим воином чуждого ему народа. Они были похожи на двух соперничающих леопардов, которые, попав в западню, дают дружный отпор охотникам.

Брул открыл тайный ход, и они вновь пошли по коридору, но в обратную сторону. Пикт, замедлив шаг, показал на одну из секретных дверей.

— Отсюда видна лестница, ведущая в коридор.

В ту же секунду, когда они приникли к замаскированным смотровым отверстиям, на лестнице появилась чья-то темная фигура.

— Это же Ту, председатель Королевского Совета! — одними губами воскликнул Кулл. — Ночью, со стилетом в руке... что это значит?

— Убийство. Покушение, — шепнул Брул. — Стой! — Король уже собирался распахнуть дверь. — Если мы обнаружим себя здесь, неминуемо погибнем. Там, во мраке, их много. Пойдем.

Почти бегом они вернулись в библиотеку. Пикт закрыл тайный ход и потащил Кулла в соседнюю комнату. Там он раздвинул шторы в углу, и оба они укрылись за ними. Минуты тянулись невыносимо долго. Король слышал шум ветра в соседней комнате, бившийся в его ушах, словно шепот призрака. Наконец в комнату вошел, крадучись, Ту. Вероятно, он прошел через библиотеку и, не обнаружив там жертву, решил продолжить поиски здесь. Ту остановился и внимательно осмотрел освещенную единственной свечой комнату, держа стилет наготове. Явно встревоженный непонятным исчезновением короля, он двинулся дальше и оказался прямо перед затаившим дыхание Куллом.

— Давай! — выдохнул Брул.

Кулл выпрыгнул из укрытия. Председатель Королевского Совета повернулся к нему, но перед такой стремительной атакой шансов у него не было. Острие меча сверкнуло в слабом свете свечи, и Ту рухнул на спину — из его груди торчал меч Кулла.

Нагнувшись над ним, король обнажил зубы в торжествующей усмешке, но тут же отпустил рукоятку меча

и отшатнулся. Лицо Ту заволокла мгла, его контуры дрожали и колебались. Затем лицо исчезло, словно сброшенная маска, а на его месте появилась мертвая безногая морда огромной змеи.

— Боги! — прошептал Кулл, чувствуя выступивший на лбу холодный пот. — О боги!

Подождал Брул. Его лицо было невозмутимым, но в глазах бился такой же, как у короля, ужас.

— Забери свой меч, господин, — сказал он. — Для него впереди еще найдется работа.

Кулл нерешительно дотронулся до рукоятки меча. Когда он поставил ногу на грудь лежащего перед ним чудовища, его пронизала ледяная дрожь. В эту минуту, повинувшись какому-то остаточному мышечному рефлексу, страшная пасть монстра раскрылась. Кулл содрогнулся от омерзения, но вырвал меч, наклонился над тварью, выдававшей себя за Ту, председателя Королевского Совета. Кроме головы, все остальное было человеческим.

— Человек с головой гада, — шепнул он Брулу. — Жрец Бога-Змея?

— Да. Настоящий Ту спит и знать ни о чем не знает. Эти твари могут выдать себя за кого угодно. Они каким-то колдовским заклятием набрасывают на себя пелену чар, и их уже не отличишь от живого человека.

— Значит, старые легенды не врут, — вздохнул король. — Эти мрачные сказания, которые немногие осмеливаются повторить, не плод фантазии. Я догадывался об этом... но и сейчас никак не могу в это поверить. А стража у входа...

— Это тоже люди-змеи. Стой! Куда ты?

— Перебью их, — бросил Кулл сквозь стиснутые зубы.

— Бить, так в голову, — сказал Брул. — У входа восемнадцать, да в коридоре, наверное, находится кто-нибудь еще. Ка-Ну узнал о заговоре от своих шпионов, которые проникли в тайники жрецов Змея и все там разнюхали. Ему давно уже известны тайные ходы во дворце, он заставил меня наизусть выучить их схему, чтобы я смог тебе помочь. Ты погиб бы, как погибли до

тебя многие другие короли Валузии. Я пришел один, чтобы не возбуждать подозрений, да в одиночку и во дворец проникнуть было легче. Часть заговора ты видел. Люди-змеи стоят на страже у королевских покоев, а этот, с лицом Ту, мог пройти куда угодно. Утром, если планы жрецов сорвутся, настоящие гвардейцы вернутся на свои места, понятия не имея о том, что произошло. На них, в случае чего, и падет вся вина. А теперь побудь здесь немного, я пойду спрячу тело.

С этими словами пикт спокойно взвалил себе на плечи страшный груз и исчез за секретной дверью. Кулл остался в одиночестве. Ему было не под силу собрать путавшиеся в голове мысли. Сколько в городе жрецов Змея? Кто из его доверенных советников, храбрых военачальников, человек, а кто — нет? Как отличить истину от фальши? И кому теперь можно довериться?

Секретная дверь отворилась, и вошел Брул.

— Ты быстро справился.

— Да, — воин сделал шаг вперед и посмотрел под ноги. — Смотри, на ковре осталась кровь.

Кулл нагнулся. Краем глаза он уловил вдруг какое-то движение, блеск стали. Распрямляясь, словно пружина, он одновременно нанес страшный удар снизу. Пикт повис на мече атланта, выронив собственный из мертвой руки. Кулл подумал с горечью, что так, видимо, предназначено было судьбой предателю — пасть от удара человека его расы. Бездыханное тело Брула рухнуло на ковер, и в ту же секунду черты его лица дрогнули и начали стираться, а на их месте появилась морда гигантской змеи, ее ледяные глаза даже после смерти с нечеловеческой злобой уставились в остоленевшего Кулла.

— Снова жрец Змеи, — сказал про себя король. — О боги, как коварны их планы! А Ка-Ну, он человек или тоже из их компании? С кем я разговаривал там, в саду? О всемогущие боги! — Его пронизала дрожь от страшной мысли: может быть, в Валузии вообще нет людей, и все ее обитатели — змеи!

Он стоял неподвижно, не решаясь сдвинуться с места.

Его сознание отметило, однако, странный факт: на руке того, кто называл себя Брулом, не было браслета с драконом. За спиной Кулла послышался шорох, и он обернулся.

Через потайную дверь в комнату входил Брул.

— Остановись! — на руке, вытянутой вперед, чтобы отразить удар меча, сверкнули рубины браслета в виде дракона. — Боги! — Пикт замолчал, затем губы его искривила мрачная улыбка.

— Жрецы Змеи невероятно хитры и коварны! Этот, наверное, прятался в коридоре, а когда увидел, что я несу труп его соплеменника, принял мой облик. Теперь надо избавляться еще от одного трупа.

— Стой! — в голосе Кулла звучала угроза. — На моих глазах двое людей превратились в монстров. Откуда мне знать, что ты — не жрец Змеи?

Брул рассмеялся.

— По двум причинам, господин. Ни у одного из людей-змей нет такого браслета, — он поднял руку, — а также ни один из них не сможет повторить вот эти слова, — и Кулл снова услышал странные звуки: — Ка нама каа лайерама.

— Ка нама каа лайерама, — машинально повторил он. — Где я мог слышать эти слова? Нет, я их никогда раньше не слышал, но тем не менее... тем не менее...

— Да, ты помнишь их, Кулл, — сказал пикт, — они таятся в затянутых тяжелым мраком лабиринтах твоей памяти. Ты никогда в этой жизни их не слышал, но в тех столетиях, которые ушли в прошлое, они так сильно отпечатались в твоей бессмертной душе, что их звучание всегда будет задевать скрытые струны воспоминаний, сколько бы реинкарнаций она не претерпела в грядущих эпохах. Эти слова, которые втайне переходят от поколения к поколению, когда-то, много веков назад, были кличем в устах человека, сражавшегося со страшными чудовищами Старого Мира. Только настоящий человек, человек до мозга костей, сможет их повторить, ибо только его глотка и его губы смогут их вымолвить, иным тварям

это недоступно. Значение слов давно забыто, но сами они остались.

— Это правда, — согласился Кулл. — Я помню эти легенды. О боги! — воскликнул он вдруг.

Словно повинуясь заклинанию, его память распахнулась настезь, открывая невероятные туманные глубины. Он опускался ниже и ниже, от жизни к жизни, наблюдая за тем, как оживают призрачные тени и минувшие столетия. Он видел людей, сражающихся с монстрами, очищающих Землю от ужасной скверны. На сером, постоянно изменяющемся фоне появлялись и исчезали образы родом из кошмарного сна, фантастические твари, порожденные страхом и безумием, а человек, эта шутка богов, слепой и недалекий, рожденный из праха и в прах обращающийся, влачилсЯ долгой и кровавой тропой своего предназначения, ничего не понимая, ни в чем не разбираясь, жестокий, ошибающийся, но с искрой святого огня в душе...

— Они ушли, — сказал Брул, словно читая его мысли. — Женщины-птицы, гарпии, люди-непопыри, летающие монстры, люди-волки, демоны, гоблины — все, за исключением этих вот тварей и нескольких людей-волков. Это была долгая и страшная война, прошли века, пока люди стали расой, владеющей миром. Люди в конце концов победили, и это было так давно, что лишь невнятные легенды пробились к нам из тех невероятно давних времен. Люди-змеи были последними, но и они оказались побежденными, их оттеснили на пустынные земли, чтобы они вымерли там среди настоящих змей. Но они выжили и вернулись, вернулись в масках, когда людская раса ослабла и забыла о прежних сражениях. И снова вспыхнула страшная война. Среди людей нынешней эпохи таились чудовищные существа Старого Мира, способные, благодаря своим знаниям и колдовству, придавать себе любые формы, превращаясь в любые существа. Никто и ни в ком не мог быть уверенным до конца, человек не смел верить другому человеку. Но люди изобрели все-таки способ отличить истину от фальши. Своим символом и

знаком они избрали изображение крылатого дракона — величайшего врага змей. А слова, которые ты от меня услышал, они использовали как пароль и боевой клич, потому что, как я уже говорил тебе, их может вымолвить только настоящий человек. И люди победили. Но монстры после долгих лет изгнания возвращаются снова, потому что люди напоминают обезьян — забывают то, что не мозолит им глаза. Когда люди, развращенные роскошью, забыли о старых религиях, чудовища пришли и под маской пророков и проповедников новой, истинной веры создали могучий культ Бога-Змея. Они обладают столь великой силой, что карают смертью за малейшее упоминание о людях-змеях в разговоре, все с трепетом склоняются перед Богом-Змеей — слепые глупцы, они не видят связи между ним и той мощью, которую сокрушили их предки столетия назад. Да, как жрецы, люди-змеи обладают огромным могуществом, но и это еще не все...

Брул вздрогнул.

— Продолжай!

— Короли владели Валузией как люди, — тихо сказал пикт, — но, погибая в боях, умирали, как змеи. Так умер тот, кто пал от копья Львиного Клыка, когда мы, островитяне, воевали с Семью Империями. Но как это могло случиться? Ведь эти короли рождены были женщинами и жили так, как живут люди! Ответ один: настоящих королев тайно убивали — ты тоже должен был умереть этой ночью, — а жрецы Змея занимали их место. И ни одна живая душа об этом не догадывалась.

Король вырутался сквозь стиснутые зубы.

— Да, ты прав, все так, наверное, и было. Давно известно, что тот, кто увидит Змея, обречен на скорую гибель. Они умеют стеречь свои тайны.

— Дипломатия в Семи Империях — подлинное искусство, — продолжал Брул. — Люди знают, что среди них есть шпионы Змея и его союзники — такие, например, как Каануб, барон Блаал. Но никто не решается высказать вслух свои подозрения, все боятся мести. Люди не доверяют друг другу, а дипломаты не говорят между

собой о том, о чем все думают. Если бы удалось выявить среди них хоть одного человека-змея, разоблачить его на глазах у всех, дело было бы наполовину сделано — люди объединились бы и покарали предателей. Но пока только у Ка-ну хватает ума и смелости бороться со жрецами Змея. И даже ему было известно лишь то, что уже произошло. До сих пор я мог предугадывать события — Ка-ну знал о них, — но с этой минуты мы можем рассчитывать лишь на самих себя. Думаю, что пока мы в безопасности. Люди-змеи там, за дверью, не покинут поста до тех пор, пока их не заменят настоящими гвардейцами. Но можешь не сомневаться — завтра они попытаются повторить покушение. Что они предпримут — об этом никому не известно, даже Ка-Ну. Мы должны держаться друг за друга, Кулл. Мы либо победим, либо погибнем вместе. А теперь пойдем со мной, я отнесу эту пададь туда, где лежат остальные трупы.

Они направились вниз по коридору. Их ноги ступали бесшумно, лица матово светились в мертвенном свете. Куллу за каждым поворотом чудилась засада, пустота коридора настораживала, и в нем снова проснулись подозрения: не ведет ли пикт его в засаду? Кулл пропустил Брула вперед, и его обнаженный меч повис над незащищенной шеей пикта — если предаст, то погибнет первым. Однако Брул, даже если догадывался о сомнениях короля, ничем не показал этого. Он спокойно шагал вперед и остановился только тогда, когда они вошли в какую-то заброшенную, пыльную комнату. Брул раздвинул складки тяжелых занавесей, висевших на стенах, и сбросил на пол тело.

Когда они возвращались, Брул вдруг остановился так внезапно, что король едва не проткнул его шею все еще занесенным над пиктом мечом.

— Там кто-то есть, — шепнул он. — Ка-Ну утверждал, что коридоры будут пустыми, но...

Он вытащил меч и осторожно ступил вперед. Кулл последовал за ним. Коридор повернул, и они увидели перед собой странное призрачное сияние. Они прижались

спинами к стене, напряженно ожидая, что произойдет дальше. Кулл услышал свистящее дыхание пикта, теперь он больше не сомневался в его преданности.

Сияние обрело форму — неясный силуэт, похожий на человеческий, его контуры постоянно менялись, словно его окутывало облако дыма. По мере приближения очертания человеческой фигуры становились все более явственными. Наконец они увидели огромные лучистые глаза на лице, которое, казалось, испытало все возможные муки и страдания. В них не было угрозы, лишь безбрежная печаль, а это лицо... это лицо...

— Всемогущие боги! — выдохнул Кулл. — Это Эаллал, король Валузии, погибший тысячу лет назад!

Брулу впервые за ту страшную ночь изменила выдержка: его глаза расширились от ужаса, меч в руке задрожал. Кулл стоял, выпрямившись, крепко сжимая рукоять меча. Его лоб заливал холодный пот, на голове волосы встали дыбом, но он был королем королей и готов был сразиться с любым врагом, живым или мертвым.

Призрак спокойно шагал, не обращая на них никакого внимания. Кулл отшатнулся, когда он проходил мимо, ощутив на лице его ледяное, словно порыв северного ветра, дыхание. Тень Эаллала тихим мерным шагом прошептывала далее и исчезла за поворотом коридора.

— О боги! — простонал Брул, вытирая со лба обильный пот. — Это был дух, а не человек.

— Да, — кивнул головой Кулл. — Ты узнал его лицо? Это было лицо Эаллала, короля, властвовавшего в Валузии тысячу лет назад, его коварно убили в комнате, которую с тех пор называют проклятой. Ты, наверное, видел его статую в Галерее Славы Королей.

— Верно. И я начинаю припоминать эту историю. Клянусь Валком, Брул, это было очередное свидетельство страшного могущества жрецов Змея. Они убили этого короля и заставили его душу служить им. Мудрецы недаром говорили, что если человек погибает от руки людей-змей, его душа обрекается на вечное рабство...

Кулл задрожал.

— Это страшная судьба. Послушай, — его стальные пальцы сжались на предплечье пикта, — если эти твари ранят меня смертельно, добей меня своим мечом, чтобы спасти душу.

— Клянусь! — ответил Брул. — И ты обещаешь сделать то же самое.

Их ладони встретились, скрепляя могучим рукопожатием кровное соглашение.

4. Маски

Кулл сидел в тронном зале и задумчиво смотрел на море обращенных к нему лиц. Сановник с длинным витым жезлом тихо и певуче говорил о чем-то, но король не слышал его слов. Рядом с ним, ожидая распоряжений, стоял Ту, председатель Королевского Совета. Кулл, когда смотрел в его сторону, содрогался от страшных воспоминаний. Окружавшая короля придворная жизнь была гладкой, словно поверхность моря между ударами волн, события ушедшей ночи казались бы сном, если бы взгляд короля время от времени не падал на опирающуюся на подлокотник трона мускулистую смуглую руку с драконьим браслетом — рядом с тронном стоял Брул.

Нет, эта странная интерлюдия не была сном. Он сидел на троне в зале приемов, смотрел на придворных, дам, кавалеров и дипломатов, и ему казалось, что их лица — всего лишь иллюзия, тень, игра воображения. Он всегда считал эти лица масками, но прежде смотрел на них со снисходительным презрением, догадываясь, что за ними скрываются низкие душонки — мелочные, жадные, сластолюбивые и лживые. Теперь же, обмениваясь с кем-либо из кавалеров гладкими фразами придворного этикета, он почти явственно видел, как губы на улыбающемся лице собеседника расплываются, а на их месте появляется страшная змеиная пасть.

Валузия — страна снов и кошмаров, королевство теней, в котором правят призраки, да и сама власть — не более чем иллюзия. А что тогда составляет настоящую

жизнь? Честолюбие, могущество, гордыня? Мужская дружба, любовь женщины — чего Кулл не узнал до сих пор, военная добыча — что? Который из Куллов был настоящим — тот, который сейчас сидит на троне, или тот, который скитался по Атлантиде, тот, который грабил Западные Острова, или тот, который мечтательно улыбался, глядя на зеленые морские волны? В конце концов, жрецы Змеи со своей магией пошли лишь чуть дальше, потому что маски носили все — каждый из мужчин и каждая из женщин. У них много масок. Но под каждой ли из них скрывается змея?

Шло время, прием близился к завершению, зал, наконец, опустел — в нем остались лишь Кулл да его молчаливый соратник, если не считать сонной стражи у дверей. Кулла тоже клонило ко сну. Ни он, ни Брул не смежили глаз в эту ужасную ночь. Кулл к тому же не спал и в ночь предшествующую, когда Ка-Ну впервые намекнул ему о предстоящих невероятных событиях. Прошлой же ночью, вернувшись в библиотечную комнату, они бодрствовали до самого рассвета, ожидая нападения, но, как выяснилось, — напрасно. В дни молодости Кулл, пользуясь своей поистине волчьей выносливостью, мог несколько дней обходиться без сна. Но сейчас он был измучен ужасом ушедшей ночи и неустанной лихорадочной работой мысли. Нужно было отдохнуть, но о каком отдыхе могла идти речь? Хотя и сам он, и Брул не спускали глаз со стражи ночью, заметить момент замены им так и не удалось. Утром все гвардейцы без запинки повторили магическую фразу Брула. Ни один из них не заметил чего-либо особенного, странного, всем им казалось, что они самым обычным образом провели ночь в карауле. Кулл ничего им не сказал. Он верил, что все они — люди, но предпочитал пока сохранять все происходящее в тайне.

Брул нагнулся и сказал, понизив голос до шепота:

— Я думаю, Кулл, что они вот-вот ударят. Ка-Ну только что подал мне знак. Жрецы знают, что заговор разоблачен, но не догадываются, как много нам известно.

Мы должны быть готовы к нападению. Ка-Ну и вожди пиктов будут поблизости, пока все более или менее не прояснится. Но знай, господин, если дело дойдет до решающего сражения, улицы Валузии утонут в крови.

Кулл утрово усмехнулся. Он с радостью принял бы любую развязку. Странствия по лабиринтам чар и иллюзий были глубоко чужды его натуре, он тосковал по звону мечей и тому сладостному чувству свободы, которое приносит битва.

В зале приемов вновь появился Ту, за ним следовали другие члены Совета.

— Государь, близится назначенное тобой время заседания Совета. Мы готовы сопровождать тебя.

Кулл встал. Советники, выстроившиеся двумя рядами, опускались на колени, когда он проходил мимо, затем поднимались и шли следом за ним. У некоторых из них удивленно поползли вверх брови при виде пиктского воина, гордо следовавшего за королем, но протестовать вслух никто не решился. Брул свысока, со свойственным всем варварам вызывающим пренебрежением поглядывал на их гладко выбритые лица.

Пройдя по нескольким коридорам, они оказались в зале Совета. Дверь зала, как это было положено по обычаю, закрыли на замок, и советники стали по рангу рассаживаться перед возвышением, на которое взойшел король. Брул, не проронив ни слова, занял место за его спиной.

Кулл обвел взглядом собравшихся. Да, здесь измене места нет. Все семнадцать членов Совета были ему хорошо знакомы, все они его горячие сторонники еще с тех пор, когда он только начинал борьбу за трон.

— Народ Валузии, — произнес он традиционное обращение и оборвал, удивленный тем, что происходило в зале.

Советники, все как один, поднялись на ноги и двинулись к нему. Их лица не выражали угрозы, но подобное поведение было более чем странным. Один из них подошел уже совсем близко, когда Брул сделал шаг вперед.

— Ка нама каа лайерама! — загремел в зловещей тишине его голос.

Тот из советников, который шел первым, остановился и сунул руку под тунуку. Брул действовал молниеносно: в воздухе сверкнул его меч, и советник рухнул лицом вниз на мозаичный пол. Он лежал неподвижно, а его голова расплывалась, как туман под дуновением ветра, превращаясь в змеиную.

— Бей, Кулл! — крикнул пикт. — Здесь все — слуги Змея!

Все, что было потом, слилось в сплошной кровавый вихрь. Кулл увидел, что знакомые лица тают, обнажая кошмарные морды рептилий. Они лавиной обрушились на короля. Разум Кулла отказывался воспринимать происходящее, но тренированные мышцы воина действовали помимо воли хозяина. Мечи взметнулись вверх, и атака захлебнулась в потоках крови. Монстры напирали, готовые пожертвовать жизнью ради уничтожения короля. Их страшные морды тянулись к нему, лишенные век глаза сверкали лютой ненавистью. В воздухе разливался ужасный смрад — запах змей, знакомый Куллу по скитаниям в джунглях. Кулл не чувствовал ран, хотя его уже несколько раз задела мечом и стилетом. Он был в своей стихии. Правда, таких противников ему до сих пор встречать не приходилось, но они были живыми, в их жилах текла кровь, которую он мог пролить, они умирали, если меч пробивал их тела. Выпад, удар, меч на себя, поворот... И все же Кулл, несомненно, погиб бы, если бы рядом с ним не было человека, который защищал его спину. Король словно сошел с ума. Он даже не пытался отбивать удары, рвался вперед, обуреваемый единственным желанием: убивать, убивать, убивать! Кулл, в совершенстве владеющий мечом, казалось, напрочь забыл об искусстве фехтования, видимо, какая-то струна лопнула в его душе, оставив одну лишь примитивную жажду крови. Каждый удар его меча сбивал с ног врага, но они толпой клубились вокруг — и раз за разом Брул принимал на себя нацеленные на короля удары, поражая противника меткими

выпадами снизу. Кулл торжествующе захохотал. Страшные хари кружились вокруг него в алом тумане. Он почувствовал, что острие стилета проникает в мышцы его руки, и с размаха опустил меч на голову врага, разрубая его почти напополам. Затем туман рассеялся, и Кулл увидел пикта, стоявшего рядом с ним над горой мертвых тел.

— Боги, что это была за битва! — сказал Брул, протирая залитые кровью глаза. — Если бы они умели владеть мечом, мы, Кулл, легли бы здесь мертвыми. К счастью, эти жрецы понятия не имеют о военном искусстве. Убивать их было легче, чем кого-либо другого. И все же, будь их чуть больше, дело обернулось бы иначе.

Кулл кивнул головой, соглашаясь. Бешеное иступление боя покинуло его, оставив безмерную усталость. Из глубоких ран на груди, плечах, руках и ногах текла кровь. Брул, сам весь в крови, с беспокойством смотрел на короля.

— Господин, давай позволим женщинам перевязать твои раны.

Кулл отстранил его властным жестом.

— Прежде чем уйти отсюда, надо внимательно все осмотреть. Но ты можешь идти. Я прикажу, чтобы тебе оказали необходимую помощь.

Пикт невесело рассмеялся.

— Твои раны опаснее... — начал он и оборвал фразу, пораженный внезапно пришедшей ему в голову мыслью. — О боги! Ведь это вовсе не зал Совета!

Кулл оглядел комнату, чувствуя, что с глаз спадает очередная пелена.

— Нет, это не зал Совета, это та самая комната, в которой погиб Эаллал, прозванная проклятой, она с тех пор стояла опечатанной...

— Им все-таки удалось обмануть нас! — крикнул взбешенный Брул, пиная ногами тела, лежащие на полу. — Мы, словно бараны, влезли в их ловушку!

— Итак, перед нами снова их колдовские штучки, — сказал Кулл. — Если в Королевском Совете Валузии

остались еще настоящие люди, они сидят сейчас в подлинном Зале Совета. Поедем туда!

Оставив позади заполненную трупами проклятую комнату, они пробежали по пустым коридорам и остановились под дверью Зала Совета. Кулл вздрогнул. Из-за двери доносился голос — его собственный голос! Король дрогнувшей рукой раздвинул портьеры и заглянул внутрь. Там сидели члены Совета, неотличимые от тех, которых они только что на пару с Брулом отправили на тот свет, а на возвышении стоял... Кулл, король Валузии.

— Я схожу с ума, — шепнул сам себе Кулл. — Я — Кулл?.. Это я здесь или Кулл — тот, а я всего лишь отражение чьей-то блуждающей мысли? /

Брул схватил его за плечо и резко встряхнул, приводя в чувство.

— Что с тобой? Тебя еще удивляет подобное после всего того, что мы пережили? Ты что, не видишь, что это — настоящие люди, а на возвышении человек-змея в твоем облике? Эта тварь собирается править страной вместо тебя. Убей его, иначе мы погибнем. Алые Убийцы, настоящие, стоят за ним, и кроме тебя никто не сможет до него добраться. Но поторопись!

Кулл стряхнул с себя оцепенение и поднял голову прежним гордым движением. Он глубоко вдохнул воздух, словно пловец перед прыжком в воду, и тигриным прыжком взлетел на возвышение. Брул был прав. Там стояли Алые Убийцы, их реакция оттачивалась специальными упражнениями и была быстрее мысли. Любой другой, напавший на узурпатора, погиб бы, не успев к нему прикоснуться. Но появление короля, как две капли похожего на того, который стоял на возвышении, сбilo их с толку. Замешательство длилось едва ли мгновение, но этого оказалось достаточно. Тот, второй, попытался схватить меч, но едва успел дотянуться до рукояти, когда меч Кулла пронзил его грудь, и монстр, которого все вокруг принимали за своего властелина, рухнул наземь.

— Остановитесь! — Кулл повелительно поднял руку, успокаивая сидящих в зале, и показал на труп, лежав-

ший у его ног. Все отшатнулись в ужасе, ибо именно в этот момент лицо Кулла на нем начало исчезать, открыв отвратительную морду чудовища. В зале появился Брул, одновременно с ним, но через другую дверь вошел Ка-Ну, оба пожали окровавленную руку короля.

— Граждане Валузии! Вы все видели своими глазами. Вот настоящий Кулл, величайший из королей, когда-либо властвовавших в Валузии. Могуществу Змея пришел конец. Приказывай, государь!

— Поднимите эту падаль! — сказал Кулл, и гвардейцы повиновались приказу. — А теперь ступайте за мной.

Все направились к проклятой комнате. Обеспокоенный Брул хотел поддержать короля, но тот оттолкнул его руку. Кулл истекал кровью, каждый шаг давался ему с трудом. Вот, наконец, дверь. Король хрипло захохотал, услышав испуганные возгласы спутников. По его приказу гвардейцы сбросили свою ужасную ношу на груды остальных тел, затем король жестом приказал всем им удалиться и закрыл дверь. Он боролся с головокружением, белые удивленные лица вокруг него тонули в багровой мгле, кровь струйками стекала по телу. Кулл знал, что если не сумеет сделать то, что задумал, не сделает этого больше никогда.

Скрежетнул меч, выползающий из ножен.

— Брул, где ты?

— Я здесь, государь, — лицо пикта появилось перед глазами, но голос звучал так слабо, что казалось — между ними сотни миль и сотни лет.

— Помни о нашей клятве. А теперь прикажи им отойти.

Кулл левой рукой отстранил стоявших вплотную к ним советников и поднял меч. Вложив в удар всю оставшуюся в мышцах силу, он по рукоятку наискосок вогнал его в дверь, намертво пригвоздив ее к косяку.

— Да будет эта комната теперь проклята вдвойне. Пусть эти гниющие трупы остаются в ней навеки как символ неминуемого поражения Змея. Я клянусь, что буду преследовать людей-змей на всех материках и океанах,

пока не уничтожу последнего, и Добро, наконец, победит Зло. В этом клянусь вам я... Кулл... король... Валузии...

Колени под ним подогнулись, и лица обступивших его придворных закружились в сумасшедшем танце.

Советники метались вокруг, рыдая и крича. Ка-Ну, отчаянно ругаясь, кулаками проложил себе дорогу к неподвижному телу короля.

— С дороги, глупцы! Хотите погасить в нем последнюю искру жизни, если она еще теплится в его теле? Что с ним, Брул? Он жив? Умер?

— Умер? — с язвительной улыбкой отозвался пикт. — Не так-то просто убить такого человека. Он получил пару-другую глубоких ран, но ни одна из них не смертельна, хотя он и потерял много крови. Лучше будет, однако, если эти олухи приведут, наконец, женщин — перевязать ему раны. Клянусь Валком, Ка-Ну, я и предположить не мог, что в наши времена живут еще такие, как он, люди. Через пару дней он уже сядет в седло, и тогда горе проклятым бестиям, они узнают силу руки Кулла, властелина Валузии.

НАРОД ТЕНИ

Лишь занялся рассвет Творенья,
Как тени из времен Тумана
Мы вышли с гордым устремленьем
Пройти путями великанов.

Мы были первыми, и взоры
Нам не темнили шоры Знанья
На Светом залитых просторах,
Открытых юному дерзанью.

С тех пор кочуем мы в пустынях,
И в море носит нас волна.
Мы новые творим святыни,
На камнях режем письмена.

Не ждем награды и не знаем,
Где будет наш последний дом.
Но неустанно создаем
Историю своим трудом.

Лишь в нас связующие звенья
Седых веков и новых дней,
Как легких тучек отраженья
В лазурных зеркалах морей.

Когда Утраченное Пламя,
Что в наших теплится кострах,
Уйдет с другими племенами,
От нас останется лишь прах.

И вихрь времен его развеет.
И камень сокрушит вода.
И свиток памяти истлеет.
И не останется следа.

Но Стоунхенджа монолиты
В грядущие вещают дни
О том, что в капищах сокрытых
Мы стерегли свои огни.

Не старится лишь скал гранит.
Мгновенно время человека.
Но мир преданье сохранит
О людях каменного века.

(Перевод Ермолая Шипутье)

Меч со звоном ударил по мечу.

— Айлла! А-А-айлла-а! — неслось из сотни диких
глоток.

Они навалились на нас со всех сторон — сто на три
десятка. Мы сбились в тесную кучку, прикрывшись щитами и выставив меж ними копья. Наконечники копий были такими же алыми, как и наши шлемы. У нас было единственное преимущество — мы были хорошо вооружены, они же — почти безоружны. Но эти полунагие демоны напирали на нас с таким остервенением, словно их тела были из железа.

Вот они отхлынули, остановившись чуть поодаль. Их тела были сплошь покрыты ранами, кровь разрисовывала кожу фантастическими узорами. Они осыпали нас проклятьями.

Три десятка! Три десятка из пяти сотен, пришедших из-за Стены Адриана. О Юпитер, как можно было посылать нас сюда? Такими жалкими силами пытаться разведать путь в варварскую страну, хозяева которой живут в давно минувшей для нас эпохе. Мы целыми днями маршировали по вересковым полям, прорубали скользкую багровую тропу среди орд, алчущих крови. Ночами мы отдыхали в укрепленных лагерях, но и туда иногда дотягивался бесшумный кинжал. Резня, кровь, трупы...

И все это лишь для того, чтобы цезарь, сидящий где-то в сказочном дворце со своими советниками и женщинами, в очередной раз услышал, что еще одна экспедиция бесследно исчезла на севере, в горах, покрытых вечной мглой.

Я посмотрел на своих товарищей. Среди них были родовитые римляне, были бритты, германцы, рыжеволосые иберийцы. Вокруг нас, постепенно сужая круг, рыскали волки в людском обличье. Приземистые, волосатые, с длинными мускулистыми руками, растрепанные космы волос падают на низкие покатые лбы, глаза блестящие, словно у змей. Почти голые, зато в руках держат небольшие круглые щиты, размахивают копьями и кривыми мечами. В самом высоком из них нет и пяти локтей, но широкие плечи говорят о недюжинной силе. Все быстры и ловки, как кошки.

Они навалились на нас всем скопом. Короткие мечи дикарей скрестились с нашими клинками. Они предпочитали драться на короткой дистанции. Нас тоже обучали этому, но наши большие и тяжелые щиты мало подходили для такого ведения боя. Дикари быстро научились это использовать и старались достать нас снизу, пригнувшись.

Мы стояли плечом к плечу, и как только один из нас падал, смыкали ряды. Они напирали, оказавшись в конце концов с нами лицом к лицу, и их смрадное звериное дыхание ударило в наши ноздри. Они беспрерывно орали и улюлюкали. Мы стояли нерушимо, словно выкованные из стали, — исчезло все: вереск, холмы, время... Мы превратились в зверей, отчаянно дерущихся за свою жизнь. Мы растеряли в этой схватке все человеческое: и разум, и душу. Взмах, удар. Взмах. Удар. Скрежет металла, морда бестии, выныривающая из пыли. Удар! Морда исчезает, появляется другая, столь же безобразная...

Годы воспитания, вдалбливания римских традиций рассеялись, словно туман под лучами солнца. Я снова стал дикарем, первобытным самцом, варваром, столкнувшимся с еще более древним варварским племенем, жаждавшем мести и крови.

Как я проклинал малую длину римского меча, которым приходилось сражаться. Угодив в мой панцирь, сломалось копьё, на гребне шлема разлетелся на куски пиктский

меч. Удар бросил меня на колени. С трудом поднявшись, я отразил еще один удар. И — застыл с поднятым мечом.

Тишина. Вокруг была абсолютная тишина! Ни одного врага передо мной — все они тихо лежали, мертвой хваткой сжимая свои мечи, их изуродованные лица все еще искажали гримасы ненависти. Из тех трех десятков, что сражались с ними, в живых осталось пятеро: двое римлян, бритт, ирландец и я. Это казалось неправдоподобным, но римское оружие опять победило. Правда, какой ценой...

Нам оставалось одно — возвращаться туда, откуда пришли. Со всех сторон нас окружали высокие горы. Снег, правда, лежал лишь на их вершинах, но и там, где мы стояли, было довольно холодно. Мы понятия не имели, как далеко забрались на север. Вся наша экспедиция была в памяти сплошным смазанным пятном, расплывавшимся в тумане. Но мы еще помнили, что несколько дней назад то, что осталось от нашей армии, разметала буря, а следом за ней появились дикари. Днями напролет вокруг нас гудели военные рога пиктов, и нам приходилось драться за каждый шаг. Враг атаковал, не даруя нам ни минуты на передышку.

И вот теперь наступила тишина. Кроме нас ни единой живой души вокруг. Мы рванули на восток, словно звери, уходящие от облавы. Но я успел-таки напоследок окинуть взглядом поле битвы. И увидел то, что наполнило радостью мое сердце. Один из мертвых варваров сжимал в руке длинный обоюдоострый меч. Норманнский меч. Клянусь Тором, понятия не имею, откуда он мог у него взяться. Скорее всего, какой-нибудь викинг, желторотый молокосос, когда-то размахивал им с пеной на устах. Так или иначе, меч теперь стал моим. Я немало потрудился, разгибая стиснувшиеся вокруг его рукоятки окостеневшие пальцы дикаря.

С таким мечом я чувствовал себя куда увереннее. Короткий меч и тяжелый щит хороши, если сражаешься с противником хотя бы среднего роста. Эти же недомерки — совсем иное дело.

Мы ползли по горам, пробираясь по скальным полкам и карабкаясь на отвесные склоны. Мы, словно жуки, взбирались на высоченные хребты, давившие на нас своей гигантской массой. Карлики — мы были жалкими карликами... И нас постоянно хлестал ветер, дико завывавший на разные голоса.

Враг преградил дорогу. Навстречу им вышел бритт. Он крутнул копьем, один из дикарей схватился за его древко. Бритт бросился на дикаря, и они оба полетели в пропасть. В нас вспыхнула безудержная ярость, мы схватились за мечи, и через несколько мгновений все было кончено — четверо варваров недвижно лежали у наших ног. Римлянин сел на камень, пытаясь остановить кровь, хлеставшую из рассеченной руки.

Мы сбросили убитых с тропы и стянули руку римлянина кожаным ремнем чуть повыше раны, кровь перестала течь. Мы шли дальше — вперед, только вперед... По солнцу, медленно странствовавшему по небу над нашими головами.

Обойдя скальный обломок, лежавший на тропе, мы снова столкнулись с дикарями. Увидев их, ирландец завопил от радости и бросился вперед. Те окружили его, словно волки. Первый, отважившийся приблизиться, сразу же лишился головы. Второй завыл, когда его рука, крутясь в воздухе, полетела в пропасть. Ирландец с воплем рассек грудь третьему и следующим ударом снес ему голову. Тогда они набросились на него всем скопом. Свалка длилась недолго, и мы увидели, как на копье поднимается рыжая голова. На лице ирландца все еще можно было увидеть жестокую радость.

Они ушли, не заметив нас, и мы продолжили путь. Спустилась ночь, и призрачный лунный свет придавал всему вокруг оттенок неправдоподобия. Мы натыкались на следы отхода иных групп — то легионер, пронзенный копьем, лежит на краю пропасти, то валяется тело без головы, то — в другом месте — голова без тела. Разбитые щиты, поломанные мечи и копья...

Теперь мы шли исключительно по ночам, прятаясь днем

среди камней. Мимо нас часто проскальзывали небольшие отряды варваров, иногда мы пропускали их, затаившись в камнях чуть ли не на расстоянии вытянутой руки.

Уже светало, когда пейзаж резко изменился. Мы вышли на плоскогорье, окруженное со всех, кроме южной, сторон горами. Мы надеялись, что отсюда наконец начнется спуск на спасительные равнины.

Мы остановились на берегу озера. Ни следа врага, ни облачка дыма заметно не было. Но римлянин вдруг поднял руку к горлу и упал, не издав ни звука. В его груди торчал дротик.

Мы посмотрели на озеро. Никаких лодок, плотов — вообще ничего не было на гладкой его поверхности. В прибрежных зарослях тоже никого. Мы разом повернулись, чтобы посмотреть на вересковые поля, и второй римлянин рухнул лицом вниз с дротиком в спине.

Я выхватил меч и лихорадочно обшарил взглядом окрестности. Вереск был настолько низок, что даже каледонец не смог бы в нем укрыться. Над озером ни ветерка, почему же тогда одна из тростинок дрогнула, когда все остальные остались неподвижными? Я подошел поближе и вгляделся внимательнее. У подозрительной тростинки всплывал большой пузырь воздуха.

Я шагнул еще ближе... и увидел отвратительную харю, тарашившуюся на меня из-под поверхности воды. Молниеносное движение — и мой меч устремился к врагу. В самую пору, чтобы парировать удар копья, направленный в мое сердце. Вода взбурлила, и из озера выскочил дикарь с дротиком за поясом и дыхательной трубкой в обезьяньей руке. Теперь я знаю, почему так много римлян гибнет по берегам озер.

Я отбросил щит и все лишнее — все, кроме меча, кинжала и панциря. Я чувствовал, как растет, вздымается во мне волной злость. Я остался в одиночестве. Один во вражеской стране, среди дикарей, жаждущих моей крови! Клянусь Тором и Вотаном, я проучу их! Я им покажу, как уходит на тот свет норманн! С каждой секундой с меня сходила шелуха цивилизованности, все

меньше оставалось во мне от римлянина, представителя древней цивилизации, высокой культуры, все сильнее давали о себе знать примитивные инстинкты, жажда крови.

Меня охватил гнев, разжигаемый типично норманнским презрением к врагу. Я чувствовал себя прекрасно и был готов к любым неожиданностям. Тор видел, как я сражался до сих пор, и знает, что во мне жива еще душа норманна, воинственного викинга, более глубокая и таинственная, чем бездонные пропасти Северного моря. Я перестал быть римлянином, я снова был норманном, рыжебородым варваром, я шел по вереску уверенно, как дома. Кто такие эти пикты? Недоразвитые карлики, чье племя уже вымирает? Откуда во мне бралась такая бешеная ненависть? А чему тут удивляться? Чем больше поддавался я инстинктам, тем сильнее горел во мне огонь нетерпимости. Была еще одна причина, о которой я тогда даже не догадывался. Пикты были людьми совершенно иной эпохи. Кельты и норманны вытеснили их, нагнавшись с севера. Где-то глубоко в моем подсознании хранились воспоминания о многолетних жестоких войнах. К этому следует добавить все те ужасные истории, что рассказывают о пиктах. Я видел их кромлехи, разбросанные по всей Британии, видел огромную стену, воздвигнутую около Кориннума. Я знал, что кельтские друиды люто их ненавидят. Но и они не в состоянии были объяснить, ни каким образом были построены эти гигантские сооружения, ни зачем это было сделано. Ответ напрашивается единственный: колдовство. Более того, пикты считают себя избранным народом, что лишь подхлестывает сплетни.

Я снова думал о том, с какой, собственно, целью отправлены были в эту самоубийственную экспедицию пять сотен легионеров. Одни говорили, что нас послали схватить некоего пиктского жреца. Другие считали, что главная задача — найти их главаря Брана Мак Морна. Никто из нас, однако, ничего не знал точно. Разве что наш командир знал цель экспедиции, но он давно уже грызет землю.

Мне хотелось бы встретиться с Браном Мак Морном. Говорят, ему нет равных в бою — как один на один, так и в строю. До сих пор среди пиктов я не видел никого похожего на такого вождя. Хотя они явно были спаяны жесткой дисциплиной. «Быть может, мне повезет, — думал я, — и он не откажется скрестить со мной меч».

Я больше не крадся тайком. Хватит! Ускорив шаг, я громко запел старинную кельтскую песню, отбивая ритм рукояткой меча по щиту. Где вы, пикты? Я встречу вас, как подобает воину.

Пройдя так несколько миль, я наконец за небольшим холмом наткнулся на них. Если дикари рассчитывали, что я, увидев несколько сотен воинов, брошусь наутек, то очень ошибались. Я направился к ним, не замедляя шага, с той же песней на устах. Один из них, набывшись, бросился на меня, но наскочил на меч, разваливший его чуть ли не пополам. Следующий замахнулся копьем, но я отбил его в сторону, и пикт свалился наземь, зажимая рукой огромную дыру в животе. Затем ко мне подскочили сразу несколько дикарей. Одним могучим ударом я очистил пространство вокруг себя и прислонился спиной к скале. Мой меч работал без устали, и ни один удар не пропадал даром. Один на редкость сообразительный пикт хотел ударить снизу, но его меч скользнул по моему панцирю, а я-то уж не промахнулся. Они стаей кружили вокруг, но никак не могли достать меня своими короткими мечами. Те, что пытались подобраться поближе, тут же лишались головы. Но вот меня заставили увернуться от брошенного копья и, прежде чем я успел выпрямиться, чей-то меч рассек мое правое предплечье. Второй ударил по шлему. Пошатнувшись, я наугад взмахнул мечом, и в тот же миг в мою правую руку вонзилось копье. Я упал, но упрямо поднялся, мощными ударами разметаю низкорослых врагов. Почувствовав, как вместе с кровью меня покидают силы, я, взревев, словно лев, рванулся вперед, нанося удары направо и налево, полагаясь, если говорить о защите, лишь на панцирь. Я падал, снова поднимался, моя правая рука беспомощно висела,

и я сжимал рукоять меча левой ладонью. Но вот я упал и снова подняться уже не смог.

К моей груди устремилось множество копий, но тут раздался властный голос:

— Прекратить! Оставьте его!

Я поднял голову и словно сквозь пелену тумана увидел продолговатое смуглое лицо человека, отдавшего этот приказ.

Это был стройный темноволосый мужчина, ростом едва достигавший моего плеча, но, судя по всему, очень сильный и ловкий. Его опрятную и хорошо пригнанную одежду дополнял прямой длинный меч. Хотя человек этот совершенно не был похож на окружавших его пиктов, чувствовалось, что он имеет над ними безграничную власть.

— Я уже видел тебя, — сказал я к немалому его удивлению. — Ты появлялся среди пиктов, когда погибали их вожди. Кто ты такой?

Едва я вымолвил эти слова, все вокруг меня завертелось, и я упал, уткнувшись лицом в траву. Последнее, что я услышал, было:

— Перевяжите ему раны, накормите и напоите!

Я немного знал язык — перенял у пиктов, приходивших к нам торговать.

Приказания вождя были исполнены. Я начал постепенно приходить в себя, но, хлебнув верескового пива, мгновенно вырубился.

Когда я пробудился, луна сияла высоко в небе. На мне не было уже ни панциря, ни шлема. Меня сторожили несколько вооруженных пиктов. Увидев, что я проснулся, они знаками заставили меня подняться и повели за собой по вересковому полю. Вскоре мы подошли к холму, на вершине которого горел костер. Рядом с костром сидел на валуне вождь, вокруг, словно духи Мира Тьмы, стояли воины.

Я смотрел ему в лицо, не испытывая страха. Я чувствовал, что этот человек отличается от тех, с кем мне приходилось сталкиваться ранее. От него исходила некая удивительная сила, мне казалось даже, что он смотрит

на людей откуда-то сверху, с каких-то недостижимых вершин многовековых знаний и опыта.

Он сидел, подперев рукой голову, и о чем-то думал.

— Кто ты такой? — спросил он у меня.

— Гражданин Рима.

— Римский легионер. Один из тех волков, что терзают мир, — уточнил он.

Толпа воинов грозно шевельнулась.

— Что ж, есть и такие люди, которых мы не любим больше даже, чем римлян. Но ты ведь римлянин, не так ли? Правда, мне казалось, что римляне пониже ростом. И твоя борода — уж больно она у тебя рыжая.

Уловив саркастический тон в его голосе, я поднял повыше голову и гордо произнес:

— Я норманн по рождению.

Толпа издала дикий вопль и угрожающе надвинулась на меня. Вождь остановил ее взмахом руки. Он не сводил глаз с моего лица.

— Мои люди ненавидят норманнов еще больше, чем римлян за их постоянные набеги на наше побережье. Хотя, по-моему, большей ненависти достойны все же римляне.

— Но ты ведь тоже не пикт!

— Я медиторианин.

— Из Каледонии?

— Из большого мира.

— Так кто же ты такой?

— Бран Мак Морн.

— Что?!

Я ожидал увидеть гиганта, монстра или, напротив, карлика, но только не такого человека, какого видел перед собой.

— Ты не такой, как они.

— Я такой, какими были все пикты когда-то, — ответил Мак Морн.

— Почему вы так ненавидите других людей? — спросил я растерянно. — Ваша жестокость ужасает соседние племена.

— А за что нам их любить? — Его черные глаза блес-

нули злобой. — Эти кочующие племена одно за другим вытесняли нас с наших плодородных земель, пока не загнали на вересковые пустоши. Мы вырождаемся телом и душой. Посмотри на меня! Таким, как я, был когда-то любой из пиктов. Ведь в давние, незапамятные времена не было в мире народа, более счастливого, чем наш.

Я невольно вздрогнул, услышав лютую ненависть, прозвучавшую в его голосе.

Из толпы воинов появилась девушка, она тихо подошла и села рядом с вождем. Тоненькая, совсем еще ребенок, она, казалось, стеснялась своей красоты. Черты лица Мак Морна смягчились, он обнял ее рукой за плечи. Его взгляд затуманился.

— Это моя сестра, норманн, — сказал он. — Говорят, один богатый купец из Кориниума посулил тысячу слитков золота тому, кто доставит ее к нему.

Я почувствовал нотку печали в его голосе. Становилось темно, луна уже клонилась к горизонту.

Голос вождя снова прервал тишину.

— Этот купец подослал к нам своего шпиона. Я отправил назад, за Стену, его голову.

Вдруг передо мной выросла человеческая фигура. Это был очень старый мужчина, на котором не было надето ничего, кроме набедренной повязки. Длинная белая борода спускалась на грудь, все тело густо покрывала татуировка. Лицо старика было изборождено сотнями морщин, кожа казалась чешуйчатой, как у змеи, из-под широких густых бровей зорко смотрели пронзительные глаза. Воины взволнованно зашумели, девушка плотнее прижалась к Мак Морну, она явно была напугана.

— Бог войны оседлал ночной ветер, — произнес старец. — Ястребы чуют кровь. Чужие ноги топчут дороги Альбиона, чужие весла взбивают воды Северного Моря.

— Поделись с нами тем, что знаешь, — приказал Мак Морн.

— Ты прогневал старых богов, вождь, — сказал старик. — Храмы Змея опустели. Белый Бог Луны уже не тешит людским телом. Властители стихий смотрят вниз

с осуждением. Хай! Они говорят, что вождь идет неверным путем.

— Хватит! — твердо сказал Мак Морн. — Могууществу Змея пришел конец. Народ пиктов не будет больше приносить человеческие жертвы силам Тьмы. Запомни это, жрец!

Старец перенес на меня взгляд своих огромных, сверкающих глаз.

— Я вижу здесь дикаря с волосами цвета золота, — послышался его громкий шепот. — Вижу ясный ум и крепкое тело, они могли бы порадовать богов.

Мак Морн медлил с ответом.

Девушка обняла брата за шею и что-то прошептала ему на ухо.

— В пиктах остались еще следы человеческих чувств и милосердия, — сказал он с горечью в голосе. — Это дитя просит, чтобы я отпустил тебя на свободу.

Он сказал это по-кельтски, но воины поняли, и из их рядов послышался ропот.

— Нет! — взвился жрец.

Терпение вождя тоже имело границы. Он встал.

— Я сказал, что норманн уйдет отсюда на рассвете свободным!

Ответом ему было враждебное молчание.

— Кто осмелится возразить мне? — грозно спросил Мак Морн.

— Послушай, вождь, — сказал старый жрец. — Я живу на земле уже вторую сотню лет. Я видел многих вождей, они приходили и уходили. Я видел многих завоевателей. Я сражался с магией друидов в их темных лесах. Ты недооцениваешь мое могущество, человек Старой расы. Я бросаю тебе вызов. Готов ли ты помериться со мной силами?

Ни единого слова не прозвучало в ответ. Мужчины выпили в освещенный мигающим пламенем костра круг.

— Если я одержу победу, Змей вернется, а ты станешь моим слугой. Если повезет тебе, служить придется мне.

Жрец и вождь стали друг напротив друга. Их взгляды

скрестились подобно мечам, затем встретились. Глаза жреца с каждой секундой становились шире и шире, глаза вождя, наоборот, сужались. Казалось, из них плыла навстречу друг другу неведомая мощь. Уверен, именно в этом был смысл поединка. У жреца были его древние, тысячелетиями культивировавшиеся тайны и секреты, его поддерживали неведомые силы, знание о которых ныне утрачено. За Браном Мак Морном стояло будущее, сила возрождающейся цивилизации, чистый и прозрачный свет завтрашнего дня. Исход поединка решал судьбу пиктов. Оба они вкладывали в это необычное сражение все свои силы. На лбу вождя выступили жилы. Глаза и того, и другого блеснули, не мигая. Вдруг маг тяжело вздохнул, прикрыл рукой глаза, вскрикнул — и осел на землю, словно пустой мешок.

— Достаточно, — выдавил он, с трудом поднимаясь. — Ты победил, Бран Мак Морн!

Напряжение спало, но глаза всех остались прикованными к победителю. Бран Мак Морн потряхнул головой, словно избавляясь от ночного кошмара. Он сел на валун, и девушка обняла его, шепча что-то звонким веселым голосом.

— Меч пиктов остер! — бормотал маг. — Оружие пиктов непобедимо. Хай! Родился великий вождь среди людей Запада. Посмотри на древний огонь Исчезнувшего Народа, о Волк Вересковых Полей! Хай! Он говорит, что у народа пиктов появился настоящий вождь.

Жрец наступил на угли костра, бормоча что-то себе под нос. Разбрасывая раскаленные угли голыми ногами, он двинулся по кругу и затянул вполголоса нескладную, дикую, но полную чарующего ритма песню:

Озера серебрятся прежних богов снами,
Духи играют вересковыми волосами,
Дует ночной ветер, и затуманенный месяц
Скользит по воде,
Поблескивая над волнами.
На вершинах холмов кричат злые ведьмы,
В вечной охоте мчат серые волки, и негасимый
Горит над вереском нерукотворный свет.

Старец перебирал ногами в такт песне, останавливаясь время от времени, чтобы выкрикнуть очередную фразу.

О боги вересковых полей и озер боги,
Властитель гор и болот, чье имя — тайна,
Могучий хозяин лунного серпа,
Покажите нам свои соколиные лики.
О божественный Змей, пусть твои кольца
Вечно сжимают мир.
Смотрите — вот то, чего никто не видит,
Вот горят языки пламени,
Я хожу по раскаленным углям,
Догадайтесь, о чем я думаю!
Сила жара меня переменит,
Тень станет сейчас человеком,
Дым вознесется столбом.
Огонь горит, дарит тепло,
Сжигает все, что принесено океаном,
Он скажет нам все,
Что мы захотим узнать.

По углям поползли голубоватые огоньки, вспыхивающие вдруг и исчезающие с треском, далеко разносившимся в тишине. Клубы дыма поднимались выше и выше, образуя темное облако.

На небе Млечного Пути река;
Она течет над вереском, над горами, над мглой, над долиной,
Боги Старых земель далеко,
Но то, что сотворено
Мраком, бессмертно, бессмертно.
Смотрите же, не отводя глаз
В мистическое пламя снова и снова,
Внимайте легенде о Безымянном Племени.

В сгустившемся дыму мрачным огнем горели огромные глаза старого жреца. Голос доносился откуда-то издалека, из какой-то невероятной бездны, в нем не осталось ничего человеческого, он как бы жил сам по себе, жизнью чего-то, рожденного тьмой неисчислимых ушедших веков и использовавшего сейчас язык жреца в качестве посредника.

И тут я заметил нечто еще более странное. Обступившая жреца толпа была нема и недвижна, словно скульптурная группа, высеченная из камня. Вокруг колыхался

вереск, над костром нависало темное небо с редкими светлячками звезд. Безобразные лица пиктов размывались во мраке, лишь иногда выхватываемые светом мерцавших на углях огоньков. Бран Мак Морн сидел, словно статуя, спокойно клядя в костер.

— Могучий народ Средиземья!

Лица пиктов ожили, глаза заблестели. Я размышлял над словами жреца. Похоже, ничто на свете не сможет цивилизовать этих первобытных людей. Они необузданные в своих чувствах и стремлениях, они жестоки и упорны, в них живет дух Века Камня.

— Вы древнее покрытых снегом гор Каледонии!

Воины шагнули вперед, боясь упустить хоть одно слово. Они жадно внимали жрецу, хотя слышали все это, вероятно, не в первый раз.

— Норманн, — сказал вдруг жрец, — что ты знаешь о землях, лежащих за Проливом?

— Там остров Иберия. Но зачем тебе это?

— А за ним?

— Острова, которые кельты называют Араном.

— А еще дальше?

— Не могу понять, зачем ты об этом спрашиваешь. Что там дальше, не известно никому. Ни один из кораблей не заплывал так далеко. Правда, мудрецы говорят, что именно где-то там затерялась легендарная страна Туле. Где-то на краю света, никто ее не видел.

— Хай! Великий Западный Океан омывает берега многих неведомых островов, таинственных континентов... Далеко-далеко за его необъятными водами лежат два гигантских материка. Они так велики, что рядом даже с меньшим из них Европа казалась бы карликом. На обоих материках живут люди. Племена людей появились там тогда еще, когда здесь лишь ползали змеи да лазали по деревьям в лесах обезьяны. За этими двумя материками раскинулся еще один огромный океан — Океан Тихих Вод. В нем полно островов, которые были некогда вершинами гор затонувшего континента Лемурии. Материки соприкасаются друг с другом, их соединяет узкая полоска

земли. Западные берега северного материка дики и неприступны, там возносятся к небесам величественные горные массивы. Однако когда-то вершины этих горных хребтов были островами, на них-то и жило в незапамятные времена пришедшее туда с севера Безымянное Племя. Случилось это многие тысячелетия назад, человек сошел бы с ума, пытаясь их сосчитать. На тысячи миль на север и на восток простирались земли Племени на древнем материке до проливов, отделявших эту землю от Азии...

— Азии?! — воскликнул я удивленно.

Старец гневно потрянул головой и окинул меня горящим взглядом.

— Именно там, во мраке непостижимого для нашего понимания прошлого сформировалось и окрепло это племя. Долго, очень долго жило на островах Племя. Были они людьми примитивными, но искусными в охоте, которой занимались многие века, сильными и ловкими, словно пантеры, хотя невысокими и не слишком мускулистыми. Никакие иные народы не смогли бы тогда соперничать с ними. Впрочем, они были первыми. Они одевались в звериные шкуры, пользовались орудиями, вытесанными из камня. Осев на западных островах, омывавшихся теплым ласковым морем, они провели там многие тысячи лет. Земля там тучная, плодородная — они занялись земледелием, научились выращивать злаки и овощи, ткать и прясть, строить крепкие жилища, дубить шкуры животных, лепить горшки и прочую домашнюю утварь. Западнее их островов располагался тогда огромный мрачный материк — Лемурия. Оттуда все чаще стали докучать набегами Морские Люди. Странная это была раса, ведущая род свой не иначе, как от каких-то морских чудовищ. Они плавали, как рыбы, и могли часами пребывать под водой. Много раз появлялись Морские Люди у островов, но Племя всегда давало им отпор. Иногда люди Племени гнались за ними до самой Лемурии и так постепенно знакомились с материком — на востоке и западе его росли тогда густые леса, в которых обитали ужасные чудовища и обезьянолюди. Шли годы, уходили

века, Безымянное Племя совершенствовалось в земледелии и ремеслах, но постепенно забывало о военном искусстве. Вот тогда-то на мир обрушилось чудовищное землетрясение. Небо поменялось местами с морем, и земля дрожала между ними. Ударил молнии, и западные острова поднялись высоко над водой, превратившись в хребты гигантских горных массивов. Лемурия исчезла в бушующих волнах, на поверхности остался лишь большой гористый остров, окруженный несколькими клочками суши, которые раньше были вершинами гор.

Появились вулканы, они, извергаясь, заливали все вокруг лавой. Племя двинулось на восток, оттесняя в сторону обезьянолюдей. Выйдя на широкие плодородные равнины, они поселились там и жили спокойно многие века, но прошло время, и вновь пришла беда — из Арктики надвинулся огромный ледник. Племя снова покинуло насиженное место, кочевье на этот раз длилось несколько тысяч лет. Безымянное Племя шло и шло на юг. Они добрались до Южного материка, но он показался им непригодным для жизни — много воды, сплошные болота, кишачище змеями. Племя построило плоты и лодки и поплыло к лежащему поодаль огромному острову — это была Атлантида. На острове жили многочисленные племена атлантов. Атланты были людьми огромного роста и могучего телосложения, но они все еще жили в пещерах, их племена были разрозненными, они мало разбирались в военном искусстве, и Племя постепенно вынудило их покинуть остров. Оказавшись в Европе, атланты ввязались в затяжную войну с обитавшими там потомками лемурийцев. Живший в то время в Европе могущественный волшебник наложил заклятие на Атлантиду, превратив ее в остров-призрак. Все людские племена бежали с острова, и с тех пор ни один корабль не может к нему приблизиться и, тем более, пристать. Безымянное Племя высадилось в Африке, оттуда побережьем добралось до Синего моря, где и осело на плодородных гостеприимных берегах. Многие века в мире и довольствии жило Племя, расселяясь постепенно от африканских пустынь до Синего моря, от Нила до холмов Альбиона. И везде они обра-

батывали землю, лепили горшки, ткали ткани, и не было искуснее их в этих ремеслах. Затем с Севера над Племенем нависла новая угроза — из Страны Безбрежных Снегов, с берегов далекого Северного моря пришли на их земли кельты, вооруженные бронзовыми мечами и копьями с бронзовыми же наконечниками. Пикты, так к тому времени стали звать людей Безымянного Племени, сопротивлялись отчаянно, но их оружие было каменным, а кельты все, как на подбор, были умелыми и опытными воинами, закаленными во многих кровавых передраках. Пикты же за многие века мирной жизни разучились воевать и проигрывали теперь сражения одно за другим. В конце концов их оттеснили на пустынные бедные земли по окраинам обитаемого мира. Так случилось, например, с альбийскими пиктами. Их прогнали на запад и север, там они смешались с племенами рыжеволосых великанов, которых некогда сами же изгнали из Атлантиды. Шли века, и пикты начали вырождаться. Невысокие, коренастые и черноволосые пикты, смешавшись с рыжеволосыми потомками атлантов, положили начало новому племени — племени людей с деформированными телами и разумом. Эти новые пикты замечательно умели воевать, но быстро утрачивали все прочие полезные навыки и умения. Лишь род пиктских вождей сохранил чистоту крови — именно поэтому ты таков, каков есть, Бран Мак Морн.

Несколько мгновений царила тишина. Молчаливое кольцо воинов мечтательно слушало, как гаснет эхо последних слов жреца. Лишь ночной ветер тихо шумел в листве. Его порывы раздули костер, вспыхнувший высоким пламенем, ярко осветившим все вокруг.

Жрец заговорил снова.

— Слава Безымянного Племени растаяла как снег, как дым развеялась в воздухе. Исчезла память об Атлантиде, пала империя лемурийцев. Люди Каменного Века тоже тают, как иней на солнце. Мы пришли из мрака и уходим во мрак. Мы тени, народ теней... Наше время на исходе. В храмах Бога Луны воют волки. Водяные змеи плавают по улицам наших затонувших городов. На юге королевство толтеков — потомков лемурийцев, рас-

палось в прах. Древние народы уходят, все сильнее становятся племена Нового Мира.

Старец выхватил из костра тлеющую головню и мгновенно начертил ею в воздухе круг и треугольник. Мистические символы вспыхнули ярким светом и тут же погасли.

— Круг без начала, — бормотал старый жрец, — и без конца. Змей, кольцом свернувшийся вокруг мира и прикусивший пастью собственный хвост. Мистическая Троица: Начало, Бытие, Конец. Сотворение, Защита, Уничтожение. Уничтожение, Защита, Сотворение. Жаба, Яйцо и Змей. Змей, Жаба и Яйцо. Огонь, Воздух и Вода. Бог огня хохочет...

Истовость, с которой пикты смотрели в костер, вызвала во мне страх. Огонь затухал, разгорался снова, стреляя языками пламени, постепенно превращаясь в странную желтоватую дымку, застилавшую землю, небо — все вокруг. Я почти не чувствовал своего тела, лишь глаза смотрели по-прежнему зорко.

И вдруг в этом желтом тумане начали вырисовываться контуры некоего неведомого мира, и перед моими глазами поплыли смутно различимые картины далекого прошлого.

Я увидел поле битвы и на нем похожих на Брана Мак Морна людей, сражавшихся с высокими стройными воинами, вооруженными копьями и бронзовыми мечами.

Затем появилось еще одно поле битвы, и я понял, что это уже совсем иная эпоха. Высокие стройные воины люто дрались с наседавшими на них желтоволосыми дикарями. Вторжение бриттов?

Потом я увидел целую серию быстро сменявших друг друга картин, но почти ничего не успел уловить. Мне показалось лишь, что все они относились к каким-то очень важным, переломным событиям в истории человечества. Вот появилось на мгновение чье-то лицо. Лицо властное, с горящими глазами стального цвета и рыжими усами над тонкогубым ртом. Это, наверное, кельтский вождь Бреннус, галльские орды которого разрушили Рим. Затем мелькнуло надменное лицо с чертами, искаженными злобной жестокостью. Цезарь!

Густой тенистый лес. Гул сражения. Легионы, нападающие на орды Карактакуса.

Уходящие в прошлое дни славы и могущества Рима. Легионы, марширующие в триумфальных походах, сотни и сотни пленников. Наслаждающиеся жизнью тучные сенаторы, благородные римляне, гордые и надменные, роскошные бани, пиры и забавы. И внезапно — дико взлохмаченные бороды варваров. Золотоволосые суровые норманны, могучие германцы, неистовые валлийцы и даммонцы и их извечные враги — пиктские силуры. Прошлое расплывается, его постепенно сменяет настоящее. И будущее!

— Вот падение Рима, — вновь зазвучал голос мага. — Ноги вандалов попирают Форум, орды варваров катятся по Виа Аппиа, рыжеволосые дикари насилуют жриц в храмах Весты. Рим пал!

Радостный вой разорвал ночную тишину.

Во мраке появилось лицо Брана Мак Морна.

— Слава Великому! Я вижу народ пиктов, идущий к новому свету.

На востоке вспыхнули первые лучи утренней зари. В полумраке рассвета бронзовой маской светилось лицо Брана Мак Морна. Его бездонные черные глаза неотрывно смотрели в огонь, словно искали там исполнения сокровенных желаний и залог успеха великих планов и начинаний.

— С чем не могли справиться оружием, справлялись смекалкой. Это длилось многие годы, многие века, многие тысячелетия. Но время неумолимо, восходит звезда иных народов. Нам придется уступить им место. Нашей последней опорой станет туманная гора Гэллоуэй. Когда придет день и Бран Мак Морн падет в сражении, огонь нашей славы погаснет. Погаснет навсегда.

Как бы в ответ на эти слова пламя костра взметнулось высоко вверх. Таинство закончилось, мгла рассеялась бесследно.

Над горами поднималось солнце.

ЧЕРВИ ЗЕМЛИ

1

Начинайте, солдаты! Пусть наш гость увидит, как действует старое доброе римское правосудие.

Человек, отдавший этот приказ, плотнее запахнул-ся в пурпурный плащ и опустился в кресло. Точно так же удобно развалясь, он сидел бы, вероятно, в ложе амфитеатра, наслаждаясь звоном мечей гладиаторов. В каждом движении этого человека читалась непоколебимая уверенность в своих силах. Самоуверенность и гордость вообще считались неотъемлемыми чертами граждан Рима, а Титу Сулле к тому же было чем гордиться: будучи наместником провинции и военным комендантом Эббракума, он отвечал за свои действия только перед римским цезарем.

Сулла был мужчиной среднего роста, крепкого телосложения, ястребиные черты его лица свидетельствовали о чистоте текущей в его жилах патрицианской крови, в эту минуту на его полных губах играла язвительная улыбка, превращавшая высокопарные слова о правосудии в издевательство над тем, кому они предназначались. На нем ладно сидела военная форма — куртка с плотно нашитыми золотыми чешуйками, соответствующий рангу инкрустированный полупанцирь, у пояса — короткий меч, на коленях — серебристый шлем. За ним несокрушимой стеной стояла стража — вооруженные копьями и щитами светловолосые гиганты, рожденные на берегах Рейна.

Перед Титом Суллой разыгрывалась сцена, доставляв-

шая ему, по всей видимости, величайшее наслаждение. Эта сцена, впрочем, была обычной для любой римской провинции, ее можно было наблюдать повсюду в огромной Римской Империи. На голой земле лежал грубо сколоченный деревянный крест с привязанным к нему полубнаженным мускулистым человеком. Солдаты готовили железные гвозди, собираясь прибить ими руки и ноги несчастного к кресту.

Кровавая эта сцена имела зрителей — за тем, что происходило на вынесенной за стены города специальной площадке для казней, наблюдали несколько человек: наместник и его чуткая стража, десяток молодых римских офицеров, а также тот, кого Сулла назвал «гостем» — он стоял неподвижно, подобный бронзовому изваянию. По сравнению с изысканной роскошью одеяний римлян, его одежда казалась серой и убогой.

У него, как и у окружающих его римлян, были черные волосы, но это единственное, в чем они были похожи. В нем не было той горячий, чуть ли не восточной чувственности, которая характерна для жителей Средиземноморья. Его губы не были такими полными и красными, волосы не вились густыми локонами, как у греков, кожа не имела типичного для южан оливкового оттенка, хотя была смуглой. В нем было зато нечто такое, что заставляло вспомнить о мгле и мраке, морозе и ледяном ветре северных стран. Даже глаза его светились, словно из-под глыб льда, холодным темным огнем. Его рост едва ли достигал среднего, но в нем была какая-то врожденная жизненная сила, сравнимая разве что с витальностью волка или пантеры — она была заметна в каждой линии его ладного, упругого тела, в густых прямых волосах, в манере наклонять голову подобно хищной птице, широких плечах, выпуклой груди, узких бедрах и небольших ступнях.

К его ногам прижимался человек, у которого была такая же кожа — но на этом их сходство кончалось. Коренастый, очень низкого роста, почти карлик с могучими жилистыми руками, этот человек сидел на земле,

склонив голову с низким покатым лбом, его лицо выражало тупую свирепость, смешанную со страхом. Во внешности распятого на кресте что-то напоминало «гостя» Тита Суллы, но гораздо больше он был похож на этого силача-карлика.

— Ну что же, Парта Мак Отна, — сказал наместник нарочито небрежно, — теперь ты, вернувшись к себе на родину, сможешь рассказать соплеменникам о римском правосудии.

— Я смогу рассказать, — ответил тот голосом, в котором не проглядывало и тени эмоций. На неподвижном смуглом лице никак не отражалась та буря, что бушевала в его сердце.

— В Риме царит справедливость, — сказал Сулла. — Пакс Романа! Заслуги перед Римом вознаграждаются, преступления — караются! — он смеялся в душе над собственным лицемерием. — Сам видишь, посол из страны пиктов, как быстро Рим карает преступников.

— Вижу, — ответил пикт, и в голосе его прозвучала угроза — признак с трудом скрываемого гнева. — Я вижу, что с подданными неподвластного Риму короля обращаются как с римскими рабами.

— Его судил беспристрастный суд, — парировал Сулла.

— Ну, конечно! Суд, в котором обвинителем был римлянин, свидетелями римляне, судьей тоже был римлянин. Да, он не сдержался и швырнул наземь римского купца, который обманул его и ограбил, оскорбив вдобавок. Ах, он еще его и ударил! А разве его король — жалкий пес, который не смог бы разобраться в поступке своего человека? Что, он слишком слаб или слишком глуп и не смог бы судить об этом справедливо?

— Ну и ладно! Вот ты и расскажешь Брану Мак Морну о том, что тут произошло, — цинично сказал Сулла. — Рим, мой друг, не ищет у варваров справедливости. Дикари, попадая в Империю, должны вести себя тихо, а не хотят — пусть получают по заслугам.

Пикт стиснул зубы со скрежетом, сказавшим намест-

нику, что больше он от посла не услышит ни слова. Римлянин кивнул палачам. Один из солдат приставил гвоздь к широкому запястью несчастного и сильно ударил молотом. Железное острие углубилось в тело, заскрежетав на кости. Человек на кресте сжал зубы, но не издал ни единого звука. Он инстинктивно рванулся, словно волк, попавший в западню; на висках его вздулись жилы, на низком лбу выступил пот, на теле напряглись мышцы. Молоты неумолимо стучали, забивая гвозди в щиколотки и запястья. Кровь струей текла по рукам, разбрызгивалась по кресту. Явственно был слышен треск ломающихся костей. Человек на кресте по-прежнему молчал — только почерневшие его губы натянулись, обнажая десны, да голова моталась из стороны в сторону.

Парта Мак Отна не двигался с места. На его застывшем лице пылали яростным огнем глаза, мышцы, сдерживаемые страшным усилием воли, окаменели. У его ног сидел на корточках слуга с деформированным телом. Отвернувшись от ужасного зрелища, он стальной хваткой вцепился в щиколотку своего господина и беспрестанно бормотал что-то себе под нос, как бы молясь.

Пал последний удар. Солдаты перерезали веревки, чтобы тело казнимого повисло на гвоздях. Черные блестящие глаза несчастного неотрывно смотрели в лицо того, кого называли Парта Мак Отна, в них мерцала отчаянная тень надежды. Солдаты подняли крест, вставили его конец в заранее выкопанную яму, поставили крест вертикально и утоптали землю у его основания. Пикт повис на гвоздях, вбитых в его тело, но по-прежнему не издавал ни звука. Он все так же вглядывался в лицо посла, но надежда исчезла из его глаз.

— Еще поживет, — безмятежно сказал Сулла. — Эти пикты живучи, как кошки. Я поставлю, пожалуй, здесь десяток стражников — пусть охраняют его день и ночь, пока не сохнет. Эй, Валерий, ну-ка подай ему чашу вина, пусть выпьет за здоровье нашего уважаемого соседа, короля Брана Мак Морна.

Молодой офицер, улыбаясь, налил полную чашу вина

и, поднявшись на цыпочки, поднес ее к запекшимся губам висевшего на кресте человека. В бездонных глазах пикта взметнулось пламя страшной ненависти. Он отклонил назад голову, чтобы даже кончиками губ не дотрагиваться до чаши, и плюнул прямо в глаза молодому римлянину. Тот выругался, отшвырнул чашу в сторону, вырвал из ножен меч и, прежде чем кто-либо успел его удержать, вонзил клинок в тело пикта.

Сулла сорвался с места с возгласом ярости. Человек, которого называли Парта Мак Отна, вздрогнул и молча прикусил губу. Валерий, слегка ошеломленный происшедшим, с унылой миной вытирал свой меч. Молодой офицер действовал инстинктивно, отвечая на оскорбление, нанесенное гражданину Рима — иначе поступить в возникшей ситуации он не мог.

— Сдай оружие, юноша! — крикнул Сулла. — Центурион Публий, арестуй его. Пусть посидит пару дней в тюремной камере на хлебе и воде — может, тогда он научится сдерживать патрицианскую гордость, когда вершится воля Империи. Ты что, глупец, не понимаешь, что преподнес этой собаке желанный подарок? Кто же, повиснув на кресте, не предпочтет столь страшной участи смерть от удара меча? Взять его! А ты, центурион, проследи, чтобы стража стояла до тех пор, пока вороны не расклюют труп до голых костей. Парта Мак Отна, я отправляюсь на пир в дом Деметрия. Не желаешь ли пойти со мной?

2

Посол, не сводивший глаз с безжизненного тела, свисавшего с креста, покачал головой. Сулла встал и, пронычливо улыбаясь, направился в город. За ним следовал секретарь, несший позолоченное кресло, замыкали шествие равнодушные ко всему происходившему солдаты. Среди них с опущенной головой шел Валерий.

Парта Мак Отна забросил на плечо полу плаща, еще раз взглянул на мрачный крест и висящее на нем тело,

темным пятном выделявшееся на фоне пурпурного неба, на котором начали собираться ночные тучи, и медленно удалился. За ним молча ковылял его слуга.

В одной из резиденций Эббракума человек, которого называли Парта Мак Отна, метался, словно тигр, по комнате. Его обутые в сандалии ноги бесшумно скользили по мраморным плитам.

— Гром, — повернулся он к слуге, — я прекрасно понимаю, почему ты цеплялся за мои ноги, о чем молил Лунную Госпожу. Ты боялся, что я потеряю голову и кинусь на помощь этому несчастному. О боги, я знаю, именно этого ждала римская собака. Его закованные в железо цепные псы внимательно наблюдали за мной, а его лай выносить было труднее, чем обычно. О боги, черные и белые, боги тьмы и света! — Он в приступе ярости выбросил кулак вверх. — И я должен был стоять и смотреть, как моего человека убивали на кресте без следствия и суда — ведь нельзя же назвать судом этот позорный фарс! О черные боги мрака, даже вас вызвал бы я, чтобы уничтожить этих мясников. Клянусь Безымянными, за это преступление поплатятся многие, Рим будет кричать, как женщина, наступившая на змею.

— Он знал тебя, господин, — сказал Гром.

Посол опустил голову и закрыл лицо руками.

— Его глаза будут преследовать меня даже на ложе смерти. Да, он знал меня и до самого конца надеялся, что я ему помогу. О боги и демоны, до каких пор Рим будет безнаказанно убивать моих людей у меня на глазах?! Пес я, а не король!

— Во имя всех богов, не кричи так громко! — воскликнул испуганный Гром. — Если римляне хоть на секунду заподозрят, что ты — Бран Мак Морн, висеть тебе на кресте рядом с тем несчастным.

— Они и так вскоре обо всем узнают, — сказал мрачно король. — Сколько же можно носить личину посла, шпиона за врагами. Эти римляне хотели посмеяться надо мной, лицемерно скрывая презрение и пренебрежение под маской любезности. Да, Рим любезен с послами варваров.

Он дает нам прекрасные дома под жилье, рабов, женщин, не скупится на вино и золото, но в душе смеется над нами. Их предупредительность сродни оскорблению, а иногда — как сейчас, например, — их презрение проявляется в полной мере. Я видел все это. Я невозмутимо глотал их оскорбления, но это... клянусь всеми демонами преисподней, это уже сверх пределов человеческого терпения. Мои люди смотрят на меня. Я не могу обманывать их ожидания: любой из них, самый жалкий и ничтожный, вправе рассчитывать на мою помощь и защиту. Ибо к кому еще они могут прийти со своими бедами и горестями? Нет, клянусь богами, на издевательства этих римских собак я отвечу черной стрелой и острой сталью.

— А вождь в пурпурном плаще? — Гром говорил о наместнике, и в его гортанном голосе бурлила жажда крови. — Он умрет? — Блеснуло обнаженное лезвие меча.

Бран, нахмурившись, взглянул на слугу.

— Легче сказать это, чем сделать. Да, умрет, — но как до него добраться? Его германская гвардия днем стоит у него за спиной, а ночью — у окон и дверей. Среди римлян у него столько же врагов, сколько и среди варваров. Любой бритт с радостью смахнул бы ему голову с плеч.

Гром схватил Брана за плащ.

— Позволь мне сделать это, господин! Моя жизнь ничего не стоит. Я заколю его на глазах у стражи.

Мак Морн усмехнулся и ударил слугу по плечу с силой, которая бросила бы наземь любого другого.

— Нет, старый волк. Ты мне очень нужен, и я не хочу, чтобы ты зря рисковал жизнью. Сулла ведь прочтет все, что ты задумал, в твоих глазах, и копыя его тевтонов пронзят тебя прежде, чем ты сделаешь движение. Нет, не ножом из темноты, не ядом из кубка и не стрелой из-за угла мы ударим в ненавистного римлянина.

Он задумался и снова зашагал по комнате, опустив голову. Постепенно его глаза потемнели от мыслей, настолько страшных, что он не осмеливался произнести их вслух.

— Сидя здесь, в этой проклятой мешанине из мрамора и грязи, я начал немного разбираться в хитросплетениях римской политики, — сказал он. — Если на Стене начнется заваруха, Тит Сулла, как наместник этой провинции, обязан будет поспешить туда со своими центуриями. Но он этого не сделает. Он не трус, но есть вещи, которых избегают даже отчаянные храбрецы — у любого человека можно найти что-то такое, чего он боится. Сулла пошлет вместо себя Гая Камилла, который в мирное время несет патрульную службу у болот на западе, охраняя границу от бриттов, а сам запрется в башне Траяна. Ха!

Он повернулся к Грому и стиснул своими стальными пальцами его плечо.

— Бери гнедого жеребца и скачи на север. Найдешь там Кормака из Коннахта и скажешь ему, что я прошу огнем и мечом обрушиться на границу. Пусть его кельты вдоволь напьются римской крови. Я присоединюсь к ним вскоре. Но пока... пока у меня есть дела на западе.

Глаза Грома сверкнули. Бран вынул из-под туники тяжелую бронзовую печать.

— Вот мои верительные грамоты посла в Римской Империи, — сказал он хмуро. — Они откроют тебе любые двери между этим домом и Баал-дор. А если кто-то из стражников окажется излишне любопытным... вот!

Приподняв крышку окованного железом сундука, Мак Морн вытащил из него небольшой, но тяжелый мешочек и передал его воину.

— Если ни один из ключей не подойдет к дверям, — сказал он, — попробуй золотой. А теперь иди!

Гром поднял руку, прощаясь с королем, и вышел.

Бран подошел к зарешеченному окну и посмотрел на залитую лунным светом улицу.

— Пусть луна зайдет, — сказал он сам себе, — тогда и отправимся... в преисподнюю. Но прежде рассчитаемся с долгами.

Снизу донесся затихающий вдали стук подков по мостовой.

— С верительными грамотами и золотом в придачу пиктскому молодцу никакой Рим не страшен, — шепнул король. — А теперь, пока луна не зашла, надо поспать.

Презрительно скользнув взглядом по мраморным фризам и рифленым колоннам — символам Рима, король опустился на ложе, с которого давно уже были сброшены слишком мягкие для его закаленного тела пуховые матрацы и подушки. Он уснул сразу же, несмотря на кипящую в нем ненависть. Первое, чему научила его суровая, горькая жизнь, было умение использовать для сна любую свободную минуту. Обычно он спал крепко и без сновидений, но на этот раз было иначе. Погрузившись в серую бездну сна, во вневременную туманную страну теней, он сразу же увидел знакомую фигуру худого старца с длинной седой бородой — это был Гонар, жрец Луны, главный королевский советник. И Бран удивился, увидев его лицо — оно было белым, как снег, и тряслось, словно в приступе малярии. А ведь сколько Мак Мори себя помнил, ему ни разу не доводилось видеть на лице Гонара Мудрого даже малейшего признака страха.

— Что нового, старче? — спросил король. — Все ли в порядке в Баал-дор?

— В Баал-дор, где лежит мое погруженное в сон тело, все хорошо, — ответил жрец. — Я пришел сюда сквозь пустоту, чтобы бороться с тобой за твою душу. Король, ты сошел с ума, допустив в свою голову мысли, которые сейчас бродят в ней.

— Гонар, — ответил утрюмо Бран, — я сегодня стоял и смотрел, как на римском кресте умирал человек. Я не знаю ни его имени, ни того, кем он был. Мне это безразлично. Но я знаю, что он был одним из нас. Первым запахом, коснувшимся его ноздрей, был запах вереска. Первый рассветный луч, упавший на его тело, был лучом солнца, поднявшегося над пиктскими взгорьями. Это был мой человек. Если он заслужил смерть, только я мог его на нее послать, если его надо было судить, только я мог быть ему судьей. В наших жилищах текла одна кровь, один и тот же огонь пылал в наших сердцах. Дети мы

слышали одни и те же древние легенды, в юности пели одни и те же песни. Нас связывали друг с другом те же узы, которые связывают меня с каждым воином, с каждой женщиной, каждым ребенком в стране пиктов. Я обязан был защитить его — а теперь я должен отомстить за него.

— Но Бран! — воскликнул маг. — Во имя всех богов, прошу тебя, выбери иной способ мести. Вернись домой, объединись с Кормаком и его кельтами и затопи Стену на всем ее протяжении морем огня и крови.

— Я сделаю это, — сказал Бран. — Но Сулле я отомщу так, как никто и никогда не мстил ни одному римлянину. Ха! Да что они знают о тайнах этого древнейшего острова, на котором, задолго до того, как Рим выполз из болот Тибра, кипела жизнь?

— Бран, нельзя использовать столь мерзкие средства. Даже против Рима...

— Ха! — резко выдохнул король. — В борьбе против Рима годятся любые средства. Я в безвыходном положении. О боги, а разве Рим ведет со мной войну по-честному? Я — король варваров, на моем теле волчья шкура, на голове — железная корона, все мое оружие — пара сотен луков да ломаных дротиков. Что еще у меня есть? Просшие вереском холмы, хижины из ивовых прутьев, копья моих горячих соплеменников? А с кем я сражаюсь? С могущественным Римом, его тяжелыми легионами, его широкими плодородными равнинами, его морями, кишачими рыбой и прочими богатствами, горами и лесами, его золотом, его сталью, его гневом. И я буду драться с ним мечом и копьем, интригой и вероломством, змеей на тропинке, ядом в кубке, кинжалом из тьмы, да, — его голос стал глуше, — и с помощью подземных чудовищ тоже.

— Ты сошел с ума! — воскликнул Гонар. — Ты погибнешь, не успев выполнить и доли того, что задумал! Ты спустишься в преисподнюю, но вернуться обратно не сможешь! Что будет тогда с твоим народом?

— Зачем народу король, который не в силах ему служить? — спросил Бран.

— Но ты ведь даже увидеть не сможешь тех, о ком думаешь. Ведь они с незапамятных времен живут вне нашего мира, связь между ними и нашим миром давно оборвана.

— Когда-то, — сказал король, — ты говорил мне, что все сущее сливается в единую реку жизни. И ты был прав — доказательства этому я с тех пор находил уже не раз. Каждая раса, каждая форма жизни так или иначе связана с другими расами, формами и мирами вообще. Где-то есть слабый ручеек, который связывает тех, что я ищу, с общим потоком. Где-то есть Врата, и я найду их!

В глазах Гонара мелькнул ужас.

— Горе! Горе! Горе стране пиктов! Горе великому королевству, которое умрет, не успев родиться! Горе! Горе! Горе!

Бран проснулся. Вокруг было темно. Сквозь прутья решетки светили в окно звезды. Луны не было видно, лишь слабое мерцание над крышами домов указывало на то, что она еще не полностью ушла с небосвода. Король содрогнулся, вспомнив то, что видел во сне, и с трудом сдержал готовое сорваться с уст ругательство.

Он встал, отбросил плащ, натянул на себя легкую кольчугу, пристегнул к поясу меч, поправил кинжал и снова подошел к окованному железом сундуку. Вынув из него несколько небольших свертков, он пересыпал их содержимое в кожаный мешочек, завернулся в плащ и тихо вышел из комнаты. Слуг, которые могли бы шпионить за ним, не было — он решительно отказался от рабов, которых римляне, следуя политике своего государства, навязывали чужеземным послам.

Конюшня располагалась в передней части двора. Бран на ощупь отыскал морду своего скакуна и задержал на ней руку, позволяя коню узнать хозяина. Все так же не зажигая света, он оседлал коня и осторожно вывел его на узкую улицу. Луна уже полностью скрылась, мрамор-

ные дворцы и земляные хибары Эббракума окутывал только слабый холодный свет звезд. Бран встряхнул тяжелый мешочек с золотыми римскими монетами. Он приехал в Эббракум, чтобы кое-что разведать, прячась под личиной посла. Однако, варвар до мозга костей, он не смог сыграть свою роль холодно и бесстрастно. Память услужливо развернула воспоминания о диких пирах, на которых вино лилось реками, о римских белогрудых красавицах — им явно надоели изнеженные, слишком цивилизованные любовники, и они с возжелением смотрели на молодого варвара, о боях гладиаторов, когда на арене трещали кости, а в амфитеатре груды золота переходили из рук в руки. Он много пил и рискованно играл — так принято было среди варваров. Быть может, та потрясающая удачливость, которая не покидала его, брала начало в спокойствии, с которым он воспринимал и победы, и поражения? Золото для него имело значение не больше, чем обыкновенный песок, сыплющийся сквозь пальцы. В своей стране оно ему было ни к чему, хотя он научился ценить его силу внутри границ цивилизованного мира.

В тени северо-западной стены едва различимо вырисовывались во мраке очертания огромной сторожевой башни, в подвалах которой находилась тюрьма. Бран оставил коня в темной аллее и, словно волк, крадущийся за добычей, растворился во тьме.

Молодого офицера, дремавшего в одной из камер тюрьмы, разбудило какое-то слабое позвякивание у зарешеченного окна. Он сел и тихо выругался, когда звездный свет, падавший на голый каменный пол через решетку, напомнил ему о перенесенном унижении. «Что ж, — думал он, — придется посидеть здесь пару дней. Пару — не больше, Сулла знает, что у него, Валерия, могучий покровитель. И пусть тогда кто-нибудь хоть слово скажет о том, что произошло! Проклятый пикт!» Ход мыслей юноши, однако, тут же изменился: он вспомнил, что его что-то разбудило.

— Тс-с-с! — послышалось из-за окна.

Это еще что такое? Валерий подошел к окну. Снаружи

трудно было что-либо разглядеть при свете звезд, но ему показалось, что он видит какую-то тень.

— Кто это? — Он прижался лицом к решетке, пытаясь проникнуть взглядом во тьму.

В ответ послышался взрыв дикого хохота и блеснуло лезвие длинного ножа. Валерий пошатнулся и рухнул наземь, зажимая рукой зияющую в горле дыру. Кровь текла сквозь его пальцы, собираясь в лужу под судорожно вздрагивающим телом.

Бран исчез, словно призрак, не задерживаясь ни на секунду, чтобы посмотреть на то, что происходило в камере. Стража, совершавшая обход, вот-вот должна была показаться из-за угла, он уже слышал тяжелый топот ног легионеров.

Сонные патрули, попадавшие пикту на его пути к узкой двери в западной стене, не обращали на него ни малейшего внимания. Щедрое подношение местного вора и похитителей женщин приучили их к мысли о том, что не следует проявлять излишней бдительности. Однако одинокий стражник у западных ворот — его пьяные товарищи спали поблизости в лупанарии — поднял копье и потребовал, чтобы Бран остановился и назвал пароль. Пикт молча подъехал ближе. Его закутанная в плащ темная фигура угрожающе нависла над солдатом, на бесстрастном лице мрачно сверкала пара холодных глаз. Бран поднял руку, и стражник уловил при свете звезд блеск золота, во второй руке пикта сверкнула сталь. Стражник все понял и не колебался в выборе: бормоча что-то себе под нос, он опустил копье и открыл ворота. Бран направил в них коня, бросив под ноги римлянину горсть монет. Они золотым дождем зазвенели по мостовой, стражник бросился их подбирать, а пикт исчез, словно его здесь и не было.

В конце концов он добрался до туманных болот, лежащих на западе от Эббракума. Дул холодный ветер, раскачивая длинный тростник и пригибая к земле болотные травы, несколько цапель тяжело махали крыльями на фоне серого утреннего неба, за пустынной рав-

ниной тускло поблескивали несколько небольших озер. Тут и там виднелись странные пригорки правильной формы, а на горизонте высился ряд монолитных камней — менгиров: кто знает, чьи руки поставили их там?

Неясным голубоватым пятном вырисовывалось на западе плоскогорье, которое далеко впереди, за линией горизонта, переходило в дикие горы Уэльса, населенные кельтскими племенами, никогда не знавшими римского ярма. Их держал под контролем ряд мощных сторожевых башен. Даже отсюда Бран видел высившуюся далеко за холмами неприступную твердыню, которую люди называли башней Траяна.

И все же, сколь ни мрачны были болота, окружавшие Брана, на них тоже жили люди. Черноволосые, с черными блестящими глазами, они говорили на каком-то странном, ломаном языке. Бран неутомимо искал Врата. Местные жители пересказывали ему новости, из уст в уста кочевавшие по болотам, в них шла речь о сигнальных кострах, пылающих среди вересковых зарослей; об огне, дыме и грабежах; о кельтских мечах, купающихся в алом море крови. Легионы шли на север, и древний тракт содрогался от мерного топота тысяч и тысяч ног. И Бран довольно улыбался.

В Эббракуме Тит Сулла отдал секретный приказ, требуя разыскать пиктского посла, который возбудил его подозрения тем, что исчез в ту же ночь, когда в запертой тюремной камере нашли молодого Валерия с перерезанным горлом. Сулла догадывался, что внезапный взрыв военных действий каким-то образом связан с казнью пиктского преступника. Он активизировал сеть своих шпионов, хотя не сомневался в том, что Парта Мак Отна находится уже вне пределов досягаемости. Сулла готовился покинуть Эббракум, но вовсе не собирался вести легионы на север. Сулла не был трусом, но у любого человека можно найти что-то, чего он боится. Комендант Эббракума боялся Кормака из Коннахта, темнового вождя кельтских галлов, который поклялся, что вырвет сердце из груди Тита Суллы и съест его сырым.

Этим и объяснялось то, что он, сопровождаемый своей грозной стражей, отправился в конце концов на запад, в Башню Траяна. Военственный комендант Башни Траяна Гай Камилл с радостью уступил ему свое место, предвкушая хмельную сладость кровавых сражений у подножия Стены.

Со стороны эти перемещения выглядели по меньшей мере странно, но римский легат редко навещался на удаленный от метрополии остров, а Тит Сулла, с его богатством и выдающимися способностями к интригам, оставался высшей властью в Британии.

Бран, предугадавший все это, терпеливо ждал прибытия Суллы в Башню Траяна, остановившись в заброшенной хижине на краю болот.

Однажды вечером он шел, продираясь сквозь вереск, его мускулистая фигура отчетливо вырисовывалась на фоне пурпурного пламени заката. Он забрался в глубь болот дальше, чем намеревался вначале, но не спешил возвращаться — невообразимая древность этой сонной земли, которую он ощущал всем своим естеством, будоражила его воображение. Но что это? Здесь, в самом сердце болот, тоже жили люди — над самым краем трясины стояла покосившаяся хижина, сложенная из камыша и обмазанная глиной. В открытой двери хижины стояла женщина. Глаза Брана сузились от внезапного подозрения. Женщина не была старой, но в ее взгляде мерцала зловещая мудрость веков, ее одежда — убогая и рваная, и ее волосы — спутанные и всклокоченные, удивительно гармонировали с унылой мрачностью всего, что ее окружало. Алые губы незнакомки раздвинулись в улыбке, обнажая острые хищные зубы.

— Входи, мой господин, — сказала она, — если не боишься оказаться под одной крышей с ведьмой из болот Дагона.

Бран молча переступил порог и сел на заскрипевшую под его тяжестью лавку. В горшке, висевшем над огнем, пылавшем в открытом, порядком запущенном очаге, кипело что-то съестное. Женщина сняла с полки ложку и

наткнулась над горшком. Бран внимательно наблюдал за плавными, похожими на змеиные, движениями, присматривался к ее остроконечным ушам, к странно скошенным желтым глазам.

— Чего ты ищешь среди болот, мой господин? — спросила она, повернувшись к нему мягким, плавным движением.

— Я ищу Врата, — ответил Бран. — Врата в мир земляных червей.

Женщина резко выпрямилась. Горшок выскользнул из ее рук и разбился.

— Даже в шутку не надо так говорить, — тихо сказала она.

— Но я не шучу.

Она покачала головой.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Понимаешь, — сказал он, — очень даже хорошо понимаешь. Мой народ очень стар, он владел этим островом еще до того, как из лона мира появились на свет кельты и эльфины. Но он не был первым в Британии. Клянусь пятнами на твоей коже, твоими раскосыми глазами, кровью, что течет в твоих жилах, — я знаю, что говорю.

Женщина стояла неподвижно, ее уста улыбались, но глаза оставались непроницаемыми.

— Ты с ума сошел, человек, — наконец сказала она, — если пытаешься искать тех, от кого с криками ужаса бежали когда-то могучие воины.

— Я хочу отомстить, — объяснил Бран. — В этом мне могут помочь лишь те, кого я ищу.

Она снова покачала головой.

— Не те птицы тебе пели, и не те ты видел сны.

— Шипения змеиного я тоже наслушался, — огрызнулся он, — и не в снах дело. Хватит болтать. Я ищу звено, связующее оба мира. И я нашел его.

— Что ж, человек, пришедший с севера, я скажу, если ты так настаиваешь, — снова улыбнулась женщина. — Те, которых ты ищешь, все еще живут под нашими сон-

ными холмами. Они давно отделились от внешнего мира и не вмешиваются в дела людей.

— Но время от времени крадут женщин, заблудившихся в болотах, — сказал он, глядя в ее раскосые глаза.

Она злобно усмехнулась.

— Чего ты хочешь от меня?

— Чтобы ты отвела меня к ним.

Женщина откинула назад голову и залилась смехом, в котором явственно слышалось презрение. Бран схватил ее левой рукой за платье и потянулся второй рукой за мечом. Она продолжала смеяться ему в лицо.

— Руби и будь ты проклят, мой северный зверь! Ты что же, думаешь, моя жизнь настолько сладка, что я буду цепляться за нее, словно ребенок за материнскую грудь?

— Ты права, — он разжал пальцы. — Угрозами от тебя ничего не добьешься. Но твою помощь можно купить.

— Как? — В ее голосе звучала насмешка.

Бран вытащил мешочек и направил на ладонь струю золота.

— Здесь больше, чем снилось любому из жителей здешних болот.

— Мне этот блестящий металл ни к чему. Оставь это для белорудых римских женщин.

— Тогда сама назначь цену, — нетерпеливо сказал он. — Голову твоего врага...

— Клянусь кровью, текущей в моих жилах, кровь, в которой горит огонь стародавней ненависти, здесь у меня нет иных, кроме тебя, врагов, — все еще смеясь, она мягко, словно кошка, выпрямилась и нанесла удар в грудь пикта. Ее стилет, который она прятала в складках платья, сломался, скользя по кольчуге, и Бран оттолкнул ее жестом, полным отвращения. Женщина упала на постель из травы, и оттуда снова послышался ее презрительный смех.

— Хорошо, я назову тебе цену, о мой волк! И быть может, придет день, когда ты будешь проклинать кольчугу, сломавшую кинжал Атлы!

Она поднялась с постели и подошла к нему. Ее необыкновенно длинные руки ухватились за его плащ.

— Я скажу тебе, Черный Бран, король Каледонии! Конечно, я сразу узнала тебя, лишь только ты вошел в мою хижину, — узнала твои черные волосы, твой холодный взгляд! Я отведу тебя к вратам в преисподнюю, если ты этого хочешь, но тебе придется заплатить за это своими королевским объятиями. Что ты знаешь о моей проклятой горькой жизни? Я, Атла, колдунья с болот Дагона, которую все боятся и смертельно ненавидят, никогда не знала любви мужчины, крепких объятий, горячих поцелуев. Что я видела и слышала, кроме холодного ветра, мрачного пламени рассветов, шепота трав? Лица, тенью мелькающие под поверхностью воды, следы неведомых существ, поблескивание красных глазищ, ужасное рычание каких-то чудовищ в ночной тьме! А ведь я по меньшей мере наполовину женщина. Разве я не могу испытывать тоску, печаль, тупую боль одиночества, разве людские заботы и огорчения — это не для меня? О король, подари мне твои горячие поцелуи и крепкие объятия варвара, и тогда в те бесконечные пустые годы, которые ждут меня впереди, горькая зависть к обычным женщинам не поглотит мое сердце без остатка. У меня останутся воспоминания, которыми немногие могут похвастать — воспоминания об объятиях короля! Одна ночь любви, и я отведу тебя к вратам ада!

Бран хмуро посмотрел на нее. Протянув руку, он крепко сжал ее плечо и молча кивнул головой.

3

Холодная серая мгла влажным покрывалом окутывала короля. Он повернулся к женщине, чьи раскосые глаза блестели рядом в полумраке.

— Теперь ты выполни то, что обещала, — сказал он жестко. — Я искал звено, связующее миры, и нашел его в тебе. Мне нужна единственная святая для них вещь.

Она и будет ключом, который откроет невидимые Врата, разделяющие нас. Скажи, как ее найти?

— Я скажу, — алые губы колдуньи раскрылись в зловещей усмешке. — Иди на тот холм, который люди называют Курганом Дагона. Сдвинь камень, закрывающий вход, и войди в пещеру. У своих ног ты увидишь шесть каменных плит, окружающих седьмую плиту. Подними ее.

— И я найду там Черный Камень?

— Курган Дагона лишь откроет тебе путь к Черному Камню, — ответила она. — Идти или не идти по нему — решать тебе.

— Будут ли стеречь этот путь? — Рука короля машинально потянулась к рукояти меча.

Презрительная улыбка снова скривила ее губы.

— Если ты наткнешься на кого-либо по дороге к Черному Камню, умрешь такой страшной смертью, какой уже многие сотни лет не умирали смертные. Они не сторожат Камень так, как люди сторожат свои сокровища. Зачем им стеречь то, на что люди никогда не покушались? Быть может, они будут поблизости, а может быть, и нет. Это риск, на который тебе придется пойти, если хочешь добыть Камень. Но берегись, король пиктов! Помни, когда-то именно твой народ перерезал ту нить, что связывала их с людским миром. Они тогда были почти людьми — жили здесь на поверхности земли и наслаждались солнечным светом. Теперь они ушли. Они не знают солнца, избегают лунного света, даже звезды им ненавистны. Да, далеко ушли те, что могли бы стать людьми, если бы не копьа твоих предков.

Серое небо затянулось мутной пеленой, сквозь которую едва просвечивало холодное солнце, когда Бран дотащился наконец до Кургана Дагона — невысокого круглого холма, заросшего странного вида травой. Приглядевшись внимательнее, он заметил на восточной его стороне что-то, напоминавшее вход в тоннель, выложенный из грубо обтесанных камней. Вход закрывал огромный валун. Бран

навалился на него изо всех сил, но камень даже не дрогнул. Пикт вытащил меч, осторожно подsunул его под валун и, орудуя им, как рычагом, откатил камень в сторону. Из открывшейся темной дыры пахнуло отвратительным трупным смрадом.

Бран, зажав в руке меч, готовый к любым неожиданностям, шагнул в длинный узкий тоннель, образованный большими плоскими камнями, лежащими друг на друге. Либо его глаза в конце концов освоились с темнотой, либо дневной свет все же откуда-то проникал в подземелье, но когда Бран добрался до небольшой круглой комнаты, расположенной в самом центре Кургана, он уже мог кое-что видеть. Несомненно, здесь когда-то лежали останки того, ради кого построили эту гробницу и затем вознесли над нею курган. Теперь, однако, от них на каменном возвышении не осталось даже следа.

Бран нагнулся и, напрягая зрение, увидел, что на полу выложен из камней странный, удивительно правильный узор: шесть хорошо обработанных плит тесно прилегали к седьмой — шестигранной. Бран просунул в щель между камнями кончик меча и осторожно нажал. Шестигранник шевельнулся и приподнялся. Еще усилие, и Бран прислонил его к покатой стене. Заглянув в отверстие, он нашел там несколько маленьких стертых ступеней, ведущих в бездонную непроницаемую тьму. Король, не колеблясь, ступил на первую из них, почти физически ощущая, как ноги тонут в липкой темноте.

Он спускался, ощущая стены руками, спотыкаясь и соскальзывая со слишком маленьких для ног человека ступеней. Ступеньки были совершенно стертymi, хотя когда-то их выбивали в сплошной скале. Чем глубже он спускался, тем грубее они становились, превратившись в конце концов в глыбы едва обработанного камня. Направление шахты резко изменилось. Она по-прежнему вела вниз, но стала более пологой, напоминая штольню. Он шел дальше не останавливаясь, цепляясь локтями за выгнутые стены, пригибая голову под низким потолком.

Ступеньки исчезли совсем, и скала под ногами казалась скользкой, словно змеиная тропа. «Что же за существа, — думал Бран, — ползали вверх и вниз по этой шахте? И сколько веков?» Тоннель сузился, и Бран пополз ногами вперед, с трудом протискиваясь через каменное горло, отталкиваясь от стен обеими руками. Он знал, что спускается все глубже и глубже, и боялся даже думать о той каменной толще, которая отделяла его от поверхности земли.

В темной бездне загорелся слабый, обманчивый огонек. Бран горько улыбнулся. Если те, которых он ищет, упадут на него, как он сможет защититься в этой узкой кишке тоннеля? Но страха не было, он перешагнул через него еще тогда, когда решался спускаться в преисподнюю. Бран полз дальше и дальше, думая только о своей цели. Но вот, наконец, стены раздвинулись, и он смог выпрямиться. Он ничего пока не видел, но всем телом ощущал невероятную головокружительную пустоту вокруг себя. Темнота напирала со всех сторон, но он все же рассмотрел за собой вход в штольню, из которого только что выполз: темное пятно на сером фоне. Сделав несколько шагов в сторону, Бран наткнулся на алтарь, сложенный из человеческих черепов. Из-под него сочился мутный, едва заметный свет. Бран не видел его источника, но в данную минуту его это и не интересовало. На алтаре лежало то, что он искал, — Черный Камень.

Бран не тратил времени на благодарственную молитву судьбе за то, что поблизости не оказалось стражей этой мрачной реликвии. Он схватил Камень, сунул его за пазуху и вновь скользнул в тоннель.

Когда человек поворачивается к опасности спиной, ее леденящая душу угроза ощущается больше, чем тогда, когда он встречает ее лицом к лицу. Бран полз по тоннелю вверх, судорожно стискивая добычу, и ему казалось, что мрак крадется за ним, обнажая клыки в страшной ухмылке. Холодный пот заливал ему глаза. Он напрягал все силы, прислушиваясь к тихим звукам за собой, ему

чудилось, что преследователи вот-вот повиснут у него на пятках. Его тело била мелкая дрожь, а волосы на голове стали дыбом, словно от ледяного ветра, дующего снизу.

Добравшись до первой из ступенек, он остановился на мгновение, но тут же продолжил путь, спотыкаясь и скользя. Из его груди вырвался шумный вздох облегчения, когда он очутился, наконец, в гробнице, мутная полутьма которой показалась ему теперь ослепительно ярким полуденным светом. Бран положил на место каменную плиту и выскочил наружу. Никогда еще до сих пор желтое холодное солнце не доставляло ему столько радости, рассеив тени чернокрылых кошмаров, гнавшихся за ним, как ему чудилось, по пятам. Он толкнул валун, запирая вход в гробницу, завернул Черный Камень в валявшийся здесь же плащ и поспешил прочь.

Землю по-прежнему скрывала серая пелена тумана. Тишина, вокруг ни души, но Бран чувствовал под ногами, глубоко в земле, спящую жизнь. Продравшись сквозь заросли тростника, он вышел к небольшому водоему, который известен был среди местных жителей как Озеро Дагона. Ни малейшей морщинки не было видно на его голубоватой поверхности — Бран с улыбкой вспомнил местную легенду об ужасном чудовище, обитавшем где-то там, в его глубине. Пикт внимательно осмотрелся по сторонам. Никаких признаков жизни. Он закрыл глаза и доверился инстинкту, пытаясь уловить ненавистный взгляд невидимого врага. Нет, он был одинок здесь, словно последний на земле живой человек.

Король поспешно развернул плащ и достал Черный Камень. Его мало занимала тайна материала, из которого был высечен этот кусок мрака, и секрет выбитых на нем таинственных письмен — он подбросил его на ладони, прикидывая вес, и, сильно размахнувшись, забросил на самую середину озера. Вода с громким всплеском сомкнулась над Камнем, по ее поверхности побежали искристые блики, но постепенно водная гладь выровнялась, став такой же спокойной, какой была прежде.

Колдунья удивленно покосилась на скрипнувшую дверь. Ее раскосые глаза расширились с изумлением.

— Ты! Живой! И ты не сошел с ума?!

— Я побывал в аду и вернулся, — тихо сказал пикт. — Более того, я нашел то, за чем пошел.

— Черный Камень! — воскликнула она. — Ты осмелился его украсть? Где же он?

— Это неважно. Но знаешь, мой конь нынче ночью ржал в своем стойле. Я слышал, как что-то трещало под его копытами — что-то, что не было стеной конюшни... Утром я нашел на его копытах кровь, земля тоже была залита кровью. А еще я слышал странный шум — казалось, где-то, глубоко в земле, роются черви. Они знают, что это я забрал у них Камень. Это ты меня выдала?

Она покачала головой.

— Нет, я все сохранила в тайне. Но им и не надо было меня спрашивать, чтобы узнать о тебе. Чем дальше уходят они от нашего мира, тем изощреннее становятся их познания в тайных науках. В один прекрасный момент твоя хижина опустеет и тот, кто осмелится в нее заглянуть, найдет в ней лишь несколько комочков земли на полу.

Бран усмехнулся.

— Я задумал все это и столько трудов положил вовсе не для того, чтобы погибнуть в их острых когтях. Если они накинутся на меня ночью, то никогда не узнают, куда делся их божок... или чем он там для них является. Я хочу поговорить с ними.

— Ты осмелишься пойти со мной и ночью встретиться с ними?

— Разрази меня гром! — рявкнул король. — Кто ты такая, чтобы спрашивать, осмелюсь я или нет? Отведи меня к ним сегодня же ночью — я должен договориться с ними о мести. Близится час расплаты. Сегодня я видел за вересковыми полями серебристые шлемы и блестящие щиты — в Башню Траяна прибыл новый комендант.

Стояла глухая ночь, когда пикт и его молчаливая

спутница вышли из хижины и направились к болоту. Ночь была тихая и такая спокойная, что казалось — все вокруг спит, вся эта древняя земля погрузилась в сладостную дремоту. Вверху мерцали звезды — маленькие светлые точки на бархатисто-черном фоне неба. Их блеск, однако, затмевало сияние глаз женщины, шагавшей рядом с Браном.

В голове короля металась странная полусформившиеся мысли. Он чувствовал, что на его плечи давит вся тяжесть прошлого: этими холмами, торфяниками, вересковыми полями, по которым шел сейчас он, чужак и изгнанник, владели когда-то могучие короли — его предки. В сравнении с его народом кельтские и римские захватчики были всего лишь пришельцами на этом древнем острове. Но и его народ тоже был захватчиком — жила когда-то на острове еще более древняя раса, корни которой скрывались в темной бездне ушедших веков.

Перед ними тянулась полоса холмов — наиболее выдвинутая на восток часть тех немногих возвышенностей, которые даже превращались в горы Уэльса. Женщина вела Брана по тропе, вытоптанной, вероятно, овцами. Они остановились перед широким темным входом в пещеру.

— Вот вход к тем, кого ты ищешь, король! — зло улыбаясь, сказала она. — Осмелишься ли ты войти?

Бран схватил ее за спутанные волосы и бешено встряхнул несколько раз.

— Еще раз спроси, осмелюсь ли я, — прошипел он, — и твоя голова распрощается с плечами! Веди!

Ее смех был столь же сладок, как смертельный яд. Они вошли в грот. Бран выбил кресалом искру, и тлеющий трут осветил огромную, покрытую пылью пещеру. С потолка свисали гроздь летучих мышей. Бран зажег факел, поднял его вверх и внимательно осмотрел затененные ниши — однако не нашел ничего, кроме мышиного помета, пыли и паутины.

— Где они? — рявкнул он.

Женщина скользнула к противоположной стене пещеры и, как бы случайно, оперлась на нее. Зоркие глаза

короля едва успели уловить незаметное движение ее руки, упавшей на скальный выступ. Он отшатнулся, когда у самых его ног разверзлась вдруг черная бездна. В уши серебристым стилетом снова вонзился женский смех. Он протянул к краю колодца факел и увидел стертые ступени, уходящие вниз.

— Им эта лестница ни к чему, — сказала Атла. — Когда-то они ею пользовались, это было еще до того, как твой народ загнал их во мрак. Но тебе она потребуется.

Колдунья закрепила факел в нише над лестницей и кивнула Брану. Король поправил меч в ножнах и шагнул на первую ступеньку. Он уже почти полностью погрузился в таинственную тьму, когда что-то заслонило свет над его головой. «Наверное, Атла закрыла вход», — подумал он, но тут же понял, что она спускается вслед за ним.

Спуск длился недолго: через несколько минут Бран почувствовал под ногами ровную поверхность. Атла тенью скользнула рядом с ним и остановилась в тусклом круте падающего сверху света.

— Здесь полно пещер, — ее голос звучал в пустоте слабо и поразительно глухо, — но они — не более чем врата к огромным пещерам, лежащим еще глубже. Слова и поступки людей точно так же только указывают на бездонные пропасти черных мыслей и намерений, лежащих за ними и под ними.

Бран чувствовал, что во тьме что-то шевельнулось. Мрак заполнился таинственными шорохами, абсолютно не похожими на звук шагов человека. В пустоте, словно светлячки, зажглись неяркие искорки. Они приблизились к людям и остановились, оточив их широким полукольцом. За ними виднелись другие — целое море, они исчезали лишь где-то в невообразимой дали. Бран знал, что эти огоньки — глаза существ, пришедших сюда в таком количестве, что у него кружилась голова при одной мысли об этом.

Он не испытывал страха, стоя лицом к лицу со своими извечными врагами. Чувствуя накатывающие на него из толпы волны страшной ненависти, он лучше, чем кто бы

то ни было, осознавал опасность своего положения. И все же он не боялся, хотя перед ним, в этой тьме, материализовался из снов и легенд его народа невыразимый словами кошмар. В его висках стучала кровь, но не страх, а возбуждение было тому причиной.

— Они знают, что Камень у тебя, о король, — сказала Атла, и хотя он знал, что она боится, и ощущал то физическое усилие, с которым она сдерживала дрожь своего тела, в голове ее не было даже тени страха. — Ты в смертельной опасности. Они издавна знают твой род — о, они помнят те времена, когда их предки были людьми! Я не смогу тебя спасти. Мы оба будем умирать так, как уже тысячи лет не умирал никто из людей. Если хочешь говорить с ними, то самое время. Они поймут тебя, хотя ты понять их не сможешь. Но нам это не поможет. Ты человек... и пикт.

Бран рассмеялся, и дикая свирепость этого смеха всколыхнула огненное кольцо. С бросающим в дрожь лязгом он выхватил меч и припал спиной к чему-то, что было — он надеялся на это, — монолитной скалой. Обратив к сверкающим глазам меч и зажатый в левой руке кинжал, он захохотал, и хохот его был похож на рычание кровожадного волка.

— Да! — проревел он. — Я пикт, потомок тех, кто, словно смерч сухие листья, гнал перед собой свору собак — ваших предков! Да, я наследник тех, кто залил эту землю потоками вашей крови и вознес курганы из ваших черепов на алтаре Лунной Госпожи. Если у вас хватит смелости, нападите на меня, я готов к этому. Я сложу башню из ваших отрубленных голов и обнесу ее стеной из ваших трупов. Гнусные собаки, земляные черви, идите сюда и отведайте моей стали! Когда смерть найдет меня во мраке, оставшиеся в живых будут выть над горами мертвых тел, а ваш Черный Камень исчезнет навсегда, ибо только я знаю, где он спрятан, и вам никакими адскими пытками не вырвать эту тайну из моих уст!

Возарилась напряженная тишина. Бран вглядывался

в мерцающую искорками темноту, готовый к отпору, словно волк, попавший в капкан. Сбоку к нему прижималась женщина, ее глаза сияли. И тут из молчаливого круга существ, затаившихся в темноте, донеслось отвратительное шипение. Бран вздрогнул, хотя был готов к любым неожиданностям. О боги, неужели это шипение — речь тех, кого называли когда-то людьми? Атла выпрямилась и прислушалась. С ее губ поплыло то же мерзкое шипение, и Бран, хотя знал тайну происхождения этой женщины, подумал, что никогда больше не сможет коснуться ее, не испытывая отвращения.

Она посмотрела на него, ее кроваво-алые губы скривила жуткая усмешка, едва заметная в призрачном свете.

— Они боятся тебя, о король! Кто же ты такой, что сама преисподняя дрожит перед тобой? Их пугает не меч твой, но дух, твердый, как сталь. Они выкупят у тебя Черный Камень за любую цену.

— Хорошо, — Бран бросил меч в ножны. — Пусть они пообещают не преследовать тебя за то, что ты мне помогала. И еще, — его голос загремел, словно рык вышедшего на охоту тигра, — мне нужен Тит Сулла, комендант Эббракума, который сейчас сидит в Башне Траяна. Я не знаю, как они доберутся до него, но они могут сделать это: когда-то, когда мой народ воевал с Детями Ночи, из хорошо охраняемых домов бесследно пропадали младенцы, но никто и никогда не видел их похитителей. Они поняли меня?

Снова послышалось шипение, и Брана опять бросило в дрожь, хотя он не страшился гнева этих существ.

— Они поняли, — сказала Атла. — Завтра ночью, когда землю окутает предрассветный мрак, принеси Черный Камень в Круг Дагона и положи его там на алтарь. Они туда же доставят тебе Тита Суллу. Им можно верить. Они уже много веков не вмешивались в людские дела, но слово свое держат.

Бран кивнул головой и направился к лестнице. Атла следовала за ним. Поднявшись на несколько ступенек, он повернулся и посмотрел на поблескивающее внизу море

обращенных к нему раскосых глаз. Он не видел ни лиц, ни тел, эти страшные существа избегали света, отбрасываемого факелом. Только тихие, шипящие звуки их разговора доносились до него, и он содрогнулся, когда воспаленное воображение заставило его увидеть внизу не толпу двуногих существ, а мириады извивающихся червей, следящих за ним сверкающими, лишенными век глазами.

Когда они выбрались в верхнюю пещеру, Атла прикрыла вход камнем. Плита прочно стала на место — Бран не заметил ни малейшей щелочки в монолитном, казалось, каменном полу. Женщина потянулась за факелом, чтобы погасить его, но король удержал ее руку.

— Оставь, давай сначала выйдем из пещеры, — буркнул он. — В этой темноте еще на змею наступишь...

Мрак взорвался жутким хохотом колдуньи с раскосыми глазами.

5

Солнце уже садилось, когда Бран снова появился на берегу Озера Дагона. Сбросив наземь плащ, он отстегнул пояс с мечом и снял короткие кожаные штаны. Зажав в зубах обнаженный кинжал, Бран осторожно, стараясь не плескать, вошел в воду, выплыл на середину и нырнул. Озеро оказалось более глубоким, чем он ожидал. Ему уже начало чудиться, что оно вообще бездонно, а когда дно все же появилось, на поиски камня уже не оставалось времени. Подгоняемый глухими ударами крови в висках, пикт всплыл на поверхность.

Наполнив легкие воздухом, он опять нырнул, но поиски снова оказались безуспешными. Лишь нырнув в третий раз, он нащупал, наконец, знакомый предмет, зарывшийся в придонный ил.

Камень был не очень большим, но тяжелым. Бран уже почти выплыл наверх, когда почувствовал, что внизу что-то происходит. Опустив голову, он попытался проныкнуть взглядом в голубоватую глубину, и ему показа-

лось, что он видит там возносящуюся вверх гигантскую тень.

Бран не чувствовал страха, но все же насторожился и поплыл быстрее. Ноги коснулись дна, и он побрел по мелкой воде к берегу. Обернувшись назад, он увидел, как вода в центре озера взбурлила и опала. Пикт тряхнул головой и вырутался. Он не принял всерьез старую легенду о водном чудовище, обитавшем в Озере Дагона, и похоже, чуть было не поплатился за это жизнью.

Король оделся, вскочил на черного жеребца и поскакал прочь от Озера Дагона. Он ехал на запад, в сторону клонящегося к горизонту солнца, по направлению к Башне Траяна и Кругу Дагона. Миля за милей ложились под копыта его скакуна, на небе появились багровые светлячки звезд, а Бран неугомонно мчался дальше и дальше, крепко сжимая завернутый в плащ Черный Камень. Его сердце билось сильнее, когда он думал о том, как встретится с Титом Суллой. Атле, попадись римлянин ей в руки, сама мысль о жестоких пытках доставила бы наслаждение, но намерения короля были далеки от этого. Он собирался сразиться с наместником с оружием в руках: пусть победит сильнейший. И хотя Бран был слышан об умении Суллы владеть мечом, сомнений в исходе поединка у него не возникало.

Круг Дагона лежал в некотором удалении от Башни Траяна — мрачное кольцо из огромных валунов, в центре — алтарь из грубо отесанного камня. Римляне с опаской поглядывали на эти менгиры, не сомневаясь, что их поставили там друиды. Кельты, в свою очередь, считали, что это сделали пикты. Но Бран хорошо знал, чьи руки в незапамятные времена вознесли эти угрюмые монолиты, хотя о цели этого мог лишь догадываться.

Он не сразу подъехал к Кругу. Его разбирало любопытство — он хотел узнать, каким образом его ночные союзники выполняют то, что обещали. Он не сомневался в том, что они смогут похитить Суллу, и был уверен, что знает, как они это сделают. Но его мучили нехорошие предчувствия, ему начало казаться, что он совершает

ошибку, используя могущество неведомых измерений и вызволяя силы, которые не сможет обуздать. Короля бросало в дрожь, когда он вспоминал змеиное шипение и раскосые глаза, сверкавшие перед ним ушедшей ночью. Эти существа уже тогда, когда его народ загнал их в подземные пещеры, многие века назад, были монстрами, мало похожими на людей. Как отразились на них столетия уединения? Осталось ли в них хоть что-либо человеческое?

Что-то заставило его направить жеребца к Башне. Он знал, что она где-то близко, ее силуэт уже должен был, несмотря на густую ночную мглу, обрисоваться на горизонте. Неясные мрачные предчувствия овладели им без остатка, и он бросил коня в галоп. И вдруг король пошатнулся в седле, словно от удара, — настолько ужасным оказалось зрелище, открывшееся его глазам. Неприступной Башни Траяна больше не существовало. Удивленный взгляд Брана метался по огромной куче камня, лежавшей на ее месте. Из-под растрескавшихся гранитных блоков торчали разлохмаченные концы сломанных деревянных свай. В одном из углов вырастала из груды штукатурки покосившаяся набок башенка — казалось, что-то одним рывком лишило ее половины фундамента.

Онемевший от изумления Бран сошел с коня. Крепостной ров в нескольких местах был полностью засыпан мусором и выломанными кусками стен. Он перешел через ров и углубился в руины. Там, где еще несколько часов назад под тяжелым топотом ног легионеров гудела мостовая, где стены отражали лязг стали и пение труб, господствовала мертвенная тишина.

У ног Брана что-то шевельнулось, послышался слабый стон. Король нагнулся. Перед ним в глубокой луже собственной крови лежал легионер. Пикт с первого взгляда понял, что этот человек умирает. Бран поднял окровавленную голову раненого и поднес к его губам свою флягу. Римлянин инстинктивно втянул сквозь сломанные зубы глоток жидкости, и его остекленевшие глаза приобрели осмысленное выражение.

— Стены раскололись, — прошептал он. — Они рухнули, как рухнет небо в день гибели мира. О Юпитер, с неба падал гранитный дождь и мраморный град!

— Но я не чувствовал, чтобы земля тряслась! — воскликнул Бран.

— Это не было землетрясением, — с трудом выдавил римлянин. — Это началось еще до того, как солнце зашло — слабое, невнятное царapanье и скрежетанье глубоко под землей. Мы стояли на страже и слышали... словно крысы прогрызали ход или черви рыли землю. Тит смеялся, но мы слышали эти звуки весь день. А в полночь крепость содрогнулась и осела, словно из-под нее кто-то убрал фундамент...

По спине Брана Мак Морна пробежали мурашки. Чудовища из-под земли! Тысячи их, словно кроты, рыли глубоко под землей... О боги, да здесь земля со всеми этими пещерами и тоннелями похожа, наверное, на пчелиные соты... в этих существах еще меньше человеческого, чем он думал.

— Что с Титом Суллой? — спросил он, снова прикладывая фляжку к губам легионера. В эту минуту умирающий римлянин был ему ближе родного брата.

— Когда Башня содрогнулась, мы услышали страшный вопль из покоев наместника, — пробормотал легионер. — Мы побежали туда... когда взламывали двери, слышали его крики... казалось, они исходили... из недр земли! Ворвались в комнату... она была пуста... только его окровавленный меч лежал там... в каменном полу зияла черная дыра. Тут... крепость задрожала... накренилась... крыша рухнула... я полз... град камней... трещины по стенам...

Римлянин содрогнулся в предсмертных конвульсиях.

— Положи меня, друг, — шепнул он. — Умираю...

Он испустил дух еще до того, как Бран выполнил его просьбу. Пикт встал и машинально отряхнул руки. Тихо отступив в сторону, он вскочил на коня и поскакал во тьму. Завернутый в плащ Камень жег его руку, словно раскаленный уголь.

Приблизившись к Кругу Дагона, он заметил исходящее изнутри его странное свечение. Огромные камни выделялись на фоне неба, словно ребра скелета, в грудной клетке которого пылал колдовской огонь. Скакун ржал и становился на дыбы, когда Бран привязывал его к одному из менгиров.

Король, не выпуская из рук Камня, вошел в Круг и увидел стоящую у алтаря Атлу. Ее гибкое тело колыхалось из стороны в сторону. Весь алтарь светился мертво-белым светом, и Бран догадался, что кто-то — наверное, Атла — натер его фосфором, добытым где-нибудь на болотах.

Он подошел, развернул сверток и бросил проклятый фетиш на алтарь.

— Я выполнил то, что обещал, — сказал он утрюмо.

— Они тоже, — ответила женщина. — Смотри! Они идут!

Бран оглянулся, инстинктивно положив ладонь на рукоятку меча. Конь, привязанный за пределами Круга, дико ржал и рвал поводья. Ночной ветер шумел среди трав, донося до короля отвратительное тихое шипение. Между менгирами проплыла, хаотично колеблясь, мрачная волна тени, Круг заполнился сверкающими глазами, которые держались, однако, в отдалении от фосфоресцирующего алтаря. Откуда-то из темноты донесся человеческий голос, невнятно бормочущий что-то бессвязное. Бран остолбенел, ужас стальными клещами сжал его сердце. Он напряг зрение, пытаясь разглядеть тела существ, толпившихся вокруг него, но увидел только вздымающуюся волной тень, которая поднималась и опадала, колеблясь подобно жидкости.

— Пусть они дадут мне то, что обещали! — разозлившись, выкрикнул он.

— Так смотри же, король! — воскликнула Атла, и он явственно услышал в ее голосе издевку.

Тень заколебалась, затем всколыхнулась, и из темноты на четвереньках, словно животное, выбежал человек. Упав к ногам Брана, он ползал на животе, извивался и де-

ргался, выл, подняв голову, словно издыхающий пес. Потрясенный пикт смотрел, не в силах отвести глаза, на его белое, словно снег, лицо, что-то бормочущие, покрытые пеной губы — о боги, неужели это Тит Сулла, гордый комендант Эббракума, могучий наместник Британии?

Бран обнажил меч.

— Я думал, что месть направит его в твою грудь, — сказал он тихо. — Но придется сделать это из милосердия. Вале Цезарь!

Блеснула сталь, голова Суллы покатилась по траве к подножью алтаря и замерла там неподвижно, уставившись в небо ничего не видящими глазами.

— Они ничего с ним не делали, — прервал тишину ненавистный голос Атлы. — Это то, что ему довелось увидеть и узнать, сломило его разум. Как и вся его раса, он понятия не имел о тайнах этой древней земли. Сегодня ночью его протащили по таким адским безднам, что там даже ты лишился бы разума.

— Счастливы римляне, что даже не догадываются о тайнах этой проклятой страны! — воскликнул король. — Они не знают ни озер, в которых таятся жуткие монстры, ни мерзких колдуний, ни тайных пещер, кишящих во мраке чудовищами!

— Кого же следует больше презирать — их, ставших такими, какими они есть, или людей, алчущих их помощи? — спросила Атла с презрительной усмешкой. — Отдай им их Черный Камень!

Разум Брана заволокла пелена отвращения.

— Да забирайте вы свой проклятый Камень! — крикнул он, поднял фетиш с алтаря и швырнул его в тень с такой силой, что чьи-то кости затрещали, приняв на себя удар. Часть тени отделилась от общей массы, и Бран содрогнулся от омерзения, когда на секунду увидел широкую, удивительно плоскую голову, извивающиеся вислые губы, ужасное скрюченное карликовое тельце, покрытое, как ему показалось, пятнами, и глаза — о, эти неподвижные змеиные глаза! О боги! Мифы подготовили

его к тому, что он встретится с ужасом в людском обличье, но то, что он увидел, было ужасом из ночного кошмара.

— Возвращайтесь в преисподнюю и забирайте своего идола! — кричал он, вознося к небу стиснутые кулаки, а густая тень пятилась, стекая назад, словно воды какого-то нечистого потока. — Ваши предки были людьми, пусть странными и ущербными, но людьми! Вы же — будьте вы навеки прокляты! — вы действительно стали теми, о ком мой народ говорит с таким презрением! Проклятые черви, возвращайтесь в свои дыры и тоннели! Ваше дыхание отравляет воздух, ваши тела оставляют на чистой земле след змеиной слизи, ибо сами вы превратились в змей! Прав был Гонар — нельзя использовать столь мерзкие средства, даже против Рима — нельзя!

Он выбежал из Круга, отрясая руки, словно человек, прикоснувшийся к змее. Отвязывая жеребца, он услышал за собой жуткий смех Атлы, с которой, словно плащ ночью, спало все человеческое.

— Король пиктов! — кричала она. — Король глупцов! Ты и в самом деле боишься таких пустяков? Останься, и я покажу тебе настоящий ад! Ха! Ха! Ха! Беги, глупец, беги! Но в тебе уже есть червоточина — ты звал их, и они будут об этом помнить! И в назначенный час они придут к тебе снова!

Он выругался про себя и открытой ладонью ударил ее в лицо. Колдунья упала наземь, с ее алых губ струйкой текла кровь, но кошмарный смех зазвучал еще громче.

Бран вскочил в седло. Он думал о чистом вереске и холодных голубых холмах севера, где сможет обнажить свой меч в честном бою, окунуть свою больную душу в багровый водоворот войны и забыть об ужасе, притаившемся под западными болотами. Король рванул поводья и помчался сквозь ночь, словно призрак, гонимый демонами, но адский смех Атлы еще долго летел за ним во мраке.

КОРОЛИ НОЧИ

1

Нож сверкнул и опустился. Крик оборвался, превратившись в предсмертный хрип. Тело, лежавшее на примитивном алтаре, конвульсивно содрогнулось и застыло. Неровное кремневое лезвие рассекло окровавленную грудь жертвы, а худые костлявые пальцы вырвали трепещущее сердце. Под седыми кустистыми бровями орудовавшего кремневым ножом человека злобным мрачным огнем горели черные глаза.

У груды валунов, служащих алтарем Бога Тьмы, рядом со жрецом, совершившим только что жертвоприношение, стояли четверо мужчин. Один из них был человеком среднего роста, гибким, стройным, темноволосым, его голова была увенчана железной короной, украшенной единственным, но зато очень большим алым драгоценным камнем. Двое других мужчин походили на первого цветом лохматых волос, нависавших над косо обрисованными бровями, и смуглотой кожи, но были шире в плечах и массивнее. Лицо первого мужчины свидетельствовало о его остром уме и сильной воле, в лицах его спутников отражалась лишь тупая звериная сила. Четвертый из стоявших у алтаря существенно отличался от всех остальных. Он был выше их на голову, его волосы тоже были темными, но кожа — гораздо более светлой. Он с явным отвращением наблюдал за кровавым обрядом, давно уже не практиковавшимся в его краях.

Кормака передернуло. Друиды на его родном острове

Эрин тоже отправляли жуткие и зловещие обряды, но эти последние не имели ничего общего с тем, что он увидел здесь. Эту мрачную сцену освещал небольшой факел. Среди теряющихся во тьме ветвей утрюмых деревьев-великанов, окружавших поляну, злобно завывал ветер.

Кормак чувствовал себя невероятно одиноким среди этих людей, принадлежащих к совершенно иной, чем он, человеческой расе. Вдобавок, ему только что пришлось смотреть, как из живого человеческого тела вырывают бьющееся еще сердце. Жрец, не сводивший глаз с кровавой добычи, лежавшей в его руках, также не вызывал в нем ни малейшей симпатии.

Кормак посмотрел на человека в короне. Неужели Бран Мак Морн, король пиктов, верит, что этот дряхлый мясник может предсказать грядущие события по истекающему кровью людскому сердцу? Его очень занимал этот вопрос, но получить ответ было не просто — черные немигающие глаза короля оставались абсолютно непроницаемыми. Но за ними определенно таилась такая глубина, которую даже Кормак, не говоря уже о ком-то ином, постичь был не в силах.

— Хорошие знаки! — воскликнул жрец, обращаясь скорее к двум вождям, чем к Брану. — Я вижу по трепещущему сердцу этого римлянина, что его соплеменников ждет поражение, а сыновей вереска — победа!

Вожди что-то пробурчали, и в их глазах загорелись огоньки.

— Идите и подготовьте ваши кланы к битве, — приказал король. Они удалились, тяжело ступая и раскачиваясь на ходу, как это свойственно людям сильным, но небольшим ростом.

Бран, не обращая больше внимания на жреца, продолжавшего изучать кровавые останки на алтаре, повернулся к Кормаку. Галл поспешил за ним. Выбравшись из мрачной роши на открытое пространство и увидев над собой усеянное звездами небо, он облегченно вздохнул.

Они стояли на высоком холме, у их ног сплошным ковром расстилались вересковые поля. Невдалеке, каза-

лось — рукой подать, мерцали в ночи огоньки костров. Их было не слишком много, что, впрочем, еще ни о чем не говорило. Клань и отдельные отряды воинов расположились на значительном удалении друг от друга; вглядевшись, можно было заметить огоньки поменьше, горевшие тут и там до самого горизонта. Самые дальние из них принадлежали кострам галлов — соплеменников Кормака, великолепных наездников и прекрасных бойцов. Галльские племена в последнее время начали приобретать все большее значение, оседая на западном побережье Каледонии и закладывая тем самым фундамент того, что позднее превратилось в королевство Дэльрайэди. Слева от лагеря галлов тоже мерцали слабые огни, разбросанные столь же живописно.

Горизонт на юге также светился огоньками, скорее, даже искорками далеких костров.

— Костры легионов, — тихо сказал Бран. — Костры триумфаторов. Люди, которые их разожгли, железной рукой держат за горло все иные народы. Теперь и до нас дошел черед. Что ждет нас завтра?

— Если верить жрецу — победа, — ответил Кормак.

Бран нетерпеливо махнул рукой.

— Лунный свет в океане. Шум ветра в пихтовых кронах, — сказал он. — Не думаешь же ты, что я верю в эти бредни? И мне вовсе не доставляли удовольствия муки этого несчастного римлянина. Но надо же было чем-то поддержать боевой дух в моих людях. То, что ты видел, предназначалось Грону и Боцаху. Они сообщат воинам, что гадание было удачным.

— А Гонар?

Бран улыбнулся.

— Гонар слишком стар, чтобы верить хоть во что-либо. Уже за две сотни лет до моего рождения он был верховным жрецом Тьмы. По его словам, он прямой потомок того Гонара, который был жрецом еще при Бруле Пикинере — основателе моего рода. Никто не знает, сколько ему лет на самом деле. Иногда мне кажется, что он и есть тот самый, первый Гонар.

— Да, я кое-чему научился, — послышался насмешливый голос, и Кормак вздрогнул, когда рядом с ним выросла темная фигура старца. — Достаточно, во всяком случае, чтобы люди верили мне и доверяли. Мудрец должен уметь казаться глупцом, если хочет чего-либо добиться. Я знаю такие тайны, которые разрушили бы даже твой мозг, Бран, доверь я их тебе. А чтобы быть тем, что я есть для простого народа, приходится опускаться до повседневной, привычной всем магии: танцевать, трясти трещотками из змеиной кожи, мारаться человеческой кровью и копать в куриных потрохах.

Кормак внимательнее вгляделся в старца. С его лица исчез отпечаток безумия, теперь он совершенно не похож был на того шарлатана, который бормотал над алтарем заклятья. Звездный свет как бы облагородил его, длинная белая борода стала почтенной бородой патриарха, он, казалось, даже стал выше ростом.

— Вот в ком ты, Бран, сомневаешься, — худая старческая рука показала на четвертое кольцо огней.

— Да, — король угрюмо кивнул головой. — И ты, Кормак, знаешь это так же хорошо, как и я. От них будет зависеть результат завтрашней битвы. С боевыми колесницами бриттов и твоей конницей в засаде мы были бы непобедимы. Но недаром говорят, что в сердце каждого викинга сидит злой дух. Ты помнишь, как мне удалось загнать эту стаю в ловушку. Они поклялись тогда, что будут драться с римлянами. Теперь же, когда их вождь, Рогнар, погиб, они требуют вождя своей же расы. Иначе, дескать, плюнут на все клятвы и перейдут на сторону врага. Без них мы погибнем — первоначальный план сражения изменить уже невозможно.

— Мужайся, Бран, — сказал Гонар. — Дотронься до алмаза на своей железной короне и, быть может, он сможет тебе помочь.

— Ты говоришь со мной сейчас так же, как с моими темными людьми. Я не настолько глуп, чтобы танцевать под эту дудку. При чем здесь алмаз? Ну да, он красив и уже не раз приносил мне удачу. Но сейчас мне нужна

покорность этих вот трех сотен головорезов, а не камни, сколь бы они драгоценны ни были. Только эти проклятые викинги способны выдержать любовой удар римских когорт.

— И все же, Бран, — настаивал Гонар, — помни об алмазе!

— Алмаз! — воскликнул Бран нетерпеливо. — Да, он древнее этого мира. Он был стар уже тогда, когда Атлантиду и Лемурию поглотила морская пучина. Его подарил Брулу, моему далекому предку, сам Кулл-атлант, король Валузии. Это случилось тогда, когда мир был молод... Но чем это может помочь нам сейчас?

— Кто знает... — сказал маг, явно на что-то намекая. — Времени и пространства нет. Нет прошлого и никогда не будет будущего. Есть только настоящее. Все, что когда-либо произошло, происходит или произойдет, заключено в понятии «сейчас». Я погружался в день вчерашний, бродил в завтрашнем — оба они так же реальны, как и день сегодняшний. Позволь мне уснуть и поговорить с тем Гонаром. Быть может, он отыщет возможность нам помочь.

— О чем это он? — спросил Кормак и еле заметно пожал плечами.

Верховный жрец тем временем растворился во тьме.

— Он постоянно твердит, что тот, самый первый Гонар, приходит к нему во сне, и они говорят друг с другом, — ответил Бран. — Он действительно способен на многое. Мне приходилось видеть, как он проделывал нечто такое, что никому из людей сделать не под силу. Не знаю... Я всего лишь король, человек в ржавой короне, который пытается вытащить племя дикарей из болота, в котором оно увязло. Пойдем посмотрим лучше на лагерь.

По дороге вниз Кормак размышлял над тем странным зигзагом судьбы, который повелел появиться среди пиктов такому человеку, как Бран Мак Морн, именно сейчас. Казалось, король живьем перенесся в настоящее из тех дремучих времен, когда такие, как он, владели всей Европой, еще до того, как империя пиктов пала под ударами

галльских бронзовых мечей. Кормаку много рассказывали о том, как Бран из никому не известного сына вождя клана Волков стал королем всей Каледонии, объединив большинство пиктских кланов. Но власть его до сих пор оставалась чрезвычайно шаткой, и еще очень многое предстояло сделать для ее укрепления.

Предстоящая битва, первое открытое сражение объединенных пиктских кланов с римлянами, будет решающей для судьбы пиктского королевства.

Бран и его спутник подошли к кострам пиктов. Смуглые люди сидели или лежали рядом с ними, над огнем на вертелах жарилось мясо. Кормака приятно поразили порядок и спокойствие, царившие в лагере: как-никак более тысячи воинов, а до его ушей долетали лишь негромкие звуки печального гортанного напева. Казалось, великая Тишина Каменного Века все еще жила в душах этих людей. Все небольшого роста, многие как-то сгорблены. «Гигантские карлики», — подумал Кормак. Бран Мак Морн среди них мог считать себя великаном. Только старики носили редкие бороды, но у всех длинные черные волосы спускались до глаз, придавая еще большую мрачность их угрюмым взглядам. Тела пиктов покрывали волчьи шкуры, ноги оставались босыми. Вооружены они были короткими, сильно изогнутыми стальными мечами, тяжелыми черными луками и стрелами с наконечниками из кремня, стали и меди, а также каменными топорами-молотами. Для защиты у них были припасены лишь примитивные деревянные щиты, обтянутые кожей, да многие вплели в волосы кусочки металла, чтобы хоть так предохранить голову от удара мечом. Некоторые из них, видимо, потомки древних родов, были, подобно Брану, сложены пропорционально, но и в их глазах тоже таилась первобытная жестокость.

«Сущие дикари, — думал Кормак, — хуже галлов, бриттов или германцев. Не ошибаются ли старые легенды, когда утверждают, что это они владели миром тогда, когда таинственные города высились там, где сегодня плещется море? Неужели это именно им посчастливилось

пережить потоп, уничтоживший могучие империи и снова отбросивший их к варварству, из которого они когда-то уже выкарабкались?»

Неподалеку от лагеря соплеменников короля расположились смелые воины варварских племен, населявших земли, лежащие южнее римской Стены. Ладно скроенные, с голубыми блестящими глазами и лохматыми рыжими шевелюрами, в одеждах из грубого полотна и плохо выделанных оленьих шкур, они, как и пикты, не носили никаких доспехов. На левом плече у многих из них висели небольшие круглые деревянные щиты, обитые бронзой, у некоторых из-за правого плеча торчали луки, хотя бритты были, как правило, неважными лучниками. Эти вот луки да бронзовые мечи с закрутленными концами и служили им личным оружием. Луки, впрочем, были короче пиктских и били на меньшее расстояние. Рядом с лагерем стояло, однако, оружие, прославившее имя бриттов, оно наводило ужас на всех — и на пиктов, и на римлян, и на северных захватчиков. В мерцающем свете костров поблескивали бронзовой обивкой боевые колесницы. С обоих боков каждой торчали, словно огромные косы, тяжелые кривые лезвия. Любое из них способно было одним могучим ударом рассечь пополам шестерых мужчин. Здесь же, невдалеке, под надзором чуткой стражи паслись спутанные ездовые кони — большие длинноногие жеребцы, довольно-таки резвые и очень выносливые.

— Ах, если бы их было побольше, — вздохнул Бран. — С тысячью колесниц и моими лучниками я сбросил бы легионы в море!

— Свободные бриттские племена вынуждены будут в конце концов покориться Риму, — заметил Кормак. — Я думал, что все они помогут тебе в этой войне.

Бран махнул рукой.

— Кельтское непостоянство. Они никак не могут отделиться от давних межплеменных и межклановых споров и раздоров. Старики говорят, что и тогда, когда римляне появились здесь впервые, бритты не сумели объединиться, чтобы дать отпор Цезарю. Эти, которых ты

тут видишь, пришли ко мне лишь после того, как из-за чего-то там повздорили со своим собственным вождем. Я не могу на них особенно рассчитывать...

Кормак кивнул головой.

— Понимаю. Цезарь завоевал Галлию только потому, что натравил одни наши племена на другие. В настроении моих людей тоже случаются приливы и отливы, как в море, но из всех кельтов наиболее непостоянны кимбры. Несколько веков назад мои галльские предки отвоевали Эрин у кимбрских данаанцев, хотя те значительно превышали их числом. Но их племена сражались с галлами поодиночке, а не как единый народ.

— Кимбрские бритты и сейчас точно так же ведут себя в борьбе с Римом, — сказал Бран. — Эти помогут нам завтра, но что будет послезавтра, не знает никто. Да и чего мне ждать от чужих, если я не уверен даже в своих людях. Ведь тысячи пиктов скрываются сейчас в глубине страны. Выжидают, держатся в стороне. Я король только по титулу. О боги, дайте мне победу завтра, и все они толпами сбегутся под мои знамена. Но если я проиграю, они разлетятся, как воробьи под порывом ледяного ветра...

В галльском лагере вождей встретили нестройным хором приветствий. Галлов было около пяти сотен — все высокие и стройные, в основном черноволосые и кареглазые. Они держались так, как держатся обычно люди, живущие войной и для войны. Их не связывала излишняя суровая дисциплина, но повсюду чувствовалась атмосфера хорошо организованного военного отряда. Порядка у них было, несомненно, намного больше, чем у их кимбрских сородичей. Предки галлов в свое время совершенствовались в воинском искусстве в скифских степях и при дворах египетских фараонов, где служили наемниками. Многие из своего опыта они перенесли в Ирландию. Искусные в металлургии, они сражались не тяжелыми, неудобными в рукопашной схватке бронзовыми мечами, но высококачественным оружием из отличной стали. Одеждой им служили шерстяные короткие кильты, ступ-

ни ног защищали крепкие кожаные сандалии. На каждом из них сверкала кольчуга — легкая, не сковывающая движений, на голове — шлем без забрала. Иных доспехов на галлах не было, ибо их ношение противоречило их понятиям о мужской чести. Подобно галлам и бриттам, сражавшимся когда-то с Цезарем, они презирали римлян за то, что те шли в бой в тяжелых панцирях. Спустя много веков ирландские кланы точно так же будут презирать закованных в железо нормандских рыцарей.

Воины Кормака привыкли воевать в конном строю. Они не знали и не особенно уважали искусство стрельбы из лука. Их щиты были тоже круглыми, обитыми металлом. Личное оружие состояло из кинжала, длинного прямого меча и легкого топора. Их кони, надежно спутанные, паслись поодаль возле костров. Невысокие и ширококостные, они, быть может, уступали в силе коням бриттов, на зато намного превосходили их в резвости.

Бран остался доволен осмотром лагеря:

— Да, эти люди — остроклювые птицы войны! Ты посмотри, как они точат свои топоры и перебрасываются шуточками о завтрашнем сражении. Хотел бы я, чтобы эти проклятые разбойники в следующем лагере были так же дисциплинированы, как твои люди! Я тогда со спокойной душой вышел бы завтра навстречу легионам.

Они подошли к кострам викингов. Три сотни воинов сидели у огня, играли в кости, точили мечи и непрерывно хлестали пиво, принесенное пиктскими союзниками, которые в огромных количествах гнали его из вереска.

Викинги посматривали на Брана и Кормака без особой симпатии. Была сильно заметна разница между ними и пиктами или кельтами. На их обветренных и просоленных лицах совсем по-иному горели холодным светом глаза. Жестокость и неистовость, отражавшиеся в них, рождены были скорее мрачной решимостью и непоколебимым упорством в достижении поставленной цели, чем свойственной кельтам вспыльчивостью. Атака бриттов всегда была бурной и страшной, но им не хватало настойчивости и выносливости викингов. Бритты, не добившись победы

немедленно, быстро охладевали и отступали или начинали свару между собой. Иное — эти моряки, в них глубоко внутри коренилось то упрямство, которое вообще свойственно жителям ледяного Севера, и ничто в мире не могло помешать им выполнить то, на что они однажды решились.

Что до внешности, то они были гигантами — могучими, массивными, но вместе с тем стройными. Кельтских предрассудков относительно доспехов они не разделяли — все без исключения носили тяжелые панцири из прокаленной на огне кожи с нашитыми сверху железными пластинами. Панцири спускались им чуть ли не до колен, ноги прикрывали выполненные из того же материала поножи, на головах ладно сидели крепкие рогатые шлемы. Дополнительную защиту обеспечивали большие овальные щиты из твердого дерева, обтянутые кожей и обитые бронзой. Вооружены они были длинными копьями со стальными наконечниками, тяжелыми стальными же топорами и кинжалами. У некоторых висели на поясе длинные мечи с широкими лезвиями.

Кормаку было не по себе под колючими взглядами магнетических глаз этих рыжеволосых великанов. Целые века враждовали они с его народом, и он помнил об этом даже теперь, когда им выпало сражаться на одной стороне. Но будут ли они сражаться?

Один из викингов, самый высокий и угрюмый, шагнул им навстречу. Дрожащий огонь костра бросал на его покрытое шрамами хищное лицо багровые отблески. В плаще из волчьих шкур, наброшенном на широкие плечи, в шлеме с огромными рогами, среди колышущихся грозно теней, он казался призраком, возродившимся из мрака варварства, готового поглотить весь мир.

— Ну что, Вулфер? — спросил пиктский король. — Ты пил мед со своими людьми? Вы обсудили то, что следовало обсудить? Что же вы решили?

Глаза викинга сверкнули во тьме.

— Дай нам короля нашей же крови, и мы пойдем за

ним в бой. Если ты хочешь, чтобы мы для тебя сражались, дай нам короля!

Бран вскинул руки к небу.

— Ты еще потребуй, чтобы я стащил звезды с неба и нацепил их на ваши шлемы! Это ведь твои люди, разве они не пойдут за тобой, если ты их возглавишь?

— Но не на римские легионы, — ответил Вулфер хмуро. — Нас сюда привел король, и лишь король может вести нас на римлян. А Рогнар мертв.

— Но я ведь тоже король, — молвил Бран. — Вы будете сражаться, если ваш отряд возглавлю я?

— Нам нужен король нашей же крови, — сказал Вулфер. — Мы лучшие из воинов Севера. Лишь за нашего короля мы можем драться, и только наш король может вести нас на римские легионы.

Кормак почувствовал скрытую угрозу в словах, упорно повторяемых викингом.

— Вот король с острова Которрин, — сказал Бран. — Может ли он, пришедший с Запада, возглавить вас?

— Мы не позволим кельту командовать нами, откуда бы он ни пришел, с Запада или Востока, — зарычал викинг, остальные одобрительно зашумели. — Хватит того, что нам придется драться на одной стороне.

Горячая кровь ударила в лицо Кормаку, он протиснулся вперед и стал рядом с Браном, положив руку на рукоять меча.

— Что ты хочешь сказать этим, пират?

Прежде чем Вулфер успел ответить, вмешался Бран:

— Хватит! Вы что, хотите проиграть сражение еще до того, как оно начнется? А как же ваша присяга?

— Мы присягали Рогнару, но теперь, когда он погиб от римской стрелы, мы свободны от присяги. Мы пойдем в бой с римскими легионами лишь за нашим королем!

— А в бой с нами эти люди пойдут за тобой? — спросил вдруг Бран.

— Почему бы и нет, — викинг бросил наглый взгляд на пикта. — Дай нам короля нашей крови, или мы завтра присоединимся к римлянам!

Бран выругался. Его охватила бешеная ярость, которая, казалось, вознесла его над викингами.

— Негодяи! Изменники! Вы же были в моих руках! Что ж, доставайте мечи, если осмелитесь! Кормак! Оставь свой меч в покое! Эти волки не посмеют укунить короля! Вулфер, ты забыл, что я уже пощадил вас однажды. Вы свалились на наше побережье словно гром с ясного неба, дым пожарниц толстым ковром висел над Каледонией. Я загнал вас в ловушку, когда на руках ваших еще не остыла кровь моих людей, когда вы грабили и жгли пиктские деревни на вересковых полях. Это я уничтожил ваши ладьи, а вас, погнавшихся за мной, завел в засаду. Мои лучники, их было втрое больше, чем вас, уложили бы всех твоих людей, они прямо горели мстью, но я пощадил вас, и вы поклялись, что будете сражаться с моими врагами.

— Так что же, пикты схлестнулись с Римом, а нам подышать? — выкрикнул какой-то бородатый викинг.

— Ваши жизни принадлежат мне, — ответил Бран. — Вы грабили нас и убивали, и я не собираюсь отпускать вас целыми и невредимыми на этот самый ваш Север. Вы поклялись, что сразитесь в одной-единственной битве с Римом под моими знаменами. Тем, кто после нее останется в живых, я помогу построить ладьи, и пусть тогда плывут куда захотят, с немалой долей военной добычи вдобавок. Рогнар держал слово, но он погиб в стычке с римской разведкой. И вот теперь ты, Вулфер, затеваешь бунт и пытаешься нарушить клятву, данную вами на мече.

— Мы никакой клятвы не нарушаем, — пробурчал викинг, и король понял, что сломить это тупое упрямство будет куда как не просто. — Дай нам короля, но не из бриттов, пиктов или галлов, и мы умрем для тебя. Но если ты нам его не дашь, завтра мы будем драться на стороне могущественнейшего из владык мира — римского цезаря!

Кормаку показалось на секунду, что король пиктов

не сдержится и обнажит меч. Ярость, пылавшая в черных глазах Брана, заставила Вулфера отступить на шаг и положить ладонь на рукоять меча.

— Глупец! — процедил Мак Мори сквозь зубы дрожащим от гнева голосом. — Я сотру вас в порошок еще до того, как римляне приблизятся настолько, чтобы слышать ваши предсмертные хрипы. Выбирайте: или вы завтра будете сражаться за меня или сегодня ляжете под черной тучей пиктских стрел и вас захлестнет волна боевых колесниц!

Услышав о боевых колесницах, единственном оружии, ломавшем знаменитую северную стену из сомкнутых щитов, Вулфер изменился в лице, но по-прежнему продолжал стоять на своем.

— Мы умрем, но не отступим, — сказал он упрямо. — Дай нам короля.

Викинги поддержали его слова коротким гортанным рыком и стуком мечей по щитам. Глаза Брана пылали ненавистью, он хотел что-то сказать, но тут в освещенный пламенем костров круг бесшумно скользнула белая фигура старца.

— Слова, пустые слова... — промолвил Гонар невозмутимо. — Остановись, о король. Итак, Вулфер, если найдется король, достойный вас, ты и твои товарищи будете сражаться под пиктскими знаменами?

— Мы поклялись.

— Тогда успокойтесь, — сказал маг, — утром, еще до начала сражения, вы увидите короля. Он не будет ни пиктом, ни галлом, ни бриттом. Сам римский цезарь в сравнении с ним не более, чем деревенский староста.

Все застыли в замешательстве, а Гонар взял под руки Кормака и Брана.

— Идем. А вы, викинги, помните о присяге и моем обещании, я никогда еще не нарушал данного мной слова. Теперь ложитесь спать и даже не пытайтесь тайком прокрасться в римский лагерь. Пиктские стрелы пощадят вас, быть может, но от моих заклятий вам не уйти. И,

кстати, не мне вам рассказывать, как недоверчивы бывают римляне.

Трое мужчин молча шли по волнообразно колыхавшемуся вереску, и тихий ветер нашептывал им на ухо какие-то свои жуткие секреты.

— Много веков назад, — произнес Гонар, — когда мир был еще молод, там, где сейчас бушует океан, лежал огромный материк. Обитавшие на нем народы объединены были в королевства, из которых величайшим была Валузия — Мир Очарования. Рим — деревня по сравнению с самым невзрачным из ее городов. Могущественнейшим из валузийских королей был Кулл, пришедший туда из Атлантиды и отобравший трон и корону у местной, клонившейся к упадку династии. Пикты в те далекие времена жили на островах и были союзниками Валузии. Знаменитейшим из них был Брул Пикинер, основатель рода Мак Морнов.

После страшной битвы в Стране Теней Кулл подарил Брулу алмаз, который ты, король, носишь теперь на своей короне. Многие века этот камень переходил из рук в руки, став талисманом рода Мак Морнов, символом утраченного величия. Ибо, когда однажды море всколыхнулось и поглотило Валузию, Атлантиду и Лемурию, только пиктам удалось выжить, хотя спаслись тогда от разбушевавшейся стихии очень и очень немногие из них. Им предстояло заново идти долгим и трудным путем развития. Они многое по дороге утратили, но приобрели также немало. Разучившись работать с металлом, они достигли совершенства в обработке камня, особенно кремня. Этот народ заселил новые земли, которые мы сейчас называем Европой, появившиеся из океанских пучин после потопа. Но тут с севера потянулись на юг новые племена и народы. Раньше они жили среди льдов у самого полюса, понятия не имели об утраченном величии Семи Империй и почти ничего не знали о потопе, изменившем лицо мира. Они шли друг за другом: арии, кельты, германцы, появляясь из некоей колыбели рас на севере и спускаясь к югу. Так развитие пиктов снова оказалось заторможен-

ным и их вновь отбросили к варварству. И вот сейчас мы, их потомки, стоим на краю пропасти, припертые к Стене, и теперь уже речь идет о том, быть нам или не быть. Здесь, в Каледонии, последняя наша ставка, здесь все, что осталось от нашего некогда могучего народа. Правда, мы тоже сильно изменились...

— Все это так... — нетерпеливо бросил король. — Но какое это имеет отношение к...

— Кулл, король Валузии, — невозмутимо продолжал маг, — был когда-то таким же варваром, как ты сейчас. Он твердой рукой правил в своей огромной империи. Со дня его смерти прошло сто тысяч лет, давно уже умер Гонар, друг твоего предка Брула. Но не прошло и часа с тех пор, как я говорил с ним.

— Ты говорил с его духом?

— Или он с моим? Это я уходил в прошлое на сто тысяч лет, или, быть может, он приходил ко мне оттуда... Думаю, что это все же не я говорил с покойником, это он беседовал с человеком, еще не родившимся. Так или иначе, я говорил с Гонаром, и мы оба были живыми. Мы встретились там, где понятия времени и пространства теряют смысл. Он многое мне рассказал.

Близился рассвет, и все вокруг начало постепенно набирать краски. По вересковым полям бежали вдаль волны — казалось, вереск кланялся восходящему солнцу.

— Алмаз в твоей короне способен притягивать к себе сквозь столетия, — сказал Гонар. — Поднимается солнце. И с ним появится кое-кто еще.

Кормак и король вздрогнули. Из-за холмов на востоке показался краешек багрового диска. В его огненном ореоле возникла вдруг словно из ничего фигура мужчины. Огромный ростом, он был подобен богам давно ушедшего прошлого. В пробуждающемся от сна лагере послышались изумленные возгласы, там тоже заметили незнакомца.

— Кто это? — с трудом выдавил король.

— Пойдем встретим его, Бран, — ответил спокойно маг. — Это король, которого послал Гонар, чтобы спасти народ Брула.

В лагере пиктов воцарилось молчание, когда Бран, Кормак и Гонар направились к неизвестному. Тот приближался к ним мерным быстрым шагом. Подойдя на расстояние нескольких шагов, они увидели, что этот человек действительно высокого роста, хоть и не такой громадный, каким он показался им вначале. Кормак даже принял было его за викинга, но сразу же уяснил свою ошибку. Еще никогда до сих пор ему не приходилось видеть воина, подобного незнакомцу. Фигурой он, и правда, напоминал викинга, но черты его лица были совершенно иными. Его ровно подстриженные волосы падали на шею львиной гривой и были столь же черными, как и волосы Брана. На гладко выбритом лице с энергично очерченным подбородком блестели серые, как сталь, и холодные, как лед, глаза. Высокий лоб свидетельствовал о могучем уме, квадратная челюсть и тонкая линия губ указывали на силу и отвагу, властность и величественность читались в каждом его движении.

На его ногах были тонкой работы сандалии, тело покрывала сплетенная из стальной проволоки кольчуга, спускавшаяся чуть ли не до колен, бедра охватывал широкий пояс с золотой пряжкой, на котором висел длинный прямой меч в крепких кожаных ножнах. Голову украшал золотой обруч.

Незнакомец остановился перед молча поджидавшей его группой людей, и по лицу его скользнула тень удивления или, скорее даже, веселого недоумения. Когда его взгляд упал на Брана, он шагнул вперед и произнес:

— Приветствую тебя, Брул. Гонар не говорил мне, что ты появишься в моем сне!

Язык, на котором говорил незнакомец, был, несомненно, пиктским, но слова звучали очень странно и архаично, и Кормак понимал его с трудом.

Он скосил взгляд на Брана. Кормаку впервые довелось видеть короля пиктов настолько выбитым из колеи — тот ошарашенно смотрел на незнакомца, не в силах вымолвить ни единого слова. Чужак продолжал:

— К тому же с короной на голове и с алмазом, моим подарком, вставленным в нее. Ведь еще вчера ночью ты носил его в перстне на пальце.

— Вчера ночью? — выдохнул Бран.

— Вчера ночью или сто тысяч лет назад, это одно и то же, — пробормотал Гонар, явно наслаждаясь возникшей ситуацией.

— Но я не Брул, — ответил король. — Ты сумасшедший, если принимаешь меня за человека, который умер много сотен лет назад. Он был моим предком, основателем нашего рода.

Незнакомец вдруг рассмеялся.

— Ну что ж, теперь я точно знаю, что все это мне всего лишь снится! Будет что рассказать Брулу, когда проснусь утром. Надо же, встретить человека, который заявляет, что он его потомок, когда у Пикинера и семьи-то еще нет. Да, теперь я вижу, что ты не Брул — он шире в плечах, хотя глаза, рост, осанка — те же. Но у тебя его алмаз. Впрочем, не буду с тобой спорить, во сне что угодно может приключиться. Мне показалось вдруг, что я каким-то образом перенесся в некую иную страну. Открываю глаза — и в самом деле все вокруг незнакомо. Это самый странный из снов, когда-либо мне снившихся. Так кто же вы такие?

— Я Бран Мак МORN, король каледонских пиктов. Этот старец — Гонар, мудрый маг из рода Гонаров. Этого воина зовут Кормак, он король острова Эрин.

Незнакомец тряхнул своей львиной гривой.

— Твои слова звучат непонятно. И Гонар совсем не похож на того Гонара, которого я знаю, хотя тот так же стар, как и этот. А что это за страна?

— Каледония, галлы зовут ее также Альбой.

— А что это за люди? Коренастые, словно обезьяны, таращатся на нас так, что глаза из орбит вылезают...

— Это и есть пикты, мои подданные.

— Как странно корежит людей в снах, — пробормотал король. — А эти, лохматые, что толпятся у колесниц, кто они?

— Бритты из племени кимбров, тех, что живут южнее Стены.

— Какой стены?

— Стены, построенной Римом, чтобы преградить варварским племенам путь в Британию.

— Британию? — В его голосе прозвучало любопытство. — Никогда не слышал о такой стране. А что такое Рим?

— Как?! — воскликнул Бран. — Ты никогда не слышал о Риме, империи, властвующей над миром?

— Ни одна из империй не властвует над миром, — произнес надменно незнакомец. — Самым могущественным из королевств правлю я.

— Так кто же ты такой?

— Я Кулл, атлант по рождению, король Валузии.

Кормак почувствовал вдруг мурашки, побежавшие по спине. Холодные серые глаза незнакомца смотрели по-прежнему твердо, но то, что он сказал, было невероятно, невозможно и вызывало ужас.

— Валузий?! — воскликнул Бран. — О чем ты говоришь, ведь над остроконечными башнями Валузии уже многие века бушует океан!

Кулл, услышав эти слова, рассмеялся в лицо пиктскому королю.

— Сущий кошмар! Правда, Гонар, когда усыплял меня в потайной комнате дворца, предупреждал, что приснятся мне разные странные вещи. Но я и подумать не мог, что увижу такое. Вдобавок, я ведь все время знаю, что это сон!

Гонар вмешался прежде, чем Бран успел что-либо ответить.

— Не спрашивай богов об их планах, — произнес тихо маг. — Ты король и стал им потому, что в свое время примечал и использовал самые разные благоприятные обстоятельства. Этого человека послали боги, чтобы он помог нам. Разреши, я поговорю с ним.

Бран кивнул головой. Теперь уже вся армия не сводила

с них глаз, пытаюсь понять, что там происходит. Те, что стояли вблизи, наострили уши, когда Гонар произнес:

— О Великий Король, ты видишь сон, но разве не сон вся жизнь человеческая? Уверен ли ты в том, что вся твоя жизнь до этого не была сном, ведь, быть может, ты проснулся только сейчас? У нас — тех, кто тебе снится, назовем это так, свои войны и своя жизнь. Как раз сейчас на нас надвигается с юга грозная армия, чтобы стереть с лица земли народ Брула. Ты поможешь нам?

Кулл широко улыбнулся и с явным облегчением ответил:

— Охотно! Мне не раз уже доводилось сражаться во сне. Я убивал, меня убивали, и я всегда, проснувшись, удивлялся этому. Смотрите, я щиплю себе руку, она чувствует боль, но я ведь все равно сплю. Случалось и так, что во сне меня тяжело ранили, и я всегда чувствовал боль. Да, о люди, приснившиеся мне, я буду сражаться за вас в этой зачарованной стране. Где же противник?

— Ты насладишься упоением битвы больше, если забудешь, что это всего лишь сон, — добавил маг не без умысла. — Считаю, что ты и в самом деле перенесся в далекое будущее благодаря алмазу, подаренному тобой Брулу. Он обладает волшебными свойствами и теперь, как видишь, сверкает в королевской короне. Ты появился здесь в тот момент, когда речь идет о жизни и смерти для народа Брула, воюющего с более сильным врагом.

Мгновение человек, называвший себя королем Валузии, казался застигнутым врасплох. В его глазах мелькнула тень сомнения, даже страха, быть может, но он тут же громко рассмеялся.

— Хорошо! Веди меня, маг!

Бран уже пришел в себя настолько, чтобы трезво оценить ситуацию. Если даже в глубине души он сомневался в том, что все это нечто большее, чем некое хитрое мошенничество Гонара, он, тем не менее, предпочел принять все за чистую монету.

— Скажи, король, ты видишь воинов, стоящих там, опершись на рукояти топоров?

— Вот тех высоких, бородатых и рыжеволосых?

— Да. Победим мы или костями здесь ляжем, зависит от того, будут ли они драться на нашей стороне или нет. Они клянутся, что уйдут к врагу, если мы не дадим им вождя, который поведет их в бой. Их король погиб, новый их вождь тоже должен быть королем. Таково их условие. Ты поведешь их?

Глаза Кулла загорелись одобрительно.

— Они похожи на Алых Убийц, моих гвардейцев. Я поведу их!

— Тогда идем.

Держась вместе тесной группой, они спустились с холма в толпу перешептывавшихся в тревоге воинов.

Викинги стояли в стороне молча, плечом к плечу, изучающе глядя на Кулла. Тот ответил им таким же дерзким холодным взглядом, оценивая их выправку и вооружение.

— Вулфер! — сказал Бран. — Вот вам король! Теперь я требую, чтобы вы выполнили наш уговор.

— Пусть он сам говорит с нами! — сурово сказал викинг.

— Он не знает вашего языка, — возразил Бран, знавший, что викинги понятия не имеют о легендах его племени, — но он великий король...

— Который пришел к нам из прошлого, — спокойно вмешался маг. — Когда-то он был могущественнейшим из королей в подлунном мире.

— Мертвец! — Викинги беспокойно зашевелились. Остальные воины придвинулись еще ближе, стараясь не упустить ни единого слова из разговора. Вулфер вскипел от гнева.

— Как призрак может командовать живыми людьми? Вы сами говорите, что этот человек давно умер! Мы не пойдем за трупом!

— Ты предатель и клятвопреступник, Вулфер, — произнес Бран, едва сдерживаясь. — Ты поставил нам условие, считая его невыполнимым. Ты рвешься в бой, но под римскими орлами. Мы нашли вам короля. И он не

пикт, не галл и не бритт. Ты нарушишь данное тобой вчера слово?

— Будем драться! — заревел загнанный в тупик викинг и взмахнул над головой топором. — Если ваш мертвец победит меня, мои люди пойдут с вами. Если нет, вы отпустите нас к римлянам.

Одобрительный вой и лязг оружия послужили достаточно ясным ответом на вопрос. Бран повернулся к Куллу, который стоял молча, не понимая ни слова из разговора, но, несомненно, о многом догадываясь. Его холодные глаза заметно посветлели, и Кормак подумал, что им, наверное, доводилось уже видеть немало подобных сцен.

— Этот воин говорит, что тебе придется сразиться с ним за право быть вождем, — сказал Бран. Кулл, глаза которого загорелись предчувствием кровавой схватки, кивнул головой:

— Я понял. Освободите нам место.

— Щит и шлем! — крикнул Бран, стоявший поодаль, но Кулл тряхнул головой в ответ.

— Ничего не надо! — крикнул он. — Раздвиньтесь только и дайте нам место, чтобы было где развернуться.

Воины потеснились, образовав кольцо вокруг противников, уже осторожно приближавшихся друг к другу. Кулл прыгнул вперед. Его атака была настолько стремительной, что у наблюдающих за схваткой воинов перехватило дыхание, хотя уж они-то немало перевидали на своем веку и удивить их чем-либо было трудно. Подобно тигру, настигающему добычу, Кулл обрушился на врага и ударил его мечом, тот едва успел заслониться щитом. Посыпались искры, топор Вулфера метнулся навстречу, но Кулл уже стоял рядом с викингом, и сталь лишь просвистела зловеще у него над головой. Атлант ткнул мечом снизу и отскочил, словно дикий кот. Его движения были настолько быстрыми, что глаз не успевал их улавливать, но все заметили, что край щита Вулфера выщерблен, а в его панцире появился глубокий разрез.

Кормак, дрожавший от возбуждения, пытался понять, каким образом меч атланта пронзил чешуйчатый панцирь

викинга. От такого удара по щиту он должен был разлететься на куски, но на нем не осталось даже зазубрины. «Да, — подумал он, — это лезвие выковано великими мастерами».

Противники снова устремились в атаку. Их оружие встретилось, блеснув в воздухе подобно молниям. Щит свалился с плеча Вулфера, рассеченный пополам. Кулл пошатнулся, когда топор викинга со всего размаха пал на его голову, едва прикрытую золотой диадемой. Этот удар должен был разрубить золото, как масло, и расколоть череп атланта, но топор отскочил, и на его острие появилась большая щербина. В то же мгновение на викинга посыпался град тяжелых ударов. Тот пытался парировать их топором, используя все свои силы и опыт, но всем было件ятно, что это способно лишь на несколько минут отсрочить его гибель. Неумолимый меч по кускам срезал с него панцирь, со шлема викинга слетел один из рогов, секундой позднее отлетело в сторону лезвие его топора. Меч Кулла, разрубив рукоять топора, рассек шлем викинга и оскользнулся по его черепу. Вулфер упал на колени, и по его лицу потекла струя крови. Кулл сдержал очередной свой удар, бросил меч Кормаку и подскочил к ошеломленному противнику. Его глаза горели жестокой радостью, он кричал что-то на своем языке. Зарывав по-волчьи, Вулфер собрал все свои силы и вскочил на ноги, в его руке сверкнул кинжал.

Два тела сшиблись, и наблюдавшие за поединком воины закричали так громко, что все вокруг содрогнулось. Рука Кулла проскочила мимо запястья викинга, но его кольчуга приняла удар на себя. Кинжал сломался. Вулфер отбросил бесполезную рукоять и обхватил атланта руками, стиснув его медвежьей хваткой, несомненно, разожившей бы любого другого на его месте. Но Кулл лишь оскалил зубы в жуткой тигриной ухмылке и ответил тем же. Минуту они топтались на месте, затем викинг начал постепенно клониться назад. Затаившим дыхание зрителям показалось даже, что они слышат треск ломающегося позвоночника. Завизжав от нестерпи-

мой боли, викинг взметнул руки к лицу врага, пытаясь выдавить ему глаза. Одновременно с этим он наклонил голову набок и вонзил свои волчьи зубы в руку атланта. Вокруг ахнули, когда из раны брызнула кровь.

— Кровь! Течет кровь! Он не призрак, он смертный!

Разозленный Кулл отбросил викинга и правой рукой нанес ему сокрушительный удар по голове чуть пониже уха. Вулфер отлетел на двадцать локтей и упал на спину. Дико взыв от ярости, он снова поднялся на ноги и метнул в Кулла прихваченный с земли камень. Лишь нечеловечески быстрая реакция спасла атланта, но острый край камня рассек ему щеку, разозлив еще больше. Издав грозный львиный рык, он схватил противника, взметнул над головой и ударил оземь мертвое уже тело с переломанными костями.

Мгновение в долине господствовала тишина. Первыми взорвались галлы, им вторили бритты и пикты. Жуткий вой и грохот мечей, ударяющих по щитам, слышали, вероятно, даже марширующие далеко на юге legionеры Рима.

— Люди Серого Севера! — крикнул Бран. — Теперь вы сдержите свою клятву?

Чего иного, столь же полно отвечающего их дикой натуре могли желать викинги? Не требующий слов ответ ясно читался в их глазах. Примитивные, суеверные, с молоком матери впитавшие легенды о воинственных богах и героях, они не имели теперь ни малейших сомнений в том, что черноволосый воин, победивший могучего Вулфера, послан им их суровыми богами.

— Да! Вождя, подобного ему, мы не видели! Кем бы он ни был — мертвецом, призраком или злым духом, мы пойдем за ним куда угодно! Хоть в Рим, хоть в Валхаллу!

Кулл не понимал слов, но прекрасно разбирался в их значении. Поблагодарив Кормака, он взял у него свой меч, повернулся лицом к викингам и молча поднял его обеими руками вверх.

— Пойдем, — сказал Бран, дотрагиваясь до его плеча. — Римская армия уже на марше, а нам еще многое

предстоит сделать. Времени едва хватит на то, чтобы расставить людей до появления врага. Давай-ка поднимемся на вершину того вон холма, — показал он рукой.

Сверху хорошо просматривалась вся долина. Длинной примерно в две тысячи шагов, она располагалась ровной полосой с севера на юг, переходя в узкое ущелье и расширяясь дальше в плоскую равнину.

— Враг пойдет туда, вверх по долине, — пояснил пикт. — У них тяжелые повозки с провиантом и припасами, местность вокруг холмистая, нигде в ином месте проехать они не смогут. Здесь мы и устроим засаду.

— Я думал, что твои люди давно уже укрылись и ждут, — удивился Кулл. — А как быть с разведчиками, враг ведь наверняка их вышлет?

— Мои подданные — дикари и не способны долго сидеть в засаде, — в голосе Брана прозвучала нотка горечи. — Я не мог их расставить, пока не закончил с викингами. Ставка в этой игре — судьба народа пиктов. Они называют меня своим королем, но это пока не более чем пустой звук. Среди холмов окрест прячется немало пиктских кланов, отказавшихся сражаться под моими знаменами. В той тысяче лучников, что я привел с собой, лишь чуть больше половины моих соплеменников. Римлян что-то около восемнадцати сотен. Это еще не вторжение, но грядущая битва будет решающей, и от нее будет зависеть успех планов расширения Империи. Они собираются поставить крепость немного дальше на севере. Если это им удастся, они заложат новые форты, набрасывая стальную петлю на горло свободному народу. Если же это сражение выиграю я, победа будет за нами. Колеблющиеся кланы присоединятся к нам, и в следующий раз мне будет чем встретить захватчика. Если я разобью эту армию, то уничтожу и все последующие, сколь бы сильны они ни были. Если я проиграю, пикты разбегутся и их сметут на крайний север. Оттуда отступать будет уже некуда, им придется драться, но сражаться с безжалостным врагом они будут уже не как единый народ, а разрозненными племенами и кланами.

Ты понимаешь, что тогда ждет народ пиктов. Так вот, у меня здесь тысяча лучников, пять сотен всадников, пять десятков боевых колесниц с полутора сотнями воинов и теперь — благодаря тебе — три сотни тяжеловооруженных северных разбойников. Как бы ты распорядился этими силами?

— Ну, что ж... — задумался Кулл. — Я завалил бы камнями северный выход из долины... Хотя нет, это слишком уж похоже на ловушку. Лучше поставить там отряд отчаянных, готовых на все головорезов, вроде тех, что ты отдал под мою команду. Три сотни смогли бы удерживать ущелье какое-то время, сражаясь с намного превосходящими силами противника. Пока неприятель будет увязать глубже и глубже в сече, лучники со склонов изрядно проредят его боевые порядки. И вот тут-то, имея конницу, укрытую за одним из горных хребтов, а колесницы — за другим, противоположным ему, я атаковал бы с двух сторон одновременно и стер бы врага в порошок.

Глаза Брана сияли.

— Именно таков, король Валузии, и мой план!

— А разведчики?

— Мои воины, как пантеры: они могут спрятаться чуть ли не на самой тропе, по которой пойдут римляне. Те, что войдут в долину, увидят лишь то, что мы захотим им показать. Те, кто успеет перевалить хребет, назад уже не вернутся. Стрела бьет быстро — и тихо... Все будет зависеть от тех, кто встанет в ущелье. Это должны быть воины, способные сражаться в пешем строю и удерживать напор тяжеловооруженных легионеров достаточно долго, чтобы капкан успел захлопнуться. Кроме викингов поставить там мне некого — мои полуголые пикты с короткими мечами не продержатся и нескольких минут. Кельты тоже вооружены слабовато, они привыкли воевать в конном строю, да и нужны мне в другом месте. Именно поэтому я так отчаянно цеплялся за викингов. И вот теперь, зная все это, станешь ли ты с ними в ущелье? Сможешь ли удерживать римлян до тех пор, пока не

настанет наш час? Помни, большинство из вас, скорее всего, погибнет.

Кулл лишь улыбнулся.

— Мне уже не раз приходилось рисковать жизнью. Хотя Ту, мой главный советник, сказал бы, что моя жизнь принадлежит Валузии и я не имею на это права...

Голос атланта дрогнул, уголки губ скривились.

— Клянусь Валком! — воскликнул он, неуверенно рассмеявшись. — Я чуть было не забыл, что это всего лишь сон! Все вокруг кажется таким реальным... Но ведь это сон, так что со мной станется, даже если я погибну? Проснусь — и все, так уже не раз случалось. Так веди же меня, король Каледонии!

Кормак, направляясь к своим людям, лихорадочно пытался разобраться в том, что видел и слышал. Конечно, все это сплошная мистификация, но все-таки... Справа и слева от него слышались громкие голоса воинов, которые готовились занять отведенные им позиции. Этот черноволосый король — наверное, сам Нейд, кельтский бог войны. Или все же действительно некий древний король, перенесенный Гонаром из прошлого? Или легендарный воетель, прилетевший прямо из Валхаллы? Но тогда он не человек, а дух, призрак! Но ведь из его ран текла кровь... Правда, раны богов тоже кровоточат, хотя это для них не смертельно.

О том же спорили и воины Брана.

«В конце концов, — подумал Кормак, — даже если это сплошной обман, он поддержит дух армии, эта цель вполне достижима». И в самом деле, вера в то, что Кулл ниспослан богами, настолько возбудила не только викингов, но и пиктов и кельтов, что все прямо-таки рвались в бой. Кормак снова и снова спрашивал себя — во что же он верит? Этот человек, несомненно, чужой в этих краях. В каждом его движении и взгляде скрывалось нечто, говорившее о том, что его родина лежит где-то невероятно далеко, и дело было не только в пространственном отдалении. Был некий знак Времени, тень туманных ущелий и пропастей ушедших веков, лежащих между

черноволосым гигантом и современниками Кормака. Разум галла был уже на краю бездны хаоса, но, удержавшись от этого последнего шага, он рассмеялся при мысли о том, что он тоже участвует в этом фарсе.

3

Солнце уже клонилось к закату, тишина невидимой мглой висела над долиной. Кормак взглянул на хребты холмов по обеим сторонам ущелья. В колышущемся на ветру вереске, покрывавшем крутые склоны, притаились сотни пиктских воинов. Долина казалась бы лишенной малейших признаков жизни, если бы не было трех сотен викингов, стоявших в тесном строю в самом узком месте ущелья. Они полностью перекрывали проход стеной из сомкнутых щитов, образуя нечто вроде клина. На его острие, словно наконечник копья, стоял человек, называвший себя Куллом, королем Валузии. На нем по-прежнему не было шлема, лишь тонкой работы обруч — или, скорее, диадема — из какого-то твердого металла, напоминавшего по внешнему виду золото, прикрывала его волосы. Левой рукой он держал щит, принадлежавший прежде королю викингов Времогнару. Его правая рука крепко сжимала тяжелую железную булаву. Викинги поглядывали на него с восхищением и надеждой. Они не знали его языка, он — их, но здесь приказывать было уже нечего. Повинуясь указаниям Брана, они заняли позицию, и теперь у них была одна, всем понятная задача: любой ценой удержать ущелье.

Бран Мак Морн подошел к Куллу. Они посмотрели друг другу в глаза — тот, чье королевство еще не народилось, и тот, страна которого исчезла во мраке глубокого прошлого. «Король тьмы, — подумал Кормак, — безымянные короли ночи, властвующие над туманными безднами, неясными тенями...»

Король пиктов протянул руку.

— Ты больше, чем король, ты настоящий мужчина. Если мы оба выживем, проси у меня что хочешь...

Кулл лишь усмехнулся, отвечая на рукопожатие.

— И у тебя, король теней, душа сродни моей. Похоже, что ты нечто большее, чем творение моего спящего мозга. Быть может, придет день, и мы встретимся наяву, в настоящей жизни.

Бран с сомнением покачал головой, вскочил в седло и тронул узду, направляя коня на восточный откос. Когда он исчез за гребнем, Кормак преодолел нерешительность и спросил:

— Скажи, странный человек, ты и в самом деле человек из мяса и костей или ты дух?

— Во сне все кажется настоящим. Пока не проснешься, — ответил Кулл. — Но этот сон самый странный из всех, когда-либо мне снившихся. Даже ты, которому суждено исчезнуть бесследно, когда я проснусь, кажешься мне таким же реальным, как Брул или Конан, Ту или Келькор.

Кормак покачал головой точно так же, как до него Бран, поднял руку в знак прощания, повернул коня и пустил его рысью.

Он остановился на вершине западного холма. Далеко на юге висело в воздухе небольшое облачко пыли. Сквозь сизый туман угадывалась голова марширующей колонны. Ему показалось, что он слышит, как гудит земля под мерным топотом сотен закованных в сталь ног. Он спрыгнул с коня, и один из младших вождей, Домнаил, подхватил скакуна под уздцы и повел вниз по склону, в заранее подготовленное укрытие, замаскированное густой растительностью. Лишь изредка мелькавшая среди листьев тень свидетельствовала о том, что в роще затаились пять сотен воинов, каждый из них держит сейчас руку на ноздрях своего скакуна на случай, если тому вздумается заржать. «Сами боги сотворили западню из этой долины», — думал Кормак. У нее было плоское, лишенное растительности дно, склоны покрывал густой вереск. Но к подножьям холмов нанесло за многие годы немало плодородной земли, регулярно смываемой со склонов дождями. Там-то и зеленели рощи, достаточно густо, чтобы

укрыть не только его конников, но и полсотни боевых колесниц.

На северном конце долины, хорошо заметные издали, стояли викинги во главе с Куллом. Их фланги прикрывали пиктские лучники, по пять десятков с каждой стороны. На западной стороне, где скрывались галлы, вдоль хребта и под самым гребнем залегли в вереске около сотни пиктов, каждый со стрелой на тетиве лука. Остальные пикты укрылись на восточной стороне — над бриттами и их колесницами. Ни они, ни галлы с противоположной стороны не могли наблюдать за тем, что происходит в долине, поэтому для связи были заранее оговорены соответствующие сигналы.

Длинная колонна легионеров уже втягивалась в долину с юга. Легковооруженные всадники, разведчики рассыпались веером, огибая пригорки. Подъехав на расстояние полета стрелы к молча стоявшим викингам, они остановились. Некоторые из них повернули коней и поскакали к колонне, остальные развернулись в цепь и направились вверх по западному склону — осмотреть местность. Это был критический момент. Если они что-то заметят, все пропало. Кормак, вжавшись как можно глубже в землю, в который раз подивился умению пиктов маскироваться. Он видел, как один из римлян проехал в трех локтях от того места, где лежал пиктский лучник, но ничего не заметил.

Разведчики добрались до гребня и остановились, оглядываясь по сторонам. Большая их часть повернула коней и поскакала вниз по склону. Кормака удивляла небрежность, с которой велась римлянами разведка. Ему не приходилось раньше сталкиваться в бою с римлянами, и он ничего не знал об их дерзости и просто невероятной хитрости. Но эти люди, особенно офицеры, были слишком самоуверенны. С той поры, когда каледонцы в последний раз сражались с легионами, прошли многие годы. К тому же большинство легионеров лишь недавно были переведены в Британию из Египта, они недооценивали здешних жителей и ни о чем не догадывались.

Трое разведчиков взобрались по восточному склону и исчезли за гребнем. Еще один, остановившийся менее чем в сотне шагов от места, где лежал Кормак, внимательно вглядывался в заросли поодаль. Тень подозрения появилась на его бледном лице с орлиным профилем. Он повернулся в седле, как бы собираясь окликнуть товарищей, но вместо этого дернул поводья и, наклонясь вперед, поехал к роще. Сердце Кормака забилось сильнее — легионер мог в любую секунду повернуть коня и поскакать назад, чтобы поднять тревогу. Он с трудом сдержал желание выскочить из укрытия и напасть на римлянина. Тот, казалось, чувствовал напряжение, пронизывающее все вокруг, и сверлившие его взгляды сотен глаз. И тут тишину прорвал звон тетивы невидимого лука — римлянин сдавленно вскрикнул, взметнул обе руки вверх и свалился с коня. Из его спины торчала длинная черная стрела. В тот же миг из вереска выскочил коренастый карлик, схватил порскающего жеребца под уздцы и повел вниз, в укрытие. К римлянину тем временем подскочил еще один невысокий сгорбленный воин, и Кормак увидел, как сверкнуло лезвие ножа, занесенное над его головой. Еще секунду спустя все вокруг успокоилось. Пикты и их жертва исчезли, и лишь колышущийся вереск намекал на то, что там что-то произошло.

Галл приподнялся и посмотрел в долину. От трех разведчиков, переваливших через восточный гребень, ни слуху ни духу. Было понятно, что они уже не вернутся. Остальные разведчики, видимо, сообщили о том, что лишь один-единственный отряд собирается удерживать ущелье, поскольку колонна даже не замедлила движения. Двенадцать сотен тяжеловооруженных воинов оказались теперь прямо под тем местом, где лежал Кормак, и земля тряслась в ритме их ровного неуклонного марша. В основном среднего роста, мускулистые, закаленные в десятках военных кампаний, прекрасно вооруженные, спаянные жесточайшей дисциплиной, они шли вперед, под их ногами и ногами таких, как они, дрожал весь мир и разваливались империи. Сияли вознесенные ввысь орлы,

равномерно покачивались гребни на шлемах, ярко блестя доспехи... В их руках было типичное оружие римских легионеров: короткие острые мечи, копья и тяжелые щиты. Не все они были италиками, в их рядах шагали романизированные бритты, а одна из центурий — целая сецина — была полностью укомплектована высокими светловолосыми норманнами и галлами, сражавшимися за Рим столь же беззаветно, как и родовитые его граждане, отличаясь большей даже, чем они, ненавистью к своим сородичам-варварам.

По сторонам колонны пехоты двигалась конница, фланги охраняли лучники и пращники. За ними медленно тащился на десятках тяжелых повозок армейский обоз. Уже издалека бросалась в глаза фигура командующего римской армией, он в походе всегда занимал одно и то же место в строю. Галл много слышал о нем раньше и знал, что зовут его Марк Суллиус.

Гортанный рев потряс воздух, когда колонна приближалась к преградившим им дорогу викингам. Судя по всему, римляне намеревались разделаться с ними с ходу, не перестраиваясь, ибо даже не снизили темпа марша. Воистину, если боги хотят кого-либо погубить, они лишают его разума. Кормак, правда, не знал этой пословицы, но, так или иначе, ему начало казаться, что великий Суллиус всего лишь глупец. Римская спесь и самоуверенность во всей их красе! Марк привык иметь дело с запутанными, униженными племенами изнеженного Востока и понятия не имел о военной тактике народов запада.

От колонны оторвался и поскакал прямо к ущелью отряд всадников. Это была не более чем попытка попутать противника: конники, грозно завывая, повернули коней за добрых три длины древка копья до неподвижно стоявших викингов, засыпав их лавиной дротиков и копий, разбившейся о плотную стену их щитов. Викинги по-прежнему молчали. Один из всадников, однако, решился на большее. Поворачивая коня, он крутнулся в седле, наклонился и ткнул копьём прямо в лицо Кулла. Огром-

ный щит короля отразил выпад, а его рука молниеносно нанесла удар. Тяжелая булава сокрушила шлем и разможила голову легионера. Даже конь легкомысленного римлянина пал на колени — столь велика была сила удара. Только теперь из уст северных разбойников вырвался короткий и дикий радостный вопль. Пикты, стоявшие на флангах, поддерживали викингов пронзительным визгом и выпустили вслед всадникам тучу стрел. Люди Вереска пролили первую вражескую кровь! Приближавшаяся колонна тоже взревела и ускорила шаг; перепуганный конь первой жертвы сражения промчался мимо нее, волоча за собой труп, зацепившийся ногой за стремя.

Первая шеренга римлян с чудовищным лязгом ударилась о неподвижную стену щитов. Ударилась и отлетела назад — стена не сдвинулась ни на дюйм. Римские легионы впервые встретились с построением, успешно противостоящим их лобовому удару — далеким потомком спартанских, фиванских и македонских боевых порядков, которому суждено было позднее превратиться в знаменитый английский квадрат.

Щиты с грохотом сталкивались, короткие римские мечи искали щели в сплошной их плотине. Копья викингов, торчавшие над стеной щитов на равном расстоянии друг от друга, жалили врага и тут же возвращались назад, роняя с наконечников ручейки крови. Тяжелые боевые топоры обрушивались сверху, рассекая сталь, плоть и кости.

Кормак видел Кулла, скалой возвышавшегося среди коренастых римлян все так же во главе викингов. Каждый его удар был подобен удару молнии. Какой-то высокий центурион, прикрывавшийся высоко поднятым щитом, взмахнул мечом и бросился на него, но наткнулся на булаву, вдребезги разбившую меч, расколовшую щит и вогнавшую шлем — вместе с головой — в плечи.

Следующая шеренга легионеров стальной змеей изогнулась у клина, пытаясь зайти с тыла. Но проход был слишком узок, а лучники — опытные и меткие. На таком

расстоянии стрелы легко пробивали щиты и доспехи, навывлет прошивая тела солдат.

Римляне отхлынули, истекая кровью, практически разбитые, а викинги, переступая через тела погибших товарищей, сомкнули ряды. Перед ними сплошным валом лежали трупы легионеров.

Кормак вскочил на ноги и взмахнул рукой. По этому сигналу Домнаил и остальные его люди вынырнули из укрытия и галопом поскакали по склону, рассыпаясь лавой вдоль хребта над ущельем. Кормак, нетерпеливо вглядываясь в противоположный склон, сел в седло подведенного ему коня. Где же Бран и его бритты?

Внизу легионеры, обозленные неожиданным отпором горстки защитников ущелья, перестроили боевой порядок. Повозки, остановившиеся было на какое-то время, тяжело покатались вперед, и колонна двинулась за ними, собираясь сломать хребет противнику всей своей массой. На этот раз атака не могла не быть успешной, удар всей армией в тысячу двести солдат раздавит людей Кулла, их просто-напросто втопчут в землю. Галлы Кормака дрожали от нетерпения, дожидаясь сигнала.

И вдруг Марк Суллиус повернулся и посмотрел на запад, где уже вырисовывалась на фоне неба длинная линия всадников. Даже со столь значительного отдаления Кормак заметил, как побледнел римский военачальник — он наконец-то понял, какую ловушку ему тут приготовили. Наверняка в этот момент в голове его беспорядочно металось: западня, этого мне не простят — опала, так и так конец.

Он видел, что отступать поздно. Слишком поздно и перестраиваться, прячась за повозками. Было только одно правильное решение, и Марк — опытный, несомненно, солдат, пусть и допустивший непростительную ошибку — немедленно его принял. Его голос, словно сигнал тревоги, перекрыл шум битвы, долетев даже до Кормака. Галл не понял слов, но понял намерения. Марк приказывал легионерам прорубить дорогу к спасению из капкана, пока он не захлопнулся окончательно.

Теперь уже и легионеры осознали опасность положения, в котором оказались. Подгоняемые отчаянием, они рванулись вперед и с невероятным ожесточением набросились на врага. Стена щитов пошатнулась, но устояла. Дико горящие глаза галлов и более спокойные италиков яростно впивались в пылавшие над сомкнутыми щитами глаза викингов. Противники сшибались, рубили мечами, кололи копьями, резали кинжалами, убивали и погибали в гуще кровавой сечи. Топоры возносились и падали, копья ломались на выщербленных мечах.

Где же, о боги, Бран и его колесницы? Еще несколько минут этой резни, и из защитников ущелья никого не останется в живых. Они уже погибали один за другим, хотя снова и снова смыкали ряды. Эти северные пираты умирали стоя, каждый на своем месте, а развевавшаяся над их золотоволосыми головами львиная грива Кулла сияла, словно знамя. Его окровавленная по рукоятку булава орошала все вокруг себя кровью, оставляя за собой трупы, в которых трудно было узнать что-либо человеческое!

В мозгу Кормака что-то щелкнуло, словно дверца открылась: «Ведь они там погибнут все до одного, пока мы будем ждать сигнала Брана!». Он закричал:

— Вперед! За мной, галлы!

В уши ударил дикий вой. Отпустив поводья, Кормак направил коня вниз по склону, и пять сотен вопящих всадников, склонившись к лошадиным шеям, устремились за ним.

В тот же миг туча стрел пала на долину с двух сторон, а ужасный вопль атакующих пиктов вонзился в небеса. С восточного хребта, подобно молнии в летнюю грозу, летели боевые колесницы, с раздутых страшным усилием конских ноздрей брызгала пена, копыта скакунов, казалось, вообще не дотрагивались до земли. В колеснице, мчавшейся впереди всех, стоял, широко расставив ноги и вцепившись в поручень, Бран Мак Морн. Его черные глаза горели неуголимой жаждой битвы. Полунагие бритты верещали и щелкали кнутами, словно одер-

жимые демонами. За колесницами неслись пикты. Они были по-волчьи и на бегу стреляли из луков, казалось, вереск волна за волной выбрасывал их отовсюду.

Столько успел заметить Кормак во время этой сумасшедшей скачки, бросая по сторонам быстрые взгляды. Между галлами и главными силами римлян цепью развернулась конница последних. Мчавшийся впереди своих людей вождь первым наткнулся на копья римских всадников. Одно из них он отбил щитом и, высоко поднявшись в стременах, ударил мечом сверху, развалив противника чуть ли не пополам. Скачущий следом легионер метнул копье и убил Домнаила, но в ту же секунду жеребец Кормака грудью налетел на лошадь врага, и тот повалился наземь, сбросив седока под копыта. В следующий момент страшный вихрь галльской атаки смел с дороги римскую кавалерию, топча и разбрасывая по сторонам ее кровавые клочья. И вот уже визжащие демоны Кормака ударили по пехоте, смешав ее боевые порядки. Сверкнули мечи и топоры, и галлы врзались в тесные ряды легионеров. Римские копья и мечи вершили кровавый пир. Окруженные со всех сторон значительно превосходящим по числу противником, галлы гибли как мухи.

Но до того, как ситуация стала критической, ударили колесницы. Они подкатили почти одновременно, но чуть ли не в самый момент столкновения возницы повернули коней, и колесницы помчались параллельно римским шеренгам, скашивая людей, как пшеницу. На кривых лезвиях у бортов колесниц легионеры погибали сотнями, а бритты дополняли опустошение, бросаясь на римские копья и яростно работая двуручными мечами. Пикты прямо из колесниц пускали стрелы в лица римлянам, некоторые, отбросив луки, прыгали на легионеров, стараясь вцепиться в горло врагу. Опьяненные запахом крови, они, подобно разъяренным тиграм, не обращали внимания на раны и умирали накануне победы, а их последний предсмертный выдох был похож на яростное рычание.

Битва длилась: правда, римляне были дезорганизованы и разбиты, их боевые порядки разрушены, почти половина

их пала, но те, что еще могли сражаться, бешено сопротивлялись. Окруженные со всех сторон, они в одиночку или сбиваясь в небольшие группы, рубили и резали ненавистных варваров. Лучники, пращники, всадники, пехотинцы — все смешалось в одну бесформенную массу. Запертые в ущелье легионеры по-прежнему наседали на викингов, преграждавших им дорогу, а за их плечами ревела главная сеча. С одной стороны буйствовали галлы Кормака, с другой неустанно косили людей колесницы. Отступать было некуда, ибо и ту дорогу, по которой римляне вошли в долину, перекрыли пикты. Они захватили повозки, вырезали маркитанток и теперь беспрерывно стреляли из луков в спины легионерам. Длинные черные стрелы с легкостью пробивали сталь, прошивая иногда несколько человек сразу. Смерть собирала кровавую дань не только среди римлян, пикты тоже десятками падали под ударами римских мечей и копий; галлы, придавленные мертвыми телами свои лошадей, превращались в кровавые ошметки под ногами сражающихся; по колесницам струями текла кровь возниц.

Тем временем не стихала битва и в узком ущелье. «Великие боги! — думал Кормак, бросая косые взгляды по сторонам между ударами. — Неужели они все еще держатся?» Они держались! Едва десятая их часть стояла еще на ногах, ежесекундно умирал один из них, но остальные упорно отбивали бешеные атаки легионеров.

Над полем брани еще возносился неслабнувший грохот сражения, а стервятники уже начали слетаться отовсюду и кружили теперь высоко в небе, нетерпеливо дожидаясь своего часа.

Кормак, пытавшийся прорубиться сквозь толпу легионеров к Марку Суллиусу, видел, как под ним убили коня. Однако седок тут же поднялся на ноги, окруженный со всех сторон врагами. Меч римлянина трижды сверкнул и трижды нанес смертельный удар. Из гущи сражавшихся вынырнул Бран Мак Мори, с головы до ног забрызганный кровью. Подскочив к римлянину, он отбросил свой сломанный меч и выхватил из-за пояса кинжал. Марк уда-

рил, но король пиктов ловко уклонился, схватил руку с мечом и ткнул кинжалом раз и второй, пронзая тело под блестящим панцирем.

Все заревели, увидев смерть вождя римлян. Кормак с трудом собрал оставшихся в живых галлов и, терзая бока скакуна шпорами, вихрем промчался сквозь разбитые боевые порядки сражавшихся еще легионеров, спеша к ущелью.

Еще издали он увидел, что опоздал. Все викинги, эти суровые морские волки, были мертвы. Они погибли там же, где дрались, даже после смерти оставаясь в строю — лицом к врагу, с поломанным окровавленным оружием в руках, все так же грозные в своем молчании. Повсюду вокруг них валялись трупы тех, кто пытался их сломить. Напрасно — они не отдали врагу ни пяди той земли, на которой стояли. Они погибли, но смерть не пощадила и их противников. Те, которым удалось избежать пиратских топоров, пали под пиктскими стрелами и галльскими мечами.

Но нет, еще и здесь далеко не все было кончено, еще продолжал гореть огонь сражения. Кормак увидел, что у западного края ущелья целая стая галлов в римских панцирях окружила одинокого воина. Черноволосый гигант, на голове которого сверкала золотом диадема, отчаянно защищался и нападал сам. Легионеры знали, что им не уйти от смерти, их товарищи погибали один за другим, но они решили, пока не наступил их черед, отомстить по крайней мере этому черноволосому предводителю северян.

Набросившись с трех сторон, они постепенно вынудили его отступить к стене ущелья и далее на склон. Весь путь отступления гиганта был усеян окровавленными трупами, каждый давался легионерам с колоссальным трудом, даже просто удерживать равновесие на крутом склоне было чрезвычайно трудно.

Кулл уже лишился и щита и булавы, его огромный меч по рукоятке был залит кровью, тонкой работы кольчуга висела ключьями. Из многочисленных ран, покрывавших

его тело, текла кровь, но глаза радостно блестели, в них отражалось наслаждение битвой, уставшая рука вновь и вновь наносила неотразимые удары.

Кормак видел, что ему не успеть: там, уже на самой вершине холма, в могучего короля, силы которого, пусть сверхчеловеческие, были все же не беспредельны, нацелился целый лес копий и мечей. Кулл разрубил надвое череп рослого легионера, возвращая меч назад, направил лезвие в горло другого. Шатаясь под лавиной ударов, он вонзил меч в грудь следующему, и тот свалился к его ногам, захлебываясь кровью. И тут, когда уже дюжина мечей взметнулась над его головой, чтобы нанести последний, смертельный удар, произошло невероятное.

Солнце тонуло в волнах Западного моря, окрашивая в алый цвет вересковые поля, как бы превращая их в море крови. На фоне солнечного диска возвышался, как и тогда, когда появился впервые, Кулл. Внезапно полотнище стущающейся мглы взметнулось вверх, и за королем раскрылось некое огромное пространство. Потрясенный Кормак за эту долю секунды успел заметить иное небо, голубые горы, мирно поблескивающие озера, золотые, пурпурные и сапфировые башни, возносящиеся над стенами чудесного города. Этот пейзаж, отразившийся в облаках и заслонивший тянущиеся до самого моря, поросшие вереском холмы, дрогнул и исчез, растаяв в воздухе словно мираж.

Галлы на вершине холма побросали оружие и теперь ошарашенно оглядывались по сторонам — их страшный противник исчез, не оставив никаких следов, кроме горы трупов их товарищей.

Кормак повернул скакуна и медленно, словно во сне, поехал назад. Копыта его коня расплескивали лужи крови, тяжелые ее капли стучали по шлемам мертвецов. Над долиной гремел радостный клич победителей. Все это казалось Кормаку чем-то чуждым, нереальным, невозможным. Среди изрубленных искалеченных тел, с трудом передвигая ноги, шел человек — галл с трудом узнал в нем Брана. Кормак соскочил с коня и преградил ему

путь. Король пиктов был безоружен, окровавлен, на его панцире зияли дыры и вмятины, один из вражеских ударов оставил глубокий след на его короне, но алый алмаз все так же звездой горел на ней.

— Я думаю, не убить ли мне тебя сейчас, — сказал галл, с трудом выговаривая слова, как обычно говорит человек, не совсем еще пришедший в себя. — Ибо кровь этих честных воинов на твоей совести. Если бы ты раньше дал сигнал к атаке, хоть кто-нибудь из них уцелел бы.

Бран скрестил на груди руки. Его глаза были усталыми и тусклыми.

— Убей, если хочешь. Я уже по горло сыт этой резней. И вообще, королевские хлопоты, как ты знаешь, далеко не мед. Королю приходится играть и обнаженными мечами, и человеческими жизнями. Ставкой здесь была судьба моего народа. Да, я пожертвовал викингами, и это вызывает во мне мучительную боль. Они были настоящими людьми! Но если бы я отдал приказ об атаке раньше, все могло бы решиться иначе. Еще не все римляне тогда втянулись в ловушку, еще хватало места и времени, чтобы они смогли перестроиться и дать нам отпор. Король обязан думать о своем народе и не может позволить, чтобы его личные чувства или симпатии влияли на его решения. Поэтому я ждал до последнего, и поэтому погибли морские разбойники... Да, мне бесконечно жаль их, но мой народ теперь спасен.

Кормак, низко опустив голову, опустил меч.

— Да. Ты настоящий король. Ты рожден, чтобы владеть над людьми, — тихо сказал он.

Взгляд Брана скользил по долине. Отовсюду несло тяжелым запахом крови. Победители грабили побежденных. Те римляне, которые бросили оружие и сдались, пытались таким образом избежать смерти, стояли в строю под охраной нескольких галлов.

— Мое королевство и мой долин спасены. Теперь пикты повалят ко мне толпами, и когда Рим снова двинет на нас легионы, ему преградит дорогу единый могучий долин. Но я бесконечно устал... А что произошло с Куллом?

— Может, я что-то не так понял, мой разум и зрение слишком заняты были сечей, — ответил Кормак, — но мне показалось, что я видел, как он исчезает, растворяется в лучах заходящего солнца. Я поищу его тело.

— Не надо, — сказал Бран. — Он вышел из солнца на рассвете и ушел в него же на закате. Явился к нам издалека, пронизав вечный туман, и вернулся — вернулся в свое королевство.

Кормак оглянулся. Уже смеркалось. За ним стоял неизвестно откуда взявшийся Гонар.

— В свое королевство, — словно эхо повторил маг. — Время ничто, и пространство — тоже ничто. Да, Кулл вернулся в свое королевство и в свое время.

— Значит, он все же был призраком?

— А разве ты не жал ему руку? Не слышал его голос, не видел его кровь, не помнишь, как он смеялся, как ел, пил? Не видел, как он сражался с врагами?

Кормак стоял, не в силах сдвинуться с места.

— Значит, человек может перенестись из одного времени в другое в своем теле и со своим оружием... значит, он был смертен, как и тогда, когда жил в своем времени? Значит, Кулл погиб?

— Он умер сто тысяч лет назад, — ответил Гонар. — В своей эпохе. И римские мечи здесь ни при чем. Разве вам не приходилось слышать легенду о путешествии короля Валузии в чудесную страну, лежащую вне времени, где ему пришлось сражаться с могучим врагом? Это сражение закончилось только что... Только что или сто тысяч лет назад...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Снег хлопьями кружился на пронизывающем ветру. У диких скал Коннахта ревело море, на берег накатывались, вздымая к серому небу длинные оловянные гребни, все новые и новые волны. В предраассветных сумерках по еле заметной тропинке, вьющейся между камней, медленно шел рыбак. Его ноги были обуты в сапоги из грубо выделанной кожи, длинная куртка из оленьей шкуры едва прикрывала тело — больше на нем ничего не было. Слово косматый зверь, он с тупым упорством шагал вперед и вперед, не обращая внимания на жгучий холод. И вдруг остановился — ему преградил дорогу вынырнувший из-за пелены тумана и снега человек. Перед рыбаком стоял Терлог Дабх.

Это был воин, от которого любой — будь то мужчина или женщина — с трудом смог бы отвести глаза. Высокий, но пропорционально сложенный, с широкой грудью и могучими плечами, он обладал силой и выносливостью буйвола, соединенной с быстротой и гибкостью пантеры. Все его движения, вплоть до наимельчайших, отличались необыкновенно точной координацией, характерной для выдающихся бойцов. Терлог Дабх — Черный Терлог, входивший когда-то в клан О'Брайенов. У него и в самом деле были черные волосы и смуглая кожа, под густыми черными бровями холодным огнем пылали синие глаза. Его гладко выбритое лицо, казалось, впитало в себя мрачную красоту здешних гор и утрюмое спокойствие ледяного океана. Как и рыбак, он был частью этой дикой северной природы.

Голову Терлога защищал простой шлем, тело от шеи до половины бедра покрывала хорошо подогнанная кольчуга, килт из грубой выгоревшей материи, который он носил под нею, доходил до колен. Башмаки на его ногах были стачаны из кожи настолько твердой, что легко выдержали бы даже прямой удар меча, не будь они столь вытерты и заношены. На широком поясе, охватывающем талию Терлога, висел кинжал в черных ножнах. В его левой руке лениво покачивался небольшой щит из твердого, как сталь, обтянутого кожей дерева с коротким острым шипом посередине. В правой руке он держал топор, и именно на него устремлен был взгляд рыбака. По сравнению с огромными топорами северных морских разбойников оружие кельта, с его рукоятью длиной в локоть и плавно выгнутым лезвием, казалось легким, почти игрушечным. Но именно такие топоры три года назад сокрушили зловещее могущество северных захватчиков — рыбак хорошо помнил это. Топор Терлога имел, однако, и свои, строго индивидуальные черты. Односторонний, с трехгранными наконечниками сверху и снизу, он был тяжелее, чем казался на первый взгляд, как, впрочем, и человек, которому он принадлежал. Словом, это было грозное оружие искушенного в военном искусстве бойца — стремительное и смертоносное, словно кобра. Его рукоять, вырезанную из корня столетнего дуба и тщательно обожженную на костре, а затем дополнительно укрепленную сталью, сломать было практически невозможно.

— Кто ты? — спросил рыбак охрипшим внезапно голосом.

— А ты кто такой, чтобы спрашивать меня об этом? — спокойно сказал воин.

Взгляд рыбака скользнул по массивному золотому браслету — единственному украшению, блестящему на левом предплечье стоявшего перед ним человека.

— Гладко выбрит и коротко стрижен на манер норманнов, — пробормотал он. — И смуглый... Похоже, ты Черный Терлог, изгнанный из клана О'Брайенов. Далеко

же ты забрел, в последнее время, говорят, ты грабил О'Рейли и Оустменов на холмах Уиглоу.

— Изгнанный-не изгнанный, есть что-то надо, — проворчал далказианин.

Рыбак пожал плечами. Быть изгоем — тяжелая участь. В системе кланов человек, лишившийся поддержки рода, был обречен — любой мог поднять на него руку. Рыбак слышал о Терлоге Дабхе — великом воине и опытным военачальнике, взрывы бешеной ярости которого, однако, наводили ужас на людей даже в эти страшные времена, когда все вокруг, казалось, пропитано было насилием.

— Так себе погода сегодня, — совершенно невпопад сказал рыбак.

Терлог мрачно смотрел на его всклокоченные волосы и спутанную бороду.

— У тебя есть лодка?

Тот кивнул головой в сторону небольшого залива. Там покачивалось на волнах надежно заякоренное, неказистое на вид сиденьшко.

— Да, на такой далеко не уплывешь, — сплюнул в снег Терлог.

— Не уплывешь? И это говоришь мне ты, рожденный и выросший здесь, на побережье? Ты же с первого взгляда должен был ее оценить. Я в одиночку плавал на ней в залив Драмклифф и обратно, когда все демоны бури старались разнести ее в щепки.

— Разве рыба ловится в такую непогоду?

— А ты думаешь, что только вы, воины, испытываете радость, когда рискуете своими шкурами? Клянусь всеми святыми, я плавал в шторм в Боллинскеллингс и обратно только для собственного удовольствия.

— Ладно, этого достаточно, — сказал Терлог. — Ты меня убедил. Я возьму эту лодку.

— Еще чего? О чем ты говоришь? Если хочешь покинуть Эрин, отправляйся в Дублин, сядешь там на один из кораблей своих друзей-датчан.

— Я убивал людей за меньшее оскорбление, — гнев-

ный взгляд превратил лицо Терлога в полную угрозы маску.

— А разве ты не путался с датчанами? Разве не поэтому твой клан вышвырнул тебя за порог, чтобы ты сдох среди вересковых полей, словно бездомный пес?

— Ложь — все ложь от начала до конца! — огрызнулся воин. — Ревность двоюродного брата и гнев отвергнутой женщины — вот причина тому, что произошло. И вообще, хватит об этом. Ты не видел здесь драккар, шедший с юга на веслах?

— Да... три дня тому назад тут проплывала ладья с драконом на носу. Викинги... К берегу они не приставали. Да и чего этим разбойникам искать у рыбаков.

— Торфель Красивый, — буркнул Терлог, и топор в его руке дрогнул. — Так я и знал.

— А что, эти негодяи ограбили кого-нибудь на юге?

— Они под покровом ночи напали на замок Килбэг и похитили Мойру, дочь Мартега, короля далказиан.

— Я слышал о ней, — сказал рыбак. — Значит, теперь на юге точат мечи. Прольется море крови, не так ли, дружище?

— Ее брат, Дармон, ранен в ногу и не может двинуться с места. Мак Марроги грозят землям ее клана с востока, О'Конноры — с севера. Клан не может снять людей с границы, речь идет о жизни и смерти всего рода. Со дня смерти великого Брана земля Эрина трясется под далказианским тронном. Тем не менее, Кормак О'Брайен пустился в погоню за похитителями, но он плывет на запад, следом за перелетными птицами, считая, что нападение — дело рук датчан из Кенигсберга. Что ж, пусть так считает, я же теперь точно знаю, что это был Торфель Красивый, хозяин острова Слэйн, викинги называют его островом Хелни. Туда он сейчас плывет, там я его и найду. Одолжи мне свою лодку, приятель.

— Ты спятил! — крикнул рыбак. — О чем ты говоришь? Плыть из Коннахта на Гебриды в открытой лодке? В такую погоду вдобавок? Нет, ты на самом деле сумасшедший...

— Я постараюсь доплыть, — ответил рассеянно Терлог. — Так ты одолжишь мне эту лодку?

— Нет.

— Я ведь могу убить тебя и забрать ее, не спрашивая разрешения.

— Можешь, — спокойно ответил рыбак.

— Ах ты, грязная свинья! — гневно крикнул изгнанник. — Принцесса Эрина в лапах рыжебородого пирата, а ты торгуешься, как сакс.

— Человеке, ведь мне тоже жить хочется! — с меньшим, казалось, возмущением воскликнул рыбак. — Ты заберешь у меня лодку, и я подожду с голода. Где я найду другую такую?

Терлог дотронулся до поблескивающего на руке браслета.

— Я тебе заплачу. Этот золотой обруч король Бран собственноручно надел мне на руку перед битвой под Клонтарфом. Возьми, ты сможешь купить за него сотню лодок. Я берег этот браслет пуще ока, но теперь...

Рыбак покачал головой. В его глазах загорелись огоньки.

— Нет. Моя хижина — не место для браслета, которого касалась рука короля Брана. Оставь его себе... и забирай лодку... во имя всех святых, если они что-то для тебя значат.

— Ты получишь ее обратно, когда я вернусь, — пообещал Терлог. — И, быть может, еще золотую цепь вдобавок — ту, что свисает сейчас с бычьей шеи какого-нибудь пирата.

День стоял серый и мрачный. Выл ветер, и неустанный монотонный шум прибоя рождал тоску в людских сердцах. Рыбак сидел на отвесной скале и с тоской в глазах смотрел вниз на маленькую хрупкую лодку. Она плыла, лавируя среди камней, и вот ее ударило всей своей мощью открытое море, подбросив на волне, словно перышко. Порыв ветра расправил парус, лодка рванулась, покачнулась, выпрямилась — и стрелой помчалась вперед. Она уменьшалась и уменьшалась, превращаясь в маленькую

точку, затем налетел снежный заряд и скрыл ее от глаз рыбака.

Терлог отдавал себе отчет в исключительной опасности того, что ему предстояло сделать. Но он рос и мужал в борьбе с опасностями. Холод и пронизывающий до костей ветер с мокрым снегом, которые многих на его месте отправили бы в мир иной, лишь быстрее гнали кровь в его жилах. Словно волк, сильный и гибкий, он удивлял своей выносливостью даже привычных ко всему викингов. Еще ребенком Терлог доказал свое право на жизнь, выбравшись невредимым из сильнейшей пурги. Его детство и отрочество прошли на побережье. Он плавал как рыба, мог насмерть загнать коня, мчась рядом с ним наперегонки. Теперь, когда интриги родичей вынудили его покинуть клан, он настолько закалился, что цивилизованный человек в это просто не смог бы поверить.

Снегопад прекратился, небо прояснилось, но ветер дул по-прежнему. Терлогу ничего не оставалось, как держаться ближе к берегу, лавируя среди рифов, о которые, казалось, вот-вот разобьется его утлое суденышко. Он неустанно работал веслом, манипулировал парусом и рулем, изредка на ходу подкрепляясь нехитрой пищей, найденной в лодке. Море, когда он подплывал к мысу Малин Хед, успокоилось, ветер утих, и только сильный бриз толкал теперь лодку вперед. Дни и ночи сливались в единое целое — Терлог плыл на восток. Лишь однажды он пристал к берегу, чтобы пополнить запас пресной воды и поспать хоть несколько часов. Сидя за рулем, он вспоминал последние слова рыбака: «Охота тебе рисковать жизнью ради клана, который назначил награду за твою голову». Он пожал плечами. Кровь — не вода. Народ, отвергший его и изгнавший, из-за этого не перестал быть его народом. И чем перед ним провинилась юная Мойра, дочь Мартега. Он хорошо ее знал — они часто играли вместе, когда он был подростком, а она — совсем еще ребенком. Он помнил ее темно-серые глаза, блестящие черные волосы, чистую кожу. Уже тогда, в детстве, она была необыкновенно красива... И вот теперь ее увозили

на север, чтобы превратить в наложницу норвежского пирата. Торфель Красивый... Терлог проклял его именем богов, не знавших знака креста. Перед его глазами всколыхнулась алая мгла, море окрасилось в багровый цвет. Ирландская девушка в лапах разбойника... Резко рванув руль, Терлог направил лодку в открытое море. В его глазах загорелось пламя безумия.

Путь, который он избрал, направляясь в Хелни, был долгим и сложным. Его конечным пунктом был маленький островок — один из целой россыпи похожих друг на друга островков, лежащих между Мулл и Гебридами. Даже современный моряк, вооруженный компасом и картами, немало потрудился бы, разыскивая ее. Терлога проблемы навигации волновали мало — он плыл, руководствуясь инстинктом и опытом. Он знал эти воды как свои пять пальцев — плавал здесь и как пират, и как мститель, и даже, однажды — как пленник, привязанный к носу драккара.

След, которым он шел, был совсем свежим. Дым пожарищ на побережье, дрейфующая по воле волн мелкая домашняя утварь, куски полуобуглившегося дерева в воде — все это свидетельствовало о том, что Торфель Красивый не гнушался грабежом рыбацких поселений по дороге. Терлог хмыкнул с мрачным удовлетворением — он догонял пиратов, хотя те гораздо раньше, чем он, вышли в море.

Он был уже где-то на половине пути к своей цели, когда увидел небольшой остров несколько в стороне от своего курса. Он знал его — остров был необитаем, но на нем можно было набрать пресной воды. Терлог направил лодку к острову. Приблизившись к берегу, он увидел две вытянутые на песок лодки: одна неказистая, грубой работы, походила на ту, в которой плыл он сам, хотя была больших размеров; вторая — длинная и узкая, несомненно принадлежала викингам. Обе лодки были пустыми. Терлог прислушался, ловя настороженным ухом звон оружия и крики сражающихся, но вокруг царил девственная тишина. «Рыбаки с шотландских островов, —

думал он. — Пиратская шайка заметила их и погналась следом. Гнались дольше, чем намеревались вначале, впрочем, эти негодяи, почуяв кровь, могут сутками преследовать жертву...»

Терлог подплыл к берегу, бросил за борт камень, служивший рыбаку якорем, и выскочил на песок, держа наготове топор. Впереди маячили несколько подозрительных на вид холмиков. Терлог в несколько прыжков преодолел расстояние, отделявшее его от них и... лицом к лицу столкнулся с тайной.

Перед ним неровным крутом лежали в лужах собственной крови пятнадцать рыжебородых датчан. Все они были мертвы. Внутри этого круга, вперемешку с телами разбойников, лежали трупы людей, принадлежавших к расе, дотоле ему неизвестной. Чужаки были невысокими, с очень смуглой кожей, их остекленевшие глаза казались иссиня-черными, бездонными, они были чернее любых других глаз, в которые приходилось смотреть Терлогу. Вооружены они были неважно: их мертвые, окостеневшие уже руки сжимали выщербленные мечи и кинжалы, тут и там в траве валялись поломанные о кольчуги викингов стрелы, и Терлог с удивлением заметил на многих из них кремневые наконечники.

— Да, тут была отчаянная драка, — пробормотал он. — Не часто такое увидишь. Что же это за люди? На здешних островах я таких не встречал. Семеро... и все? А где те, что помогли им расправиться с пиратами? Хилые на вид, оружие ненадежное, но...

Тут ему в голову пришла иная мысль. Почему эти странные люди не разбежались и не попытались поодиночке уйти от преследователей? Приглядевшись, он нашел ответ на свой вопрос: в самом центре круга из мертвых тел лежала статуя, вырубленная из какого-то черного материала. Высотой всего в пять локтей, она настолько напоминала живого человека, что Терлог изумленно выругался. Рядом со статуей лежал труп старика, иссеченный в такой степени, что в нем, казалось, не осталось ничего человеческого. Одна из окровавленных рук старца

обнимала изваяние, вторая еще сжимала кинжал, вбитый по рукоять в грудь датчанина. Терлог осмотрел страшные раны, обезобразившие его тело. «Да, — подумал он, — убить их было нелегко, они сражались до последнего». Он вглядывался в смутные мертвые лица, застывшие в утробном ожесточении, смотрел на мертвые руки, вцепившиеся в бороды врагов...

На одном из чужаков лежал труп коренастого викинга. Ран на его теле заметно не было, но когда Терлог подошел ближе, то увидел, что зубы смуглого мужчины, словно клыки хищника, впились в горло врага.

Терлог наклонился и растащил трупы, высвобождая статую. Рука старца крепко цеплялась за изваяние, и кельту пришлось напрячь все свои силы, чтобы разжать мертвые пальцы — казалось, чужак и после смерти пытается защитить свое сокровище, — а Терлог уже не сомневался, что именно за него отдали свои жизни эти невысокие смутные воины. Они могли рассыпаться по острову, спрятаться от врага поодиночке, но это значило бы для них потерять статую, и они предпочли умереть рядом с нею.

Терлог потрянул головой. Его давняя ненависть к викингам год от года крепла, становилась все более нетерпимой, горячей, почти маниакальной, она доводила его до бешенства. В его диком сердце не было места жалости — увидев лежащих у его ног мертвых датчан, он испытал жестокую радость. Но в этих невзрачных смуглых людях он ощущал некую иную страсть — чувство гораздо более глубокое, чем его ненависть. Более глубокое и уходившее корнями далеко в прошлое. Эти невысокие мужчины показались ему очень старыми — не дряхлыми, ветхими, а именно старыми, скорее даже древними, и не как сами по себе люди, а как представители расы. Даже их мертвые тела выделяли какую-то едва уловимую первобытную ауру. А статуя...

Кельт нагнулся и взялся за статую, пытаясь ее приподнять. Он приготовился к немалому усилию, но, к его удивлению, статуя оказалась почти невесомой. Терлог

постучал по изваянию костяшками пальцев, пытаясь определить материал, из которого она была сделана; отзвук был звонким, но это, несомненно, был камень, хотя такой, какого до тех пор ему видеть не приходилось. И он знал, что этого камня не сможет найти ни на Британских островах, ни где-нибудь еще в известном ему мире — как и убитые смутные люди, статуя казалась потрясающе древней. Ее поверхность была гладкой и без щербин, казалось, только вчера она была в руках скульптора, но так лишь казалось — Терлог хорошо понимал это. Статуя представляла собой изваяние мужчины, похожего на смуглых воинов, трупы которых лежали рядом, но Терлог знал, что она — верное подобие человека, умершего много лет назад, хотя неизвестный скульптор, несомненно, видел свою модель живой. И сумел вдохнуть жизнь в свое творение. Широкие грудь и плечи, могучие мышцы рук — в фигуре этого человека явственно чувствовалась физическая сила. Квадратная челюсть, прямой нос, высокий лоб указывали на отчаянную смелость, негибаемую волю, могучий интеллект. «Этот человек был, наверное, королем, — думал далказианин. — Или богом. Да, ведь у него на голове нет короны. И все, что на нем есть из одежды — набедренная повязка, изваянная с такой тщательностью, что видна каждая складка и морщинка. Несомненно, это был бог, — Терлог оглянулся. — Они бежали от датчан, но в конце концов погибли, защищая своего бога. Что же это за люди? Откуда они появились? Куда направлялись?»

Он стоял, опираясь на топор, и в его душе рождалось что-то странное. Ему казалось, что перед ним раскрываются бездонные пропасти времени и пространства. Кельт видел бесконечные людские волны, накатывающиеся и уносящиеся прочь, словно морской прибой. Жизнь была вратами, соединяющими два разных, чуждых друг другу мира. Сколько же людских рас, каждая со своими радостями и горестями, надеждой и отчаянием, любовью и ненавистью, прошло через эти врата по дороге, ведущей из мрака во тьму. Терлог вздохнул.

— Когда-то ты был королем, Черный Человек, — сказал он молчаливому собеседнику. — Или богом. Твой народ ушел, мой тоже уходит. Быть может, ты властвовал над Народом Кремня, уничтоженным копьями моих кельтских предков. Да, были у нас светлые денечки, но теперь и мы уходим. А ты, Черный Человек, кем бы ты там ни был — королем, богом или демоном, ты пойдешь со мной. Мне кажется, что ты принесешь удачу, а ведь только на нее придется положиться, если я в конце концов доберусь до Хелни.

Он старательно закрепил статую на носу лодки и вновь направился в открытое море. Небо посерело, посыпался снег — мелкие жесткие его кристаллики больно кололи лицо. Свинцовые волны вздымали ледяные глыбы, ревущий ветер соленой пеной заливал открытую лодку, но Терлог не обращал на это внимания. Лодка мчалась вперед, пронизывая снежную пелену, и далказианину казалось, что Черный Человек каким-то образом помогает ей плыть. Нет сомнения, при всей своей опытности и искушенности в морских делах он погиб бы, если бы нечто неосознанное, иррациональное не расточало над ним опеку — ему казалось, что чья-то невидимая рука вместе с ним держит руль, машет веслом, ставит парус.

Затем белая пелена застлала весь горизонт, и Терлог поплыл, повинаясь инстинкту или, скорее даже, тихому голосу, доносящемуся откуда-то из подсознания. Его не удивило то, что когда метель прекратилась и из-за туч появился серебряный серп луны, прямо перед носом его лодки показалась суша, в которой он узнал остров Хелни. Более того, он откуда-то знал, что найдет за небольшим пологим мысом бухту, в которой стоит на якоре драккар Торфеля. На берегу, в ста шагах выше, стояла его усадьба. Терлог злобно усмехнулся. Даже используй он весь навигаторский опыт всего современного ему мира, точнее попасть было невозможно — ему просто повезло... Или это было более, чем везение?

Как бы там ни было, лучшего места, чтобы незамеченным пристать к берегу, нельзя было и желать: едва

ли пять тысяч шагов отделяло его от жилища врага. Кельт взглянул на статую. В нем росла уверенность, что все это — дело ее рук, а он, Терлог, лишь оружие в чужой игре. Кем же был этот Черный Человек? Что видели эти темные глаза? Почему так беззаветно сражались за него смутные воины?

Терлог загнал лодку в небольшой узкий залив, бросил якорь и выскочил на берег. Оглянувшись в последний раз на статую, он направился вверх по склону, стараясь держаться в тени. Выбравшись наверх, он осмотрелся по сторонам. Внизу, в пяти тысячах шагах от него, и в самом деле стоял на якоре драккар. Дальше по берегу была усадьба Торфеля: длинное приземистое строение, сложенное из грубо отесанных бревен. Внутри здания горел очаг, по снегу плясали яркие отблески пламени. В неподвижном морозном воздухе далеко разносились звуки победного пиршества. Терлог стиснул зубы. Пир! Они тешатся вином, пивом и едой, со смехом вспоминая об оставленных за плечами руинах и пожарищах, убитых мужчинах и изнасилованных женщинах. Да, эти проклятые викинги были подлинными властелинами окружающего их мира — все южные страны дарили их легкой добычей, люди же, эти страны населявшие, были не более чем игрушками в их бесперемонных жадных руках. Жажда крови докучала далказианину, словно зубная боль, туманом окутывала мозг, лишала рассудка, но он усилием воли подавил ее: главное было — спасти девушку. Он внимательно, словно разрабатывая план военной кампании, осмотрелся по сторонам. Сразу же за усадьбой густо росли деревья. Между затокой и длинным домом располагались строения поменьше — это были хозяйственные помещения и дома, в которых жили слуги. На берегу пылал огромный костер, возле него пили и горланили песни воины, но их было сравнительно немного. Большинство викингов, надо полагать, пирило в главном зале длинного дома.

Терлог начал осторожно спускаться вниз по заросшему кустарником склону, стараясь не покидать границы тени,

падавшей от деревьев. Торфель, наверняка, выставил караульных, попадаться им на глаза было, по меньшей мере, неразумно. О боги, если бы с ним были сейчас, как когда-то, его воины из Клэр! Не пришлось бы красться между деревьев подобно волку! Он крепче сжал рукоять топора, представив себе эту сцену: атака, рев бегущих воинов, рекою льющаяся кровь, лязг далказианских топоров... Терлог тяжело вздохнул — он изгой и никогда больше не поведет в бой воинов своего клана.

Вдруг он метнулся в сторону, упал в снег и замер, притаившись за невысоким кустом. Следом за ним, тяжело топая и громко сопя, шли какие-то люди. Вскоре он их увидел: два плотных высоких викинга, поблескивая в лунном свете панцирями, тащили что-то, упираясь изо всех сил. Терлог напряг зрение и, к своему изумлению, узнал в их ноше Черного Человека. Он понял, что его лодка обнаружена, но беспокойство, вызванное этим фактом, тут же сменилось удивлением. Викинги были здоровяками со стальными мускулами, но они буквально шатались под этой ношей. Их руки, казалось, оттягивал невероятно тяжелый груз, а ведь Терлог на острове поднял Черного Человека, словно перышко. Он чуть не выругался вслух.

— Клади на землю, — сопя от напряжения, сказал один из викингов. — Клянусь Тором, я больше не могу. Надо отдохнуть.

Второй викинг что-то пробурчал в ответ, и они начали опускать статую вниз. И тут у того, второго, соскользнула рука и Черный Человек тяжело рухнул в снег. Первый викинг взвыл от боли.

— Ах ты, дурак безмозглый! Ты же уронил его прямо мне на ногу! Кость переломал, наверное!

— Он сам вырвался у меня из рук! Он живой, говорю тебе, он живой!

— Ну, так если он живой, то сейчас подохнет! — рявкнул первый викинг, выхватил меч и изо всех сил ударил по статуе. Посыпались искры, и лезвие меча разлетелось на кусочки. Норвежец взвизгнул от боли, когда стальная заноза вонзилась ему в щеку.

— В нем сидит злой дух! — крикнул викинг, обращаясь в сторону рукоятки меча. — Даже царапины не осталось! Ладно, бери его! Отнесем Торфелю, пусть сам с ним возится.

— Нет уж, с меня хватит! Пусть валяется тут, — проворчал его товарищ, вытирая текущую по лицу кровь. — Хлещет, как из кабана зарезанного. Пойдем, скажем Торфелю, что все лодки стоят на месте — он же за этим посылал нас на мыс.

— А что насчет лодки, в которой мы нашли этого вот? Может, в ней приплыл шотландский рыбак, которого занесло сюда непогодой? Прячется, небось, сейчас в лесу, словно крыса. Ладно, хватай его за руку. Что бы это ни было, надо показать Торфелю.

Багровея от натуги, они снова подняли статую и медленно поплелись дальше — один, хромая и шипя от боли, второй, роняя в снег кровь, обильно капавшую с его щеки.

Терлог бесшумно встал и посмотрел им вслед. По его спине пробежали мурашки. Каждый из этих двоих не уступал ему, Терлогу, по комплекции и, судя по всему, силе — но сейчас они чуть ли не волоком, сгибаясь до земли, тащили вдвоем то, что он некоторое время назад нес на руках один. Кельт ошарашенно покрутил головой и пошел следом за ними.

Подобравшись как можно ближе к усадьбе, Терлог выждал момент, когда луна скрылась за тучами, и молнией метнулся к длинному дому. Скользя спиной по бревенчатой стене, он осторожно приблизился к углу здания. Пираты явно не ожидали нападения. Да и откуда им было его ждать? Торфель жил в мире и дружбе с соседями, такими же, как и он, разбойниками, а кто еще решился бы выйти в такую непогоду в открытое море?

Тенью во мраке крался Терлог вдоль стены длинного дома. Заметив боковой вход, он остановился, но тут же отпрянул назад и плотно прижался к стене: за дверью кто-то возился с щеколдой. Секундой позже дверь резко распахнулась — и на пороге показался один из викингов. Закрывая за собой дверь, он повернулся и увидел Терлога. Викинг открыл рот, чтобы крикнуть, но в тот же миг

ладонь кельта стальной хваткой сжала ему горло и подавила рвавшийся из него крик. Обороняясь, викинг схватил далказианина одной рукой за запястье, а второй вырвал из-за пояса нож и ударил им нападающего снизу вверх в живот. Но он уже терял сознание — клинок лишь скользнул по кольчуге и упал в снег. Следом за ним мешком осел норвежец, пятерня Терлога сломала ему гортань. Кельт отпустил мертвое тело и снова повернулся к дому.

Выждав несколько секунд, он осторожно заглянул в приоткрытую дверь. В комнате, заваленной пивными бочками, никого не было. Кельт шагнул за порог и тихо затворил за собой дверь. «Надо бы спрятать где-нибудь труп, но когда этим заниматься? — мелькнуло у него в голове. — Если повезет, в этом глубоком снегу никто не найдет его до поры до времени». Он пересек комнату и оказался в следующей: это тоже был склад, но пустой. Проем в стене, завешенный меховым пологом, судя по доносившемуся из-за него пьяному гомону, вел в главный зал. Терлог подошел и заглянул за полог.

Его глазам предстало большое помещение, служившее хозяину усадьбы залом для пиршеств, залом совета и жилой комнатой одновременно. Сейчас в нем сидели, разваливаясь на сколоченных из неструтанных досок лавках, или лежали на полу золотобородые викинги. Они пили из рогов и кожаных бурдюков пиво и ели мясо, огромными кусками отрезая его с жарившейся здесь же на открытом огне туши. С дикой внешностью этих людей, с их примитивными завываниями и пьяными криками странным образом контрастировали висевшие на стенах зала предметы — образцы материальной культуры гораздо более высоко развитых цивилизаций, захваченные викингками в набегах. Здесь были великолепные ковры, вытканые нормандскими женщинами, инкрустированное драгоценностями оружие, принадлежавшее когда-то французским и испанским принцам, богатые одеяния из Византии и стран Востока — даже туда добирались драккары пиратов. Среди этих прекрасных вещей висели также охот-

ничьи трофеи в знак того, что викингам дикие звери не страшны так же, как и люди.

Современный человек с трудом смог бы понять чувства, которые Терлог Дабх О'Брайен питал по отношению к викингам. Он считал их порождением тьмы, оборотнями, гнездившимися на севере с единственной целью: грабить и угнетать мирные южные народы. Они властвовали над миром — могли брать из него все лучшее, карать или миловать его обитателей: все зависело от их мимолетных капризов. Кровь стучала в висках Терлога. Он ненавидел — как может ненавидеть кельт — их барскую невежественность и их гордыню, их силу и их презрительное отношение ко всем иным расам, их утрюпые жестокие глаза, прежде всего эти глаза, с угрозой и издевкой вззирающие на мир. Кельты тоже были жестокими, но в их жизни все же находилось место любви, дружбе, иным человеческим чувствам. Сердца викингов всего этого были лишены напрочь.

Зрелище, открывшееся глазам Терлога, подействовало на него подобно пощечине. Чтобы окончательно довести его до белого каления, не хватало только одного — но он увидел и это. Во главе стола сидел Торфель Красивый — молодой, пригожий, дерзкий, на его щеках играл хмельной румянец от пива и возбуждения. Да, он действительно был очень красив, этот юный пират. Телосложением он походил на Терлога, но на этом их сходство заканчивалось. Если кожа кельта казалась темной даже по сравнению с его смуглыми соплеменниками, Торфель мог бы похвастать исключительной белизной своего тела. Его волосы, борода и усы сияли чистым золотом, светло-серые глаза лучезарно светились. А рядом с ним... Терлог сжал кулаки так, что пробил ногтями кожу ладоней. Среди этих золотоволосых гигантов и их высоких, атлетически сложенных женщин Мойра О'Брайен казалась пришлицей из иного мира. Тоненькая, почти хрупкая, темноволосая, ее кожа тоже была белой, но с таким нежным розовым оттенком, каким не могли похвалиться даже первые здешние красавицы. Ее полные губы были белыми от страха. Терлог видел, как она задрожала,

когда Торфель нагло положил руку на ее плечи. Зал качнулся перед глазами далказианина, все вокруг заволкло багровым туманом. С огромным трудом он взял себя в руки.

— Освик, брат Торфеля, сидит справа от него, — шепнул он сам себе. — С другой стороны Тостиг; говорят, он одним ударом меча рассекает пополам вола. А там сидят Халфгар, Свен и сакс Ательстейн — единственный человек в этой волчьей стае. И... черт возьми... это еще что такое? Священник?

Действительно, среди пирующих, бледный и сосредоточенный, молча сидел священник, перебирая пальцами бусины четок. Его полный сочувствия взгляд устремлен был на стройную ирландскую девушку, съезжившуюся под тяжелой ручищей пирата. И тут Терлог увидел кое-что еще. На боковом, меньшем столе, богатое убранство которого указывало на южное происхождение, стоял Черный Человек, покалеченные викинги все-таки сумели заташить его в зал. Терлог присмотрелся к статуе и оторопел, забыв на секунду о происходившем вокруг. Неужели в статуе было всего пять локтей? Теперь она казалась гораздо более высокой. Черный Человек возвышался над пирующими, словно бог, размышляющий о каких-то глубоких и таинственных проблемах, недоступных пониманию кишевших у его ног людишек-насекомых. Как и прежде, в разуме вглядывавшегося в Черного Человека Терлога открылись врата, ведущие во внутреннее пространство, и он почувствовал ветер, дующий со звезд. Ждет... он ждет... кого же он ждет? Быть может, взгляд его каменных глаз пронзает стены домов, снежную пелену, устремляется за мыс... А оттуда, навстречу ему по темной тихой воде быстро скользят пять длинных узких лодок. Но Терлог ничего не знает ни о лодках, ни о людях, сидящих в них за веслами, — невысоких темноволосых мужчинах с очень смуглой кожей.

— Эй, друзья! — прорезался сквозь пьяный гомон голос Торфеля.

Все замолчали, глядя на него. Юный вождь встал с места.

— Сегодня ночью, — крикнул он, — я прощаюсь с холостяцкой жизнью!

Вопль одобрения, казалось, поколебал почерневший от дыма потолок комнаты. Терлог беззвучно выругался в бессильной ярости.

Торфель схватил Мойру и с неуклюжей галантностью посадил на стул.

— Разве она не годится в жены викингу? — воскликнул он. — Стыдлива, правда, чересчур, но это ведь пройдет, не так ли?

— Все ирландцы — трусливые собаки! — завопил спяну Освик.

— Клонтарф и шрамы на твоей роже тому свидетели, — сказал Ательстейн и дружески хлопнул Освика по плечу так, что тот присел. Зал взорвался бешеным хохотом.

— Ты присматривай за ней, Торфель, — крикнул сидевший поодаль юный Джуно. — У ирландских девиц копаются когти!

Торфель рассмеялся с уверенностью человека, убежденного в своем превосходстве над другими.

— Пусть только попробует, отучу быстро. Ладно, хватит. Поздно уже. Эй, ты, священник, принимайся за дело!

— Дочь моя, — неуверенно начал священник, поднимаясь с места. — Эти язычники силой привели меня сюда, чтобы я совершил христианский обряд бракосочетания в этом безбожном доме. Хочешь ли ты по доброй воле и без всякого принуждения стать женой этого человека?

— Нет! Нет! О Боже, нет! — с отчаянием крикнула Мойра. На лбу Терлога выступили капельки пота. — О Господи, спаси и сохрани меня, избавь от такой судьбы! Они похитили меня из дому, чуть не убили брата, который хотел меня защитить. Этот человек тащил меня на спине, как мешок, как лишенное души животное!

— Замолчи! — рявкнул Торфель и ударил ее в лицо — легко, но с силой, достаточной, чтобы на нежных губах девушки показалась кровь. — Клянусь Тором, ты начинаешь выводить меня из себя. Я решил жениться, и

девичьим писком меня не удержишь. Смотри, неблагодарная, я притащил священника только из-за твоих дурацких предрассудков. Мне плевать на них, и если ты не хочешь быть моей женой, станешь наложницей.

— Дочь моя, — дрожащим голосом сказал священник, боясь, скорее, за девушку, чем за себя, — подумай. Этот человек дает тебе больше, чем дали бы многие другие на его месте. Он, по крайней мере, предлагает тебе супружество.

— Это правда, — проворчал Ательстейн. — Соглашайся на брак и пользуйся этим в свое удовольствие. Поверь, немало южанок спят сейчас в супружеских ложах северян.

«Что же делать?» — лихорадочно спрашивал сам себя Терлог, и вопрос этот раздирал ему сердце. Лишь одно приходило на ум: дожидаться конца церемонии, прокрасться следом за новобрачными и похитить девушку. Потом... он даже не пытался планировать то, что сделает потом. Сделает все возможное. Он может рассчитывать лишь на себя самого. У человека без клана нет друзей даже среди таких, как он, изгнанных.

Как сообщить Мойре о том, что он рядом? Ей придется пережить всю церемонию, лишившись даже тени надежды на спасение, надежды, которая появилась бы, узнай она о том, что он здесь. Терлог машинально скользнул взглядом по стоявшему в стороне Черному Человеку. У его ног новое боролось со старым, но кельт даже в эту минуту чувствовал, что для этой статуи и старое и новое одинаково юны.

Слышали ли каменные уши статуи характерный скрежет трущихся о прибрежный песок лодочных носов? А тихий свист ножа, летящего во тьме, хрип, вырывающийся из рассеченного горла? Викинги, пирующие в зале, слышали только самих себя, а те, что сидели у костра, продолжали петь, понятия не имея о том, что на их шеях уже затягивается петля неумолимой смерти.

— Хватит! — крикнул Торфель. — Считаю свои бусы, старик, и говори то, что должен! А ты, женщина, становись рядом и внимательно слушай.

Он сдернул девушку со стула и поставил ее рядом с собой. Она вырвала руку. Ее глаза пылали, в ней бурлила горячая кельтская кровь.

— Ах ты, рыжая свинья! — воскликнула она. — Ты думаешь, что принцесса Клэр, в которой течет кровь Брайана Бора, по своей воле ляжет в постель норманна и станет рожать пирату и убийце таких же рыжих, как он сам, сыновей? Нет! Я никогда не стану твоей женой!

— Так станешь наложницей! — проревел тот, хватая ее за плечо.

— Не надейся, свинья! — крикнула Мойра, в предчувствии триумфа забыв о страхе. Она выхватила из-за пояса у викинга кинжал и, прежде чем тот успел ее удержать, вонзила его узкое лезвие себе в грудь. Священник вскрикнул, как будто это его груди коснулась сталь, подскочил к девушке и подхватил ее на руки.

— Будь ты проклят, Торфель! Именем всеведущего Бога, будь ты проклят! — закричал он. Его голос звуком рога звенел в зале, когда он нес девушку к стоявшей в углу кровати.

Торфель остолбенел. Сгустившуюся в зале тишину разорвал боевой клич клана О'Брайенов: «Лам Лэйдир Абу!» Атака разъяренного кельта напоминала падение смерча, оставляющего за собой беспорядочно разбросанные тела мертвых и умирающих людей. Переворачивались лавки, вопили женщины, из разбитых бочонков текло пиво. Напор Терлога был ужасен, он рвался к Торфелю, но дорогу к нему преградили два воина с обнаженными мечами — Халфгар и Освик. Викинг с лицом, обезображенным шрамами, пал прежде, чем успел поднять оружие. Кельт отбил щитом выпад Халфгара и молниеносно ударил снова. Острие его топора рассекло кольчугу, ребра и позвоночник викинга, и тот безжизненной грудой мяса свалился к ногам мстителя.

В зале царил суматоха. Мужчины хватались за оружие и со всех сторон неслись туда, где тихо и страшно безумствовала смерть. Терлог Дабх О'Брайен был похож в своей неумной ярости на раненого тигра. Перепрыгнув через окровавленное тело Халфгара, он бросился к Тор-

фелю, растерянно стоявшему посреди зала с обнаженным мечом в руке, но путь снова оказался прегражденным. Возносились и падали вниз мечи, среди них молнией сверкал топор далказианина. Викинги атаковали его справа и слева, в лоб и со спины. С одной стороны напирал, размахивая двуручным мечом, Освик, со второй надвигался воин с копьем. Терлог уклонился от меча Освика и одновременно нанес двойной удар направо и назад. Брат Торфеля упал с разрубленным коленом, второй викинг погиб на месте: наконечник рукояти топора пробил ему череп. Выпрямляясь, кельт ударил в лицо атакующего спереди противника. Торчащее из щита острие превратило лицо несчастного в кровавое месиво. Секундой позже далказианин, поворачиваясь, чтобы отбить нападение сзади, ощутил нависшую над ним тень смерти. Потеряв равновесие, он упал на стол, но краем глаза успел заметить занесенный для удара тяжелый длинный меч в руках Тостига. Он знал, что на этот раз его не спасет даже та сверхчеловеческая быстрота и ловкость, которые были ему свойственны. И вдруг грозно сверкнувший меч задел за стоявшую на столе статую и со звоном разлетелся на тысячу голубых осколков. Тостиг, ошеломленный, покачнувшись — он все еще сжимал в руках ставшую бесполезной рукоять меча, когда Терлог ткнул ему в лицо топором: верхний конец лезвия попал викингу в глаз и пробил мозг.

В тот же миг в зале раздался тихий свист и послышались крики боли. Коренастый викинг с высоко поднятым топором неуклюже передвигал ноги, приближаясь к Терлогу. Кельт мощным ударом снес ему пол черепа и лишь затем заметил, что из горла противника торчит стрела с кремневым наконечником. В воздухе сверкали гудящие, словно пчелы, смертоносные молнии. Терлог рискнул и скосил глаза в сторону главного входа. Через него внутрь дома вливалась орда невысоких смуглых мужчин с горящими на непроницаемых лицах глазами. Стреляя из луков во все стороны, почти наобум, они десятками валили наземь викингов длинными стрелами с черным оперением. Кровавая волна сражения прокати-

лась по залу, ломая лавки, срывая со стен украшения и охотничьи трофеи, заливая пол потоками крови. Смуглых чужаков было меньше, чем викингов, но внезапность нападения и меткие стрелы уравнивали шансы на победу. В рукопашной схватке они оказались не менее грозными, чем их могучие противники. Застигнутые врасплох, отяжелевшие после выпитого пива, лишенные возможности свободно пользоваться оружием, викинги, тем не менее, сражались с дикой удалью, характерной для их расы. Однако первобытная ярость нападавших уравнивала доблесть оборонявшихся. В глубине зала, там, где бледный, как полотно, священник заслонял собой умиравшую девушку, рубил и колол Черный Терлог, гонимый бешенством, в сравнении с которым ярость одних и доблесть других казались ничтожно мелкими.

И над всем этим горой возвышался Черный Человек. Терлогу, изредка бросавшему на него быстрые взгляды в промежутках между ударами топора, казалось, что он растет вверх и вширь, свысока обозревая поле битвы. Голова статуи касалась уже осмоленных стропил и мрачной тучей смерти нависала над кучкой жалких насекомых, возившихся в кровавой грязи у ее ног. Всецело поглощенный битвой, Терлог все же осознавал, что война — жизненная стихия этого существа, кем бы он там ни был. Это он возбуждал в противниках неистовую ярость и свирепую жестокость. Острый запах свежeproлитой крови щекотал ему ноздри, а падавшие наземь светловолосые викинги были жертвами, принесенными на его алтарь.

Буря сражения сотрясала дом. Битва превратилась в бойню: люди скользили по залитому кровью полу, падали и умирали. С плеч слетали головы с оскаленными зубами, крьючья копий выдирали из грудных клеток бьющиеся еще сердца, мозги выплескивались фонтанами, пакчак лезвия топоров и мечей, кинжалы вспарывали животы, вываливая на пол дымящиеся внутренности, лягз стали терзал слух. Никто не просил пощады, и никто ее никому не давал. Один из викингов, раненный в грудь, обрушился на противника, повалил его и задушил, не обращая вни-

мания на нож, раз за разом вонзавшийся в его тело. Мужчины, женщины и дети дрались до последнего вздоха. Не плач, не мольба о пощаде — хрип бессильной ярости или визг неутоленной ненависти были последними звуками, вырывавшимися из их уст.

Багровые волны смерти одна за другой накатывали на стол, на котором нерушимо, словно утес, возвышался Черный Человек. У его ног умирали викинги и смутные воины — куда же, в какие бездны ужаса погружался его загадочный взгляд?

Торфель и Свен дрались плечом к плечу. Сакс Ательстейн сражался, опершись спиной о стену, каждый удар его огромного топора валил наземь очередного смуглого противника. Подскочивший к нему Терлог плавным движением уклонился от свистнувшего в воздухе лезвия и послал удар своего быстрого, словно кобра, далказианского топора прежде, чем сакс успел снова поднять свое тяжелое оружие. Ательстейн пошатнулся — острие топора Терлога рассекло панцирь и скользнуло по ребрам. Получив второй удар, он рухнул наземь, с его виска струей потекла кровь.

Теперь только Свен преграждал Терлогу путь к Торфелю. Кельт пантерой метнулся к обороняющимся бойцам, но его опередили. Вождь чужаков поднырнул под меч Свена и ударом снизу вверх вбил лезвие своего меча в его живот. Терлог и Торфель наконец оказались лицом к лицу друг с другом. Вождя викингов не был трусом, ему доставляла наслаждение кровавая сеча. Весело рассмеявшись, он нанес первый удар. Лицо кельта застыло в гримасе яростной злобы, она перекосила его губы, превратила глаза в две синие молнии.

При первом же ударе меч Торфеля, напорвшись на топор кельта, разлетелся в куски. Викинг тигриным прыжком преодолел расстояние, отделявшее его от кельта, и взмахнул рукой, пытаясь обломком оружия поразить противника в лицо. Тот дико захохотал, когда почувствовал, что острый клинок вспарывает ему щеку, и нанес удар слева. Викинг рухнул наземь, затем тяжело под-

нялся на колени, на ощупь отыскивая за поясом кинжал. Его глаза заволоклись мглой.

— Кончай! И будь ты проклят! — прохрипел он.

— Куда же делась твоя гордыня, и где осталось твое мужество? — спросил далказианин. — Ты, который силой хотел овладеть ирландской принцессой... ты...

Ненависть вспыхнула в нем с прежней силой. Он взревел, словно раненый ягуар, острие его топора описало широкую дугу и вонзилось в плечо Торфеля, рассекая его тело на две части. Вторым ударом Терлог отрубил викингу голову. С этим ужасным трофеем в руке кельт подошел к кровати, на которой покоилась Мойра О'Брайен. Священник осторожно поднял ей голову и поднес чашу с вином к бескровным устам. Ее затуманившиеся серые глаза безучастно смотрели на Терлога. Вдруг далказианину показалось, что Мойра узнала его и попыталась улыбнуться.

— Мойра, улада моего сердца, — сказал он скорбно, — ты умираешь в чужом краю. Птицы с холмов Куллейна будут плакать по тебе, вереск напрасно будет ждать прикосновения твоих нежных ступней. Но ты не будешь забыта. За тебя прольется кровь под топорами, за тебя пойдут на дно корабли и кострами вспыхнут огромные города за толстыми стенами. А чтобы твой дух не уходил неуспокоенным, я дарю тебе это в залог будущей мести, — и Терлог протянул к ней руку с окровавленной головой викинга.

— Во имя Господа, сын мой! — охрипшим от ужаса голосом сказал священник. — Ты вершишь свои страшные дела перед ликом... Посмотри, она уже не дышит. Смилуйся, Господи, над ее душой, ведь она, хоть и посягнула на свою жизнь, ушла, как и жила, чистой и невинной.

Терлог склонил голову и оперся углом лезвия топора на пол. Пламя бешенства, бушевавшее в нем, угасло, оставив глубокую печаль и ощущение ненужности всего происходящего. В зале воцарилась тишина. Не слышно было стонов раненых — ножи смутных воинов поработали на славу, те же из чужаков, что получили ранения, по-прежнему упорно молчали. Оглянувшись, далказианин

увидел, что все они, оставшиеся в живых, столпились у ног Черного Человека и замерли, вглядываясь в него немигающими глазами.

Священник читал молитву над мертвым телом девушки. Заднюю стену дома лизал огонь, но никто не обращал на это внимания. Вдруг из груди трупов поднялась, неуверенно пошатываясь, гигантская фигура Ательстейна, избежавшего каким-то чудом ножа чужаков. Он привалился к стене и ошарашенно огляделся по сторонам. Из ран на его груди и виске, там, где ирландский топор скользнул по черепу, текла кровь.

Терлог подошел к нему.

— Во мне нет ненависти к тебе, сакс, — тихо сказал он. — Но кровь требует мести. Ты умрешь, Ательстейн.

Сакс молча смотрел на него. Его большие серые глаза были серьезными, но страха в них не было. Он тоже был варваром, язычником, в гораздо большей степени, чем христианином, и знал неумолимые законы кровной мести. Терлог замахнулся топором, но священник бросился к нему, воздевая худые руки.

— Прекрати! Во имя Господа нашего, я запрещаю тебе делать это! О Боже, неужели мало крови уже пролилось в эту страшную ночь! Оставь его, или ты будешь проклят веки, его жизнь теперь в руках всемогущейшего Бога.

Терлог опустил топор.

— Он твой. Не потому, что я испугался твоих заклинаний и не ради твоего Бога, а из-за того, что ты вел себя, как должно, и сделал все, что мог, для Мойры.

Он повернулся, почувствовав, что кто-то дотронулся до его плеча. Вождь чужаков смотрел на него своими широко раскрытыми немигающими глазами.

— Кто ты? — спросил равнодушно кельт. Ответ мало его интересовал, он чувствовал только безмерную усталость.

— Я Бругар, вождь пиктов, о друг Черного Человека.

— Почему ты так меня называешь?

— Он плыл на носу твоей лодки и вел тебя сквозь дождь и снег. Он спас тебе жизнь, сломав меч викинга.

Терлог посмотрел на статую. Только ли случайностью объясняется то, что произошло с мечом Тостига?

— Кто же он такой? — спросил кельт.

— Он — единственное божество, которое у нас осталось, — с печалью в голосе сказал Бругар. — Это статуя нашего великого короля Брана Мак Морна. Много лет назад он объединил разрозненные племена пиктов в могучий народ, преградивший путь римским легионам. С тех пор прошли века. Еще при жизни великого Брана его первый советник, могущественный маг Гонар изваял эту статую. Когда король погиб, его дух вселился в нее. Сейчас Черный Человек — наш Бог. Да, мы владели когда-то этой землей: до того, как на ней появились кельты, бритты и римляне, все эти острова были нашими. Мы обрабатывали землю орудиями из камня, одевались в шкуры диких зверей, но были счастливы. Затем пришли кельты и оттеснили нас на север. Но мы еще были сильны. Рим сломал сопротивление бриттов и обрушился на нас. Вот тогда-то и появился среди нас Бран Мак Морт — потомок Брула Пикинера, соратника и друга Кулла, властвовавшего над Валузией за много тысяч лет до того, как Атлантида погрузилась в кипящие воды океана. Бран стал королем Каледонии. Он наголову разбил железные легионы Рима, и им пришлось искать спасения за Стеной. Но Бран пал в жестоком сражении, и это погубило наш народ. Его единство было подточено межплеменной рознью, и когда шотландец Кеннет Мак Альпин разгромил королевство Гэллоуэй, остатки пиктской империи растаяли, как снег на склонах гор. Теперь мы живем, словно волки, на заброшенных островках, прячемся в горах и среди туманных холмов. Наш народ гибнет. Мы уходим. Но Черный Человек жив — дух великого короля Брана Мак Морна вечно будет жить в этой статуе.

Терлог безразлично, словно во сне, смотрел за тем, как пикт, очень похожий на того, в мертвых объятиях которого он впервые увидел Черного Человека, осторожно снимал статую со стола. Руки старца походили на сухие ветки дерева, сухая, словно у мумии, кожа плотно обтягивала череп, ноги тряслись, но он легко поднял изваяние.

Терлог вспомнил, с каким трудом тащили статую здоровяки-викинги.

— Только друг может без вреда для себя прикоснуться к Черному Человеку, — тихо сказал Брогар, словно читая в мыслях кельта. — Мы знали, что ты наш друг, потому что Он плыл в твоей лодке и ничего плохого тебе не сделал.

— А вы откуда об этом знаете?

— Этот старец, — показал Брогар на седобородого пикта, — верховный жрец Черного Человека. Дух Брана Мак Морна посещает его во сне. Младший жрец и его люди украли статую и отправились в лодке в открытое море. Верховный жрец легко отыскал их. Более того, его душа, покинув погруженное в сон тело, соединилась с душой великого Мак Морна, и он увидел гнавшихся за лодкой викингов, стычку и резню на Острове Мечей. Он увидел и тебя, когда ты нашел Черного Человека, и понял, что король рад встрече с тобой. Да сгинут враги Мак Морна! Но друзьям его пусть сопутствует удача во всем.

Терлог почувствовал на лице тепло от разгоревшегося пламени. Мерцающие отблески пробегали по телу покачивающегося в руках жрецов Черного Человека, казалось, что оно оживает. Неужели и в самом деле этот холодный камень несет в себе душу давно умершего человека? Бран Мак Мори беззаветно любил свой народ и люто ненавидел его врагов. Можно ли такую любовь и такую ненависть вдохнуть в камень, чтобы она пережила века?

Терлог взял на руки хрупкое тело девушки и вынес его из охваченного пламенем дома. В заливе стояли на якоре пять длинных открытых лодок. Среди догорающих головешек костра лежали окровавленные трупы викингов.

— Как вы сумели подкрасться к ним незамеченными? — спросил Терлог. — И откуда приплыли в таких лодках?

— Для того, кто живет украдкой, это несложно, — ответил пикт. — К тому же они были пьяны. Мы приплыли за Черным Человеком с Острова Алтаря — он

лежит там, у берегов Шотландии. Это оттуда Грок выкрал статую.

Терлог не знал острова с таким названием, но с уважением подумал об отваге людей, которые в таких утлых лодчонках осмелились выйти в открытое море. Он вспомнил о своей лодке и попросил Брогара послать за ней своих людей. Ожидая, пока они ее пригонят, он наблюдал за священником, перевязывавшим раненых пиктов. Те стоически принимали его помощь, не отзываясь ни стоном, ни жестом. Рыбацкая лодка, гонимая ветром, показалась из-за мыса точно в тот момент, когда первые лучи утренней зари упали на воду. Пикты рассаживались по своим лодкам, убитых и раненых они забирали с собой. Терлог шагнул в свою лодку и осторожно положил в нее свою печальную ношу.

— Пусть успокоится в своей земле, — сказал он хмуро. — Не хочу оставлять ее на этом чужом холодном острове. А ты, Брогар, куда отправишься?

— Мы отвезем Черного Человека на его остров, к его алтарю, — ответил пикт. — Он благодарит тебя нашими устами. Теперь нас связывают узы крови, и мы, быть может, снова придем тебе на помощь, если потребуется, как и Бран Мак Мори, великий король пиктов, придет к своему народу, когда настанет день.

— А ты, святой отец, ты поплывешь со мной?

Священник покачал головой и показал на Ательстейна. Раненый сакс лежал на разостланных на снегу шкурах.

— Я останусь здесь, чтобы приглядывать за ним.

Терлог осмотрелся по сторонам. Стены длинного дома рухнули, превратившись в кучу пылающих бревен. Люди Брогара подожгли также склады и драккар. Дым пожара застилал небо.

— Ты замерзнешь здесь или умрешь с голоду. Плыви лучше со мной.

— Я сумею добыть пропитание для нас обоих. Не тревожься обо мне, сын мой.

— Он язычник и пират.

— Это неважно. Он — человек, творение Бога. Я не могу бросить его здесь на верную смерть.

— Что ж, пусть будет по-твоему.

Терлог стал готовиться к отплытию. Лодки пиктов уже огибали мыс, и он отчетливо слышал скрип их уключин. Пикты не оглядывались, сосредоточенно работая веслами. Далказианин посмотрел на коченеющие трупы, лежащие на берегу, на груду головешек, возвышавшуюся на том месте, где была усадьба, на тлеющие останки драккара. В утреннем свете бледный и худой священник казался существом не от мира сего, святым, как их рисуют в манускриптах. На его изрезанном морщинами лице отражалась печаль, выражавшая нечто большее, чем просто человеческое чувство.

— Смотри! — крикнул он вдруг, показывая на море. — Океан как будто весь в крови. Видишь, она плывет под солнце. О воин, кровь, пролитая тобой в гневе, даже океан окрасила в багряный цвет. Сможешь ли ты пройти через это?

— Я приплыл сюда сквозь снег и дождь, — недоуменно сказал Терлог. — Как добрался сюда, так доберусь и обратно.

Священник покачал головой.

— Не об этом речь. Твои руки по локоть в крови, ты бредешь по колено в алой кровавой воде, но твоя ли вина в этом? О Господи, когда же кончится это кровопролитие?

Легкий бриз шевельнул парусом лодки. Терлог Дабх О'Брайен плыл на запад, словно призрак, преследуемый восходящим солнцем. Священник смотрел ему вслед, приложив руку ко лбу, до тех пор, пока лодка не превратилась в маленькую точку на голубом полотне океана.

THOR'S SON

I followed Asgrimm Snorri's son around the world and half-way back,
And 'scaped the hate of Galdjerhrun who sank our ship off Skagerack.
I lent my sword to Hrothgar then; his eyes were ice, his heart was
hard;

He fell with half his weapon-men to our own kin at Mikligard.

And then for many a weary moon I labored at the galley's oar
Where men grow maddened by the rune of row-locks clacking ever
more.

But I survived the reeking rack, the toil, the whips that burned and
gashed,
The spiteful Greeks that scarred my back and trembled even while
they lashed.

They sold me on the Eastern block; in silver coins their price was
paid;

They girt me with a chain and lock, I laughed and they were sore
afraid.

I toiled among the olive trees until a night of hot desire
Blew me a breath of outer seas and filled my veins with curious fire.

Then I arose and broke my chain and laughed to know that I was
free,

And battered out my master's brain and fled and gained the open sea.
Beneath a copper sun adrift, I shunned the proa and the dhow,
Until I saw a sail uplift, and saw and knew the dragon prow.

Oh, East of sands and sunlit gulf, your blood is thin, your gods are
few;

You could not break the Northern wolf and now the wolf has turned
on you.

The fires that light the coasts of Spain fling shadows on the
Eastern strand.

Master, your slave has come again with torch and axe in his right
hand!

СЫН ТОРА

В обратный путь из дальних стран вел Снорри-младший нас,
но вдрут

У Скагеррака Гальдерран пустил ко дну наш длинный струг.
Хротгар не бросил нас одних; он был силен как леопард,
Но с частью родичей моих он пал, штурмуя Миклогард.

Судьба от плена не спасла, и много лун с тех самых пор
Кандальный звон и скрип весла вели с рассудком тяжкий спор.
Но притупилась боль тоски и вонь баланды на обед,
И злобных греков батоги не сокрушили мой хребет.

Потом — невольничий базар, но отступались торгаши:
Здесь раб, смеющийся в глаза, всегда ценился за гроши.
Но все же вызвался храбрец, и отзвенело серебро;
Меня в сады свои купец погнал тычками под ребро.

Там душу рвал тягучий стон, в аду под кронами олив,
А по ночам тревожил сон дыханьем ласковым залив.
В бреду горяла голова; я встал, безудержен и слеп,
И, как гнилая тетива, разорвалась литая цепь.

Я хохотал, когда крушил хозяйский череп кулаком,
Когда в морской соленый ил с горы катился кувыркком...
Скорлупки даю мимо шли, и проа к югу ветер нес,
Но вдрут в синеющей дали вспорол волну драконий нос.

Восток! Ни цепью, ни кнутом ты волка усмирить не смог,
И волк ведет всю стаю в дом, и вновь поет военный рог.
Все ближе радужный Восток, где кровь светла, где плоть слаба,
Все выше факел и клинок в руках восставшего раба.

Перевод Г. Корчагина

RECOMPENCE

I have not heard lutes beckon me, nor the brazen bugles call,
But once in the dim of a haunted lea I heard the silence fall.
I have not heard the regal drum, nor seen the flags unfurled,
But I have watched the dragons come, fire-eyed, across the world.

I have not seen the horsemen fall before the hurtling host,
But I have paced a silent hall where each step waked a ghost.
I have not kissed the tiger-feet of a strange-eyed golden god,
But I have walked a city's street where no man else had trod.

I have not raised the canopies that shelter revelling kings,
But I have fled from crimson eyes and black unearthly wings.
I have not knelt outside the door to kiss a pallid queen,
But I have seen a ghostly shore that no man else has seen.

I have not seen the standards sweep from keep and castle wall,
But I have seen a woman leap from a dragon's crimson stall,
And I have heard strange surges boom that no man heard before,
And seen a strange black city loom on a mystic night-black shore.

And I have felt the sudden blow of a nameless wind's cold breath,
And watched the grisly pilgrims go that walk the roads of Death,
And I have seen black valleys gape, abysses in the gloom,
And I have fought the deathless Ape that guards the Doors of Doom.

I have not seen the face of Pan, nor mocked the Dryad's haste,
But I have trailed a dark-eyed Man across a windy waste.
I have not died as men may die, nor sin as men have sinned,
But I have reached a misty sky upon a granite wind.

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ

Мне не был слышен зов рожка и лютни нежный звук,
Зато я помню тишину, сошедшую на луг;
Мне не был виден стройный ряд развернутых знамен,
Зато я помню, как на мир шел огненный дракон.

Я не видал, как седоков крушил жестокий враг,
Но в залах призраков чужих будил мой гулкий шаг;
Златого бога не лобзал тигриную пату,
Зато безлюдных городов я видел красоту.

Я дверь к царям на шумный пир ни разу не открыл,
Но смог уйти от неземных когтей и темных крыл;
Пред королевою колен не преклонил, зато
Туманный берег посетил, где не бывал никто.

Я бегство жертвы с алтаря увидел, а вдогон
За юной девою спешил разгневанный дракон;
Я видел крепость у воды, штандарты на стене,
И волны свой тоскливый гул дарили только мне.

И ветра жгучего, как лед, запомнил я порыв,
И темной пропасти в ночи зияющий обрыв,
И путников, бредущих в ад, покорных, как рабы,
И с Пращуром бессмертным бой у самых Врат Судьбы.

Я смехом злым не провожал испуганных дриад,
И темноглазый поводырь со мной спустился в ад.
Но смерть откинула меня, не впавшего во грех,
И по Великому Пути прошел я дальше всех.

Перевод Г. Корчагина

CIMMERIA

I remember
The dark woods, masking slopes of sombre hills;
The grey clouds' leaden everlasting arch;
The dusky steams that flowed without a sound,
And the lone winds that whispered down the passes.

Vista upon vista marching, hills on hills,
Slope beyond slope, each dark with sullen trees,
Our gaunt land lay. So when a man climbed up
A rugged peak and gazed, his shaded eye
Saw but the endless vista—hill on hill,
Slope beyond slope, each hooded like its brethers.

It was gloomy land that seemed to hold
All winds and clouds and dreams that shun the sun,
With bare boughs rattling in the lonesome winds,
And the dark woodlands brooding over all,
Not even lightened by the rare dim sun
Which made squat shadows out of men; they called it
Cimmeria, land of Darkness and deep Night.

It was so long ago and far away
I have forgotten the very name men called me.
The axe and flint-tipped spear are like a dream,
And hunts and wars are like shadows. I recall
Only the stillness of that sombre land;
The clouds that piled forever on the hills,
The dimness of the everlasting woods.
Cimmeria, land of Darkness and the Night.

КИММЕРИЯ

Я помню
Под темными лесами склоны гор,
Извечный купол серо-сизых туч,
Печальных вод бесшумное паденье
И шорох ветра в трещинах теснин.

За лесом — лес, и за горой — гора;
За склоном — склон... Один и тот же вид:
Суровая земля. Сумев подняться
На острый пик, откроешь пред собой
Один и тот же вид: за склоном — склон,
За лесом — лес, как вылитые братья.

Унылая страна. Казалось, всем:
Ветрам и снам, и тучам, что таились
От света солнца — всем дала приют
В глухих чащобах, голыми ветвями
Стучавшим на ветру, и было имя
Земле, не знавшей ни теней, ни света —
Киммерия, Страна Глубокой Ночи.

С тех пор прошел такой огромный срок —
Забыл я даже собственное имя.
Топор, копье кремневое — как сон,
Охоты, войны, тени... Вспоминаю
Лишь бесконечных зарослей покров
Да тучи, что засели на вершинах
На долгий век, да призрачный покой
Киммерии, Страны Глубокой Ночи.

Перевод Г. Корчагина

ОТЕЦ КОНАНА

Будущий создатель Конана, Роберт Эрвин Говард, родился 22 января 1906 года в Пистере, небольшом техасском городке, в сорока пяти милях от Форт-Уорта. Его отец, обычный врач, исколесил с семьей весь штат вдоль и поперек, пока наконец в 1919 году не осел в Кросс-Плейнсе, в центральном Техасе.

Еще будучи студентом, Роберт посылал свои рассказы в местные журналы. В письме одному из приятелей, написанному где-то в 1929 году, Говард перечисляет их все в хронологическом порядке. И первым из рассказов идет «Билл Смолли и сила человеческого глаза», который был в 1921 году отвергнут журналами «Вестерн стори» и «Адвенчур». Первой удачей начинающего автора можно считать «Коты и клык», короткую новеллу о кроманьонце и неандертальце, купленную в 1924 году журналом «Вейрд тэйлз» за 18 долларов.

Окончив университет, Роберт меняет одно место работы за другим, поскольку писательское ремесло приносит весьма скудный доход. Ему довелось побывать клерком в адвокатской конторе, помощником геолога, стенографистом, журналистом на нефтяных промыслах и даже аптекарем. Осенью 1926 года, вконец разуверившись в своем призвании как писателя, он поступает на бухгалтерские курсы в колледж Ховард Пэйн, в Браунвуде.

Однако, спустя некоторое время, Говард уже писал юмористические заметки для «Желтого пиджака», местной студенческой газеты, и рассылал свои рассказы в различные издания. И вновь в редакции «Вейрд тэйлз» его ждал скромный успех. Что же касается творений, не принятых к печати, то рукописи их не сохранились, и нам остается лишь догадываться, что лежало за столь красочными названиями как «Долина золотой паутины», «Солнечное убежище», «Алая черта», «Гнездо стервятника», «Виндиго! Виндиго!» и прочими.

Соломон Кейн, этот суровый пуританин, искусный воин и защитник угнетенных, появился на свет в 1928 году и стал первым из серийных героев писателя, чьи приключения продолжались из рассказа в рассказ. На следующий год за ним последовал Кулл, дикарь-атлант, захвативший трон легендарной Валузии во времена до Великой Катастрофы, то есть до затопления Атлантиды. Впрочем, большинство рассказов о Кулле не нашли покупателя, пока не были собраны в единую книгу в 1967 году.

К 1930 году Говард стал регулярно публиковаться в «Вейрд тэйлз», а затем и в журнале «Флайт сториэ», напечатавшем ряд его рассказов о моряке-весельчаке Стиве Костигане. Позднее в том же году несколько его исторических новелл увидели свет в «Ориентал сториэ», недолго просуществовавшем приложении к «Вейрд тэйлз».

Великая Депрессия, как и следовало ожидать, пагубно сказалась на издательском бизнесе. На некоторое время журнал «Вейрд тэйлз» стал выходить один раз в два месяца, а не раз в месяц, как раньше, и даже когда прежний график был восстановлен, редакция частенько задерживала авторам гонорары. «Ориентал сториэ» выходил теперь ежеквартально, а не раз в два месяца. А «Флайт сториэ» и вовсе прекратил существование в апреле 1932 года, и вновь появился на полках лишь летом 1936 года.

Поневоле Говард вынужден был искать новые области приложения своих талантов. Он попробовал писать детективы, но без особого успеха, и сам признавал в дальнейшем, что этот жанр ему не подходит. Однако, после нескольких неудач, писателю удалось пристроить ряд рассказов, написанных в жанре вестерна, главным героем которых был Брекинридж Элкинс. Эти рассказы печатались в каждом выпуске журнала «Экшен сториэ» с начала 1934-го вплоть до самой смерти Говарда в 1936 году, и имели большой успех.

В 1932 году, в ноябрьском номере «Вейрд тэйлз» увидел свет еще один популярный герой, Бран Мак Морн, вождь пиктов, за борьбой которого с римскими легионами в Британии с интересом следили читатели.

Но уже в следующем выпуске появился герой, которому вскоре суждено было затмить всех прочих персонажей, созданных Говардом, и сделаться наиболее популярным и любимым из его творений: Конан-киммериец. Первый рассказ «Феникс на мече», на самом деле, был создан писателем на основе прежней, отвергнутой издательством новеллы о Кулле «И этим мечом я правлю!»

Мир Конана и его приключения, без сомнения, хорошо знакомы читателям: бывший искатель приключений, вор, пират и наемник, этот варвар сумел взойти на трон Аквилонии. Время действия — мифическая хайборийская эра, длившаяся около 12 тысяч лет, от затопления Атлантиды до начала современной эпохи.

На протяжении последующих четырех лет в «Вейрд тэйлз» появилось семнадцать повестей о Конане, причем некоторые были настолько длинными, что печатались по частям. Если бы не внезапно возникшие проблемы с английским издательством «Поуплинг энд Несс», первая отдельная книга Говарда «Час дракона» вышла бы в свет в 1934 году. (Позже, разделенный на пять частей, этот роман появился все в том же «Вейрд тэйлз» и с тех пор публиковался в виде книги под названием «Конан завоеватель».)

Публикации в журналах начали приносить Говарду регулярный и довольно значительный доход, начиная с 1936 года. Его рассказы печатались в «Вейрд тэйлз» и «Экшен сториэ». Приключенческие сериалы, главными героями которых были Керби О'Доннелл и Френси

Гордон (Эль Борак), вышли в свет в издательстве «Стрит энд Смит». В «Спайси адвенчур stories» Говард опубликовал еще ряд новелл под псевдонимом.

Однако, судя по письмам Роберта к друзьям, его все больше беспокоило состояние здоровья матери. В 1935 году миссис Говард перенесла тяжелую операцию в госпитале «Кингс Дотер», в городе Темпле, штат Техас. Самочувствие ее так и не пришло в норму, и ей требовался постоянный медицинский уход.

Утром 11 июня 1936 года медсестра, ухаживавшая за ней, дала отрицательный ответ на вопрос Роберта, выйдет ли его мать из комы, в которую впала незадолго до этого. Услышав это, он вернулся в машину, остановился у обочины дороги рядом с домом, в пригороде Кросс-плейнс, вошел в дом и выстрелил в себя из пистолета.

Он умер восемь часов спустя. Миссис Говард скончалась тридцатью часами позже.

Двойные похороны состоялись на кладбище «Гринлиф мемориал» в Браунвуде.

Гленн Лорд

Содержание

ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ

К. Стайн. Дочь кузнеца	9
Л. Спрэг де Камп, Л. Картер. Благородный узник	58
Б. Ниберг. Звезда Хораллы	92
Л. Спрэг де Камп, Л. Картер. Остров Черных Демонов	126
Л. Спрэг де Камп, Л. Картер. Воля богини Небетет	161
Л. Спрэг де Камп, Л. Картер. Крылатая тварь	184
Л. Спрэг де Камп, Л. Картер. Проза над Чохирой	210

ПИКТЫ, НАРОД ТЕНИ

Р. Говард

Долина Червя	254
Королевство Теней	278
Народ Тени	310
Черви Земли	330
Короли Ночи	364
Черный Человек	404

СЫН ТОРА

Р. Говард

Thor's son	434
Сын Тора	435
Recompense	436
Вознаграждение	437
Cimmeria	438
Киммерия	439

Г. Лорд. Отец Конана	440
----------------------------	-----

Литературно-художественное издание

Роберт Говард
Леон Спрэг де Камп
Лин Картер
Кристина Стайл

КОНАН, ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ

Руководитель проекта: *Дмитрий Ивахнов*
Редактор: *Михаил Нахмансон*
Художник: *Алексей Федоренко*
Технический редактор: *Сергей Арефьев*
Корректор: *Нина Натарова*

Издательство «Троль».
410027, г.Саратов, ул.Одесская, 9

Лицензия № 010945 от 05.03.93 г.
Сдано в набор 10.09.96. Подписано в печать 15.09.96.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Школьная».
Тираж 36 000 экз.
Заказ № 169.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД»

продолжает конкурс
на лучший роман
в жанре

«ФЭНТЕЗИ»

И

«НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА»

С победителями будет заключен долгосрочный
контракт и выплачена премия:

ПЕРВОЕ МЕСТО — 2000 \$
ВТОРОЕ МЕСТО — 1000 \$
ТРЕТЬЕ МЕСТО — 500 \$

Минимальный объем рукописей
18 авторских листов.

Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

Присылайте работы по адресу:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171
или электронной почтой:
sevzap @ infopro. spb. su

издательство
«Северо-Запад»

продолжает серию

SCIENCE FICTION

Читайте в ноябре-декабре:

Джек Вэнс

«Сага о Властителях Зла»

Ларри Нивен

«Дымовое кольцо»

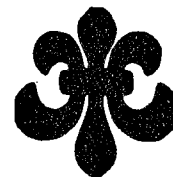
Филип Дик

«Лабиринт смерти»

издательство
«Северо-Запад»

продолжает серию

Fantasy

Скоро!

Катарина Керр

девятитомный сериал

«Дэнверри»

Мерседес Лэки

трилогия

«Стрелы Валдемара»

Джон Мэддокс Робертс

пятитомная сага

«Земли бурь»

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

**Присылайте ваши предложения
и отзывы о серии**

„САГА О КОНАНЕ„

ПО АДРЕСУ:

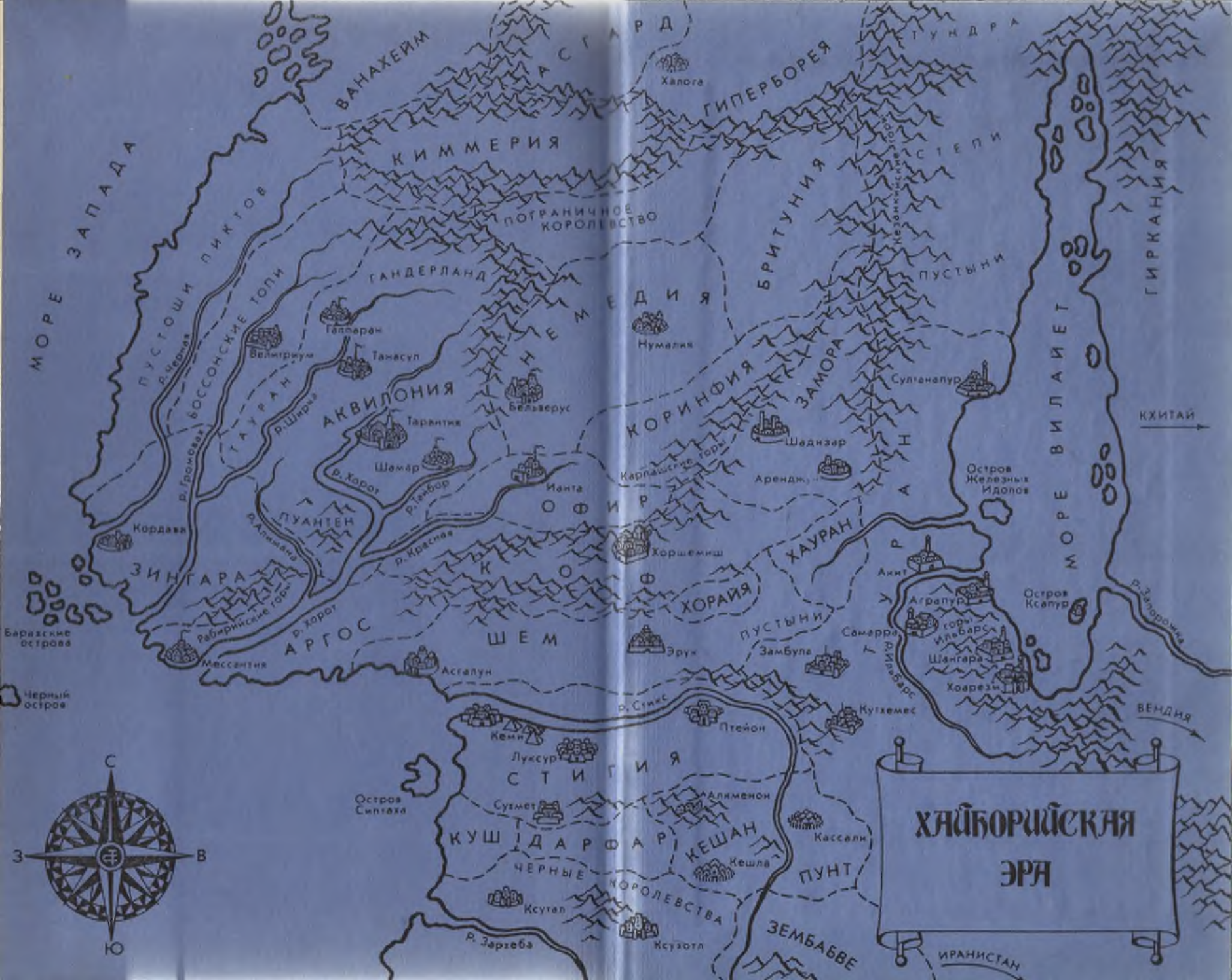
197110

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А/Я 171

или по электронной почте :

sevzap @ infopro. spb. su

МОРЕ ЗАПАДА

Хайборийская
эра

